

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Н. К. Тер-Оганов

ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА
1879–1921 гг.

Москва
ИВ РАН
2012

УДК 94(55)
ББК 68.4 (5Ирн) (53+61)
Т35

Ответственный редактор *Н. М. Мамедова*
Рецензенты *Л. М. Кулагина, В. И. Месамед*

Тер-Оганов Н. К.

Т35 Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. — М.: Институт востоковедения РАН, 2012. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-89282-495-8

Книга посвящена исследованию военно-политических аспектов создания так называемой Персидской казачьей бригады как орудия политического влияния царской России в Иране, а также ее места и роли в русско-иранских отношениях. В работе предпринята попытка освещения процесса создания бригады на фоне англо-русского соперничества, повлиявшего на дальнейшую судьбу этого военного формирования.

УДК 94(55)
ББК 68.4 (5Ирн) (53+61)

ISBN 978-5-89282-495-8

© Тер-Оганов Н. К., 2012

© Институт востоковедения РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

7

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР
МАТЕРИАЛОВ О ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЕ

11

ГЛАВА II

ИРАНСКАЯ АРМИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ МИССИЙ
В 50–70-Е ГОДЫ XIX В.

35

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В ИРАНЕ
И СОЗДАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ПОДПОЛКОВНИКА
АЛЕКСЕЯ ДОМАНТОВИЧА

49

ГЛАВА IV

ОТЪЕЗД ДОМАНТОВИЧА В РОССИЮ.
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ ПОЛКОВНИКОМ
ЧАРКОВСКИМ. СНОВА НОВЫЙ КОМАНДИР,
ИЛИ НАЧАЛО РАЗВАЛА КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ

61

ГЛАВА V

**Преобразование Персидской казачьей бригады
в военно-политическое орудие
царской России в Иране (1894–1903)**

73

ГЛАВА VI

**Обострение внутриполитической ситуации
в Иране и Персидская казачья бригада
в 1903–1906 гг.**

110

ГЛАВА VII

**Персидская казачья бригада под командованием
полковника В. Ляхова в борьбе против
Конституционного движения в Иране.
Антиконституционный
переворот 23 июня 1908 г.**

134

ГЛАВА VIII

**Усиление Конституционного
движения в северном Иране.
Наступление конституционалистов на Тегеран.
Бездействие Персидской казачьей бригады**

176

ГЛАВА IX

Персидская казачья бригада в 1909–1914 гг.

191

ГЛАВА X

**Англо-русское сближение. Персидская казачья бригада
в период Первой мировой войны.
Вопрос о шведской жандармерии**

213

ГЛАВА XI

**ОТНОШЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ РОССИИ
К ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ
ДО РАЗМЕРОВ ДИВИЗИИ**

234

ГЛАВА XII

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ В ДИВИЗИЮ

245

ГЛАВА XIII

**ВНУТРИДИВИЗИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ФЕВРАЛЯ 1918 Г.,
ИЛИ УСТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО КОНТРОЛЯ
НАД ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИЕЙ.
ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ПОСЛАННИКИ В ИРАНЕ**

257

ГЛАВА XIV

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ АНГЛО-ИРАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1919 Г.
И ПРОБЛЕМА ПОЛКОВНИКА СТАРОСЕЛЬСКОГО**

269

ГЛАВА XV

**РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛКОВНИКА СТАРОСЕЛЬСКОГО
И РУССКИХ ОФИЦЕРОВ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛОМ АЙРОНСАЙДОМ**

293

ГЛАВА XVI

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1921 Г.
И РОЛЬ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ОДНОТИПНОЙ АРМИИ В ИРАНЕ**

300

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

320

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

323

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

336

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

344

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

346

SUMMARY

348

ВВЕДЕНИЕ

Древнейшая персидская цивилизация оставила человечеству богатейшее наследие: «Авесту» — собрание священных текстов, относящихся к первому тысячелетию до н. э., зороастризм, созвездие блистательных поэтов — Рудаки, Фирдоуси, Омара Хаяма, Саади и Хафиза. Тем не менее, в современном обществе чаще употребляют эпитет «иранский», чем «персидский». Однако все знают, что Персия и Иран — два названия одной страны. Это произошло по той причине, что в отличие от самих иранцев (употреблявших для обозначения страны топоним Иран еще в далекой древности, начиная с VI в. до н. э.) с легкой руки соседних народов иранское государство стали именовать Персией по названию одной из ее исторических провинций Фарс, или Парс.

В течение более чем двух тысячелетий топоним Персия широко использовался для обозначения страны. Следует отметить, что это название традиционно фигурировало как в официальных документах многих иностранных государств, так и в европейской и русской историографии, а также в историографии соседних народов времен Средневековья и Нового времени.

XVIII в. стал переломным для Ирана, России и стран Западной Европы. Для Ирана он ознаменовал собой развал некогда могущественной империи Сефевидов под натиском афганских племен, создание государства под управлением Надир-шаха Афшара, а затем на руинах последнего государства Керим-хана Зенда, за которым последовала очередная серия междоусобных войн. С приходом к власти Каджарской династии в 1796 г. и объединением Ирана в единое государство в самом конце XVIII в. завер-

шился период фактической политической независимости и относительной изоляции этой страны от внешнего мира. Ирану как самостоятельному игроку на политической карте Среднего Востока XIX в. уготовил много испытаний, в которых он из некогда могущественной державы превратился в карточный козырь в руках европейских игроков, оказавшись втянутым в орбиту европейской политики.

Столкновение военно-политических и экономических интересов России, Франции и Великобритании на европейском континенте нашло свое естественное продолжение в Малой Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Каждое из этих трех государств боролось за установление своего влияния в регионе. Каджарский Иран (1796–1925) представлялся им тем ключом, обладатель которого мог рассчитывать на господство на огромном западноазиатском торгово-экономическом пространстве. Поэтому стороны зорко следили друг за другом с твердой решимостью не давать противнику ни малейшего преимущества в этой борьбе. Следует заметить, что вся история существования государства Каджаров прошла именно под знаком острейшего англо-русского военно-политического и экономического соперничества в этой стране.

Проблема территориальной целостности и необходимость борьбы с центробежными силами в стране постоянно ставили перед иранскими правителями задачу полной реорганизации армии, что подразумевало не только формирование и обучение новых регулярных частей, унификацию системы набора в армию, но и учреждение военных училищ для воспитания офицерского корпуса. Эти цели были поставлены и во время проведения военных реформ Мирзы Таги-хана с 1848 по 1851 г. Фактически это было последней серьезной попыткой реорганизации иранской армии. Тем не менее, по ряду причин, в том числе и из-за сопротивления иностранных держав, реформы не имели успеха.

В условиях господства средневековых феодально-общинных отношений в этой стране, с сильным присутствием в обществе и преобладающим влиянием в армии кочевого элемента, любые военные преобразования были обречены на провал. Следует заметить, что из всех попыток формирования иностранными

военными инструкторами регулярных частей по европейскому образцу наиболее удачной оказалась деятельность русских военных инструкторов по созданию так называемой Персидской казачьей бригады (1879–1921). Она насчитывала в своем составе несколько тысяч человек. Самостоятельно решать серьезные военные задачи она не могла, тем не менее, благодаря тесной связи с шахским двором и своему фактическому статусу личной гвардии всегда служила надежной опорой шахскому режиму.

Учрежденная в 1879 г. по просьбе Насер эд-Дин-шаха Персидская казачья бригада превратилась в «преторианскую гвардию», преданно охранявшую шахскую власть. После гибели Насер эд-Дин-шаха в 1896 г. именно казачья бригада обеспечила наследнику престола Мозаффар эд-Дин-шаху мирное восшествие на престол. В годы Конституционного движения в Иране (1905–1911) Персидская казачья бригада приняла активное участие в контрреволюционном перевороте 1908 г. Даже после окончания Первой мировой войны казачья бригада оставалась для последнего представителя Каджарской династии Ахмад-шаха Каджара фактически единственной надежной опорой в стране.

Со дня своего основания Персидская казачья бригада была мощным политическим орудием воздействия царской России на Иран. По этой причине противники шахского режима и традиционные политические противники России всячески стремились ограничить влияние бригады, а в лучшем случае подчинить ее себе. После 1917 г. Персидская казачья бригада (уже в качестве дивизии) по-прежнему находилась под командованием русских офицеров, однако теперь финансировалась англичанами, которым в 1920 г. удалось установить свой полный контроль над ней.

Благодаря своему военному потенциалу Персидская казачья дивизия была использована иранским казачьим полковником Реза-ханом во время государственного переворота в Тегеране 21 февраля 1921 г. В результате Реза-хан стал военным министром, а затем и премьер-министром Ирана, а в 1925 г. иранский парламент провозгласил его шахом Ирана. Реза-шах стал не только основоположником новой шахской династии Пехлеви (1925–1979),

но и активным проводником ускоренного социально-экономического преобразования иранского общества.

Модернизация страны требовала отказаться от образа слабой, униженной Персии, сложившегося в сознании людей в период полуколониального положения страны в конце XIX — начале XX в. Этой цели должна была служить и проводимая Реза-шахом политика иранского национализма, теснейшим образом переплетенная с памятью о былом величии древних монархий Персии. Страна переживала в 20–30-х годах XX в. бурные перемены во всех областях общественно-экономической жизни, что и послужило причиной того, что в 1935 г. Реза-шах издал указ, в котором обратился к иностранным представителям с просьбой впредь в своих официальных бумагах именовать его страну не Персией, а Ираном.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ О ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЕ

В предлагаемой работе исследован весь комплекс военно-политических аспектов истории становления и развития Персидской казачьей бригады. Созданная в 1879 г. под руководством русского офицера Генерального штаба подполковника Алексея Домантовича, она уже к концу XIX в., впервые в военной истории Ирана, стала самой организованной и боеспособной воинской частью. Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв., на фоне крайне обострившихся англо-русских отношений в Иране, бригада фактически превратилась в действенное орудие военно-политического влияния царской России в этой стране.

С особой силой проявилась эта черта бригады во время так называемого антиконституционного кровавого переворота в Тегеране 23 июня 1908 г. Непосредственное участие Персидской казачьей бригады под командой русских офицеров в этой кровавой бойне вызвало среди иранских националистов безграничную ненависть к этому воинскому подразделению. События того трагического дня стали поворотным пунктом в отношении иранцев к бригаде. Следует отметить, что отныне на заседаниях меджлиса, а также на страницах иранской либеральной печати неоднократно ставился вопрос о необходимости ее расформирования или, по крайней мере, смещения ее русского командира и инструкторов, заменив их иранскими офицерами.

В годы Первой мировой войны бригада, которая по заданию царских властей выполняла определенные военно-жандармские задачи в северном Иране, стала стремительно увеличивать свою численность: в административных центрах северного Ирана начали возникать казачьи отряды, что способствовало небывалому росту здесь русского влияния. А в декабре 1916 г. бригада была перестроена в дивизию. Оценивая антинациональную природу Персидской казачьей бригады в Иране, журнал «Кавэ» на страницах одного из своих номеров в 1916 г. с горечью писал: «Трудно найти человека, который не ведал бы о горьких плодах древа зла (имеется в виду Персидская казачья бригада. — Н. Тер-Оганов)»¹. Следует заметить, что подобной точки зрения придерживалась в целом вся иранская историография. «На протяжении сорока лет своего существования, — пишет историк Махмуд Махмуд, — бригада нанесла Ирану и его народу неизмеримый материальный и духовный ущерб»². Разделяет это мнение и другой иранский исследователь Ибрахим Теймури — автор «Эпохи неведения, или история концессий в Иране». По его словам, «казаки на самом деле были приспешниками русских царей и военно-исполнительной силой русской миссии»³.

После большевистского переворота (когда весной 1918 г. с территории Ирана были выведены русские войска, находившиеся под командованием генерала Баратова, и был издан приказ об отзыве из Персидской казачьей дивизии русского инструкторского состава) для поддержания порядка в северном Иране Англия была вынуждена прибегнуть к услугам казачьей дивизии, которую вместе с ее русскими офицерами она взяла на свое финансовое обеспечение. Но как только закончилась Первая мировая война и в результате заключения 9 августа 1919 г. англо-иранского соглашения Иран фактически превратился в ан-

¹ Теймури Ибрахим. *Аср-е бихабари на тарих-е элтиазат дар Иран*. Тегеран. 1332, с. 311.

² Махмуд Махмуд. *Тарих-е равабет-е сияси-йе Иран ва Англестан дар кари-е нурдахом-е милади*. Джелд-е 4. Тегеран, с. 904.

³ Теймури Ибрахим. Указ. работа, с. 310.

глийский протекторат, планы англичан в отношении казачьей дивизии кардинально изменились.

Укрепившись в Иране, англичане поставили перед собой задачу — реформировать вооруженные силы Ирана под началом английских офицеров. Реформа подразумевала создание однотипной регулярной армии на базе казачьей дивизии. Но на пути реформы встали русские офицеры дивизии под начальством полковника Старосельского. Отставка полковника Старосельского и вместе с ним всех русских офицеров дивизии в конце октября 1920 г. означала переход Персидской казачьей дивизии под полный контроль англичан. Однако установление в 1920–1921 гг. советской власти в Закавказье, усиление большевистского присутствия в северном Иране, а также успехи советско-иранских переговоров изменили ситуацию в стране не в пользу англичан.

Так и не добившись ратификации англо-иранского соглашения 1919 г. в иранском меджлисе и находясь перед необходимостью вывести свои войска из Ирана, англичане для сохранения своего контроля над страной решили привести к власти антибольшевистски настроенного военного диктатора. План военного переворота был задуман и организован англичанами и осуществлен отрядом Персидской казачьей дивизии под руководством полковника Реза-хана и Сеидом Зия эд-Дином 21 февраля 1921 г. В дальнейшем, в течение 1921 г., в ходе проведения военной реформы Реза-ханом на базе Персидской казачьей дивизии впервые в Иране была сформирована однотипная регулярная армия.

Исследование военно-политических аспектов истории зарождения и развития казачьей бригады на фоне русско-иранских и не менее важных англо-русских отношений в Иране помогает лучше понять многие вопросы военной и общественно-политической истории Каджарского государства на рубеже XIX–XX столетий. Изученные нами архивные документы показали, что Персидская казачья бригада, или «Казак-хане», как ее называли иранцы, была верным защитником обессиленного шахского режима Каджаров и служила мощным орудием проведения колониальной политики царизма в Иране.

Поскольку в истории развития Персидской казачьей бригады важную, если не определяющую, роль играли англо-русские отношения, то нами предпринята попытка изучения истории бригады на фоне динамики этих отношений. Следует заметить, что Иран в лице Каджарской династии столкнулся в XIX в. с двумя державами, а это, по образному выражению американского исследователя Манучехра Эскандари-Каджара, можно сравнить со встречей Одиссея с чудовищами Сциллой и Харибдой⁴. Наш интерес к исследованию истории Персидской казачьей бригады вызван отсутствием сегодня в русской историографии (как царского, так советского и постсоветского периодов) фундаментального, академического и, что главное, беспристрастного и деидеологизированного исследования истории этого военного подразделения⁵. Причем есть лишь отдельные публикации, в которых нашли отражение те или иные моменты из истории развития бригады. Например, о ее первых шагах повествует составленное ее создателем и первым командиром с 1879 по 1881 г. подполковником Генерального штаба А. И. Домантовичем «Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии», опубликованное в 1908 г. в журнале «Русская старина»⁶.

⁴ Eskandari-Qajar Manouchehr. Between Scylla and Charybdis. Policy-Making under conditions of constraint in early Qajar Persia. — *War & Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London — New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008, p. 21.

⁵ Некоторые аспекты из военно-политической истории Персидской казачьей бригады были опубликованы в наших следующих статьях: Н. К. Тер-Оганов. The Persian Cossack Brigade: An Outpost of Russian Tsarism in Iran (1879–1921) — *Iran. Questions et Connaissances. Vol. III. Cultures et Sociétés Contemporaines*. Peeters. Association pour l'Avancement des Études Iraniennes. Paris, 2003, p. 227–239 (на английском языке). Н. К. Тер-Оганов. К значению персидского военного термина «فر اقاخانه» — *Моамбе* (Сообщения АН СССР), Тбилиси, 1981, № 3, с. 753–755 (на русском языке), Uzi Rabi and Nugzar Ter-Oganov. The First Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894. — *Iranian Studies*, 2009. Vol. 42, № 3, p. 445–463.

⁶ Домантович А. И. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии. — *Русская старина*. СПб., 1908, № 2, 3, 4, с. 331–340, 575–583, 211–216.

С точки зрения изучения вопроса несомненную ценность представляют мемуары пятого командира бригады с 1894 по 1903 г. полковника Косоговского «Очерк развития Персидской казачьей бригады»⁷, охватывающий более двадцати лет ее существования. Свообразным дополнением к упомянутому очерку можно считать опубликованный в журнале «Новый Восток» фрагмент дневника Косоговского «Персия в конце XIX века», в котором автор раскрывает роль Персидской казачьей бригады в сложном лабиринте англо-русских отношений в Иране⁸. Более полная версия дневника Косоговского была опубликована в 1960 г.⁹ Следует заметить, что эти работы излагают историю зарождения и развития Персидской казачьей бригады с момента ее образования вплоть до начавшихся народных выступлений в Иране в начале XX в.

Поскольку все делопроизводство в Персидской казачьей бригаде, как и деловая переписка ее командиров с вышестоящими органами в России, велась на русском языке, русский архивный материал приобретает первостепенное значение при изучении истории бригады.

Предлагаемое нами исследование выполнено на основании документальных материалов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального государственного исторического архива Грузии (ЦГИА Грузии). Документальный материал русских архивов дает возможность полностью воспроизвести всю историю становления и развития Персидской казачьей бригады, позволяет понять ее военно-политическое значение, в частности место и роль бригады в политике царизма в Иране на фоне неустойчивых англо-русских отношений. Без понимания характера этих отношений невозможно представить значение бригады

---

⁷ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады. — *Новый Восток*. М., 1923, № 4, с. 390–402.

⁸ См.: Косоговский В. А. Персия в конце XIX века. — *Новый Восток*. М., 1923, № 3, с. 446–469.

⁹ Косоговский В. А. *Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского*. М., 1960.

как проводника политики царизма в Иране и одного из средств борьбы против проникновения иностранного, в частности, английского влияния в северной части Ирана.

Чрезвычайно важный документальный материал для изучения положения Персидской казачьей бригады в период Конституционного движения в Иране содержится в опубликованных Министерством иностранных дел России семи выпусках «Сборника дипломатических документов, касающихся событий в Персии». Они дают ясное представление о некоторых сторонах деятельности бригады, как и о ее русских инструкторах, оказавшихся в тот период в Иране в чрезвычайно неблагоприятной политической ситуации¹⁰. А документы из сборников «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств»¹¹ и «Документы внешней политики СССР»¹² проливают свет на положение бригады в период Первой мировой войны.

В нашей работе широко использованы материалы из сборников, таких как «Новый Восток», «Красный архив» и др., а также материалы русской, персоязычной и грузинской прессы периода Конституционного движения в Иране. Несмотря на первостепенное значение русских архивных материалов в вопросе исследования военно-политической истории Персидской казачьей бригады, английский архивный материал дает нам возможность не только глубже проанализировать многие события, имеющие непосредственное отношение к ней, но и прояснить отдельные, малоизвестные факты из истории, касающиеся последних трех лет ее существования.

Из английских источников в первую очередь следует назвать интереснейшие публикации британских дипломатических документов: «British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers

---

¹⁰ *Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии с конца 1906 г. по июль 1909 г.* Выпуск I–VII. СПб., Военная типография, 1910–1913.

¹¹ *Международные отношения в эпоху империализма.* Документы из архивов царского и Временного правительств. Серия 3. 1914–1917 гг. М.—Л., т. 1–10, 1931–1938; серия 4, т. 3. М.—Л., 1933.

¹² *Документы внешней политики СССР.* М., т. 1–2, 1957–1958.

from the Foreign Office Confidential Print»¹³, «Documents on British Foreign Policy. 1919–1939»¹⁴, а также «Iran. Political Diaries. 1881–1965»¹⁵, «Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia»¹⁶ — географический справочник, содержащий немало полезной информации по теме исследования. Нами были проанализированы материалы статей, опубликованных в персоязычной и иранской прессе о казачьей бригаде того периода, документы, а также воспоминания отдельных лиц, имевших непосредственное отношение к событиям правительственного переворота 21 февраля 1921 г., такие как «Аснад-е кабине-йе кудета-йе севвом-е эсфанд-е 1299», мемуары Реза-шаха «Яддаштха-йе Реза-шах», «Реза-шах-е кабир дар айне-йе хатерат» и др.

Несомненно большой научный интерес для исследования характера государственного переворота 1921 г. представляют «Воспоминания бывшего армейского генерала Хосейна Фардуста», опубликованные в первом томе издания «Возникновение и падение монархии Пехлеви»¹⁷. Ценность сведений автора состоит в том, что в период правления Мохаммад Реза-шаха Пехлеви армейский генерал Хосейн Фардуст руководил Особым отделом службы безопасности, курировавшим деятельность политической и разведывательной систем Ирана. Заслуживают доверия его сведения об обстоятельствах прихода к власти Реза-хана, о роли

---

¹³ *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. Ed-s Kenneth Bourne and D. Cameron Watt. Part I, vol. 13. Part II, vol-s 1, 16, 17.

¹⁴ *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Ed. Rohan Butler, M. A. and J. P. T. Bury. First Series. Vol. XIII. London. Her Majesty's Stationary Office. 1963.

¹⁵ *Iran. Political Diaries. 1881–1965*, vol-s 1–6. General Ed. Dr. Rm. Barrell. Archive Editions, 1997.

¹⁶ *Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia*. Ed-s J. G. Lorimer. 1, vol. 1 (Historical), part I, chapter I. Buckinghamshire, Archive Editions, England, 1986. 7, vol. 2 (Geographical & Statistical), 1986. 4, vol. 1 (Historical), part II. Chapters X–XII, 1986.

¹⁷ Фардуст Хосейн. Артешбод. *Хатерат-е артешбод-е сабек Хосейн Фардуст*. — *Зохур ва сокут-е салтанат-е нахлави*, джелд-е аввал. Тегеран: Энтешарат-е Этгелат, 1370.

главы иранских парсов-зороастрийцев Фарзане Ардаширджи-Рипортера в вопросе подготовки государственного переворота 1921 г., изложенные во втором томе, а именно текст «Завещания» последнего своему сыну Шапуру Ардаширджи-Рипортеру¹⁸. Ценный фактологический материал содержит интересная работа Малек ош-Шоара Бахара «Краткая история политических партий Ирана»¹⁹, в которой дан ответ на многие вопросы, относящиеся к государственному перевороту 1921 года.

Что же касается в целом академических исследований по истории Персидской казачьей бригады, то как ни парадоксально, несмотря на обилие русского архивного материала, дающего большие возможности для раскрытия данной темы, по настоящее время нет ни одного серьезного исследования, полностью раскрывающего ее. Единственным исключением можно назвать глубоко идеологизированную работу бывшего члена РСДРП и депутата Государственной думы, одного из основоположников советской востоковедной школы М. П. Павловича (Вельтмана) «Казачья бригада в Персии», опубликованную им еще в 1909 г. во французском журнале «Review du Monde Musulman». Автор статьи утверждал, что по причине существования царской цензуры она не могла быть тогда напечатана в русском издании. Лишь позднее, а именно в 1925 г., вышла в свет обновленная, русская версия этой статьи²⁰. Несмотря на характерную идеологическую направленность, работа М. П. Павловича имеет свое достоинство — она фактически является первой попыткой в советской историографии определить место и роль казачьей бригады в «персидской контрреволюции» 23 июня 1908 г.

С точки зрения исследования военно-политического потенциала бригады представляет несомненный интерес работа русского военного журналиста Н. П. Мамонтова «Очерки современ-

---

¹⁸ Джостархай аз тарих-е моасер-е Иран. — *Зохур ва сокут-е салтанат-е нахлави, джелд-е доввом*. Тегран: Энтешарат-е Этталаат, 1370.

¹⁹ Бахар Малек ош-Шоара. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*. Джелд-е аввал. Энкераз-е каджари-йе. Тегран, 1357.

²⁰ См.: Павлович М. П. *Очерки политической борьбы в Персии*. М.: Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР, 1925, с. 81–102.

ной Персии»²¹, в одной из глав которой под названием «Казачья Его Величества шаха бригада»²² автор освещает вопросы, касающиеся системы рекрутирования, этнического состава бригады, подготовки офицерских кадров, чиновничества и т. п.

Интересный фактический материал есть и в книге Мисль-Рустема «Персия во время Наср эд-Дин-шаха 1882–1888 гг.». Ценные сведения о состоянии бригады в канун военной реформы Реза-хана можно найти в работе И. Розенблюма «Персидская армия с кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии с XIX века»²³, в исследовании советского автора Ф. Львова «Персия. Обзор вооруженных сил»²⁴, а также в материалах, добытых стратегической разведкой²⁵.

Возвращаясь к вопросу о причинах отсутствия академических исследований о Персидской казачьей бригаде на русском языке, следует принять во внимание следующее обстоятельство. Антиконституционный переворот 23 июня 1908 г., совершенный при непосредственном участии Персидской казачьей бригады под командованием полковника В. П. Ляхова, дал идеологическим и политическим противникам русского самодержавия как внутри самой России, так и за рубежом весомый аргумент для критики не только самой бригады, но и политики царизма в Иране. Среди ярых противников роста влияния бригады в Иране, а на самом деле царской России в этой стране, мы видим РСДРП, английских и немецких представителей политических кругов, у которых по данному вопросу наблюдалось полное совпадение интересов.

²¹ Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*. СПб., 1909.

²² Там же, с. 85–103.

²³ Розенблюм И. *Персидская армия с кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии с XIX века*. Тегеран, 1922.

²⁴ Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического и политического положения к 1 июля 1923 года*. М., Разведотдел штаба Р. К. К. А. — Материалы стратегической разведки. М., 1923.

²⁵ См.: *Персия. Обзор вооруженных сил, международного и внутреннего политического положения и военно-географическое описание к 1-му ноября 1921 года*, б. м., 1921 г.

Следует заметить, что крайняя политизированность исследуемого вопроса отвечала конъюнктурным интересам заинтересованных сторон, усугублявшаяся принципиальным отказом советской исторической школы приступить к академическому изучению роли и места Персидской казачьей бригады. Отсутствие анализа русского архивного материала лишало зарубежных исследователей возможности сопоставлять русские и английские архивные материалы о казачьей бригаде. В свою очередь, англо-русское политико-экономическое соперничество в Иране наложило свой отпечаток и на характер самих исследований.

По причине крайней политизации многих вопросов истории, касающихся эпохи царизма, трансформировавшихся в идеологическое противостояние и безоглядную критику всего того, что было связано с самодержавием, в том числе и с историей Персидской казачьей бригады, советские иранисты были лишены возможности объективно, без идеологической зашоренности исследовать историю этой воинской части, сыгравшей немалую, хотя и одиозную, роль во многих судьбоносных моментах истории Ирана.

Причем следует заметить, что в подходе к оценке роли Персидской казачьей бригады в борьбе против Конституционного движения в Иране в советской историографии просматриваются две противоположные оценки, без всякого сомнения, продиктованные конъюнктурными соображениями. Так, первые советские исследователи (по понятной причине) характеризовали бригаду как продукт русского империализма. Позже советская официальная позиция в отношении политики царизма на Востоке, в частности в Иране, со временем претерпела существенное изменение. Она была выработана после окончания Второй мировой войны, когда прошлые исторические обвинения в адрес царизма, так широко пропагандируемые ранними авторами-большевиками, были отложены в сторону или просто «забыты» их наследниками. Более того, много сложных проблем, связанных с политикой царской России в Иране, в частности таких, как история Персидской казачьей бригады, были по существу проигнорированы официальной советской историографией по политическим и идеологическим соображениям.

Можно не сомневаться в том, что советское политическое руководство поняло, что резкая критика царской политики в Иране играет на руку западным оппонентам, которые видели в послевоенных намерениях СССР в Иране продолжение политики царизма в этой стране. Следовательно, в этом и заключалась основная причина того, что было наложено табу на исследование истории Персидской казачьей бригады в Иране как орудия царской политики. В виде исключения можно упомянуть лишь о статье Н. Р. Рихсиевой «К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам)», автор которой, по причине отсутствия достаточного количества первоисточников, так и не смогла полностью раскрыть исследуемый ею вопрос²⁶.

Идеологизированность вопроса о деятельности Персидской казачьей бригады наглядно прослеживается и в работах многих зарубежных авторов. Среди них, в первую очередь, следует назвать глубоко политизированную публикацию известного английского ираниста проф. Эдуарда Броуна «Иранская революция 1905–1911»²⁷, в которой он подверг односторонней резкой критике политику царизма в Иране, забыв при этом о колониальной политике Великобритании в этой стране. Объяснение данному факту можно найти во многовековой истории англо-русских отношений. Как показывает анализ истории англо-иранских отношений в исследуемую эпоху, включая государственный переворот 21 февраля 1921 г. в Иране, эти отношения в немалой степени находились в прямой зависимости от состояния интересов здесь англичан и русских. Исторически сложилось так, что интересы царской России и Англии столкнулись по всему периметру российских границ в Азии. Поэтому неудивительно, что стороны воспринимали любую неудачу противника как свою победу. Так было и в Иране. События в стране показали, что из-за своей са-

---

²⁶ Рихсиева Н. Р. К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам). — *Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина*. Вып. 564: Востоковедение (литературоведение, история). Ташкент, 1978.

²⁷ Browne Ed. G. *The Persian Revolution of 1905–1909*. Frank Cass & Co. Ltd., L., 1966.

модержавной природы царизм поддерживал русофила Мохаммад Али-шаха, а англичане его оппонентов — конституционалистов. Каждая из сторон стремилась дискредитировать своих политических противников. Именно такая позиция была занята и проф. Эд. Броуном при освещении иранской революции и роли полковника В. Ляхова в событиях 23 июня 1908 г. в вышеупомянутой его книге, а также в брошюре «For private circulation only. The Responsibility of the Russian government for «Chaos», now existing in Persia». Для иллюстрации достаточно привести два примера из книги. Первый — это публикация четырех рапортов полковника Ляхова, подлинность которых не имела прямых доказательств, что однозначно указывает на глубоко политизированную позицию автора и его работы²⁸. Второй пример — это утверждение автора о том, что якобы вскоре после переворота был обновлен контракт с Персидской казачьей бригадой сроком на 12 лет, а также увеличено вдвое число русских офицеров и унтер-офицеров²⁹, которое также не подтверждается ни архивным материалом, имеющимся в нашем распоряжении, ни другими источниками.

Очень мало серьезных научных исследований по данному вопросу и в зарубежной историографии. Публикация известного американского исследователя Фируза Каземзаде «Зарождение и ранний этап развития Персидской казачьей бригады»³⁰,

---

²⁸ Browne Ed. G. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 226. Кстати, американский исследователь Роберт Мак-Даниэль, сын известного Моргана Шустера, изгнанного по настоянию царских властей из Ирана, также утверждает, ссылаясь на публикацию «Комиссия по изданию документов эпохи империализма. Международные отношения в эпоху империализма», 2-я серия (Москва, 1931–1938; XIX, часть 1, 318–319, и XVIII, часть 2, с. 260), что рапорты Ляхова являются аутентичными. — См.: McDaniel Robert. *The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution*. Minneapolis. Bibliotheca Islamica, 1974, p. 81.

²⁹ Browne Ed. G. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 228. Такого не могло быть хотя бы потому, что обычно контракт по найму русских офицеров и командира бригады заключался на три года. Также не соответствует действительности его утверждение о двукратном увеличении числа русских инструкторов бригады.

³⁰ Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade. — *The American Slavic and East European Review*. Vol. 15, 1956, p. 351–363.

как следует из самого заглавия, освещает лишь краткий период из истории ее существования. Здесь же следует заметить, что в данной публикации отсутствует научный анализ и фактически работа построена на мемуарных материалах, опубликованных в двух журналах — «Русская старина» и «Новый Восток». Ради справедливости следует признать, что автор сетует на отсутствие в своей работе ценного русского архивного материала, способного пролить свет на многие стороны деятельности бригады. В другой его работе «*Britain and Russia in Iran. 1864–1914. Study of Imperialism*» нет объективного полноценного анализа, поскольку в ней основной упор сделан на высвечивание хищнического характера «русского империализма», тем самым отодвигая в тень «английский империализм».

Империалистическая сущность политики царской России и Великобритании неоднократно проявлялась на иранской авансцене, становясь причиной обострения англо-русских отношений. Мы вправе поставить знак равенства между русским и английским «империализмом», поскольку империализм, в какую бы обертку его ни завернуть (самодержавную или либеральную), вряд ли изменит свою суть (здесь речь не идет о демократических ценностях общества). Однако после знакомства с книгой Ф. Каземзаде складывается впечатление, что главный злодей в империалистической борьбе это царская Россия, а ее жертва Великобритания — страна, единственной целью которой постоянно была защита Ирана от русской экспансии.

Единственным трудом, где достаточно полно изложена история Персидской казачьей бригады, без сомнения, можно признать работу иранского военного историка Джахангира Каем Маками «*Политическая история иранской армии*»³¹, в которой автор посвящает отдельную главу истории возникновения казачьей бригады. Хотя данная работа страдает схематичностью и отсутствием русских первоисточников, имеющих преобладающее значение при изучении вопроса, тем не менее, это пер-

---

³¹ Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахаволате сияси-йе незам-е Иран*. Техран, 1326.

вая и единственная работа в иранской историографии, в которой предпринята попытка изучения политической истории бригады от зарождения до ее расформирования. Однако автор обходит молчанием правительственный переворот 21 февраля 1921 г., совершенный Персидской казачьей дивизией во главе с полковником Реза-ханом. Этому важному событию автор посвящает всего полстраницы! Причем он и не пытается раскрыть политическую подоплеку переворота, представляя его инициативой «группы заговорщиков»³². Это свидетельство того, что в период правления монархии Пехлеви существовал негласный запрет на публикацию исследований, проливающих свет на обстоятельства организации правительственного переворота 1921 года.

Английский материал также позволяет нам исследовать наименее изученный период деятельности Персидской казачьей бригады: 1918–1921 гг., когда судьба дала англичанам в руки карт-бланш в октябре 1920 г. Наконец-то, после 40-летних неоднократных попыток, они добились удаления русских офицеров из состава бригады, в результате которого она перешла под их полный контроль. Четыре месяца спустя, 21 февраля 1921 г., командир Казвинского отряда Персидской казачьей дивизии мирпяндж Реза-хан в соответствии с планом, разработанным английскими военными — генералом Э. Айронсайдом и полковником Г. Смитом, с ведома некоторых сотрудников английской дипломатической миссии в Тегеране, получив от англичан финансовую поддержку, совершил государственный переворот. Через четыре года по иронии судьбы всё завершилось низложением конституционной власти Каджаров и установлением более чем полувекового правления династии Пехлеви.

В последнее время появились работы отдельных западных авторов, в которых рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью Персидской казачьей бригады. Особый интерес, естественно, вызывают те работы, в которых использованы ма-

---

³² Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахаволате сиаси-йе незам-е Иран*, с. 180–181.

териалы английских архивов. Основные моменты развития Персидской казачьей бригады в период 1906–1921 гг. (с широким привлечением дипломатических документов Форин Офис, а также мемуарной литературы английских и иранских политических деятелей) были изложены в книге британского исследователя Стефани Кронин «Армия и создание Пехлевийского государства в Иране, 1920–1926 гг.»³³. Но для нас особенно интересны те главы, в которых автор показывает положение бригады (с конца 1916 года — дивизии) в период 1918–1921 гг., т. е. в период британского военно-политического монопольного господства в Иране. Книга представляет большой научный интерес и по причине отсутствия по данному периоду адекватного русского архивного материала, позволяющего осветить этот малоизученный отрезок истории бригады.

Повествуя вкратце о раннем периоде истории этой военной части, автор повторяет версию Ф. Каземзаде об обстоятельствах создания бригады, основанную на воспоминаниях полковника русского Генерального штаба А.И. Домантовича³⁴. Следует заметить, что утверждение автора о том, что первоначально бригаде была отведена роль личной гвардии шаха³⁵, не подтверждается русскими архивными материалами. Также нельзя согласиться с утверждением С. Кронин о том, что «как дань народным чувствам, полковник Ляхов начал называть себя “Заведующим обучением иранской кавалерии” вместо официального “Командир иранской казачьей бригады”»³⁶. С самого начала эта должность официально именовалась не иначе, как «Заведующий обучением персидской кавалерии». В официальных русских архивных материалах полковник В. Ляхов именуется именно так. На самом деле Ляхов, как и другие русские начальники бригады, был ее настоящим командиром.

---

³³ Cronin Stephanie. *The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*. London — New York: Tauris Academic Studies, 1997.

³⁴ Ibid., p. 54.

³⁵ Ibid., p. 55.

³⁶ Ibid., p. 60.

Касаясь самой направленности работы С. Кронин, следует заметить, что автор не отходит от традиционной британской трактовки известных событий, в том числе и оценки переворота 21 февраля 1921 г., совершенного при помощи казачьей дивизии. Несмотря на наличие в английских дипломатических документах косвенных доказательств подготовки англичанами упомянутого переворота при активном участии полковника Реза-хана и Сеида Зия эд-Дина, автор не дает ответа на вопрос: кто был заказчиком и организатором переворота. Ею выдвигается мысль о том, что переворот был результатом слияния двух отдельных движений: одно якобы зародилось среди казачьих офицеров-иранцев, а другое — вокруг Сеида Зия эд-Дина Табатабаи. «Когда стало ясно, — пишет С. Кронин, — что отъезд Норперфорса (британских войск, находившихся в северном Иране. — *Н. Тер-Оганов*) был близок и что иранское правительство не было способно сделать какое-нибудь серьезное усилие для противостояния продвижению большевиков, казачьи офицеры в Казвине стали обсуждать свое положение»³⁷.

Это утверждение автора нуждается в некоторой корректировке. На наш взгляд, не намечавшийся вывоз Норперфорса ускорил переворот, а угроза подписания советско-иранского договора. К тому времени советско-иранские переговоры близились к концу, и, следовательно, чтобы Иран не попал под растущее советское влияние, Великобритании нужны были свои люди у власти, дабы не допустить развития этих отношений. Ведь известно, какую опасность для владычества англичан представляло распространение марксистских идей в колониальных странах Востока. На наш взгляд, именно этим можно объяснить организацию переворота в преддверии подписания советско-иранского договора 26 февраля 1921 г. С. Кронин обходит полным молча-

³⁷ Кстати, аналогичного мнения придерживался и американский исследователь Дональд Уильбер, который при этом делал свой акцент на «комбинацию политического давления внутри столицы и военного давления со стороны войск», определившую успех государственного переворота. См.: Wilber Donald N. *Iran. Past and Present. From Monarchy to Islamic Republic*. Ninth edition. Princeton: Princeton University Press, 1981, p. 125.

нием роль генерал-майора сэра Эдмунда Айронсайда, командующего британскими силами в Иране, в организации переворота, хотя и не отрицает того факта, что «Айронсайд прекрасно знал и одобрял те приготовления, которые делали Реза-хан и другие офицеры в Казвине (т.е. готовились к перевороту. — *Н. Тер-Оганов*)»³⁸.

Если следовать за ходом мысли британского автора, выходит, что англичане знали о подготовке государственного переворота. Тем не менее, они избрали для себя роль посторонних наблюдателей, и это при том, что Казвинский отряд казачьей дивизии, впрочем как и вся дивизия, фактически находился под командованием английского офицера полковника Генри Смита и полностью финансировался англичанами! Разве можно усомниться в поговорке: кто платит деньги, тот заказывает музыку?! Ведь известно, что в задачу генерала Айронсайда, прибывшего в Иран 1 октября 1920 г., входил вывод английских войск из страны до весны 1921 г. и установление сильной военной диктатуры в Иране. В своей обширной статье «Строительство новой армии. Военная реформа в Каджарском Иране», касаясь деятельности последних британских военных миссий в Иране, С. Кронин признает роль генерала Айронсайда в организации правительственного переворота 1921 г., «который по своему характеру был более драматичным»³⁹.

Следует заметить, что в ее работе нашла отражение традиционная, широко распространенная в английской историографии тенденция или клише — представлять действия Ве-

---

³⁸ Cronin S. *The Army and The Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, p. 86. Тем не менее, в одной из сносок, приложенных в конце работы, ее автор все-таки допускает мысль об участии генерала Айронсайда и других британских офицеров в планировании правительственного переворота, однако с некоторыми оговорками. Суть последних состоит в том, что якобы британские офицеры действовали по собственной инициативе, без официального разрешения со стороны британского правительства или британской миссии в Тегеране.

³⁹ Cronin S. *Building a New Army. Military reform in Qajar Iran. — War & Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London — New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008, p. 73.

ликобритании в Иране как ответную, вынужденную реакцию на предпринимавшиеся со стороны царской России агрессивные действия. В качестве примера может служить ее интерпретация истории создания Корпуса южноперсидских стрелков — SPR (South Persian Rifles). Автор книги так объясняет его появление: «...британцы, готовые согласиться с увеличением бригады (имеется в виду Персидская казачья бригада. — *Н. Тер-Оганов*), были обеспокоены последствиями приобретения русскими такого инструмента давления, у которого отсутствовал бы противовес. Это опасение и стало одним из факторов, которое привело Британию к мысли о создании силы, которой фактически стали южноперсидские стрелки»⁴⁰. На самом же деле автор не говорит об истинных причинах создания английской военной силы на юге Ирана.

В марте 1915 г. министры иностранных дел Великобритании и царской России — Грей и Сазонов договорились о разделе нейтральной зоны. Согласно договоренности, к уже существовавшей зоне английского влияния был присоединен богатый нефтяными запасами весь юго-запад Ирана⁴¹. Нет необходимости утверждать, что создание SPR непосредственно было связано не с увеличением казачьего контингента в российской зоне влияния в конце 1916 г., а с задачами обеспечения безопасности данного региона от турецко-немецкого вторжения и установления постоянного военного контроля в английской зоне влияния. Кроме того, не следует забывать и о том, что, согласно совместному англо-русскому проекту, разработанному в начале 1916 г., наряду с расширением

---

⁴⁰ Cronin S. *The Army and The Creation of the Pahlavi State in Iran. 1910–1926*, p. 71.

⁴¹ Не следует забывать о том, что после перевода британского флота на нефтяное топливо в 1914 г., по инициативе тогдашнего морского министра Великобритании Уинстона Черчилля, имевшего секретную договоренность с Англо-Персидской нефтяной компанией (АПНК) о расширении ее деятельности и о снабжении иранской нефтью британского военного флота, 20 мая 1914 г. между АПНК и британским правительством было заключено соглашение, по которому контрольный пакет акций компании переходил к английскому адмиралтейству. См.: Иванова М. Н. Иран во время Первой мировой войны. — *Иран. История и культура в средние века и в новое время*. М., 1980, с. 101.

Персидской казачьей бригады до 10 тыс. человек, предусматривалось одновременное создание на паритетной основе вооруженной силы на юге Ирана под руководством английских офицеров⁴².

Из работ, посвященных Персидской казачьей бригаде, привлекает внимание интересное исследование Брайана Пирса «Проблема Старосельского 1918–20: эпизод из британско-русских отношений в Персии»⁴³. Следует признать, что это один из самых малоисследованных периодов из истории Персидской казачьей дивизии. На основе английского архивного материала автор убедительно показывает, какую проблему представляла для политики англичан в Иране Персидская казачья дивизия и лично ее последний русский командир полковник Старосельский. Примечательно, что Б. Пирс, как и С. Кронин, отрицает причастность англичан к перевороту 1921 г. Причем он мотивирует это тем, что якобы в свое время и Советы бездоказательно стали обвинять англичан в организации переворота. «Советы, — пишет Б. Пирс, — сначала предположили, как это было им свойственно, что переворот инспирирован британцами, однако отсутствовало твердое доказательство этого, за исключением факта, что полковник Генри Смит из британской военной миссии, исполняющий роль офицера связи между казачьей дивизией и Норперфорсом, неофициально помогал казакам в вопросах управления и обучения»⁴⁴. Вот и все о перевороте!

---

⁴² См.: Wright Denis. *The English Amongst the Persians. Imperial Lives in Nineteenth-Century Iran*. London — New York, 2001, p. 174–175.

⁴³ Pearce Brian. *The Staroselsky Problem 1918–20: An Episode in British-Russian Relations in Persia*. Centre of Near and Middle Eastern Studies, SOAS, The School of Slavonic & East European Studies. University of London, November 1994.

⁴⁴ Следует заметить, что интерпретация событий 21 февраля 1921 г., данная в работах советских востоковедов, представляет несомненный интерес, поскольку по ней можно было судить об изменениях в оценках советского руководства характера государственного переворота. Здесь же добавим, что эта интерпретация совсем не так однородна, как это пытаются представить некоторые исследователи. Думаю, достаточно взять, хотя бы для примера, статью С. Л. Агаева «К вопросу о характере «переворота 3 хута». — *Народы Азии и Африки* (История, экономика, культура). 1966, № 5, с. 52–62, или же его работу «*Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг.*». М., 1970.

Работа американского исследователя Саируса Гани «Иран и восхождение Реза-шаха. От каджарского коллапса до правления Пехлеви»⁴⁵ посвящена англо-иранским отношениям 1919–1921 гг. Автор книги часто использует как опубликованные, так и неопубликованные британские дипломатические документы. С. Гани отдает дань вкладу Реза-хана в строительство гражданского общества в Иране. «Предлагаемое исследование, — пишет автор, — это попытка представить сбалансированную картину одного из выдающихся правителей Ирана двадцатого века». В своем исследовании автор затрагивает и вопросы, касающиеся Персидской казачьей дивизии и переворота 1921 г. Выражая свое восхищение личностью Реза-хана, как и можно было ожидать, С. Гани лавровый венок победителя в перевороте возлагает на него.

Рассуждая о внутренней и внешней политической ситуации в Иране после подписания англо-иранского соглашения 9 августа 1919 г. и государственного переворота 1921 г., в своей книге «Каджарский Иран и возвышение Реза-хана. 1796–1925»⁴⁶ известный американский исследователь Никки Кедди утверждает, что англо-иранское соглашение 1919 г. вызвало патриотическую реакцию, в которой главными победителями оказались зачинщики государственного переворота 1921 г. Реза-хан и Сеид Зия эд-Дин Табатабаи. Следовательно, организаторами переворота Н. Кедди считает именно их.

В своей статье «К вопросу о характере “переворота 3 хута”» советский историк Л. С. Агаев, несмотря на наличие в британских дипломатических документах свидетельств, проливающих свет на всю механику подготовки государственного переворота англичанами, руководство переворота приписывает Реза-хану и Сеиду Зия эд-Дину⁴⁷. Причем автор статьи считает, что в стране возникла революционная ситуация, когда «не только “низы

⁴⁵ Ghani Cyrus. *Iran the Rise of Reza Shah. From Collapse to Pahlavi Rule*. London — New York: I. B. Tauris Publishers, 1998.

⁴⁶ Keddie Nikki. *Qajar Iran and the Rise of Reza Khan. 1796–1925*. Costa Mesa: Mazda Publishers, 1999, p. 77.

⁴⁷ См.: Агаев С. Л. К вопросу о характере «переворота 3 хута». — *Народы Азии и Африки*, 1966, № 5, с. 52–62.

не хотели”, но и “верхи не могли” жить по-старому», и приходит к заключению, что переворот носил «буржуазно-помещичий характер»⁴⁸.

Для исследования вопроса о положении Персидской казачьей дивизии в последние три года ее существования большое значение имеет понимание роли англо-иранского соглашения 1919 г. Среди тех, кто в свое время апеллировал к выгоде соглашения, был один из будущих исполнителей государственного переворота 1921 г. Сеид Зия эд-Дин Табатабаи. В своей пропагандистской брошюрке, опубликованной в Баку в 1920 г. под названием «Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор», Зия эд-Дин, будучи в ранге председателя персидской миссии и чрезвычайного посланника в Закавказье, утверждал, что именно «на основании англо-персидского договора Персии удалось аннулировать старые договоры и, в частности, договор о капитуляциях»⁴⁹. «Те, которые считают наш договор с Англией рабством для Персии, — писал Сеид Зия эд-Дин Табатабаи, — увы, не знают, каким пламенем горит и клокочет национальное чувство в сердце самого слабого перса»⁵⁰. Не менее интересна его трактовка своей роли в организации переворота 1921 г. Следует заметить, что в воспоминаниях Сеид Зия эд-Дин пишет о себе так: «моей конечной целью в революции было спасение государства». Согласно его трактовке, члены общества, которым он руководил, посоветовали ему воспользоваться услугами молодого человека, командира казачьего отряда. Последний стал тайно посещать его и участвовать в собраниях. «В первый же день, когда я узнал, что премьер-министр Восук од-Доуле заключил договор с правительством Британии через его представителя сэра Перси Кокса, согласно которому англичане получают влияние на финансы и армию Ирана, с того момента счел себя обязанным, что следует мне предпринять что-нибудь. Моло-

⁴⁸ Там же, с. 62.

⁴⁹ *Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор*. 3-е издание. Баку, 1920, с. 17.

⁵⁰ Там же, с. 19.

дой командир посоветовался со мной по данному вопросу. Я сказал, что для спасения страны он должен поднять восстание»⁵¹. Следует заметить, что в высказываниях Зия эд-Дина явная неувязка, поскольку, если судить по его упомянутой брошюре, он был ярким сторонником заключения англо-иранского договора 1919 г., теперь же в своих воспоминаниях он утверждает, что именно заключение этого договора подвигло его на организацию переворота!

Эту же версию об организаторах переворота повторяет и турецкий автор Мохаммад Эсад-бей в своей книге о Реза-шахе⁵². Согласно ему, «Командир Реза без усталости муштровал бригаду без конечной цели в голове, кроме как превратить эту единицу в самую организованную военную часть Персии, какую только она имела, пока к нему в лагерь не прибыл гость из столицы. Это был Сеид Зия эд-Дин ... Недалеко от лагерной стоянки бригады состоялось совещание между командиром и Сеидом... В течение двухчасовой беседы Зия эд-Дин доверительно сообщил Резе, что ужасающая беда угрожает стране: премьер-министр Восук од-Доуле... только что (это в августе 1919 г.?! — Н. Тер-Оганов) заключил договор с английским посланником в Тегеране, который повлечет за собой конец Персии как суверенного государства. С убедительным красноречием он заклинал Резу взять в руки меч ради спасения Ирана, совершить поход на Тегеран, распустить правительство и установить националистический режим»⁵³.

Немалый интерес для выяснения правды об организаторах государственного переворота 1921 г. представляет книга американского исследователя Мохаммада Голи Маджда «Великобритания и Реза-шах. Грабеж Ирана, 1921–1941»⁵⁴. Автор книги подвергает глубокой критике всю деятельность Реза-шаха, счи-

⁵¹ См.: *Яддаитха-йе Реза-шах*. Составитель Али Басри. Перевод с арабского Мохаммада Хосейна Эстахра, Тегеран, б. д, с. 23–24.

⁵² См.: Essad-Bey Mohammed. *Reza Shah*. London: Hutchison & CO. (Publishers) Ltd., 1938.

⁵³ Ibid., p. 62.

⁵⁴ Majd M.G. *Great Britain & Reza Shah. The Plunder of Iran, 1921–1941*. Gainesville: University Press of Florida, 2001.

тая, что в период его правления в стране свирепствовал настоящий политический террор. М.Г. Маджд критически относится к британским дипломатическим документам и подвергает сомнению их историческую ценность, утверждая, что они не отражают действительную картину событий того времени⁵⁵. Он считает Реза-хана креатурой британцев, отмечая при этом, что «истории Ирана от 1921 до 1941 гг. не существует, несмотря на многочисленные работы, мало что известно об этом периоде»⁵⁶.

Автор книги полагает, что есть две причины, из-за которых данный период мало изучен. Первая причина — это уничтожение шахским режимом обвинительных документов, что лишило историков важной документальной базы. Вторая причина заключается в том, что исследователи имели склонность опираться исключительно на британские дипломатические отчеты по Ирану — отсюда однобокость в суждениях. Следовательно, заключает автор, «не следует ожидать, что британские дипломатические документы смогут обеспечить исследователя точными и объективными отчетами о событиях»⁵⁷. По его утверждению, свое участие в перевороте англичане категорически отрицали и в своих официальных парламентских документах, однако американские дипломатические документы дают основание усомниться в этом⁵⁸.

Мы здесь не собираемся судить о достоинствах или недостатках книги или об аргументированности выводов ее автора. Довольствуемся лишь констатацией факта, что использованные М.Г. Мадждом американские дипломатические документы, хранящиеся в архивах Государственного департамента США, в отличие от британских и советских дипломатических документов того периода, не лишены определенной тенденциозности и политико-идеологических клише, дают действительно объективный анализ событий, связанных с государственным переворо-

---

⁵⁵ Ibid., p. 1.

⁵⁶ Ibid., p. 4.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid., p. 61–71.

том 1921 г., и поэтому должны быть учтены при разработке вопросов, связанных с обстоятельствами смены власти в Иране.

Попытка изучения роли Персидской казачьей бригады как части иранской армии в период 1880–1907 гг. предпринята в статье Резы Раис Туси «Персидская армия, 1880–1907 гг.»⁵⁹. Особенно ценна часть статьи о казачьей бригаде, касающаяся ее положения в первые годы XX в., где благодаря использованию английских дипломатических документов дана оценка военно-политического потенциала бригады.

В завершение следует подчеркнуть, что исследование военно-политической истории Персидской казачьей бригады, кроме глубоко научного значения, имеет и некоторое прикладное, а также теоретическое значение, и связано оно с необходимостью определения политической природы, а также роли иностранных военных инструкторов в армии азиатских государств.

Предлагаемое исследование, на базе научного анализа документального материала, убедительно показывает колониальную сущность и политическую подоплеку, а также пагубность деятельности иностранных военных миссий для слаборазвитых государств. Как в прошлом, так и в настоящем армия является, как правило, тем звеном, через которое и происходит военно-политическое проникновение в страну. Институт иностранных инструкторов, как показано в исследовании на примере Персидской казачьей бригады, был мощным орудием проведения политики колониализма.

---

⁵⁹ Tousi Reza Ra'iss. The Persian Army, 1880–1907. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 24, Number 2, April 1988.

ГЛАВА II

ИРАНСКАЯ АРМИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ МИССИЙ В 50–70-Е ГОДЫ XIX В.

Для выяснения непосредственной причины формирования Персидской казачьей бригады прежде всего необходимо ознакомиться с положением иранской армии в период, непосредственно предшествовавший времени ее создания. Иранская регулярная армия была создана по личной инициативе наследника Каджарского престола Аббас-мирзы, правителя провинции Азербайджан, при активном участии французских и английских военных миссий в период первой Русско-иранской войны 1804–1813 гг. Строительство армии было продолжено и после окончания войны. Успехи, достигнутые частями регулярной армии в иранотурецкой войне 1821–1823 гг., а также желание взять реванш за поражения в войне с Россией подтолкнули Иран к новой войне с этой страной. Во время второй Русско-иранской войны (1826–1828) регулярная армия Аббас-мирзы понесла серьезные потери, что оказало губительное влияние на перспективу дальнейшего развития регулярной армии. Огромная контрибуция, наложенная на Иран в результате подписания в 1828 г. Туркманчайского мирного договора, подорвала финансовое положение страны. Губительный поход иранской армии на Герат в 1837 г. углубил процесс ее дальнейшего упадка. Уже к концу 40-х годов XIX в. регулярной армии как таковой больше не существовало.

Следующая попытка создания в Иране регулярной армии непосредственно связана с именем известного садр-азама (премьер-министр) Ирана Мирзы Таги-хана. В результате проведенной им военной реформы (1848–1851) впервые в истории Ирана была сформирована единая общегосударственная регулярная армия¹. Заметно увеличился ее численный состав. Был определен срок прохождения службы, произошли изменения и в организационной структуре армии. На армию расходовалась большая часть бюджета страны. Было уделено внимание организации производства оружия и снаряжения внутри самой страны, используя собственные производственные мощности. Определенный шаг вперед был сделан и в направлении военного образования. В 1851 г. в Тегеране открылось высшее учебное заведение Дар оль-Фонун, имевшее военное и гражданское отделения. Военное отделение было призвано готовить офицерские кадры для регулярной армии. Несомненной заслугой Мирзы Таги-хана можно считать введение, впервые в истории Ирана, единой для всей страны системы комплектования армии — «бониче». Набор в армию был основан на налоговой системе: число призывников зависело не от численности населения (о нем у центрального правительства не было точных данных), а от размера налогов. Следует заметить, что система «бониче» просуществовала почти до конца правления династии Каджаров. Хотя военные мероприятия Мирзы Таги-хана и оказали благотворное влияние на положение иранской армии, однако после его убийства большая часть их, исключая систему набора «бониче», была предана забвению. Армия вновь пришла в упадок. В этот период в армии стали появляться военные специалисты из разных стран, которые по своему усмотрению проводили обучение армейских частей и тем самым вносили неописуемый беспорядок в подготовку личного состава.

---

¹ О военной реформе Мирзы Таги-хана смотри, например: Подольский А. Г. *Реформы Амир-Низама (1848–1851)*, кандидатская диссертация. М., 1949; Анаркулова Д. М. *Реформы Мирзы Таги-хана (1848–1851): их социальное и политическое значение*, кандидатская диссертация. М., 1977.

Военная реформа Мирзы Таги-хана хотя и оказала благотворное влияние на развитие иранской армии, в конечном итоге все же не справилась с одной из важнейших своих проблем — отсутствием подготовленных офицерских кадров. В свое время доктор И. Полак отмечал, что, оказавшись у власти, новый премьер-министр Ирана Ага-хан Нури, ярый противник реформ Мирзы Таги-хана, всячески старался расстроить деятельность Дар оль-Фонуна, в функции которого входило воспитание офицерских кадров. По сообщению И. Полака, в своих неблагоприятных намерениях Ага-хан Нури пользовался полной поддержкой английского посла². Известный своей проанглийской ориентацией премьер-министр стремился в угоду Англии опорочить австрийских преподавателей³. Так, например, с санкции английского посла он раскрыл двери Дар оль-Фонуна перед итальянскими и французскими военными инструкторами, чем противопоставил их австрийцам. Своими действиями Ага-хан Нури нанес немалый вред иранской армии. Успех же, достигнутый иранской армией в 1856 г. во время Гератской кампании, вовсе нельзя было рассматривать как свидетельство ее могущества и преимущества перед необученным афганским феодальным войском. Усиленная артиллерией 25-тысячная иранская регулярная армия, в пять раз превосходящая по численности афганское войско, только после многомесячной осады (да и то в результате начавшегося голода среди населения осажденного города) с большим трудом сумела овладеть крепостью. Как военное, так и техническое отставание иранской армии четко обозначились в ходе кратковременной англо-иранской войны (1856–1857), вызванной взятием Герата иранцами⁴. Тогда, используя свое военнотехническое преимущество, Англия навязала Ирану мирный договор (он был подписан 4 марта 1857 г. в Париже), согласно которому Иран признавал независимость Герата и Афганистана в целом. По-

² Polak J. *Persien. Das Land und seine Bewohner. Ethnographische Schilderungen*. V.I. Lpzg., 1865, p. 301–302.

³ Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 75.

⁴ См.: Бушев П. П. *Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг.* М., 1959, с. 72–81; Абдорреззак-бек Домболи. *Маасер-е солтание*. Табриз, 1242, с. 129.

ход на Герат и война с Англией настолько ослабили иранскую армию, что она оказалась не в состоянии отразить набеги хорезмийцев и туркмен на Хорасан. Летом 1860 г. недалеко от Мерва 55-тысячная иранская армия была наголову разбита, тысячи солдат оказались в плену⁵. Поражение вынудило шаха отказаться от Мервского бассейна. Сражение при Мерве фактически ознаменовало завершение почти полувековой военной активности регулярной армии Ирана. С 1860 г. начинается новый период, т. н. «мирная фаза» в истории иранской армии.

Деятельность различных военных инструкторов, как было отмечено выше, не принесла ожидаемых результатов. То же самое можно сказать и о прибывшей в Иран в конце 1850-х годов французской военной миссии. Видимо, шахский двор остался не совсем довольным деятельностью австрийских и итальянских инструкторов, так как сразу же после отъезда австрийцев (1858–1859) по приглашению шаха из Франции прибыла в Иран третья по счету французская военная миссия. Необходимо заметить, что такие известные иранские исследователи, как Дж. Кузанлу и Дж. Каем Маками, вообще не упоминают об этой миссии. Европейские авторы того периода, за исключением Дж. Керзона, также ничего не сообщают о деятельности французской военной миссии. Интересные сведения о работе этой миссии можно обнаружить в газете «Кавказ». Так, благодаря ее информации, нам удалось уточнить дату приезда миссии в Иран. Согласно Дж. Керзону, миссия прибыла в Иран в 1859 г.⁶ Однако по более достоверному сообщению газеты «Кавказ», она прибыла в страну в конце 1858 г.⁷

Во главе французской военной миссии, которая была представлена Насер эд-Дин-шаху послом Франции бароном Пишоном, стоял майор Броньяр. Последнего сопровождали четыре офицера — Руссо, Никола, Бенезек и Дюгуссе и столько же сержантов, военный капельмейстер (Буске), механик арсенала и группа мастеровых. Позднее к миссии присоединились еще че-

⁵ Кузанлу Дж. *Тарих-е незаман-йе Иран*. Джелд-е 2, Тегеран, 1310, с. 1099–1110.

⁶ Curzon G. *Persia and the Persian Question*. V. 1. L., 1892, p. 586.

⁷ *Кавказ*. Тифлис, 1859, № 4.

тыре офицера: Брю, граф Виларсо, Обри и Лобье (специалист по производству капсулей).

В заявлении, сделанном иранскими властями в связи с приездом этой миссии, и задачах, стоящих перед ней, было отмечено, что она призвана полностью реорганизовать всю армию на французский лад. Но ввиду малочисленности миссии было принято решение начать реорганизацию с одной, определенной «базовой» части армии, после чего охватить ею всю армию. В первую очередь, для обучения вызвали в Тегеран шесть пехотных батальонов и 500 артиллеристов⁸. Для вооружения этих батальонов правительство закупило за границей пять тысяч ружей с ударными механизмами бельгийского производства. По сообщению газеты «Кавказ», французские специалисты усердно занялись производством вооружения и снаряжения. Руководство самым большим военным арсеналом страны — тегеранским — взял в свои руки офицер артиллерии Руссо, который проявил большие организаторские способности. Под его началом было налажено массовое производство нарезных ружей и пушек. Кроме того, по его инициативе были внесены изменения в производственный процесс — на территории арсенала провели узкоколейную железную дорогу, позволившую легко транспортировать тяжелые стволы пушек из литейного цеха в сверлильный. В арсенале, под руководством офицера Лобье, был оборудован также капсульный цех, который, по предварительным подсчетам, должен был ежегодно производить пять миллионов капсулей⁹, что вполне удовлетворяло потребности армии. Кроме чисто производственных мероприятий, французские офицеры весьма энергично взялись за реорганизацию армейских частей. Руссо вместе с офицером Никола начал инструктировать артиллеристов. Он фактически заново создал батареи конной артиллерии, чем заслужил одобрение Насер эд-Дин-шаха¹⁰.

⁸ Там же, 1859, № 19.

⁹ Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Том 2. Тегеран, 1294, с. 269, 282.

¹⁰ См.: *Кавказ*, 1859, № 63.

Многообещающее начало деятельности французской военной миссии, как это часто бывало в Иране, не получило должной поддержки властей. Членам миссии не создали нормальных условий работы, случались и задержки с выплатой жалованья. По сообщению газеты «Кавказ», руководителю миссии майору Броньяру только с большим трудом удалось добиться отмены удержания с инструкторов т. н. «русуми» — налога в пользу финансовых чиновников¹¹. Французские офицеры были вынуждены прервать контракт, и уже летом 1861 г. сначала Брю и Дюгуссе¹², а затем Никола и граф Виларсо¹³ выехали из Тегерана. До конца 1861 г. Иран покинули все члены французской военной миссии.

Еще одна неудачная попытка реорганизации армии надолго отбила у шаха желание приглашать иностранных военных специалистов. Вплоть до 1879 г. официальных иностранных военных миссий в Иране не было, а обучением армейских частей, расположенных в Тегеране, руководили итальянские офицеры. По сообщению английского дипломата А. Монси, которому довелось побывать в Иране в 1866–1867 гг., итальянские инструкторы безжалостно колотили солдат толстыми дубинками, которые носили вместо сабель¹⁴. Итальянцы довольно долго оставались в Иране, однако не принесли армии ни малейшей пользы. Для них, впрочем, как и для любителя военных эффектов Насер эд-Диншаха, было главным, чтобы солдаты умели проходить по плацу строевым шагом. Его не беспокоило то, что обучение велось в корне неправильно. Генерал Франкини, российский военный агент в Персии, в связи с этим писал: «Обучение солдата ведется без всякой систематической последовательности; служащие в Персии иностранные инструкторы принадлежат разным национальностям и школам. По причине отсутствия письменных уставов, которыми им следует руководствоваться, войска тегеранско-

¹¹ См.: *Кавказ*, 1861, № 36.

¹² Там же, 1861, № 30.

¹³ Там же, 1861, № 36.

¹⁴ Mounsey A. *A Journey through the Caucasus and the Interior of Persia*. London, 1872, p. 141.

го лагеря обучаются по французскому, итальянскому, русскому и турецкому уставам — смотря по тому, какому они предоставлены инструктору. А это значительно затрудняет обучение, лишая его всякого единообразия»¹⁵. Ко всему сказанному следует добавить, что иранское правительство так и не смогло организовать на должном уровне подготовку военных специалистов в Дар оль-Фонуне: более чем за двадцать лет своего существования училище не дало армии ни одного офицера. Открывшаяся в Тегеране при Генеральном штабе школа, выпускники которой получали звание полковника и право командовать батальоном, также не спасла положения¹⁶, поскольку уровень подготовки старших офицеров почти не отличался от уровня подготовки унтер-офицеров¹⁷. По словам члена прусского посольства Генриха Бругша, «...что составляет несчастье персидской армии, — это ее офицеры...»¹⁸. По его мнению, единственный выход из создавшегося положения заключался в предоставлении солдатам возможности дослужиться до офицерского звания¹⁹, однако в условиях господства восточного феодального абсолютизма такой путь пополнения офицерских кадров полностью исключался. Лишенные фактически средств к существованию, солдаты иранской армии вынуждены были браться за любое дело, чтобы заработать хотя бы на пропитание. На базаре солдат был и грузчиком, и чернорабочим, и нередко менялой. По сообщению А. Монси, сарбазам порой приходилось исполнять самую тяжелую и грязную работу, например, на тегеранской бойне в основном были заняты именно сарбазы²⁰.

¹⁵ *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 446, д. 42, л. 3 об. (далее: *РГВИА*).

¹⁶ См.: Франкини. Записка о персидской армии... от 20 сентября 1877 г. — *Сборник материалов по Азии*, вып. IV. СПб., 1883, с. 9.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Висковатов А. Рецензия на книгу Бругш Г. «Путешествие королевского прусского посольства в Персию в 1860–1861 гг.», т. I. Лейпциг, 1862. — *Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества* (критика и библиография), кн. VI. Тифлис, 1864, с. 16.

¹⁹ *РГВИА*, ф. 446, д. 39, л. 10.

²⁰ Mounsey A. *A Journey*, p. 144.

Развал армии был настолько очевиден, что на одном из официальных приемов в 1871 г. сам Насер эд-Дин-шах публично признал этот факт. Согласно его заявлениям, офицеры недобросовестно исполняли свои обязанности, а в лагерях не проводилось обучение солдат²¹. Катастрофическое положение регулярной армии побудило шаха отстранить от должности военного министра принца Наиб ос-Салтане Камран-мирзу и назначить на его место в сентябре 1871 г. мирзу Хосейн-хана Мошир од-Доуле, которому он пожаловал звание великого сепаксалара. Через месяц он был назначен на пост премьер-министра²².

Назначение Хосейн-хана Мошир од-Доуле на должность военного министра, несмотря на то что он не был военным лицом, носило неслучайный характер. Этот опытный политик и государственный деятель мог принести, по мнению шаха, большую пользу Ирану и армии. Он до 1871 г. находился на дипломатической службе — был послом Ирана в Османской Турции, где стал очевидцем проводившихся там административно-военных реформ, что оказало на него большое влияние (нелишне вспомнить, что ранее такое же влияние оказал Танзимат и на Мирзу Таги-хана). Возглавив государственный аппарат, Хосейн-хан Мошир од-Доуле приступил к проведению в стране целого комплекса аналогичных реформ, но основное внимание он сосредоточил главным образом на преобразованиях в административной и военной сфере.

Административная реформа, имевшая целью европеизацию административного аппарата, на первых порах заслужила одобрение шаха. Но позднее, когда в результате реформы в руках премьер-министра стала сосредоточиваться большая власть, Насер эд-Дин-шах, как замечает исследователь П. Авери, «после нескольких лет экспериментов отказался от проекта создания независимых министерств и кабинета министров»²³. Что касается военного дела, то здесь Насер эд-Дин-шах предоставил ему пол-

²¹ Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Джелд-е севвом. Тегран, 1295, с. 144.

²² Там же, с. 144, 146–148.

²³ Avery P. *Modern Iran*. London: E. Benn, 1965, p. 86.

ную свободу действий. Согласно сведениям придворного иранского историка Мохаммада Хасан-хана Сани од-Доуле, назначив Хосейн-хана на пост военного министра, шах целиком передал ему в руки армию²⁴. Современный иранский исследователь Фархад Мотамед в своей книге «Политическая история периода мирзы Хосейн-хана Мошир од-Доуле, великого сепаксалара» отводит значительное место его военной реформе и дает ей положительную оценку²⁵. По мнению автора, особенно плодотворным был второй период военных преобразований иранского реформатора, берущий начало с 1874 г. и охватывающий последующие шесть лет²⁶.

Мирза Хосейн-хан придавал огромное значение регулярной армии как гарантии сохранения независимости и территориальной целостности Ирана перед лицом все нараставшего давления со стороны иностранных держав. В одном из своих писем Насер эд-Дин-шаху мирза Хосейн-хан указывал: «Порядок и сила государства внутри страны, его права, авторитет и достоинство за рубежом — все зависит от регулярной армии»²⁷. Мирза Хосейн-хан действительно предпринял меры по реорганизации армии. В частности, он уделил большое внимание упорядочению военного бюджета, улучшению обучения офицерских кадров, расширению производства вооружения. По его предложению были приглашены в Иран австрийская и русская военные миссии. Мирза Хосейн-хан возлагал большие надежды на военную реформу, в случае успешного осуществления которой «Иран располагал бы одной из самых крупных армий в мире»²⁸. Однако, как свидетельствуют документальные материалы того периода, за время нахождения на посту военного министра Хосейн-хан Мошир од-Доуле

²⁴ Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. Мират ал-Буддан-е Насери. Дж. 3, с. 147.

²⁵ См.: Моатамед Фархад. *Тарих-е сиаси-йе доуре-йе садарат-е мирза Хосейн-хан Мошир од-Доуле Сепаксалар-е Азам*. Техран, 1335, с. 55–99.

²⁶ Там же, с. 100.

²⁷ Адамийат Феридун. *Андише-йе тарраки ва хокумат-е канун. Аср-е сепаксалар*. Бедун-е махал ва тарих, с. 426.

²⁸ См.: Nashat G. *The Origins of Modern Reform in Iran*. 1870–80. Urbana. 1982, p. 55.

положение армии не только не улучшилось, а, напротив, стало резко ухудшаться.

Армия все глубже и глубже погружалась в трясину коррупции и анархии. Генерал В.А. Франкини — первый русский агент в Иране — на основе скрупулезного исследования пришел к выводу, что иранская армия, на содержание которой расходовалось более половины государственного дохода, существовала только на бумаге, а предназначенные для нее огромные суммы бессовестно расхищались²⁹. Для чиновников военного ведомства и командиров батальонов армия превратилась в неиссякаемый источник дохода. Продавались офицерские звания и даже военные части. В этой бойкой торговле Насер эд-Дин-шах принимал самое активное участие, несмотря на свои бесчисленные указы (дастихаты), в которых он категорически запрещал взяточничество, получение воинских званий и жалованья без заслуг, а также продажу званий³⁰. Известен факт, когда губернатор провинции Ирак, дядя шаха Фируз-мирза, получил право на командование тремя батальонами благодаря тому, что дал шаху взятку в сумме 15 тыс. туманов, надеясь тем самым на свое обогащение за счет батальонов³¹. По сообщению русского дипломата Бартоломеи, должность полковника в иранской армии стоила 7–8 тыс. туманов. Практика продажи воинских званий приводила к тому, что командир батальона «грел руки» за счет своих подчиненных и вдвойне вознаграждал себя за расход³². Как видно из одного дастихата Насер эд-Дин-шаха, в армии широко распространилась и приняла фактически узаконенную форму передача воинских званий и должностей по наследству³³.

В то время в иранской армии, по официальным данным, числилось 76 батальонов разного состава, в которых в общей слож-

²⁹ РГВИА, ф. 446, д. 41, л. 16 об.

³⁰ См.: Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Джелд-е севвом, с. 61, 107, 144.

³¹ РГВИА, ф. 446, д. 41, л. 27 об. –28.

³² Там же, фонд 446, д. 39, л. 4 об.

³³ См.: Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Джелд-е севвом, с. 107.

ности насчитывалось 63 950 солдат и офицеров. 16 батальонов находились в отпуске, а на действительной службе должен был находиться 51 батальон, т. е. приблизительно 52 тыс. человек. Однако в действительности службу несла лишь половина этого состава, в то время как остальная часть успела вернуться в родные места или же находилась на заработках в городе. За право получить неофициальный отпуск командир батальона присваивал жалование солдат³⁴. В такой обстановке, когда большая часть личного состава батальонов сплошь и рядом находилась в официальном или неофициальном отпуске, сама мысль об организации регулярного обучения в армии представлялась нереальной.

Из тех шести военно-учебных лагерей³⁵, которые были организованы в 1868 г. по указанию Насер эд-Дин-шаха³⁶, обучение армейских частей проводилось только в тегеранском лагере, и то в летние месяцы, так как только там находились военные инструкторы. Для обучения солдат в лагере отводилось всего два часа в день. Вместе с тем солдаты не проходили обучение в праздничные дни, по пятницам и понедельникам, а также в ненастную погоду. Такая система обучения, согласно замечанию генерала Франкини, была недостаточной и поверхностной. Обучение воинских частей проводилось по усмотрению иностранных инструкторов, что вносило в процесс подготовки солдат большой разнородности. Как правило, в батальонах учения вообще не проводились³⁷. Поэтому неудивительно, что такая система военной подготовки желаемых результатов не приносила.

Серьезным недостатком иранской армии необходимо также признать разнородность и разнокалиберность вооружения. Согласно сведениям генерала Франкини, на вооружении иран-

³⁴ См.: Франкини. Записка о персидской армии, с. 2, 4.

³⁵ Лагеря были расположены в: 1) Тегеране, 2) Азербайджане, 3) Ираке (Персидском), 4) Хорасане и Систане, 5) Горгане, 6) Фарсе, Кермане и Исфахане. — См.: Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Джелд-е севвом, с. 105.

³⁶ Сани од-Доуле Мохаммад Хасан-хан. *Мират ал-Булдан-е Насери*. Джелд-е севвом, с. 105.

³⁷ Франкини. Записка о персидской армии, с. 14–15.

ской армии находились: 8 тыс. ружей системы Шаспо, 30 тыс. нарезных ружей (устаревшего образца, переделанных позднее на систему Шнайдера), 20 тыс. нарезных французских ружей системы Минье, а также 20 тыс. более или менее годных для использования гладкоствольных ружей разного калибра. Меньшая часть армии (всего пятнадцать батальонов) была вооружена новыми ружьями, у остальной части на вооружении были нарезные и гладкоствольные, кремневые и оснащенные ударным механизмом ружья старого образца³⁸. По сообщению генерала Франкни, солдат вовсе не обучали владению оружием, в результате чего большая часть ружей вышла из строя. Кроме того, никакого внимания не уделялось огневой подготовке солдат³⁹. Не лучшим образом обстояло дело и в артиллерии, все еще сохранявшей старую, громоздкую организационную структуру. Орудия были разной системы, разного калибра и производства, что во многом ограничивало возможность их использования.

С течением времени отставание иранской армии от армий европейских стран становилось все очевиднее. Более того, иранская армия в данный период, по признанию самого мирзы Хосейн-хана, значительно уступала той армии, которая находилась под управлением Мирзы Таги-хана⁴⁰. Во время своего второго путешествия в Европу (1878) шах заключил с австрийским правительством соглашение о найме австрийских военных инструкторов сроком на три года⁴¹, вместе с тем иранская сторона взяла на себя обязательство закупить вооружение и снаряжение австрийского производства⁴². Уже в январе 1879 г. в Тегеран при-

³⁸ Там же, с. 4–5.

³⁹ Там же, с. 5.

⁴⁰ Сафай Эбрахим. *Аснад-е ноуяфте*. Тегеран, 1349, с. 55–56.

⁴¹ Махмуд Махмуд считает, что прибытие в Иран австрийских военных инструкторов стало возможным благодаря согласию и поддержке английской дипломатии. — См.: Махмуд Махмуд. *Тарих-е равабет-е сияси-йе Иран ва Англестан дар карн-е нуздахом-е милади*. Джелд-е чахаром. Тегеран, Бедун-е тарих, с. 904.

⁴² См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 83.

была высокопоставленная австрийская военная миссия во главе с полковником А. Шоновски-Дешонвайсом. В состав миссии входили: майор Ф. Стодак, капитаны инфантерии А. Стандейски и И. Краус, капитаны артиллерии Ж. Холл и Э. Вагнер де Ветерсдохт, старший лейтенант инженерных войск Б. Лейтнер, старшие лейтенанты инфантерии В. Биковски и К. Сиилинг, старший лейтенант связи В. Кзак, старший лейтенант инфантерии и адъютант полковника Б. Шема, военный техник А. Ваха и руководитель музыкальной команды Жебуа⁴³.

По сведениям Дж. Керзона, австрийские инструкторы намеревались на первом этапе сформировать по австрийскому образцу семь батальонов пехоты (в составе восьмисот человек каждый), а в случае успеха эксперимента распространить его на всю регулярную пехоту. Иранское правительство передало инструкторам для обучения укомплектованные в Персидском Ираке батальоны. Также было принято решение о реорганизации артиллерии. Штаб-квартирой австрийских военных специалистов стал Салтанабад. Здесь, как уже отмечалось, находился один из военных лагерей иранской армии. Иранское правительство установило срок обучения в один год, по истечении которого австрийские инструкторы должны были представить шаху обученные батальоны⁴⁴. Следует заметить, что австрийские специалисты остались недовольны общим состоянием выделенных в их распоряжение батальонов. Полковник Шоновски категорически потребовал от военного министра Ирана обеспечить батальоны оружием и снаряжением, обувь и одеть солдат, построить казармы и т. д., на что, по приблизительным подсчетам руководителя австрийской военной миссии, понадобилось бы 70 тыс. туманов (т. е. полтора миллиона руб.). Требования полковника Шоновски показались военному министру настолько чрезмерными, что он даже выразил сожаление по поводу приглашения австрийской миссии⁴⁵. Неизвестно, удовлетворила ли иранская сторона требования ав-

⁴³ См.: *РГВИА*, фонд 446, д. 43, л. 13–13 об.

⁴⁴ Curzon G. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1, p. 587.

⁴⁵ См.: *РГВИА*, ф. 446, д. 43, л. 65–65 об.

стрийцев, однако можно утверждать, что деятельность этой миссии принесла скромные плоды. После трех лет работы она вернулась на родину. В Иране остались лишь майор Стодак и капитан Вагнер⁴⁶. В том же году в Иран прибыла новая австрийская военная миссия, укомплектованная в основном сержантским составом. Австрийские инструкторы на основе одного артиллерийского и семи пехотных батальонов сформировали по австрийскому образцу два пехотных батальона, батальон связи, инженерный батальон, артиллерийский батальон и музыкальную команду⁴⁷. Сделать больше австрийской миссии не удалось. Здесь же заметим, что организованный австрийцами т. н. австрийский корпус распался уже к 1892 г. Происшедшее Дж. Керзон объясняет незнанием австрийцами иранских традиций и персидского языка⁴⁸.

---

⁴⁶ Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 86.

⁴⁷ Там же, с. 87.

⁴⁸ Curzon G. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1, p. 588.

ГЛАВА III

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ В ИРАНЕ И СОЗДАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПОДПОЛКОВНИКА АЛЕКСЕЯ ДОМАНТОВИЧА

Неудачные военные реформы, проведенные в середине 70 годов XIX в. тогдашним военным министром мирзой Хосейн-ханом Сепаксаларом, вынудили Насер эд-Дин-шаха еще раз обратиться за помощью в реорганизации своей армии к европейским военным инструкторам. Еще задолго до второй поездки в Европу в 1878 г. Насер эд-Дин-шах решил реорганизовать пехоту и артиллерию по австрийскому образцу. Что касается регулярной кавалерии, то вопрос об ее упорядочении был оставлен открытым. Англичане, узнав об этом, предложили Насер эд-Дин-шаху свои услуги в деле организации кавалерии и даже финансовую помощь. Англичане были уверены, что шах примет их предложение, однако во время второй поездки шаха в Европу этот вопрос совершенно неожиданно для англичан решился в пользу России. Согласно общепринятой версии, направлявшемуся в Европу через Кавказ шаху во время его проезда через Ереванскую губернию встречались по пути полки кавказских казачьих конных полков, дислоцированных после окончания войны с Турцией (1877–1878) в этом краю. Внешний вид, красивая форма и искрящееся оружие казаков очаровали Насер эд-Дин-шаха. Находясь под впечатлением, шах еще в России принял решение

Насер эд-Дин-шах Каджар (1848–1896 гг.)

о реорганизации части своей кавалерии на казачий лад. С этим вопросом шах обратился за помощью к наместнику царя на Кавказе, великому князю Михаилу Николаевичу. Со своей стороны, великий князь доложил императору о просьбе шаха и получил указание ее удовлетворить¹. Такова официальная версия предыстории зарождения казачьей воинской части в Иране, нашедшая широкое распространение в научных исследованиях как русских, так и зарубежных авторов. Тем не менее, имеющийся в нашем

¹ Павлович М. П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции). — *Новый Восток*, кн. 8–9, Москва, 1925, с. 181.

распоряжении материал дает нам возможность внести в нее существенные коррективы.

Идея переустройства иранской регулярной армии возникла благодаря деятельности генерала Виктора Антоновича Франкини. Он был командирован в Тегеран в начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. великим князем Михаилом Николаевичем, наместником и главнокомандующим Кавказской армии, для сбора информации о состоянии сухопутных сил Персии². 20 сентября 1877 г. генералом Франкини была отправлена на имя великого князя весьма содержательная «Докладная записка о состоянии персидской армии», в которой ее составитель пришел к заключению, что, несмотря на внушительные ассигнования на армию, составлявшие почти половину государственного бюджета, 100-тысячная армия существовала только на бумаге³. Согласно архивному материалу, России необходимо было знать, на какую военную помощь со стороны Ирана она могла рассчитывать в войне с турками. Как следует из донесения от 23 марта 1878 г., отправленного Франкини на имя российского военного министра Д. А. Милютина, российская сторона могла рассчитывать, по крайней мере, на нейтралитет Ирана.

Воспользовавшись пребыванием генерала Франкини в Тегеране, Насер эд-Дин-шах попросил его провести глубокое изучение состояния иранской армии на базе военного лагеря, расположенного недалеко от столицы. Выполнив задание, 20 октября 1877 г. генерал Франкини представил шаху докладную записку, в которой он не только обрисовал состояние иранской армии, но и дал рекомендации по устранению имевшихся в ней недостатков⁴. Согласно донесениям генерала Франкини на имя кавказского начальства, Насер эд-Дин-шах остался доволен его запиской настолько, что вполне мог обратиться к нему с просьбой приступить к реорганизации иранской армии⁵. Таким образом, Насер эд-Дин-шах принял решение реорганизовать армию еще задол-

² РГВИА, ф. 446, без описи, д. 41, л. 12–12 об.

³ РГВИА, ф. 446, без описи, д. 41, л. 16 об.

⁴ РГВИА, ф. 446, без описи, д. 42, л. 2 об.–12.

⁵ РГВИА, ф. 446, без описи, д. 42, л. 18–18 об.

го до своей второй поездки в Европу в 1878 г.⁶, а не во время нее, как об этом утверждали в научной литературе⁷.

Впервые в истории русско-иранских отношений XIX в. иранский шах официально обратился к русскому правительству с просьбой прислать военных инструкторов для обучения части кавалерии. Несмотря на то что русское правительство не могло предвидеть, как будет развиваться в дальнейшем русско-иранское военное сотрудничество, тем не менее было ясно, что для России открывался путь к контролю над вооруженными силами Ирана. Россия, которая яростно боролась с Великобританией за завоевание преобладающего влияния в Иране, никоим образом не упустила бы такую возможность. Насколько большое значение придавали руководители России вопросу об отправке инструкторов в Иран, видно хотя бы из того, что сам наместник царя на Кавказе лично избрал кандидатуру на пост будущего руководителя русской военной миссии.

Миссию возглавил подполковник Генерального штаба Алексей Иванович Домантович, прослуживший 12 лет в казачьих кавалерийских частях и находившийся в составе Ереванского отряда. Следовательно, он был хорошо знаком со структурой казачьих частей⁸. С целью уточнения функции военной миссии, ее прав и обязанностей, ознакомления с контингентом и разработки условий найма инструкторов, командование Кавказской армии сочло целесообразным направить подполковника Домантовича в инспекционную поездку в Иран. Перед отправкой он был вызван начальником штаба Кавказской армии генералом Платоном Петровичем Павловым, который в общих чертах ознакомил его с делом. Из-за того что не были разработаны конкретные вопросы деятельности военной миссии, генерал Павлов лишь только посоветовал ему «понравиться шаху и, если будет возможно, стать его министром»⁹.

⁶ РГВИА, ф. 446, без описи, д. 42, л. 21 об.

⁷ Смотри, например: Kazemzadeh Firuz. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914*. New Haven: Yale University Press, 1968, p. 166.

⁸ Павлович М. П. Очерки политической борьбы в Персии. — Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость. Москва, 1925, с. 85.

⁹ Домантович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии. — *Русская старина*. СПб., 1908 г., № 2, с. 333.

В последних числах ноября 1878 г. А. Домантович вместе с казачьим урядником выехал из Тбилиси в Иран и 15 декабря прибыл в Тегеран¹⁰. Через неделю по заданию мирзы Хосейн-хана Сепасалара приступили к подсчету суммы, необходимой на содержание каждого казака отдельно и воинской части в целом. А. Домантович оказался перед сложной задачей — не располагая официальными данными, он должен был исходить из предположений. Тем не менее, А. Домантович успешно справился с поручением иранского военного министра. Затем глава будущей миссии ознакомился с кавалерией голямов — шахской гвардией «Махдие-йе мансур», из которой ему предстояло сформировать казачью часть¹¹. А. Домантовичу понравились голямы, о чем позднее он доложил Насер эд-Дин-шаху.

Согласно иранской военной газете «Марих», аудиенция Домантовича с шахом состоялась 6 января 1879 г. в присутствии иранского министра иностранных дел и российского полномочного министра, а также сотрудников российской дипломатической миссии и русских инструкторов¹². Почти двухмесячные переговоры завершились компромиссом — 7 февраля 1879 г. российский посланник в Тегеране И.А. Зиновьев и военный министр Ирана Хосейн-хан Мошир од-Доуле подписали контракт о найме русской военной миссии. Контракт был составлен на французском и персидском языках¹³.

Контракт о найме русских военных инструкторов состоял из краткой преамбулы и одиннадцати статей. Согласно преамбуле, шахское правительство нанимало русских казачьих офицеров для обучения одной части кавалерии. Первая и вторая статьи контракта определяли обязанности Заведующего обучением персидской кавалерии, так официально называлась будущая долж-

---

¹⁰ Там же, с. 333, 340.

¹¹ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады. — *Новый Восток*, 1923, № 4, с. 391.

¹² См.: *Марих*, 21 мохаррам ол-харама 1296 г. хиджры (15 января 1879 г.), номер-йе дойбоом.

¹³ Первую и последнюю страницу французской версии текста контракта смотри в Приложении № 1.

ность подполковника Домантовича. В течение трех лет он должен был находиться в распоряжении иранского правительства и подчиняться военному министру. В обучении будущей кавалерийской части ему должны были помогать три казачьих офицера и пять урядников, которых выбирали кавказские военные власти. Третья статья определяла размер жалованья Домантовича 2400 туманов в год. Кроме этого, он должен был получать ежедневный фураж для 5 лошадей. Что касается трех русских офицеров — помощников Домантовича, то каждому из них было обещано такое же жалованье, как и австро-венгерским офицерам, недавно прибывшим в Иран. Ежемесячное же жалованье каждого урядника составило 20 туманов (240 туманов в год).

Четвертая статья предусматривала выплату определенной суммы для покрытия дорожных расходов Домантовича, одного офицера и урядника соответственно 100, 75 и 24 полуимпериала.

Согласно пятой статье, датой начала работы русских инструкторов, включая их командира, было принято считать день подписания контракта.

Шестая статья регламентировала порядок выдачи Домантовичу полагавшегося ему жалованья: в день подписания контракта иранская сторона должна была уплатить ему двухмесячное жалованье в размере 400 туманов. Причем было решено, что в начале второго квартала будут выданы деньги за третий месяц первого квартала, а также за три месяца второго квартала.

Статья седьмая контракта предписывала Домантовичу во всех вопросах, касающихся его службы, действовать согласно указаниям иранского военного министра, в подчинении которого он должен был находиться. Со своей стороны, военный министр брал на себя обязательство выплачивать ему жалованье.

В соответствии с восьмой статьей, все расходы на служебные командировки Домантовича, выполняемые по заданию иранского правительства, покрывались последним.

Согласно девятой статье контракта, подполковник Домантович не имел права по своему усмотрению отменять его условия, а также до истечения трехгодичного срока оставить государственную службу. Лишь по состоянию здоровья он мог рассчитывать на со-

гласие со стороны иранского правительства на прекращение службы. Статья предусматривала и форс-мажорные условия: по причине неотложных дел или же из-за ухудшения здоровья Домантовича иранское правительство предоставляло ему право на трехмесячный неоплачиваемый отпуск. Условия этой статьи в равной степени распространялись и на остальных русских офицеров и урядников.

Согласно статье десятой контракта, иранское правительство брало на себя обязательство оплатить дорожные расходы русским инструкторам после истечения срока действия контракта. Однако оно оставляло за собой право выплатить данную сумму и до истечения трехгодичного срока.

По статье одиннадцатой, подполковник Домантович, офицеры и урядники должны были в течение двух с половиной месяцев, начиная с того дня, как через российское посольство в Тегеране им была передана сумма на дорожные расходы, оговоренная в статье четвертой контракта, прибыть в столицу¹⁴.

На следующий день после подписания контракта А. Домантович выехал в Россию¹⁵. Доложив командованию о результатах своей поездки в Иран, он получил, согласно подписанному контракту, разрешение пригласить на службу в миссию трех офицеров и пять урядников¹⁶. Из Тбилиси А. Домантович отправился в Екатеринодар (Краснодар), где начал готовиться к поездке в Иран. В состав миссии были включены офицеры, проходившие в то время службу в Кубанском, Ставропольском и Терском казачьих войсках (командир Ставропольского казачьего юнкерского училища есаул Братков, хорунжий Екатеринодарского казачьего полка Кухаренко, сотник Вирубов из Терского войска), а также урядники (Евсеев, Рудый, Латкин, Водобшин и Кириллов)¹⁷.

---

¹⁴ РГВИА, ф. 446, без описи, д. 43, л. 28–30. Американский исследователь Саирус Гани ошибочно полагает, что контракт по найму русских казачьих инструкторов был подписан на 40-летний срок. См.: Ghani Cyrus. *Iran and the Rise of Reza Shah. From Qajar Collapse to Pahlavi Rule*. London — New York: I. B. Tauris Publishers, 1998, p. 15.

¹⁵ *Русская старина*, 1908, № 3, с. 580–582.

¹⁶ Там же, № 4, с. 211.

¹⁷ Там же, с. 212–214.

Причем три офицера и пять урядников назначались по выбору командующего войсками на Кавказе¹⁸.

Первая русская военная миссия под руководством А. Домантовича прибыла в Тегеран 7 мая 1879 г. Через пять дней Насер эд-Дин-шах принял А. Домантовича и предложил сформировать казачий конный полк в четыреста сабель. Шах велел последнему предварительно составить годовой бюджет полка с учетом жалования личного состава (за исключением офицеров), питания, обмундирования, вооружения, снаряжения и содержания лошадей. А. Домантович определил необходимую сумму в 126 тыс. рублей. Совет министров рассмотрел бюджет и представил его на утверждение шаху. Шах дал указание подполковнику А. Домантовичу без промедления приступить к формированию казачьего конного полка¹⁹.

Касаясь вопроса о найме русских офицеров-инструкторов, американский исследователь Фируз Каземзаде выражает удивление по поводу той легкости, с какой англичане допустили формирование Персидской казачьей бригады в Тегеране. Хотя английская миссия и тогдашний ее глава Рональд Томсон не одобрили найм русских инструкторов Насер эд-Дин-шахом, шах отбросил в сторону все возражения Томсона и напомнил англичанам, что Иран, как независимая страна, имеет право нанять одного «русского» для обучения и инструктирования нескольких сотен кавалеристов на казачий лад²⁰.

Еще во время инспекционной поездки А. Домантовича в Иран было решено набрать кавалеристов для казачьей части из шахских голямов, однако впоследствии шах неожиданно изменил свое решение. По замечанию полковника В. А. Косооговского, будущего командира бригады, в этой истории не последнюю роль сыграл военный министр, а также командир корпуса голямов Ала од-Доуле. Они категорически были против передачи голямов

¹⁸ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928, д. 57, л. 21.

¹⁹ РГВИА, ф. 446, д. 44, л. 19.

²⁰ См.: R. Thomson to Salisbury, No. 20, Confidential, Tehran, January 27, 1879, *L. I.*, 22, 1879 — in: F. Kazemzadeh. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study of Imperialism*. New Haven and London, Yale University Press, 1968, p. 167.

под командование А. Домановича²¹. Вместо обещанных голямов, А. Доманович получил 400 мохаджеров, набранных из потомков известных мусульманских родов, переселившихся из Эриванской и Бакинской областей после подписания в 1828 г. Туркманчайского договора²². Мохаджеры получали большие пенсии и были обязаны по первому требованию шаха выставлять определенное число всадников. Согласно рапорту подполковника Домановича от 9 июля 1879 года, «племя это пользуется в Персии, сравнительно с другими народностями, значительными привилегиями; они, почти не неся до сих пор никаких воинских обязанностей, все получили довольно большое жалованье, которое для более почетных лиц составляло весьма крупную цифру. У этих лиц большие претензии, хотя они не отличаются от рядовых всадников»²³. Необходимо заметить, что к 1877 г. на службе у правительства находились 1200 конных мохаджеров²⁴.

Поскольку контракт с персидским правительством уже был заключен, А. Доманович не счел необходимым предъявлять претензии за изменение достигнутой договоренности. 1 июля 1879 г. было заключено новое соглашение между шахом и русским правительством относительно обучения части персидской кавалерии²⁵. 9 июля 1879 г. недалеко от Тегерана, в селении Заргянде, вблизи летней резиденции русского посольства, А. Доманович разбил учебный лагерь. Согласно дипломатическим документам, датой организации казачьей бригады принято считать 15 июля 1879 г. Эта дата также фигурирует и в справке русского посланника в Тегеране Николая Генриховича Гартвига, согласно которой 15 июля 1908 г. состоялся смотр-парад казачьей бригады в связи с днем ее основания²⁶. Как свидетельствуют ар-

²¹ Косооговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 391.

²² Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*. СПб., 1909, с. 91.

²³ *РГВИА*, ф. 446, без описи, д. 43, л. 104 об.–105.

²⁴ Франкини. Записка о персидской армии, с. 20.

²⁵ *РГВИА*, ф. 446, д. 44, л. 19.

²⁶ См.: *Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии* (с конца 1906 г. по июль 1908 г.), вып. I (по ноябрь 1908 г.). СПб., 1911, с. 244.

живные материалы, А. Домантович фактически за один месяц сумел обучить кавалерию мохаджеров. В одной из своих докладных записок, датированной 10 августа 1879 г., А. Домантович писал: «...я обратился к его сиятельству Сепасхалар-Азаму с предложением устроить смотр полку. Желание отметить весьма быстрые успехи в обучении кавалерии, достигнутые в один месяц со дня формирования полка»²⁷. Военный министр удовлетворил просьбу русского офицера и назначил смотр на 7 августа.

В своей работе по созданию бригады А. Домантович встречал постоянные трудности. По причине отсутствия интендантской службы как таковой в иранской армии, главе русской военной миссии постоянно приходилось самому заботиться о снабжении казачьего полка²⁸. В этой связи, в своем рапорте от 10 августа 1879 г. подполковник Домантович сообщал следующее: «Одновременно с формированием полка, я обратился к тегеранским купцам с целью найти подрядчиков на поставку в полк всех предметов его содержания. Необходимость скорее приступить к делу, о чем я упоминал выше, заставило меня в первое время до заключения контрактов довольствовать полк по базарным ценам и несмотря на то, что содержание его обходится ниже цен, выведенных согласно положениям русской армии. Это относится до довольствия людей и лошадей, что же касается обмундирования, то в бюджете выставлены мною цены весьма малые, чуть ли не менее тех, по которым справляются вещи в казачьих полках; предполагая большую часть вещей и материалов выписать из России, разницу в курсе персидских и наших денег я считал достаточной для пересылки их. Впоследствии ближе ознакомившись с торговлей Тегерана, я предпочел делать закупки всего и заказы в самой Персии, и, несмотря на неимение в полку никаких подспорных средств, в виде разного рода мастерских, обмундирование полка идет весьма скоро, хорошо и дешево»²⁹.

²⁷ Там же, фонд 446, д. 43, л. 101.

²⁸ Там же, л. 106.

²⁹ РГВИА, ф. 446, д. 43, л. 105–106 об.

В результате проведенной большой работы уже в первых числах августа полк был готов к смотру. Выучкой и внешним видом полка Насер эд-Дин-шах остался настолько довольным, что сразу же приказал А. Домантовичу увеличить состав полка до шестисот человек, т. е. создать два полка по триста клинков, фактически кавалерийскую бригаду. Однако все попытки военного министра включить в состав полка дополнительно еще 250 мохаджеров окончились безрезультатно. Тегеранские мохаджеры, опасаясь насильственного зачисления в бригаду, выразили протест и сели в бест в мечети Шах Абдоль Азима. Острая реакция мохаджеров вынудила шаха и сепасалара отказаться от формирования второго казачьего полка из мохаджеров, его решили укомплектовать добровольцами³⁰.

Вскоре А. Домантовичу удалось укомплектовать второй казачий полк, о чем восторженно сообщала своим читателям 27 октября 1879 г. иранская военная газета «Марих»: «Казачья кавалерия (саваре-йе сабк-е казак), находящаяся под руководством русского полковника Домантовича, постоянно совершенствуется и прогрессирует. Согласно приказу Его Величества, численность этой кавалерии достигла 600 человек»³¹. Тем самым была заложена основа для образования Персидской казачьей бригады. По установленному порядку желающий быть зачисленным в бригаду должен был сам позаботиться о своем вооружении и снаряжении³².

Как можно судить по информации вышеупомянутой газеты, тренировочный плац, или «мейдан-е машк», казачьей бригады находился между Голхаком и Салтанатабадом, а для летней лагерной стоянки был избран Давудие. Между прочим, с наступлением зимы Домантович обратился с просьбой к иранскому начальству перевести на зимние квартиры в город конных казаков. Для расквартирования конных казаков бригады, а также их ло-

³⁰ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 392.

³¹ См.: *Марих*, 10 зикадда ол-харам 1296 г. (27 октября 1879 г.). Тегеран, № 13.

³² Мисль-Рустем. *Персия при Наср-эдин-шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах*. СПб., 1897, с. 141.

шадей по приказу Насер эд-Дин-шаха сепасалар азам передал в распоряжение казачьей бригады школу Генерального штаба (Мадресе-йе атамажор), быть может, из-за ее близости к тренировочному плацу. Вокруг бывшей школы построили конюшни для лошадей казаков, а внутреннее помещение школы было отведено под казарму. Удачный выбор места позволил Домантовичу проводить каждое утро занятия с конными казаками на тренировочном плацу для отработки пешего порядка, а вечером, за воротами казармы, стали проводить общебригадное обучение³³.

Огромную роль в становлении бригады сыграло и то обстоятельство, что А. Домантович сумел взять в свои руки контроль над финансовой частью бригады, тем самым была исключена возможность хищения денежных средств со стороны высших военных лиц бригады, а ее личный состав был обеспечен твердым жалованьем. Это несомненно можно считать большим достижением русской военной миссии, поскольку финансовая часть традиционно была самым неупорядоченным звеном иранской армии. Ежегодный бюджет бригады был определен шахом в 40 тыс. туманов. Следует заметить, что тогда бюджет бригады пополнялся в основном из государственных пенсий мохаджеров.

---

³³ *Марих*. 10 зикадда ол-харам 1296 г. (27 октября 1879 г.). Тегеран, № 13.

ГЛАВА IV

ОТЪЕЗД ДОМАНТОВИЧА В РОССИЮ. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ПРОВЕДЕННЫЕ ПОЛКОВНИКОМ ЧАРКОВСКИМ. СНОВА НОВЫЙ КОМАНДИР, ИЛИ НАЧАЛО РАЗВАЛА КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ

На исходе 1881 г. закончился трехгодичный срок контракта и А. И. Домантович выехал в Россию в отпуск на четыре месяца. Насер эд-Дин-шах был настолько доволен его деятельностью, что попросил русское командование оставить его на второй срок на посту командира бригады. Политические круги царской России хотя и признавали заслуги полковника Домантовича в деле формирования Персидской казачьей бригады, однако, как выясняется, были против продления его командировки в Иране. Согласно официальной версии, причина отказа состояла в том, что во время службы в бригаде Домантович не соблюдал субординацию, т. е. не подчинялся указаниям русского посольства, в частности его руководителя тайного советника Ивана Алексеевича Зиновьева. Несоблюдение Домантовичем должностной субординации было воспринято вышестоящими органами как грубое нарушение служебной инструкции¹. Из секретной телеграммы Зиновьева от 26 февраля 1882 г. мы узнаем, что он в принципе не был против продления контракта полковника Домантовича с иранским правительством. Однако, как ука-

---

¹ РГВИА, ф. 446, д. 44, л. 2–3 об.

зывал российский посол, Домантович обуславливал свое согласие предоставлением ему официального статуса руководителя русской военной миссии и военного агента, объясняя это необходимостью увеличения своего авторитета при дворе. По мнению Зиновьева, полковник Домантович и так занимал высокое положение при шахском дворе и, следовательно, его претензии были необоснованными. «Ввиду этого, — писал он, — покорнейше прошу сообщить мне о заключении и военного министерства. В случае окончательного отказа полковника Домантовича, необходимо позаботиться о выборе на место его другого офицера, о чем просил меня шах»².

Как видно из секретной телеграммы военного министра России Петра Семеновича Ванновского, тот просил кавказское начальство рекомендовать вместо полковника Домантовича другого офицера Генерального штаба. «Ныне, — сообщал военный министр, — начальник штаба Кавказского округа уведомил, что командующий войсками округа генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков изъявил согласие на командирование в Персию полковника Чарковского»³. Таким образом, Зиновьев убедил Министерство иностранных дел России и командование русских войск на Кавказе в недопустимости оставлять А. Домантовича на посту командира бригады. По замечанию полковника В. А. Косооговского, русский посол Зиновьев оклеветал командира бригады перед кавказским командованием, обвинив его в действиях против интересов России и в намерении создать значительную военную силу в Иране⁴. Этого обвинения оказалось достаточным для того, чтобы военный министр России Ванновский снял кандидатуру полковника Домантовича. Он попросил кавказское командование назначить на место А. Домантовича другого офицера Генштаба. Им оказался полковник Чарковский, служивший ранее в гвардейской конной артиллерии и до назначения занимавший должность секретаря русского консульства в Трапезунде⁵.

² РГВИА, ф. 446, д. 44, л. 6.

³ Там же, л. 9–9 об.

⁴ Косооговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 392.

⁵ РГВИА, ф. 446, д. 44, л. 19–19 об.

Между тем шах просил ускорить приезд в Тегеран нового заведующего бригадой. Сотрудник русского посольства коллежский советник Аргиропуло в своей секретной телеграмме от 31 мая 1882 г. из Тегерана сообщал: «Шах ходатайствует о скорейшем командировании полковника, имеющего заместить Домантовича. При прежнем составе кавалерийских инструкторов, желает развития дела разумно и умело поставленного нашими офицерами. Разрешите ли возобновить контракт на прежних условиях?»⁶. Для утверждения кандидатуры необходимо было получить высочайшее повеление императора. Оно не заставило себя долго ждать. Уже 5 июня 1882 г. император Александр III своим рескриптом одобрил кандидатуру Чарковского.

16 июля, согласно высочайшему повелению, Чарковскому было пожаловано звание полковника, причем с последующим его зачислением в Генеральный штаб. 18 июля 1882 г. начальник штаба Кавказского военного округа генерал Павлов получил указание вызвать Чарковского из Трапезунда в Тифлис. Оттуда его следовало направить в Иран⁷. Двумя днями раньше, т. е. 16 июля, когда Чарковский все еще находился в Трапезунде, министр иностранных дел Ирана Мирза Саид-хан и коллежский советник Аргиропуло подписали в Тегеране контракт о назначении полковника Чарковского на должность командира Персидской казачьей бригады⁸.

Текст контракта не претерпел особых изменений. Как и предыдущий контракт, заключенный между Зиновьевым и мирзой Хосейн-ханом Мошир од-Доуле, контракт Чарковского также был составлен на французском и персидском языках и состоял из традиционной преамбулы и одиннадцати статей. В статьях первой и второй контракта были четко оговорены обязанности, а также срок службы полковника Чарковского и сопровождавших его трех офицеров и пяти урядников. Статья третья посвящалась вопросам материально-финансового обеспечения: полковник Чар-

⁶ РГВИА, ф. 446, д. 44, л. 16.

⁷ Там же, л. 23, 43.

⁸ Там же, л. 52.

ковский получал 2400 туманов в год и фураж для пяти лошадей ежедневно; офицерам было назначено такое же жалованье, какое получали их предшественники; что касается урядников, то каждому из них полагалось по 240 туманов в год. По статьям четвертой и десятой, иранская сторона брала на себя обязательство нести дорожные расходы членов миссии как во время их следования в Иран, так и во время их убытия из Ирана на родину после истечения трехлетнего срока службы. Статья десятая предусматривала также в случае аннулирования контракта по желанию и согласию иранской стороны уплату всем членам миссии полагавшейся суммы на дорожные расходы. Согласно последней, одиннадцатой статье, полковник Чарковский, офицеры и урядники с момента получения суммы на дорожные расходы в течение двух с половиной месяцев должны были прибыть в Тегеран⁹.

В Тегеране полковник Чарковский продолжил дальнейшее обучение бригады. Та часть мохаджеров, которая не соглашалась на службу в бригаде, стараниями Чарковского была зачислена в состав бригады на тех же условиях, что и их соотечественники — с сохранением родового или наследственного содержания. Из годных к строевой службе мохаджеров в 1883 г. Чарковский сформировал третий полк, а из лиц старшего возраста — эскадрон ветеранов, т. н. «Кадама». С целью увеличения состава бригады Чарковский зачислил в нее женщин и детей, которые отныне должны были получать жалованье из бюджета бригады. К этому времени общая численность бригады, включая женщин и детей, достигла 900 человек. Кроме эскадрона «Кадама» Чарковский добавил к бригаде один гвардейский эскадрон и отряд музыкантов. В 1883 г. император Александр III послал в подарок бригаде четыре стальных орудия образца 1877 г., которые доставил в Тегеран бывший заместитель начальника кавказского артиллерийского полигона капитан Кублицкий¹⁰. На основе этих

⁹ Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 242–244.

¹⁰ Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883 года). — *СМА*, вып. XI. СПб., 1884, с. 53.

орудий командир бригады в 1884 г. сформировал регулярную конную батарею. По причине того, что в иранской армии не существовала регулярная артиллерия как таковая, солдаты не имели элементарного представления о ее назначении и практическом использовании. За исправление этого недостатка взялся сам полковник Чарковский, который составил для солдат артиллерийской батареи бригады «Руководство по обучению казачьей конной артиллерии», которое перевели и отпечатали в Тегеране в 1885 г.¹¹

Персидским казакам для большего сходства с русскими казаками предписывалось носить форму кавказских казаков. По сообщению Мисль-Рустема, первый полк был одет в униформу кубанских казаков, второй — подобно казакам Терека, третий — в зеленые бешметы и беловерхие папахи. На погонах казаков были указаны инициалы полка. Униформа казаков батареи была такой же, как и форма артиллеристов в кубанских казачьих батареях. Каждый полк делился на эскадроны по масти коней. Конская сбруя, седло и уздечки были в основном кавказскими, мундштук же (металлический прибор к удилам) — азиатский. Вооружение казаков состояло из кавказского кинжала и сабли, а также винтовки системы Бердана¹². Бригада получила в дар от императора Александра III одну тысячу винтовок¹³.

Персидская казачья бригада, подчиняясь иранскому военному министру, занимала в вооруженных силах Ирана особое положение и уже к тому времени представляла собой хорошо организованную воинскую часть. В распоряжении бригады находились казармы, конюшни, кладовые для фуража. Здесь же были небольшие мастерские (в которых сами же казаки бригады производили ремонт оружия и снаряжения), цехгаузы, кузница и лазарет. Все это располагалось в центральной части Тегерана. Перед казар-

---

¹¹ См.: Чарковский. *Колonel атамажор. Кетаб-е машк-е тупсаваре-йе мосаллах бе тарх-е джадид-е казаки-йе*. Тарджоме-йе Хасан-хан Наиб-Сарханг. Тегеран, 1302, с. 3.

¹² Мисль-Рустем. *Персия при Наср-эддин-шахе*, с. 141.

¹³ Curzon G. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1, p. 588.

мой находился огромный тренировочный плац. Офицеры бригады, в том числе и командир бригады, жили в домах, расположенных напротив казарм¹⁴.

Структура бригады выглядела следующим образом: во главе бригады стоял полковник русского Генерального штаба — Заведующий обучением персидской кавалерии; русские офицеры и урядники считались его помощниками — наибами. Во главе каждого полка стоял иранский генерал в звании сартипа (генерал-майора), который находился в подчинении у младшего по званию русского офицера-инструктора. Эти русские офицеры и были фактическими командирами полков. В каждом полку в распоряжении русского офицера находились по одному уряднику, с чьей помощью офицер обучал полк. Полк, или фодж, делился на 4 эскадрона (сотни), которыми командовали иранские штабс-офицеры. Со своей стороны, эскадрон делился на 4 дасте (взвода)¹⁵.

Следует заметить, что Персидскую казачью бригаду обучали по сокращенным русским военным уставам, тем не менее, впервые в истории иранской регулярной армии этот процесс был организован правильно. Сначала обучали каждого казака в отдельности, затем проводили эскадронное, полковое и бригадное учения¹⁶, что давало возможность равномерного обучения всех частей бригады.

В июне 1885 г. истек срок службы полковника Чарковского. Согласно телеграмме российского посланника в Тегеране в связи с окончанием срока контракта с полковником Чарковским иранское правительство стало ходатайствовать о возобновлении такого же контракта с его предшественником полковником Домантовичем. Однако, как выясняется, посланник посчитал вторичное назначение Домантовича «неудобным». По мнению посланника, Чарковского вполне мог сменить завершающий свою работу в качестве комиссара разграничительной комиссии с Пер-

¹⁴ Ржевусский А. В *Тегеран. Дорожные заметки*. Пятигорск, 1911, с. 23, 24.

¹⁵ Мисль-Рустем. *Персия при Наср-эддин-шахе*, с. 148.

¹⁶ Там же, с. 148–149.

сией со стороны Закаспийской области полковник А. Н. Кузьмин-Караваев, тем более что последний уже дал согласие на замещение этой должности.

В начале июля 1885 г. российский военный министр поддержал кандидатуру полковника Кузьмина-Караваева на замещение должности заведующего бригадой¹⁷. Тогда 25 января/6 февраля 1886 г. посланником в Тегеране тайным советником Мельниковым был заключен контракт с иранским правительством о назначении полковника Кузьмина-Караваева заведовать обучением персидской кавалерии¹⁸.

Как отмечал в своем отношении на имя помощника главноначальствующего гражданской частью на Кавказе российский посланник, условия контракта относительно служебных обязанностей русских офицеров-инструкторов, назначение им содержания и проездных денег остались без изменений, как это было при Домантовиче и Чарковском¹⁹. Тем временем, как видно из рапорта временно командующего войсками округа на имя начальника Главного штаба, 5 февраля была упразднена упомянутая разграничительная комиссия, следовательно, полковник Кузьмин-Караваев мог отправиться в Тегеран. Однако, по мнению временно исполняющего обязанности командующего, необходимо было прежде всего решить несколько вопросов. Он спрашивал «ходатайство и распоряжение» начальника Главного штаба «о высочайшем утверждении полковника Кузьмина-Караваева заведующим обучением персидской кавалерии с сохранением за ним: штатного его места, жалованья по чину из усиленного оклада, столовых по штатной его должности и прочего содержания, как-то было назначено полковнику Домантовичу». Поскольку полковник Кузьмин-Караваев состоял на службе при Главном штабе, то было необходимо командировать его в распоряжение кавказского начальства на все время его пребывания в Персии. Далее речь шла о командировании

¹⁷ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928, д. 57 (1885–1887 гг.), л. 1–2, 18 об.

¹⁸ Там же, л. 6–9.

¹⁹ Там же, л. 4–4 об.

в распоряжение кавказского начальства избранного Кузьминым-Караваевым инструктором поручика гвардейской конной артиллерийской бригады Блюмера с оставлением его в той же бригаде и с сохранением жалованья по чину. При этом необходимо было решить вопрос о своевременной отправке Кузьмина-Караваева и нового состава инструкторов в Тегеран. Согласно одиннадцатому пункту контракта, полковник Кузьмин-Караваев и офицеры должны были прибыть в Тегеран не позже чем через два с половиной месяца после подписания контракта, т. е. к 9 апреля 1886 г. Поэтому, как считал временно командующий войсками округа, «необходимо, чтобы испрашиваемое высочайшее утверждение полковника Кузьмина-Караваева заведующим обучением персидской кавалерии и распоряжение о командировании поручика Блюмера состоялось бы безотлагательно, иначе названные офицеры не будут иметь возможность выполнить означенную статью контракта»²⁰. Поручика Блюмера предполагалось назначить в помощь Кузьмину-Караваеву²¹.

В своем рапорте на имя императора военный министр генерал-адъютант Ванновский указал на то, что со стороны Министерства иностранных дел не было никаких возражений по поводу этих назначений. По мнению военного министра, Кузьмин-Караваев отвечал всем требованиям для замещения указанной должности и предлагал императору согласиться с ходатайством генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова о предоставлении ему права «заместить по своему усмотрению других офицеров и нижних чинов, командируемых в помощь инструктору персидской кавалерии». Испрашивалось соизволение императора на назначение полковника Кузьмина-Караваева заведующим обучением персидской кавалерии, а в помощь ему — трех офицеров и пяти нижних чинов по выбору командующего войсками на Кавказе. Между прочим, среди предложенных кандидатур инструкторов находился и поручик гвардейской конно-артиллерийской бригады Блюмер.

²⁰ РГВИА, ф. 401, оп. 4/928, д. 57, л. 18 об.–19.

²¹ Там же, л. 21.

4 марта 1886 г. последовало «высочайшее соизволение»²², а три дня спустя, 7 марта, император издал приказ по Генеральному штабу о назначении состоящего в распоряжении начальника Главного штаба полковника Кузьмина-Караваева в распоряжение командующего войсками Кавказского военного округа, с оставлением в Генеральном штабе²³. Поскольку полковник Кузьмин-Караваев не занимал штатную должность в войсках округа и никаких распоряжений на этот счет не было получено, то начальник штаба решил внести в подлежащую смету по Кавказскому военному округу содержание Кузьмина-Караваева «по окладам присвоенным последней его штатной должности»²⁴. По прибытии Кузьмина-Караваева в Тегеран российский посланник намеревался устроить ему встречу с тогдашним военным министром Камран-мирзой Наибом ос-Салтане. На этой встрече по замыслу посланника должны были обсудить вопрос об установлении определенных сроков для выдачи заведующему бригадой сумм, ассигнуемых по бюджету военного министерства на содержание казачьей бригады, а также сроков для представления отчетов по расходованию этих сумм. Заключение подобного соглашения с военным министром по этим вопросам посланник считал «крайне необходимым», поскольку он стал часто получать жалобы от полковника Чарковского на несвоевременную выдачу денег, предназначенных для содержания бригады. Кроме того, соглашение избавило бы его впредь от недоразумений, которые возникли после отъезда из Тегерана полковника Чарковского. Дело в том, что полковник Чарковский несвоевременно представлял отчетность на содержание бригады. Посланник в Тегеране ставил в известность кавказские власти о том, что из прежнего состава офицеров-инструкторов есаул Маковкин, временно исполняющий обязанности заведующего бригадой, изъявил желание остаться на дополнительный трехлетний срок. Следовательно, посланник просил командиро-

---

²² Там же, л. 22 об., 26.

²³ Там же, л. 28.

²⁴ Там же, л. 29 об.

вать в Тегеран, согласно контракту, еще двух офицеров и одного урядника²⁵.

Из-за большого денежного долга бригады новому командиру пришлось уделить основное внимание решению финансовой проблемы. Дело в том, что хотя полковник Кузьмин-Караваев с помощью экономии денежных средств смог погасить задолженность бригады, однако вместо того чтобы подумать о дальнейшем развитии и расширении бригады, боясь новых долгов, заметно сократил ее состав. Согласно официальным данным, в бригаде числилось 800 казаков, но в действительности ее состав едва достигал 200–250 человек. Причина этого заключалась в том, что с целью экономии денежных средств командир бригады часто прибегал к распространенной в то время в иранской армии практике — предоставлял отпуска большей части рядового состава²⁶. Хотя полковник Кузьмин-Караваев и уплатил долги бригады, однако пользы ей он не принес. В 1889 г. командир вывел из состава бригады небоеспособный эскадрон ветеранов «Кадама». Видимо, во времена Кузьмина-Караваева был упразднен и второй казачий полк. По свидетельству Дж. Керзона, к 1890 г. в казачьей бригаде было всего два полка: один — мохаджеров, другой — добровольцев (Дж. Керзон называет его «буми», т. е. местный, туземный)²⁷.

Вражда и несогласие царили как среди самих мохаджеров, так и между ними и добровольцами. По свидетельству В. А. Косооговского, мохаджеры — выходцы из знатных фамилий — считали себя униженными, если командирами им назначали неродовитых мохаджеров, многие из которых находились прежде у них в услужении. По этой причине многие мохаджеры самовольно оставляли службу в бригаде, а других как смутьянов исключали из бригады²⁸. Мохаджеры по сравнению с добровольцами занимали привилегированное положение в бригаде. Их полк считал-

²⁵ РГВИА, ф. 401, оп. 4. 928, д. 57, л. 4 об.–5.

²⁶ Мисль-Рустем. *Персия при Наср-эддин-шахе*, с. 146.

²⁷ Curzon G. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1, p. 595.

²⁸ Косооговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 393.

ся основным. Кроме того, казаки-мохаджеры получали жалованья больше, чем добровольцы²⁹.

Экономия финансовых средств, осуществленная полковником Кузьминым-Караваевым, дала возможность прибывшему в 1890 г. в Тегеран новому командиру Персидской казачьей бригады полковнику Николаю Яковлевичу Шнеуру улучшить ее материальное положение. Сэкономленные Кузьминым-Караваевым деньги полковник Шнеур сразу же использовал — выстроил себе на территории казачьего лагеря особняк, вызвал для бригады из России кузнеца, шорника, врача и ветеринара. Приобрел для артиллерии русских лошадей. На все это он потратил значительную часть бюджета бригады. В результате такой бесхозяйственности на бригаду обрушился новый финансовый кризис. Полковник надеялся, что получит дотацию от иранского правительства, однако оно ограничивалось пустыми обещаниями. Резкое ухудшение финансового положения бригады вынудило полковника Шнеура большую часть рядового состава бригады постоянно держать в отпуске.

В результате реальная численность бригады была сокращена вдвое. Именно в этот кризисный для бригады период иранское правительство решило провести проверку. Во время осмотра в ней оказалось всего 450 человек. Созданной ситуацией воспользовалось иранское правительство, которое потребовало от полковника Шнеура уменьшить бюджет бригады на одну треть, т. е. на 30 тыс. руб. Однако в результате переговоров, которые велись между иранским правительством и командиром бригады по вопросу о сокращении бюджета, была достигнута договоренность — урезать бюджет лишь на 12 тыс. Тем не менее численность казаков была значительно сокращена. Согласно положению, разработанному поверенным в делах России, сандраманом и военным министром, которое затем было подтверждено Насер эд-Дин-шахом, командир бригады брал на себя обязательство, кроме офицеров, пенсионеров, артбатареи, музыкантов и пешего отряда казаков, постоянно иметь в строю 200 конных

---

²⁹ См.: Curzon G. *Persia and the Persian Question*. Vol. 1, p. 596.

единиц, остальную же часть рядового состава бригады — держать в отпуске.

Таким образом, в результате неумелого руководства полковника Шнеура к концу его командировки в бригаде оставалось всего 300 человек, в том числе — 170 всадников³⁰. Не улучшилось положение и после ухода полковника Шнеура (май 1893 г.), когда остатки бригады были переданы ротмистру Бельгарду. По сообщению полковника В. А. Косоговского, во время обучения бригады ротмистр основное внимание уделял внешней стороне дела. Для него было важно, чтобы казаки хорошо овладели церемониальным маршем, а также искусством рубки и преодолением препятствий³¹.

---

³⁰ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 393–394.

³¹ Там же.

ГЛАВА V

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУДИЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ В ИРАНЕ (1894–1903)

После пятнадцатилетнего существования (1879–1894), чуть было не закончившегося ее расформированием, Персидская казачья бригада вступила в качественно новый период своего развития (1894–1903). Для того чтобы понять, какие именно факторы способствовали превращению Персидской казачьей бригады в активного проводника политики царизма в Иране, необходимо, прежде всего, рассмотреть динамику все нарастающего англо-русского экономического и политического противоборства по всему периметру азиатских границ России.

В середине 80-х годов территориальные захваты в Центральной Азии, произведенные царской Россией, завершились тем, что последняя стала непосредственно граничить не только с Ираном, со стороны Закаспийской области, но и с Афганистаном. Последнему, впрочем, как и Ирану, Англией была отведена роль буфера в защите своих колониальных владений в Индии¹.

---

¹ В свое время публицист и ученый М.И. Венюков правильно оценил место Индии в англо-русских отношениях. «Россия и Англия, — писал М. Венюков, — в наше время являются в Персии, как и вообще в Азии, державами соперничающими. И не то чтобы спор шел о непосредственном господстве англичан или русских над печально-пустынным Ираном, а корень недоброжелательства первых к последним скрывается вне этой страны и состоит

Как справедливо заметил в свое время дипломат А. Лобанов-Ростовский, «любое движение России по направлению Центральной Азии вызывало глубокую озабоченность Англии»². События в Ахалтекинском оазисе вызвали глубочайший кризис в англо-русских отношениях. И только благодаря последовавшей демаркации афгано-русской границы в 1885 г., набравший силу кризис удалось разрешить мирным путем³. В результате Англия сохранила свое монопольное влияние на Афганистан.

Что же касается Ирана, здесь ситуация складывалась таким образом: страна фактически была поделена Россией и Англией на сферы влияния. Весь север страны находился под русским, а юг и юго-восток — под английским влиянием. Из-за слабости развития русского капитализма еще в 80-х годах XIX в. Россия занимала в своей торгово-экономической деятельности в Иране позицию обороняющейся стороны, взяв тогда на вооружение политику обструкционизма, которая не допускала иностранный капитал в сферу русского влияния. Венцом такой политики стал запрет Россией в 1890 г. железнодорожного строительства в Иране.

Однако уже в 90-х годах, в результате бурного развития торгово-промышленного капитализма в России, чему в немалой степени способствовали крупные французские финансовые вливания в российскую экономику⁴, торгово-экономическая и политическая деятельность России резко активизировалась. В течение многих десятилетий Россия постоянно имела хроническое отри-

---

в опасении Англии потерять Индостан, куда дорога с северо-запада лежит через Персию». См.: Венюков М. И. Россия и Англия в Персии. — *Русский вестник*, 131 (СПб., Октябрь 1877), с. 15.

² Lobanov-Rostovsky A. *Russia and Asia*. Ann Arbor, 1961, p. 161–162.

³ *The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919*. Edited by Sir A. W. Ward, Litt. D., F. B. A. and G. P. Gooch, M. A., Litt. D. Vol. III, 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971, p. 187–191.

⁴ В течение 1888–1891 гг. Россия получила французский заем в размере 4 млрд. фр. Между прочим, этот заем, как и франко-русское сближение, завершившееся заключением военного соглашения в 1894 г., наряду с незаурядными талантами министра финансов России С. Ю. Витте, дало финансовую возможность России планировать дальнейшее территориальное расширение в Азии. См.: Anatole G. Mazour, *Russia: Tsarist and Communist* (New York, 1963), p. 309.

цательное торговое сальдо с Ираном, за период 1894–1903 гг. она смогла в два с половиной раза увеличить свой торговый оборот с ним, став впервые ведущим торговым партнером⁵.

Бурный рост промышленности в России поставил на повестку дня поиск новых рынков сбыта в Иране для российской обрабатывающей промышленности. В результате стремительного роста русско-иранской торговли взоры России устремились и в сторону Персидского залива. С целью дальнейшего проникновения на юг Ирана в 1897 г. Россия открыла свое консульство в Исфагане. «Учреждением его императорское министерство, — как сообщали из российской миссии в Тегеране, — несомненно, имело в виду подвергнуть более близкому наблюдению обширный край вдоль Персидского залива и реки Карун, уже давно привлекавший особое, усиленное и ревнивое внимание наших всегдашних соперников — англичан»⁶. Окрепшие торгово-промышленные круги России в конце XIX — начале XX в. стали предпринимать конкретные шаги: российские торговые и военные суда стали все чаще посещать порты Персидского залива. Ревностно охраняя свое монопольное право на залив, Англия вполне могла узреть в действиях России даже *casus belli* для начала войны.

Повышенный интерес России к юго-восточным провинциям Ирана, Систану и Белуджистану, лежащим по дороге в Индию, еще больше усилили подозрение Англии в отношении истинных намерений России. Рекогносцировки дорог данного региона, а также сбор разведанных со стороны русских военных и гражданских лиц, принявших особо активный характер именно в конце 90-х годов XIX — начала XX в., стали вызывать серьезную тревогу в британских военно-политических кругах. Настораживал англичан и тот факт, что Россия «старалась привести к падению любое официальное лицо, проявлявшее пробританские симпатии»⁷. Все эти действия соперника расценивались в Ан-

⁵ См.: Попов А. Л. Англо-русское соперничество на путях Ирана. — *Новый Восток*, 1926, № 12. М., с. 137.

⁶ *Архив внешней политики России, фонд «Персидский стол»*, год 1897, ед. хр. 877, ч. I, л. 415 (далее: АВПР).

⁷ *Iran Political Diaries, 1881–1965*. Vol. 2, p. 200.

глии как посягательство на британские стратегические интересы в Иране, продиктованные безопасностью Индии⁸.

Следует заметить, что провал английской табачной концессии Тальбота также в немалой степени способствовал росту влияния России за счет Англии в начале 90-х годов XIX в.⁹ Широкое выступление против табачной монополии, организованное шиитским духовенством и поддержанное русскими, оказалось в копилке русской дипломатии. Таким образом, расширение политико-экономического влияния России в Иране, а также «неожиданный» повышенный интерес к Персидскому заливу и юго-восточным районам Ирана стали основной причиной крайнего обострения англо-русского исторического противоборства в этой стране. В этой связи абсолютно прав исследователь Роберт Мак-Даниэль, утверждавший, что «если какой-либо период можно было бы характеризовать преобладанием англо-русского соперничества в Иране, то им могли бы стать последние годы девятнадцатого века»¹⁰.

Именно тогда в России произошли два события, которые повлекли за собой кардинальные изменения ее внешней политики: восшествие на престол Николая II и усиление влияния военных кругов на внешнюю политику страны. Рост экономического развития России явился стимулятором ее внешнеполитической активности. Отныне укрепление позиций Персидской казачьей бригады в Иране стало отвечать внешнеполитическим задачам России. Не случайно, что качественный рост бригады, впрочем, как и повышение статуса ее командира в 1895, а затем в 1900 г., совпал именно с периодом наивысшей активизации русской политики в Иране (1894–1903).

Желание основателя бригады полковника Домантовича, находившегося в Иране с 1879 по 1881 г., создать в стране се-

---

⁸ *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I, Series B. The Near and Middle East, 1856–1914.* Editor David Gillard. Vol. 13. University Publication of America. 1985, p. 160.

⁹ См.: *The Cambridge History of Iran. From Nadir Shah to the Islamic Republic.* Ed. Peter Avery, Gavin Hambly and Charles Melville (Cambridge, 1991). Vol. 7: 196.

¹⁰ См.: McDaniel Robert. *The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution.* Minneapolis, 1974, p. 10.

рьезную боевую казачью часть, а его стремление получить официальный статус военного агента, чтобы таким образом освободиться от плотной опеки русской дипломатической миссии, обошлись дорого не только ему самому, но и его детищу. Дело в том, что царская Россия не была заинтересована в создании эффективной военной силы в Иране¹¹. Именно поэтому после отъезда А. Домантовича в 1881 г. бригада по существу оказалась в затяжном упадке, который привел в итоге к кризису 1894 года¹².

В то время, когда Персидская казачья бригада стояла перед реальной опасностью расформирования, 7 марта 1894 г. ее командиром был назначен полковник Генерального штаба России Владимир Андреевич Косооговский¹³. К приезду Косооговского положение бригады было настолько безнадежным, что правитель Ирана Насер эд-Дин-шах даже потерял к ней всякий интерес. Что же касается военного министра, третьего сына шаха принца Камран-мирзы Наиб ос-Салтане¹⁴, англофила, которому подчинялась бригада, то он предлагал своему отцу вообще упразднить ее, а вместо нее создать шахский конвой из 165 казаков, при одном русском офицере. Наиб ос-Салтане был широко изве-

---

¹¹ См.: Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения. — *Добавление к Сборнику материалов по Азии*, С.-Петербург, 1902, № 6, с. 35–36 (далее: Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году).

¹² Об этом периоде из истории Персидской казачьей бригады смотри: Uzi Rabi and Nugzar Ter-Oganov. The First Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1897–1894. — *Iranian Studies*. Vol. 42, № 3, June 2009, p. 445–463.

¹³ Косооговский В. А. — выпускник Николаевского кавалерийского училища, принял участие в боевых операциях в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹⁴ Наиб ос-Салтане был самым любимым сыном Насер эд-Дин-шаха. Еще в 1858–1859 годах он был назначен военным министром, а в 1860–1861 гг. к этой должности прибавился и пост губернатора Тегерана. Используя благорасположение своего отца, Наиб ос-Салтане постоянно привлекал его внимание к своим показным успехам. См.: Абуль Хасан Бозорг Омид. *Аз маст ке бар маст. Мохтави-йе хатерат ва мошакхедат* (без места и даты), с. 79 (на перс. яз.).

стен как противник России, и следовательно, он не питал симпатий в отношении казачьей бригады. Тем не менее, шах, опасаясь ожидаемого недовольства со стороны правительства царской России, не дал ему своего согласия¹⁵.

Тем временем дипломатический представитель Германии, уверенный в неизбежной ликвидации бригады, уже вел переговоры с иранским правительством о замене русских инструкторов бригады немецкими инструкторами. Явно недружественные действия немецкого дипломата не могли уже возмутить Россию, поскольку после смерти германского канцлера Отто Бисмарка русско-немецкий раскол, происшедший в угоду франко-русскому сближению, уже был свершившимся фактом¹⁶. Но к удовольствию России, переговоры окончились благополучно для нее, так как сумма, затребованная немцами на содержание бригады, показала иранцам чрезмерной.

Прибыв в Тегеран 11 мая 1894 г., полковник Косоговский застал Персидскую казачью бригаду в глубоком упадке. Вот как описывает он свои первые впечатления: «Я очутился в неведомом мне дотоле мире, во главе учреждения, изображавшего собою нечто вроде Панамы: денежный ящик пустой; вместо наличных казенных сумм — 38 000 долгу; вместо 500 строевых казаков, всего годных к казачьей службе — 165 конных; самостоятельных командиров в бригаде оказалось ровно столько, сколько было налицо русских офицеров и урядников...»¹⁷ Между тем, как свидетельствует сам Косоговский, местные власти не жаловали бригаду: они очень неохотно платили за ее содержание, чем «едва не дове-

---

¹⁵ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 395. Поведение Насер эд-Дин-шаха не вызывает удивления, поскольку больше всех каджарский шах побаивался русских, которым он старался не перечить, что в последующем дало о себе знать и в вопросе о выборе наследника престола. См.: Назем оль-Эслам Кермани, *Тарих-е бидари-ие ираниан*. Под редакцией Али Акбар Саиди Сирджани, Бахш-е аввал, Чап-е панджом. Техран, 1376, с. 127.

¹⁶ См.: Mazour Anatole G. *Russia: Tsarist and Communist*, p. 309.

¹⁷ Персия в конце XIX века (дневник генерала Косоговского). — *Новый Восток*, 1923, № 3, с. 447–448.

ли ее до последнего издыхания»¹⁸. В такой сложной обстановке, при некоторой инертности русской дипломатической миссии¹⁹, когда решалась судьба бригады, полковник Косооговский проявил себя способным и энергичным командиром. Для исправления создавшегося положения он, в первую очередь, взялся за упорядочение бюджетных вопросов бригады. Для погашения имеющегося бюджетного дефицита он наметил меры по сокращению расходов. Приступив к пополнению состава бригады, Косооговский столкнулся с серьезной проблемой «мертвых душ». Дело в том, что когда им срочно были вызваны в бригаду казаки, находившиеся в то время в отпусках, глазам командира предстала удручающая картина. Несмотря на то, что многих отпускников уже не было в живых, они продолжали числиться в списках полков, командиры которых продолжали получать половинное жалование за них, фактически за «мертвые души»²⁰. Таким образом, было налицо полное разложение бригады. Чтобы впредь избежать подобных случаев, по приказу Косооговского был установлен строгий контроль над «умирающими мохаджерами»²¹.

Одной из самых сложных проблем, от решения которой во многом зависела дальнейшая судьба бригады, был вопрос о привилегиях мохаджеров, составлявших костяк бригады. Как известно, мохаджеры с самого образования бригады всегда пользовались большими привилегиями, по сравнению с добровольцами. Так, например, они безнаказанно, по своему желанию, могли уходить из бригады, за что не несли никакой дисциплинарной ответственности. Находясь под фактическим покровительством военного министра и даже самого шаха, часто командиры

---

¹⁸ Там же, с. 449.

¹⁹ Со слов Косооговского, существовали определенные трения между командиром бригады и русской дипломатической миссией, причина которых состояла в том, что ее члены «продолжали, — как и при прежних командирах бригады, — давать свои наставления», что очень не пришлось по вкусу амбициозному Косооговскому. См.: Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 396, а также: Персия в конце XIX века, с. 448.

²⁰ Косооговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 395.

²¹ Там же, с. 397–398.

бригады были вынуждены не только не наказывать провинившихся мохаджеров, но и принимать их обратно в состав бригады, а порой и награждать их!²²

Уяснив пагубность такого ненормального положения, Косоговский решил исправить его, сделав равными в правах мохаджеров и добровольцев, как рядовых, так и офицеров, чтобы таким путем положить конец существовавшему неравенству. А для этого предварительно следовало расшатать могущество мохаджеров посредством ослабления их крепких внутривидовых связей. С этой целью Косоговский рассеял их по всей бригаде равномерно. Кроме того, чтобы окончательно подорвать влияние мохаджеров, он начал ставить добровольцев выше них, подчеркивая тем самым к ним свое благорасположение. Он также обратил внимание на чрезмерное число офицерских чинов в бригаде. Следует заметить, что при прежних командирах нашла широкое распространение порочная практика продажи офицерских чинов, в результате которой в бригаде безмерно выросло число офицеров. Чтобы приостановить ненужный рост офицерского состава, а также чтобы искоренить практику получения офицерского звания по наследству, по протекции или же попросту с помощью взятки, по приказу командира бригады сыновья мохаджеров и немохаджеров, желавшие получить офицерское звание, отныне должны были начать военную службу непременно с унтер-офицерского звания. Этим командир бригады, во-первых, противопоставил мохаджерам добровольцев и в лице последних создал себе прочную основу внутри бригады и, во-вторых, сумел навести порядок в деле обучения офицерских кадров²³. Одним словом, Косоговский, отобрав привилегии у мохаджеров, лишил их элитарного положения в бригаде.

Успехи Косоговского в деле укрепления бригады не всем пришлись по вкусу. Согласно его заявлению, палки в колеса бри-

²² Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 397.

²³ Однако, если верить Н. П. Мамонтову, посетившему летом 1908 г. Иран и имевшему возможность близко познакомиться с казачьей бригадой, иранские офицеры фактически не получали военного образования, а производство в офицеры полностью зависело от желания командира бригады. См.: Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*, с. 92.

гады, а также лично ему ставили как иностранцы, так и «высокопоставленные персияне». Так, английский военный агент полковник Генри Пико «открыто ездил по рядам во время смотров и считал, сколько людей полковник вывел на смотр, чтобы донести свои наблюдения Наиб ос-Салтане»²⁴. Конечно, это делалось с определенным умыслом — собрать доказательства неэффективности работы русского командира и его подручных. Среди чинимых ими помех, по мнению Косоковского, был и преднамеренный срочный перенос даты смотра бригады с целью ее срыва с 15 сентября на 2 сентября. Однако и эта уловка не помешала командиру показать плоды своей трехмесячной неустанной работы: уже 2 сентября 1894 г. проведенный в присутствии шаха смотр бригады превзошел все ожидания — под его командой находились 500 экипированных и обученных конных казаков²⁵.

Между тем восстановление бригады продолжалось. За умелое руководство военными маневрами, организованными 1 декабря 1894 г., военным министерством уже 3 декабря на торжественном официальном приеме (*саляме*) у шаха (по приказу последнего) полковник Косоковский удостоился почетной ленты Амир Тумана. Кроме того, отныне на Косоковского возлагалась ответственность за организацию маневров, что еще больше подняло его престиж в глазах шахского двора.

Отмена привилегий настолько затронула интересы, а также самолюбие мохаджеров, что они не выдержали и взбунтовались. 5 мая 1895 г. мохаджеры покинули бригаду, забрав свои наследственные пенсии (на сумму 20 тыс. туманов), то есть часть бюджета бригады. Дело осложнилось и тем, что вслед за ними последовали и многие волонтеры. В результате этого бунта над бригадой нависла серьезная опасность. Тем временем Наиб ос-Салтане — ярый противник бригады — уже праздновал свою победу. Воспользовавшись фактическим распадом бригады и желая «убить русскую» бригаду, он 9 мая из дезертировавших казаков организовал отдельно т. н. Персидскую бригаду, начальство над которой

²⁴ Косоковский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 398.

²⁵ Там же, с. 395.

он передал своему зятю Маджд од-Доуле и мирпянджу (генерал-лейтенанту) казачьей бригады Али-хану²⁶.

Происшедший раскол бригады, как можно было этого ожидать, оказался весьма желательным для англичан. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что сразу после начала бунта Наиб ос-Салтане начал переговоры с английским военным атташе Генри Пико по вопросу о приглашении в бригаду английских военных инструкторов. Именно это обстоятельство имел в виду исследователь С. Ломницкий, когда писал, что «еще недавно господа англичане предлагали для командования казачьей бригадой своего полковника и офицеров и даже принимали на себя все расходы по их содержанию»²⁷. Возникла реальная угроза перехода бригады в руки англичан. Можно сказать, что наступил один из самых критических моментов за всю историю бригады. Ситуация еще более осложнилась намерением Наиб ос-Салтане не возобновлять контракта с русским правительством и тем самым решительно вырвать бригаду из рук русских инструкторов по истечении срока службы полковника Косоговского в 1895 г.

Как и следовало ожидать, раскол бригады убедил Косоговского в шаткости положения ее русских офицеров-инструкторов. Ведь речь шла, на самом деле, о смене русского инструкторского состава английским. Осознав серьезность намерений англичан и, следовательно, весь драматизм ситуации, в действие вступила русская дипломатическая миссия, которая через министра прессы, известного иранского хроникера Эттемад ос-Салтане, обратилась к шаху с настоятельной просьбой немедленно положить конец «существованию двух бригад». Шах удовлетворил просьбу русской стороны, но в ответ выставил свои требования Косоговскому, которые касались амнистии провинившихся мохаджеров, широко практиковавшейся в жизни бригады. Командир бригады дал слово шаху простить их, но при условии, что шахом будут при-

²⁶ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 398.

²⁷ Ломницкий С. *Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг.* СПб., 1902, с. 150.

няты разработанные Косоховским 27 пунктов «Положения 24 мая 1895 года»²⁸.

Кризис в бригаде ясно показал Косоховскому слабость правовой базы деятельности русских офицеров-инструкторов в Иране. Для того чтобы избежать повторения подобного инцидента в будущем, Косоховский счел необходимым добиться для русских офицеров эксклюзивного права обучения Персидской казачьей бригады, а также увеличения прав ее командира. Эта основная мысль и была заложена в упомянутом «Положении» Косоховского. Согласно одному из пунктов «Положения», иранское правительство брало на себя обязательство приглашать в бригаду только русских инструкторов, независимо от того, устраивала или нет иранских властей личность командира. Тем самым шах должен был признать за Россией эксклюзивное право на управление бригадой. «Положением» устанавливалось фактическое равноправие между мохаджерами и добровольцами. Следует заметить, что, прочитав персидский текст «Положения», шах без возражений и поправок принял все его пункты и передал для ознакомления присутствовавшим там садр-азаму Али Асгар-хану Амин ос-Солтану²⁹ и военному министру Наиб ос-Салтане. Как свидетельствует сам Косоховский, садр-азам без возражений подписал его, приложив при этом свою печать, в то время как Наиб ос-Салтане категорически отказался подписывать его. И только шахская угроза отстранить его от занимаемой должности сломила сопротивление военного министра, и он был вынужден дать свое согласие, закрепленное так же подписью и печатью. Таким образом, был положен конец 16-дневному существованию второй так называемой Персидской бригады.

«Положение от 24 мая 1895 года» внесло существенные коррективы в статус «Заведующего обучением персидской кавале-

---

²⁸ Косоховский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 397.

²⁹ Абуль Хасан Бозорг Омид уверяет, что дед Амина ос-Солтана по происхождению был грузином из племени лачинцев. См.: Абуль Хасан Бозорг Омид. *Аз маст ке бар маст*. Мохтави-ие хатерат ва мошахедат. Без места и даты, с. 78. Следует предположить, что, упоминая о племени *лачинцев*, автор, скорее всего, имел в виду *рачинцев* — обитателей Рачи, края в Западной Грузии.

рии», как до того официально именовалась эта должность. Согласно «Положению», за заведующим твердо закреплялись права боевого командира³⁰. Отныне командир бригады должен был подчиняться непосредственно садр-азаму³¹. Таким образом, бригада была выведена из-под контроля военного министра, англофила Наиб ос-Салтане (в глубине души ненавидящего русских) и подчинена садр-азаму, русофилу Али Асгар-хану Амин ос-Солтану³², сыгравшему в дальнейшем положительную роль в укреплении влияния бригады в Иране. Вместе с тем «Положение» укрепило статус русских инструкторов в бригаде³³. Согласно полковнику Ляхову, Косоговский сумел упрочить положение бригады, «ставшей в его время ближайшей охраной для шаха в Тегеране и подерживавшей его власть во всей Персии»³⁴.

Принятие «Положения» шахским правительством отняло у англичан (и не только у них) надежду на перехват или развал бригады. Благодаря этому документу, исключалась даже теоретическая возможность захвата бригады англичанами. «Положением» окончательно были уравнены права мохаджеров и немохаджеров. Утверждение неограниченных прав командира бригады объективно способствовало превращению Персидской казачьей бригады в действенное военно-политическое орудие царской России, чего так опасались англичане. Видимо, с учетом требований этого «Положения», в тот же день, 24 мая 1895 г., была заключена «Конвенция между Россией и Персией о командировании

³⁰ См.: Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 399.

³¹ Реза Раис Туси утверждает, что полномочия русского командира возросли в 1895 г., когда он стал ответственным только перед шахом и премьер-министром. См.: Reza Ra'iss Tousi. *The Persian Army, 1880–1907.* — *Middle Eastern Studies*. Vol. 24, No. 2, April 1988, p. 219.

³² Али Асгар-хан Амин ос-Салтан занимал эту должность с 1893 г. Позднее, во времена Мозаффар эд-Дин-шаха, ему вновь удалось вернуть ее. См.: Hafez Farmayan. *Portrait of a Nineteenth Century Iranian Statesman.* — *The Journal of Middle East Studies*, 15 (1983), p. 344. Амин ос-Солтан и Наиб ос-Салтане питали друг к другу открытую неприязнь, и каждая из сторон считала другую помехой на своем пути. См.: Абуль Хасан Бозорг Омид. *Аз маст ке бар маст*, с. 80.

³³ См.: Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады, с. 399.

³⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 142 об.

русских офицеров для заведования обучением Персидской кавалерии», подписанная российским посланником, тайным советником Евгением Карловичем Бюцовым и шахским садр-азамом Амин ос-Солтаном.

Конвенция состояла из пяти пунктов и включала в себя практически все основные положения традиционного контракта о найме русских инструкторов, заключаемого каждые три года между российской миссией и иранским правительством. Это касалось как состава военной миссии, так и размеров жалованья ее членов, проездных денег, путевых расходов командира бригады и инструкторов, источников их оплаты (пункты 2, 3 и 4). Пункт 5 особо подчеркивал значение подписанного персидским правительством «Положения от 24 мая 1895 года». Самым значимым был пункт 1, согласно которому русские офицеры-инструкторы отныне должны были руководствоваться как в строевом, так и в хозяйственном отношении уставами и правилами, существующими в русской армии!³⁵ Следует заметить, что этот пункт внес существенную поправку в контракт, который традиционно подписывался сторонами, поскольку здесь, в отличие от базового контракта, заключенного еще в 1879 г., специально оговаривалось, что бригада будет обучаться согласно русским военным уставам.

В дальнейшем, в результате «Положения от 24 мая 1895 года», закрепленного вышеупомянутой конвенцией, произошли существенные изменения во многих сферах деятельности Персидской казачьей бригады. Это касается таких вопросов, как срок службы командира и урядников, набор новобранцев, а также порядка назначений в бригаду иранских офицеров. Обычно, согласно контракту, срок службы командира, впрочем как и русских офицеров и урядников, был определен в три года, но отныне срок службы командира определялся уже русским правительством³⁶. Урядники также могли служить без ограничения срока. Что касается

³⁵ См.: *РГВИА*, ф. 2000, опись I, дело 6949, л. 163–164 (далее: *РГВИА*).

³⁶ Между прочим, после отъезда генерала Косооговского из Тегерана никто из последующих командиров бригады не служил более трех лет.

офицеров-инструкторов, то они, как и прежде, согласно контракту, должны были служить три года.

Если раньше, при формировании Персидской казачьей бригады, иранское правительство само определяло этнический состав рекрутов и их число, то теперь командир по своему усмотрению набирал рекрутов. Набор рекрутов проводился в основном среди тюрков Азербайджана и Казвина, а также из кочевников, обитающих по соседству с Тегераном, Кумом и Казвином. Небольшое число новобранцев набиралось также среди персов и гилянцев³⁷.

В первой половине февраля 1895 г. русским посланником Бюцовым была предпринята попытка расширения военных функций бригады. Так, во время визита в Иран генерал-лейтенанта Алексея Николаевича Куропаткина в феврале 1895 г. посланником было предложено Амин ос-Солтану для разоружения беспокойного туркменского племени йомудов использовать Персидскую казачью бригаду³⁸. Попытку использовать Персидскую казачью бригаду против выступлений местного населения с целью экзекуции можно считать первой в истории существования бригады. Вместе с тем, как видно из отчета, не все в России разделяли мнение о необходимости укрепления Персидской казачьей бригады. Например, сам Куропаткин, занимавший тогда пост генерал-губернатора Закаспийской области, полагал, что нужно бы брать пример с той политики, которую проводила Россия в отношении эмира Бухары и его войска. Следовало иметь влияние на шаха, с тем чтобы тот не только не увеличил, но, напротив, уменьшил бы бюджет армии. Вместе с тем, по его мнению, необходимо было изгнать

³⁷ См.: Picot's Henry. Report on Military Organization of the Persian Army in 1899, in: *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I, Series B. The Near and Middle East, 1856–1914.* Editor Gillard. Vol. 13. Persia, Britain and Russia, 1886–1907. University Publications of America, p. 228 (further: Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899).

³⁸ См.: Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 г., с. 15.

всех иностранных инструкторов и не допускать их повторного приглашения в Иран. В виде же исключения можно было допустить увеличение числа русских инструкторов «для внешнего обучения»³⁹.

Усиление потенциала бригады, а также авторитета ее командира совпало с правлением Мозаффар эд-Дин-шаха (1896–1907), вступившего на престол после гибели Насер эд-Дин-шаха, которого 19 апреля 1896 г. в мечети Шах Абдоль-Азима смертельно ранил панисламист Реза Кермани⁴⁰. Ответственность за неприкосновенность шахского трона, как и охрану порядка в Тегеране, Амин ос-Солтан возложил на двух иранских вельмож и полковника Косоговского⁴¹. До приезда в Тегеран наследника престола Мозаффар эд-Дин-мирзы полновластным хозяином столицы был полковник Косоговский. Он со своей бригадой обеспечил новому шаху Ирана мирный и беспрепятственный въезд в Тегеран, за что 26 мая 1896 г. у тегеранских ворот Мозаффар эд-Дин выразил ему личную благодарность. Казачий конвой сопровождал шаха до самого дворца⁴². В знак своей благодарности, при вступлении на престол Мозаффар эд-Дин-шах пожаловал полковнику Косоговскому драгоценную награду — перстень, усыпанный бриллиантами. Это была первая награда, пожалованная новым шахом.

О роли бригады в возведении на престол Мозаффар эд-Дин-мирзы на шахский трон и о ее месте в иранском обществе британский военный атташе в Тегеране Генри Пико писал следующее: «Бригада подтвердила свое качество и характер своим прекрас-

---

³⁹ Там же, с. 36.

⁴⁰ Современный иранский исследователь эволюции судебной системы Ирана периода Конституционного движения и правления Реза-шаха Мохаммад Заранг убийство Насер эд-Дин-шаха руками одного из учеников Сеида Джемал эд-Дина Асадабади называет революционным террором. См.: Заранг Мохаммад. Тахаволл-е незам-е казай-йе Иран. Аз машруте та сокут-е Реза-шах (1285–1320 с.х.). Джелд-е аввал. Техран: Чапхане-йе маркяз-е аснад-е энклаб-е эслами, 1381, с. 133.

⁴¹ Косоговский В.А. *Из тегеранского дневника полковника Косоговского*, с. 19.

⁴² Там же, с. 52–53.

Мозаффар эд-Дин-шах Каджар (1896–1907 гг.)

ным поведением во время смерти Насер эд-Дин-шаха. Его величество Мозаффар эд-Дин-шах очень ей обязан оказанными ею услугами в тот критический момент. В Тегеране, где все расстроено и разрушено, как европейцы, так и персы считают ее единственным стабильным элементом»⁴³.

В России также дали высокую оценку действиям полковника Косоговского. Из Кавказского военного округа докладывали высшему начальству о том, что полковник Косоговский принял

---

⁵² См.: Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 229.

«выдающееся участие в поддержании законности и порядка среди тегеранского населения в тревожный период времени, наступивший непосредственно после убийства Насер эд-Дин-шаха и продолжавшийся до вступления в Тегеран на воцарение нынешнего Мозаффар эд-Дин-шаха»⁴⁴. В свою очередь, русский посланник Е. К. Бюцов с похвалой отозвался о действиях Косоговского, успешно выполнившего задачу, совпадавшую с политическими интересами России. За проделанную работу посланник ходатайствовал о пожаловании полковнику Косоговскому высочайшей награды, а наиболее отличившимся русским инструкторам — орденов и медалей⁴⁵.

После своей коронации шах не забыл об оказанной ему услуге, согласно его первому указу — дастихату от 18 июля 1896 г., бригада отныне должна была находиться под начальством садр-азама, чем был подтвержден один из основных пунктов «Положения 24 мая 1895 года». В соответствии со вторым дастихатом, садр-азам должен был сноситься по казачьим делам не с военным министром, как это было прежде, а непосредственно с мокарраб оль-хаканом, то есть с командиром Персидской казачьей бригады⁴⁶. Отныне ему следовало проявлять большее внимание к делам бригады. Позднее, в сентябре 1896 г., следующим своим дастихатом Мозаффар эд-Дин-шах еще больше укрепил власть русского командира⁴⁷. Согласно докладу полковника Аверьянова — делопроизводителя Главного штаба, Мозаффар эд-Дин-шахом были дарованы русскому полковнику-инструктору права полномочного командира бригады⁴⁸.

Таким образом, Персидская казачья бригада, впервые за всю историю существования регулярной армии в Иране, вышла

⁵³ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 35.

⁵⁴ Там же, л. 37 об.—38.

⁵⁵ РГВИА, ф. 446, д. 48, л. 25–25 об. Согласно руководству Сефевидской администрации «Тазкират аль-Мулук», мокарраб оль-хакан считался лицом, приближенным к шахской особе. См.: *Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safavid Administration*. Translated and explained by V. Minorsky. Cambridge, 1943, p. 55–56.

⁵⁶ РГВИА, ф. 446, д. 48, л. 61.

⁵⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 165 об.

из подчинения военного министерства, а подчинение бригады непосредственно садр-азаму означало повышение ее военно-политического статуса. Принимая во внимание благорасположенность Амин ос-Солтана к России, можно понять, почему этот шаг во многом способствовал резкому усилению русского влияния в стране. За годы правления Амин ос-Солтана бригада, находясь под командованием Косооговского, превратилась в самую организованную военную силу в Иране, в силу, которая верно служила интересам монархии Каджаров⁴⁹.

Тем временем росла оппозиция внутри политической элиты страны. 24 ноября 1896 г. противники авторитарного правления Амин ос-Солтана, возглавляемые лидером оппозиции Абдоль Хосейн-мирзой Фарман Фармой, поддерживаемым будущим премьером, либералом мирзой Али-ханом Амин од-Доуле, и алчной «тавризской свитой» Мозаффар эд-Дин-шаха, добились отстранения от должности всемогущего Амин ос-Солтана. Конечно, уход последнего с политической сцены был большой потерей для русской дипломатии, тогда как для англичан это было исполнением долгожданной мечты. В результате на двух ключевых постах оказались проанглийски настроенные политические деятели: на пост военного министра был назначен Фарман Фарма, а на пост министра внутренних дел — Мохбер од-Доуле, которых английский посланник Дюранд назвал «лучшими друзьями в Персии»⁵⁰.

На должность премьера Мозаффар эд-Дин-шах назначил также англофила — Амин од-Доуле. Для исправления все ухудшавшейся социально-экономической ситуации в стране новый премьер принялся за проведение целого ряда реформ, что сразу

---

⁴⁹ За заслуги перед Россией 1 января 1897 г. полковник Косооговский был награжден орденом Святой Анны II степени, а чуть раньше русским императором были переданы в дар шаху для бригады четыре пушки с полным имуществом на одну конную полубатарей, которые были доставлены в Тегеран в декабре 1896 г. См.: РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 36; а также: Архив внешней политики России, ф. «Персидский стол», год 1897, ед. хр. 877, ч. I, л. 6 (далее: АВГП).

⁵⁰ См.: Kazemzadeh Firuz. *Russia and Britain in Persia, 1864–1914*, p. 302–303.

не пришлось по вкусу бывшим союзникам по оппозиции — дворцовой клике, а также некоторым улемам⁵¹.

Оказавшись во главе военного ведомства, согласно донесению русского посланника, «Фарман Фарма старался получить при помощи клики “тавризцев”⁵² безграничную власть над шахом и устранить тех из своих коллег, которые могли помешать его видам»⁵³. Вместе с тем, подобно своему предшественнику, Фарман Фарма боролся за установление строгого контроля со стороны военного министерства над бригадой, ее бюджетом, а также русским командиром⁵⁴. По сообщению Косооговского, Фарман Фарма урезал бюджет бригады, разными путями старался уменьшить ее личный состав, расквартированный в Тегеране⁵⁵. Однако, как показали дальнейшие события, все его попытки по установлению контроля над бригадой оказались тщетными. В соответствии с «Положением 24 мая 1895 года», бригада по-прежнему подчинялась садр-азаму.

Между тем русский посланник Е. К. Бюцов ловко воспользовался создавшимся тогда благоприятным положением для решения наболевшего вопроса об определении постоянного источника финансирования бригады. Как выясняется из донесения 23 января 1897 г. на имя министра иностранных дел России, посланник поставил перед садр-азамом неперемное условие: чтобы продолжалась деятельность русских инструкторов, необходимо открыть кредит на годовые сметные расходы казачьей бригады в одном из европейских банков⁵⁶. В условиях тяжелого финансового и экономического положения в Иране, когда беспредел вла-

⁶⁰ См.: Кермани Назам оль-Эслам. *Тарих-е бидари-йе ираниан*. Бэ эхтемам-е Али Акбар Саиди Сирджани, чап-е панджом, Техран, 1376, с. 129.

⁶¹ Под «тавризцами» автор подразумевает рвавшуюся к власти многочисленную свиту Мозаффар эд-Дин-шаха, прибывшую в Тегеран из Тавриза и оказывавшую большое влияние на него.

⁶² *АВПР*, ф. «Персидский стол», год 1897, единица хранения 877, часть I, л. 45–45 об.

⁶³ Farmayan Hafez. *Portrait of a Nineteenth Century Iranian Statesman*, p. 346.

⁶⁴ См.: Косооговский. *Из тегеранского дневника полковника Косооговского*, с. 132.

⁶⁵ *АВПР*, ф. «Персидский стол», год 1897, ед. хр. 877, ч. I, л. 30–30 об.

стей довел население до состояния бунта, злоупотребления в военном ведомстве Фарман Фармы стали принимать немислимые размеры⁵⁷. Поняв, что в случае социального взрыва власти не смогут рассчитывать на помощь полностью дезорганизованной регулярной армии⁵⁸, шахский двор возложил всю надежду на бригаду. Не случайно, что после того, как по настоянию первого министра Амин од-Доуле в сентябре 1897 г. был уволен Фарман Фарма⁵⁹, Мозаффар эд-Дин-шах взял на себя главное «руководительство военным ведомством Персии»⁶⁰. В связи с происшедшим изменением С. Ломницкий писал: «Казачья бригада подчинена непосредственно шаху, и никакие военные власти, не исключая даже военного министра, не имеют права вмешиваться в дело командования, ни в ее внутренние распоряжки»⁶¹.

Необычайно возросшее влияние Косооговского при шахском дворе вынуждало вельмож и правительство нередко закрывать глаза на многие выходки командира бригады, даже тогда, когда он откровенно вмешивался во внутренние дела страны. Известно, например, какую позицию занял Косооговский в отношении попавшего в немилость садр-азама Али Асгар-хана Амин ос-Солтана. Вскоре после своего восшествия на престол Мозаффар эд-Дин-шах отстранил от должности Амин ос-Солтана, сослав его в город Кум. Тогда Косооговский взял опального премьера под свое покровительство, назначив ему переодетую в граждан-

---

⁶⁶ По сообщению полковника Косооговского, Фарман Фарма изрядно нагрел руки в результате организованного им пехотного лагеря под Тегераном летом 1897 г. Как выяснилось, 9/10 из отпущенных шахом 100 тыс. туманов «были нагло похищены и разошлись по рукам, причем львиная доля выпала на Фарман Фарму. Шах был возмущен тем, что Фарман Фарма обманул его насчет расходов, уверяя, что весь лагерь будет стоить не более 5–6 тыс. туманов».

См.: *РГВИА*, ф. 446, д. 48, л. 23 об.

⁶⁷ *АВПР*, фонд «Персидский стол», год 1897, ед. хр. 877, ч. I, л. 46, 139–140.

⁶⁸ В середине 1897 г. Амин од-Доуле был назначен на должность великого Вазир-е Азама (великого визиря), однако не удержался на этой позиции и 5 июня 1898 г. отказался от нее. См.: Hafez Farmayan. *Portrait of a Nineteenth Century Iranian Statesman*, p. 349.

⁶⁹ *АВПР*, фонд «Персидский стол», год 1897, ед. хр. 877, ч. I, л. 140.

⁷⁰ Ломницкий С. *Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг.*, с. 151.

скую одежду охрану из казаков. На требования шахского правительства — не заниматься самовольной защитой Амин ос-Солтана полковник Косоговский отвечал отказом. Почти на протяжении тех, по выражению Косоговского, «двух томительных лет» казачий отряд охранял Али Асгар-хана, пока 30 июня 1898 г. Мозаффар эд-Дин-шах не помиловал его и не вернул в Тегеран. А уже 30 июля бывшему премьер-министру вновь была пожалована должность первого чиновника государства⁶², за что, по утверждению английского посланника сэра Дюранда, Амин ос-Солтан был обязан русскому посланнику Бюцову⁶³.

Между тем, прослужив в Персидской казачьей бригаде более 3 лет, полковник Косоговский в январе 1898 г. обратился с ходатайством к начальнику Кавказского военного округа, чтобы на его место прислали другого офицера. Он просил отозвать его из Ирана к 9 марта 1899 г. с дальнейшим прикомандированием к Генеральному штабу для обработки собранных им за 4-летнее пребывание в Иране многочисленных и ценных материалов⁶⁴. Ходатайству полковника Косоговского дали ход. В секретном рапорте командующего войсками округа тогдашнему военному министру А. Н. Куропаткину⁶⁵ сообщалось о том, что уже вы-

---

⁷¹ Персия в конце XIX века (дневник генерала Косоговского), с. 448. Причину падения Амин од-Доуле и восстановления Амин ос-Солтана в прежней должности Назам оль-Эслам Кермани объясняет следующим образом: «Голодные из дворца стали считать Амин од-Доуле помехой на пути их интересов и во второй раз привели к власти Амин ос-Солтана». См.: Назам оль-Эслам Кермани, *Тарих-е бидару-йе ираниан*, с. 129.

⁷² См.: *British Documents on Foreign Affairs*. Vol. 13, p. 143–144.

⁷³ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 1. По признанию бывшего сотрудника военной разведки штаба Кавказского военного округа, впоследствии воспитателя Солтан Ахмад-шаха Каджара, штабс-капитана Константина Смирнова, полковник Косоговский много сделал для изучения Персии. Однако при всем том, по мнению Смирнова, «его информация слишком отдавала Хаджи-Бабой и презрением». См.: *Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузии*, ф. 39, д. 27, л. 75 об.

⁷⁴ А. Н. Куропаткин занимал этот пост в 1898–1904 гг. См.: V. M. Bezobrazov, *Diary of the Commander of the Russian Imperial Guard, 1914–1917*, Boynton Beach, 1994, Notes 365.

бран на освобождающуюся должность подполковник Генерального штаба Усов, которому предложили готовиться к отбытию в Иран. Вместе с тем до отъезда туда подполковник Усов должен был ознакомиться «теоретически» как с Ираном, так и с предстоящими обязанностями по части военной агентуры при содействии все еще находившегося там полковника Косоковского.

Как выясняется, подполковник Усов был прикомандирован к Ставропольскому юнкерскому училищу для преподавания военных наук. Командующий войсками Кавказского военного округа ходатайствовал о назначении подполковника Усова с 1 сентября 1898 г. в его распоряжение, «дабы он мог в Тифлисе под личным руководством генерал-лейтенанта Зеленого до 1 января 1899 г. закончить свою теоретическую подготовку изучением находящихся здесь материалов». Это, по мнению командующего, «могло облегчить Усову практическое ознакомление в Тегеране с делом»⁶⁶. Несмотря на просьбу командующего войсками Кавказского военного округа о замене Косоковского подполковником Усовым, военный министр решил повременить до получения окончательного вердикта министерства иностранных дел. Вместе с тем военный министр пояснил, что «учитывая местные условия Персии, замещение было бы целесообразно провести в начале марта 1899 г.»⁶⁷. Мотивы военного министра были продиктованы изменением политической ситуации в пользу России.

После возвращения садр-азама к делам дальнейшее пребывание опытного командира бригады Косоковского в Тегеране военный министр считал «весьма полезным». В связи с этим, последний «выразил желание, чтобы полковник Косоковский остался бы еще на некоторое время в занимаемой им ныне должности»⁶⁸.

⁶⁶ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 2–3. Между прочим, со ссылкой на русские газеты английский дипломатический источник сообщал о том, что якобы полковник Борисов назначен Заведующим обучением Персидской бригадой и уже выехал для занятия должности. См.: *Iran. Political Diaries. 1881–1965*. Vol. I. Oxford, 1997, p. 617.

⁶⁷ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 4–4 об.

⁶⁸ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 6.

Желание военного министра было равносильно приказу, и Косоговский остался. Вместе с тем, обращаясь в Главный штаб, военный министр писал: «Необходимо поощрить каким-либо знаком внимания службу полковника Косоговского. Прошу сообразить, чем именно?»⁶⁹

Тем временем события в Тегеране развивались таким образом, что благодаря спекуляциям на торговле хлебом, которыми широко занимались как министры, так и землевладельцы, столице стал угрожать голод. Беднейшие слои населения, а также солдаты регулярной армии стали выражать открытое недовольство своим положением. Казна была настолько пуста, что Мозаффар эд-Дин-шах не мог позволить себе выехать даже в обычное летнее путешествие по стране⁷⁰. В условиях ухудшения внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в Иране рассчитывать на материальную поддержку Персидской казачьей бригаде со стороны властей не приходилось. Сложившееся в результате этого тяжелое положение бригады заставило Косоговского записать в своем дневнике следующее: «И наше русское дело (т.е. Персидская казачья бригада. — *Н. Тер-Оганов*), видимо, рушилось, гибло. И оно погибло бы неминуемо, если бы не пришла помощь с такой стороны, откуда уже никто никак ее не ожидал»⁷¹. Она пришла со стороны Амин ос-Солтана. Согласно Косоговскому, «Садр Азам своим светлым умом понял, что казаки под моим начальством — его единственная опора, и ради общности интересов, сохраняя свою шкуру, он этим самым сыграл в руку и русскому делу и, вопреки бездействию русских представителей, интригам “лукавых царедворцев”, интригам австрийцев и в особенности германцев и англичан, исправил и возвратил русским то, что испортили и упустили было из своих рук сами же русские»⁷².

⁶⁹ Там же, л. 8.

⁷⁰ Для его совершения ему пришлось обратиться к услугам русского Учетно-ссудного банка. См.: *Iran Political Diaries. 1881–1965*. Vol. 1, 1997, p. 578.

⁷¹ Персия в конце XIX века (дневник генерала Косоговского), с. 449.

⁷² Там же.

Переполненный благодарностью Косоговскому за оказанную услугу, Амин ос-Солтан не остался в долгу. Именно по его совету 1 марта 1899 г. шах отдал распоряжение Косоговскому увеличить численность бригады на тысячу человек, что было исполнено в кратчайший срок. Уже «10 апреля, — как сообщал новый русский посланник, тайный советник К. М. Аргиропуло, — шах произвел смотр войскам, причем Персидская казачья бригада со своей артиллерией появилась в составе более тысячи человек в конном и пешем строю»⁷³. В своей депеше, адресованной министру иностранных дел (22 апреля 1899 г.), Аргиропуло сообщал об усилении полковником Косоговским состава казачьей бригады. В свою очередь министр иностранных дел информировал об этом военного министра А. Н. Куропаткина. Ознакомившись с ее содержанием и признав заслуги Косоговского в деле усиления бригады, военный министр высказал пожелание поощрить каким-либо знаком внимания службу полковника Косоговского⁷⁴. Видимо, этим поощрением и стало присвоение в 1900 г. звания генерал-майора полковнику Косоговскому⁷⁵. Согласно донесению английского посланника Сесиль Спринг-Райс на имя министра иностранных дел Салсбери от 23 августа 1900 г., свое продвижение полковник Косоговский приписывал влиянию садр-азама в Петербурге⁷⁶.

Не прошло и пяти месяцев со дня последнего смотра, как 31 августа 1899 г. В. А. Косоговский представил на смотр шаху уже 1500 строевых казаков. Как и можно было ожидать, усиление бригады не порадовало английскую дипломатическую миссию. «Английский посланник, — писал С. Ломницкий, — не присутствовал на смотре, отозвавшись якобы нездоровьем. Нездоровье это — особого свойства — “febris russica”, которое мучит всех англичан и сильнее всего отзывается на английском посольстве в Тегеране. Русский генерал, командующий каза-

⁷³ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 9.

⁷⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 8 об.–10.

⁷⁵ См.: РГВИА, ф. 400, оп. 4, л. 73.

⁷⁶ *Iran. Political Diaries. 1881–1965*. Vol. 1, 1997, p. 649.

чьей бригадой в Тегеране, сущее бельмо на глазу английского посла»⁷⁷.

Позднее, в одном из своих рапортов, полковник В. П. Ляхов особо отметил вклад Косоговского в деле трехкратного увеличения размера бюджета бригады и расширения ее численного состава⁷⁸. По его замечанию, «Генерал Косоговский, приняв от своего предшественника 620 всадников и бюджет в 82 000 туманов⁷⁹, в течение 9-летнего командования довел штат бригады до 1500 человек с бюджетом в 229 000 туманов, то есть увеличил штат части в два с половиной раза, а бюджет ее в три раза»⁸⁰. Увеличение бюджета бригады впервые дало возможность Косоговскому пополнить бригаду и пехотной частью, состоящей из 480 пеших казаков⁸¹. Согласно донесению посланника Аргиропуло, намечалось последующее увеличение бригады: «Садр-азам, — писал посланник, — уже с некоторого времени увлекается мыслью увеличить численность бригады во что бы ни стало в видах усиления престижа власти как в столице, так и в провинции»⁸².

Согласно рапорту английского военного атташе Генри Пикот⁸³, по состоянию на конец 1899 г., имея бюджет в 219 тыс. туманов, Персидская казачья бригада формально состояла из 1700 персидских казаков, в том числе 200 офицеров. Из рядового состава 1000 человек составляли кавалерию и артиллерию, а около 500 числились в пехоте. Однако в реальности состав бригады

---

⁷⁷ Ломницкий С. *Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг.* СПб., 1902, с. 150.

⁷⁸ См.: РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 142–142 об.

⁷⁹ Следует заметить, что бюджет бригады, например, на март 1882 г. — март 1883 г. равнялся 66 536 туманам. См.: Эбрахим Теймури, *Асп-е бихабари йа тарих-е эмтиазат дар Иран*, Тегеран, 1332 с.х., с. 310.

⁸⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 142.

⁸¹ Командир бригады намеревался, вслед за снижением цен на зерно и фураж, переформировать в дальнейшем пешую часть бригады в кавалерийскую. См.: *British Documents on Foreign Affairs*, Vol. 13, p. 226.

⁸² РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 9об.

⁹² См.: Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899. — *British Documents on Foreign Affairs*. Vol. 13, p. 224–229.

не превышал 1500 человек. Кроме командира обучением бригады занимались 9 русских офицеров и урядников. Кавалерия бригады, состоявшая из 666 рядовых конных казаков, была подразделена на 4 кавалерийских полка, или фоджа, каждый из которых на самом деле составлял эскадрон, а имея подготовленные кадры, каждый из этих эскадронов впоследствии мог разрастись до размеров полного полка.

Казачья конная артиллерия состояла из двух конных батарей, у каждой из которых на вооружении были по четыре пушки производства немецкой фирмы «Крупп», калибра 8,7 сантиметров. В рядовом составе конной артиллерии находились 100 конных и 32 пеших артиллеристов, при 168 лошадях. Большая часть лошадей принадлежала самим артиллеристам (100), а меньшая (68) являлась государственной собственностью.

Пехота бригады в составе 480 человек при благоприятных условиях могла превратиться в кавалерийскую часть. По этой причине ее и приписали к кавалерийским эскадронам.

Казачья бригада была вооружена берданками, русскими нарезными винтовками, которые в свое время были закуплены в России. По мере становления бригады все вооружение и снаряжение бригады, за малым исключением, в разное время были подарены российским императором Насер эд-Дин-шаху и его преемнику Мозаффар эд-Дин-шаху. В связи с этим английский военный атташе Генри Пико не без основания считал Персидскую казачью бригаду частью русской армии, тем более что военное министерство Ирана полностью было отстранено в вопросе чинопроизводства. Местные офицеры вплоть до чина султана (капитана) назначались самим командиром бригады, от султана до сарханга (полковника) — садразамом, а высшие чины — самим шахом.

Личный состав бригады постоянно проходил строевое обучение, а также постигал азы военной тактики. Но не все шло гладко в военной подготовке ее личного состава. Из-за недостатка боеприпасов командир бригады не мог проводить часто огневую подготовку. Однако вскоре, уже в 1900 г., бригада получила от русского правительства большое количество боеприпасов, что давало возможность командиру отныне регулярно проводить

огневую подготовку, как это было предусмотрено для кавалерийских и артиллерийских частей русской армии.

Вопрос набора рекрутов в бригаду полностью находился в распоряжении ее русского командира, который контролировал не только зачисление в бригаду, но и отчисление из ее состава без вмешательства со стороны иранского правительства. Служба в бригаде пользовалась популярностью благодаря регулярной выплате жалованья, а также престижу казачьей униформы. В отличие от прошлых лет, стараниями Косооговского число мохаджеров, содержащихся за счет бюджета бригады, резко пошло на убыль⁸⁴. Кроме мохаджеров на средства бригады содержалась также группа военных пенсионеров в составе 150 человек, находившихся на пенсии по причине инвалидности или преклонного возраста⁸⁵.

Тем временем, приводя бригаду в надлежащий вид, полковник Косооговский построил для нее большое трехэтажное здание в центре Тегерана. В дальнейшем именно в этом здании расположились казармы бригады. Здание было окружено высокой каменной стеной, за которой находились пять внутренних дворов, конюшни, магазины, артиллерийский арсенал и прочие необходимые службы⁸⁶. Что касается летнего лагеря Персидской казачьей бригады, то, согласно архивным материалам, как правило, он находился в Шимране⁸⁷.

Летом 1899 г. Косооговский предпринял очередную попытку добиться на этот раз если не отъезда из Ирана, то хотя бы двухмесячного отпуска в Россию из-за болезни матери⁸⁸. В своем ходатайстве перед Военно-ученым комитетом Главного штаба Косооговский просил прикомандировать его к Главному шта-

⁹³ Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 227.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 224–229.

⁹⁵ См.: Павлович М. П. Казачья бригада в Персии, с. 87. Несмотря на наличие казарм, в них располагалась лишь малая часть казаков бригады, тогда как большая ее часть жила по частным квартирам в разных кварталах города. См.: Персия в конце XIX века. — *Новый Восток*, 1923, № 3, с. 461.

⁹⁶ См.: *АВПР*, ф. «Персидский стол», год 1897, единица хранения 877, часть 1, л. 355.

⁹⁷ Там же, л. 13.

бу для срочной обработки материалов об Иране. Тем более что на этот счет имелась положительная резолюция со стороны военного министра от 4 мая 1898 г.⁸⁹ Косоговский хотел иметь приказ о прикомандировании его к Главному штабу «теперь же», поскольку в противном случае он продолжал бы находиться в распоряжении кавказского начальства, из-за чего был лишен права докладывать высшему начальству.

Потеряв надежду на свое замещение, в августе 1899 г. полковник Косоговский обратился к начальству с ходатайством об отпуске. Как следует из содержания телеграммы, отправленной из урочища Коджори⁹⁰ военному министру в Санкт-Петербург, Косоговский просил предоставить ему двухмесячный отпуск «внутри империи». При этом в телеграмме сообщалось, что не было никаких возражений со стороны кавказского начальства. В своей докладной записке на имя управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба Косоговский напомнил ему о том, что, согласно резолюции военного министра от 4 мая 1898 г., он был оставлен в Иране «лишь на некоторое время»⁹¹. Судя по содержанию рапорта начальника штаба Кавказского военного округа от 28 октября 1899 г. на имя исполняющего обязанности военного министра В. В. Сахарова, полковник Косоговский, наконец, получил отпуск⁹². Поездка Косоговского в Россию не оказалась бесполезной. Как отмечает Г. Пико, усиление бригады в 1899 г. последовало сразу после возвращения Косоговского из России, откуда он привез все необходимое для вооружения новобранцев⁹³.

Службой Косоговского были довольны как Мозаффар эд-Диншах, так и Амин ос-Солтан, о чем были поставлены в известность российские власти. В конце сентября 1899 г. через иранского посланника в Санкт-Петербурге российскому военному министру

⁸⁸ Там же, л. 15.

⁸⁹ Расположенного в нескольких километрах к югу от Тбилиси, где в то время находилась военно-административная власть Кавказского края.

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 1.

¹⁰¹ Там же, л. 34.

¹⁰² Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 227.

была вручена благодарственная телеграмма садр-азама. В ней иранский премьер выражал особое удовлетворение службой Косоговского, представившего казачью бригаду на смотр 31 августа 1899 г. в отличном виде⁹⁴. Шах приказал садр-азаму просить русского посланника засвидетельствовать императору «свое высочайшее одобрение отличной службой полковника», о чем приказал довести устно до сведения самого императора⁹⁵.

Деятельностью Косоговского были довольны и в России. «Военный министр находит полезным, — сообщалось в телеграмме от 18 октября 1899 г. князю Г.С. Голицыну, — продолжение пребывания полковника Косоговского в Персии при теперешних его обязанностях, а потому в настоящее время не представляется необходимость замещения его другим лицом»⁹⁶. Аналогичного мнения придерживался и командующий войсками Кавказского военного округа. Он просил военного министра «не давать дальнейшего хода» представлению Косоговского⁹⁷.

Следует заметить, что за время своего шестилетнего пребывания на посту командира Косоговский не ограничивался только делами Персидской казачьей бригады, несколько раз он обращался к иранскому правительству с предложением — передать ему под управление пехоту и артиллерию тегеранского гарнизона⁹⁸. Это, несомненно, было свидетельством того, что командир бригады хотел не только сосредоточить в своих руках весь военный потенциал Тегерана, но и играть значительную политическую роль в столице. Видимо, поняв, что на самом деле это могло бы означать, предложение Косоговского так и не было удовлетворено, хотя, как замечает Генри Пико, значительно был увеличен бюджет, что позволило бригаде иметь в своем составе кавалерию, пехоту и артиллерию⁹⁹. Позднее, воспользовавшись по-

¹⁰³ Ibid., p. 225.

¹⁰⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 25.

¹⁰⁵ Там же, л. 33.

¹⁰⁶ Там же, л. 34–34 об.

¹⁰⁷ Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 229.

¹⁰⁸ Ibid.

ездкой Мозаффар эд-Дин-шаха в Европу летом за счет русского займа 1900 г., Косоговский еще раз в августе того же года ходатайствовал об очередном своем отпуске в Россию, причем он полагал приехать в Иран ко времени возвращения туда Мозаффар эд-Дин-шаха¹⁰⁰.

Однако напряженное положение в самом Тегеране не позволяло Косоговскому воспользоваться своим отпуском. Получив приказ ехать в Петербург, Косоговский все-таки решил дождаться возвращения шаха и садр-азама на родину, чтобы в случае возникновения непредвиденных обстоятельств быть на месте¹⁰¹. Между тем в Тегеране росло недовольство народа из-за искусственной дороговизны хлеба, устроенной самим иранским правительством и поддержанной главными муллами¹⁰². Опасаясь выступлений народа и не надеясь на верность солдат иранской регулярной армии, также страдающих от голода и отказавшихся стрелять в народ, власти намеревались использовать Персидскую казачью бригаду для карательных целей. Для этого на заседания персидского совета министров стали приглашать и Косоговского. Вместо того чтобы бороться против хлебных спекулянтов, главнокомандующий приказал Косоговскому распределить казачий полк в разных кварталах Тегерана для предотвращения хлебных бунтов, однако последний не высказал тогда своей готовности приказ исполнить¹⁰³.

Не дожидаясь возвращения шаха в Иран, Косоговский «неожиданно» выехал в отпуск, в Россию. В связи с этим в английской миссии выразили твердую уверенность в том, что отъезд Косоговского был связан с предполагаемым увеличением числа бригады. Согласно сведениям английской дипломатической миссии, русские предполагали увеличить бригаду до 4000 человек, тем более что имеющиеся кадры позволяли это сделать¹⁰⁴. Приезд Ко-

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 73.

¹¹⁰ *Iran Political Diaries, 1881–1965*. Vol. 1, p. 649.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 641.

¹⁰³ *Ibid.*, p. 640.

¹⁰⁴ *Ibid.*, p. 658.

соговского и русского посланника Аргиропуло, а также самого Мозаффар эд-Дин-шаха ожидался в конце ноября 1900 г.¹⁰⁵, что, конечно, не может не наводить на мысль о возможном участии названных лиц в их совместных переговорах. Тем более что о них сообщал и английский посланник в своем рапорте от 15 ноября 1900 г. «Создалось общее впечатление, — делал вывод Сесиль Спринг Райс, — что переговоры ... по вопросу о назначении дополнительного числа русских офицеров провалились»¹⁰⁶. Мы не знаем достоверно, удалось ли Косоговскому и на этот раз привезти для бригады оружие и снаряжение, однако, по свидетельству Г. Пико, ожидалось, что в 1900 г., впервые за всю свою историю, бригада, уже обладая достаточным запасом снаряжения, смогла бы регулярно обучаться ружейной и артиллерийской стрельбе¹⁰⁷.

О возросшем престиже Персидской казачьей бригады свидетельствует тот факт, что все губернаторы, получавшие назначение в провинции, по свидетельству российского посланника Аргиропуло, ходатайствовали перед правительством о предоставлении в их распоряжение казаков для конвоя и охраны. Более того, некоторые губернаторы, например, такие как новоназначенный правитель Шираза, сменивший на этом посту Фарман Фарму, поставил своим неременным условием (для принятия ответственной должности в столь обширной провинции, границы которой простирались до берегов Персидского залива) выделение для него казачьего отряда. Даже правитель далекой провинции Арабистан, принц Айн од-Доуле, имел в своем распоряжении 50 персидских казаков. При этом следует заметить, что начальник бригады сам выбирал офицеров и казаков для командировок¹⁰⁸. Необходимо отметить, что российский посланник считал весьма полезным практику командирования офицеров и строе-

---

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ Ibid., p. 661.

¹⁰⁷ Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 227.

¹⁰⁸ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 9–10.

вых казаков в разные провинции. Он полагал, что «служба казаков ... в таких отдаленных областях Персии окажет свое хорошее влияние и в том, что ознакомит полудикие населения их с русским именем и отчасти русскими порядками»¹⁰⁹.

Огромную роль в укреплении позиции Персидской казачьей бригады и, следовательно, России в целом сыграли два события: первое — организация в Иране новой таможенной системы, а также заключение русско-иранской таможенной конвенции и второе — русский заем 1900 г. Дело в том, что в условиях постоянного отсутствия денег в казне, остатки которых были поглощены ненасытными членами «тавризской свиты» Мозаффар эд-Дин-шаха, шахское правительство в лице Амин ос-Солтана искало дополнительные источники денежных поступлений, в частности для поездки шаха в Европу на лечение¹¹⁰. По этой причине в конце 90-х годов шахское правительство обратилось с просьбой к правительству России — пересмотреть устаревший таможенный режим. Напомним, что таможенный режим был установлен злопамятным для Ирана Туркманчайским мирным договором 1828 г. Тогда Россия в пользу своих экономических, а также политических интересов, в ущерб своим торговым конкурентам и политическим противникам, в первую очередь Англии, в ноябре 1901 г. заключила с Ираном новую таможенную конвенцию. Конвенция дискриминировала английские товары в отличие от русских, чем вызвала открытое недовольство со стороны англичан¹¹¹.

---

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Согласно диагнозу болезни Мозаффар эд-Дин-шаха, поставленному врачом французской дипломатической миссии в Тегеране Шнайдером за год до восшествия на престол (1895), шах страдал болезнью сердца, а также почечной недостаточностью. По мнению врача, он мог прожить не более 10 лет. Заметим, что поставленный им диагноз оказался пророческим: тяжелобольной Мозаффар эд-Дин-шах умер в январе 1907 г., то есть на 11 году своего царствования. См.: Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 г., с. 20.

¹¹¹ См.: Зонненштраль-Пискорский А. А. *Международные торговые договоры Персии*. М., 1931, с. 185; см. также: Ishtiaq Ahmad. *Anglo-Iranian Relations 1905–1919*. New York: Aligarh Muslim University by Asia Publishing House, 1974, p. 47.

Однако наиболее пагубным для политических и экономических интересов Ирана стал русский заем 1900 г. Переговоры по данному вопросу велись в полнейшей секретности. Согласно оговоренным условиям, Россия предоставила Ирану 22,5 млн. руб. Этот заем был выдан иранской стороне под залог доходов с его северных таможен и на условиях погашения английского займа 1892 г. в сумме 500 тыс. ф. ст. (компенсация за аннулирование английской табачной монополии Тальбота) и, что главное, получения в дальнейшем займа только у России. Согласно копии «Всеподданнейшей записки министра иностранных дел» от 25 января 1900 г. сообщалось: «Состоявшееся на днях заключение в России персидского займа, обеспеченного почти всеми ее таможенными доходами, будет, несомненно, служить сильным орудием в наших руках для развития нашего экономического положения и вящего укрепления политического обаяния России в Персии»¹¹².

Поскольку этот заем был растрочен на поездку шаха в Европу, то уже в 1902 г. шахское правительство вновь получило от России очередной, второй заем в сумме 10 млн. руб., в результате которого Иран оказался в полной финансовой кабале у царской России.

Следует отметить, что отныне благодаря этим двум русским займам Персидская казачья бригада стала финансироваться русским Учетно-ссудным банком, куда непосредственно стали поступать доходы с северных таможен. Можно предположить, что в секретном соглашении по займу могли быть оговорены и условия финансирования бригады. Таким образом, русский банк стал гарантированным источником содержания бригады. Не будет излишним заметить, что в этот же период был разработан и бюджет бригады, а также ее устав. Согласно этому уставу, отныне командир бригады непосредственно подчинялся шаху¹¹³. Таким образом, Персидская казачья бригада постепенно превратилась

---

¹¹² См.: Попов А. Л. (сост.). Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — *Красный архив*, 1926, том 5 (18), с. 14.

¹¹³ Павлович М., Иранский С. *Персия в борьбе за независимость*. М., 1925, с. 85–86; Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 94.

в шахскую гвардию, чем еще теснее связала свою судьбу с монархией Каджаров.

При Косоговском стала обычной практика командирования отдельных частей бригады в разные провинции Ирана. Согласно Г. Пико, «мало таких губернаторов, кто рискнет занять свои посты без отряда казаков в виде личной охраны»¹¹⁴. По состоянию на октябрь 1899 г. Персидская казачья бригада была расквартирована следующим образом: основная часть бригады (1236 казаков), включая иранских офицеров (132), артиллеристов (132) и казачью пехоту (480), находилась при штабе в Тегеране. Здесь же несли охрану иностранных миссий 38 кавалеристов, а жилища иранских официальных лиц охраняли 30. В охране губернаторов шести провинций, а именно Арабистана, состояли 50 казачьих кавалеристов, Астарабада — 12, Шираза — 25, Хорасана — 5, Саве — 10 и Голпаегана — 5¹¹⁵.

Следует особо остановиться на таком виде деятельности Персидской казачьей бригады, как сбор агентурных сведений. Так, согласно справке, составленной в российском Министерстве иностранных дел по вопросу о положении русских офицеров Персидской казачьей бригады, помимо управления бригадой, ее командир был обязан регулярно доставлять военно-агентурные сведения. Как выясняется, для этой цели он получал 1500 руб. в год из суммы, отпускаемой штабом Кавказского военного округа на разведку¹¹⁶. Следовательно, русский командир Персидской казачьей бригады выполнял и обязанности военного агента в Иране¹¹⁷. В зависимости от поставленных перед ним задач Косоговский лично

¹¹⁴ Henry Picot's report on Military Organization of the Persian Army in 1899, p. 229.

¹¹⁵ Ibid., p. 225.

¹¹⁶ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 203.

¹¹⁷ Как свидетельствует один из архивных источников, в отличие от английской миссии, в русской дипломатической миссии в Тегеране не было официального военного агента, тем не менее, его функции выполнял Заведующий обучением персидской кавалерии, т. е. командир Персидской казачьей бригады, подчиненный Кавказскому военному округу. См.: *Архив Института рукописей К. Кекелидзе АН Грузии*, ф. 39, д. 27, л. 75.

проводил отбор офицеров для командировок в провинции, причем он особо заботился об исправной выдаче им содержания¹¹⁸.

Находясь в командировках, иранские офицеры бригады часто собирали для своего русского командира материал военно-стратегического характера, который он, в свою очередь, передавал в штаб Кавказского военного округа. Среди этих материалов можно увидеть «Сведения, доставленные *явером* (уст. майор) второго полка Ходжар-ханом о разных племенах, живущих в Зур-Абаде, Торбат-е шейх-Донаме, Бахярзе, Хафейне, Паин-хафе, Торбат-е Гейдари и Торшизе» (1898)¹¹⁹, «Сведения, доставленные *явером* первого полка Асадолла-ханом: «Керман и Белуджистан» (1898)¹²⁰, «Сведения, доставленные находившимся в командировке в Азербайджане Рахим-ханом о Макинском ханстве» (1899)¹²¹. Следует заметить, что на основании материалов, собранных казаками бригады, самим полковником Косоговским в 1899 г. была составлена записка «Макинское ханство»¹²².

Агентурная информация, передаваемая командиру бригады, часто касалась состояния вооруженных сил той или иной провинции Ирана. Так, находясь в 1901 г. в командировке на ирано-афганской границе, командир третьего полка бригады сартип (бригадный генерал) Нурали-Ага собрал для генерала Косоговского сведения о чярике (феодалном ополчении) Хорасана, причем он дал их разбивку по областям и племенному составу¹²³. Примечательно, что находившимся в распоряжении губернаторов начальникам казачьих команд было вменено в прямую обязанность составление рапортов о положении в провинциях. Мы имели возможность ознакомиться с одним из таких рапортов от 12 ноября 1902 г.: сартип 3-го ранга гвардейского полка Муса-хан докладывал из Астарабада о событиях

¹¹⁸ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 10.

¹¹⁹ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 188.

¹²⁰ РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 192.

¹²¹ См.: РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 202.

¹²² См.: РГВИА, ф. 76, оп. 1, д. 374.

¹²³ Там же, ф. 76, оп. I, д. 267.

20–28 октября. В нем он подробно описал поход астарабадского губернатора принца Хаджи Сеиф од-Доуле в сопровождении 50 персидских казаков и 4 офицеров на Гомюш-Тэпе против туркмен-джафарбайцев¹²⁴.

Правители провинций по своему усмотрению направляли находившихся в их распоряжении казаков¹²⁵. Например, в Астарабадской провинции казаков использовали для охраны таможен, поскольку учреждение таможенных пунктов в населенных туркменами районах вызвало большое сопротивление с их стороны. Для охраны таможни Хаджи Нефеса астарабадский губернатор направил туда казачий отряд в составе одного офицера и десяти рядовых¹²⁶. Согласно сообщению английского посланника Спринг-Райса, «верные ему (т. е. командиру бригады. — Н. К. Тер-Оганов) местные офицеры являются очень ценными агентами по сбору сведений, а также для влияния в провинциях»¹²⁷. По свидетельству английского дипломатического источника, командировки в отдаленные провинции ловко использовались командиром бригады также для удаления «сомнительных лиц» из столицы¹²⁸.

Начавшееся по всей стране брожение в народе, направленное против правительства и иностранного вмешательства, которому положили начало выступления против табачной монополии Тальбота, стало принимать характер глубокого недовольства. В связи с этим английский посланник Спринг-Райс писал министру иностранных дел Великобритании маркизу Салсбери: «Народное недовольство растет по мере роста плохого управления страной»¹²⁹. Весьма характерно, что на юге Ирана, в частности в Исфагане и Ширазе, представители духовенства (муллы и сеиды) уже стали выступать против расширения русского вли-

¹²⁴ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 133–134 об.

¹²⁵ Там же, л. 151–152 об.

¹²⁶ Там же, л. 151.

¹²⁷ *Iran Political Diaries, 1881–1965*. Vol. I, p. 649.

¹²⁸ *Ibid.*

¹²⁹ *Ibid.*, p. 641.

яния и говорить, что «Персия продана России»¹³⁰. На фоне всеобщего недовольства, охватившего весь Иран, очередной вояж Мозаффар эд-Дин-шаха и Атабека Амин ос-Солтана в Европу летом 1902 г. настолько обострил внутривнутриполитическое положение в стране, что духовенство начало открыто высказываться против возвращения последнего в Иран. Согласно сообщению английской миссии, тегеранские муджтехиды, поддержанные оппозиционно настроенным Айн од-Доуле, заклятым врагом Атабека, поклялись на Коране, что они откажутся от верности шаху, если тот привезет с собой ненавистного им Атабека¹³¹.

Тем временем в условиях внутривнутриполитической нестабильности в Персидской казачьей бригаде произошла смена командира: в начале марта 1903 г. в Тегеран на смену генералу Косоговскому, оставившему значительный след в деле развития бригады, прибыл полковник Генерального штаба Федор Григорьевич Чернозубов¹³². Между прочим, имеется веское основание предположить, что смена командира бригады произошла из-за конфликта, возникшего между русским посланником в Тегеране Аргиропуло и генералом Косоговским. В этой связи следует заметить, что подобные конфликты и ранее имели место между посланниками и командирами бригады. Например, подобный конфликт произошел между Зиновьевым и первым командиром бригады полковником Домантовичем в 1881 г., позднее между следующим посланником Мельниковым и полковником Чарковским в 1885 г. Основная причина этих конфликтов состояла в стремлении командиров бригады добиться статуса военного агента в Тегеране и большей независимости от русского дипломатического представительства. Теперь же из-за конфликта с посланником сначала был отозван на родину генерал Косоговский, а затем по настоянию самого военного министра генерал-адъютанта Ванновского и сам посланник¹³³.

¹³⁰ *Iran Political Diaries, 1881–1965*. Vol. 1, p. 662.

¹³¹ *Ibid.*, 1881–1965. Vol. 2, p. 75.

¹³² *Iran Political Diaries, 1881–1965*. Vol. 2, p. 204.

¹³³ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 204.

ГЛАВА VI

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ИРАНЕ И ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА В 1903–1906 гг.

К моменту приезда полковника Чернозубова в Тегеран внутриполитическая ситуация в стране накалилась до предела. Распространение идей европейского либерализма и панисламизма с 90-х годов XIX в. сыграло ведущую роль в формировании нового общественного сознания. Основоположники европейского либерализма в Иране в лице Малком-хана и основоположник панисламизма Сеид Джемал эд-Дин Афгани требовали от шаха проведения реформ. Первые требовали установления конституционной монархии и учреждения парламента, требования вторых были пропитаны радикализмом, о чем свидетельствует убийство Насер эд-Дин-шаха в 1896 г. панислаμισмом Реза Кермани. Оба эти течения в итоге оказали огромное влияние на радикализацию иранского общественного сознания.

Благодаря своей организационной структуре и тому, что шиизм, по существу, был национальной конфессией иранцев, шиитское духовенство превратилось в лидера народного движения. Консолидация политической оппозиции шахской власти вокруг духовенства стала характерной чертой зарождающегося всенародного сопротивления абсолютистскому режиму. Народное недовольство росло по мере ухудшения социально-экономического положения в стране на фоне усиления иностранного влияния. Между тем вследствие

тяжелых условий русского займа, резко пошатнулись позиции про-русски настроенного Атабека, противники которого стали настоятельно требовать его отставки. Уже 12 марта 1903 г. полковник Чернозубов докладывал начальнику штаба Кавказского военного округа: «Положение Атабек-Азама сильно поколеблено. Враждебная партия настаивает на его отрешении». 14 марта он же сообщал, что «англичане стараются вызвать беспорядки в Ширазе, Исфагане и Тегеране, возникшие из-за повышения тарифов на провоз грузов. Вероятно, вследствие слишком трудных условий русской ссуды, положение Атабека сильно поколеблено. Английская партия требует его отрешения. Шах склонен. Положение серьезное. Получил указание посланника поддержать Атабека»¹.

В рапорте от 30 марта Чернозубов сообщал своему начальству о серьезных волнениях, охвативших Тавриз и Ардебиль. В результате замерла финансово-торговая жизнь городов: закрылись банки и базары. Ситуация продолжала оставаться напряженной. Беспорядки охватили все города Азербайджана². Обстановка стала настолько тревожной, что, опасаясь распространения волнений на русско-иранской границе, по повелению российского императора туда, а именно в Ходааферин и Джульфу, должны были командировать казачьи полки³. К неудовольствию российских властей, волнения охватили не только приграничную область, но и весь Иран. Как выясняется из письма военного министра на имя главнокомандующего Кавказской армией князя Г.С. Голицына, помощник последнего генерал А.А. Фрезе усматривал в иранских беспорядках «переход англичан к открытой деятельности по недопущению нас (т. е. русских. — *Н. Тер-Оганов*) в Южную Персию». Для этого, как сообщал генерал Фрезе, англичане были готовы оккупировать Бендер-Бушер, Бендер-Аббас и Чабахар. В случае развития подобного сценария Фрезе советовал занять Тавриз, Ардебиль и Решт⁴.

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 139.

² Центральный государственный исторический архив Грузии, фонд 12, опись 2, дело 635, л. 3.

³ ЦГИА Грузии, ф. 12, опись 2, дело 635, л. 1.

⁴ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 316, л. 1.

Ухудшение внутривосточной и экономической ситуации в стране, на фоне усиления оппозиционного движения, имевшего в целом антирусскую окраску, не могло не сказаться и на положении Персидской казачьей бригады. Ситуация в самой бригаде также оказалась взрывоопасной. Инцидент, имевший место в бригаде в начале июня 1903 г., создал реальную угрозу ее существованию. Суть инцидента заключалась в следующем: еще в бытность командиром бригады, в конце 1901 г. с целью ее расширения и комплектации полковник Косооговский смог «выхлопотать» у Атабека право на включение в состав бригады 300 магальных, то есть иррегулярных, всадников шахсевен-багдади⁵. Тогда оппозиция, впрочем как и англичане, не без основания усмотрели в этом желание России подчинить своему диктату племя шахсевенов. Кстати, позднее в состав бригады были также рекрутированы и курды⁶.

По мнению полковника Чернозубова, прежняя администрация бригады неправильно вела себя в отношении чрезмерно грубых и упрямых шахсевенов. При проявлениях ими самовольства и нарушениях дисциплины администрация не применяла к ним решительных и строгих мер наказания, стремясь пойти на компромисс, способствуя таким образом сохранению их привилегированного положения. Так, например, они не желали нести караульную службу и всегда отказывались от «исполнения домашних работ». Такое положение шахсевенов в бригаде Чернозубов считал нежелательным и, как только взял в свои руки бразды правления бригадой, поставил перед собой цель — уравнять их в правах с остальными казаками. При этом он стал проявлять необычайную жесткость в отношении шахсевенов, решив, в случае их неповиновения, без промедления принять строгие и решительные меры, а чтобы ослабить внутривосточные связи, он немедленно расформировал их команду и перевел в первый полк, разделив на два эскадрона.

⁵ Шахсевен-багдади обитали в округе Саве Казвинской провинции. См.: Корсун Н. Г. *Персия*. Москва: Высший военный редакционный совет. 1923, с. 23.

⁶ См.: Hardinge to Lansdown, No. 98, Gulhak, 19 September 1901; enclosure in No. 52; FO416/9-in; Tousei Reza Ra'iss. *The Persian Army, 1880–1907*, p. 211.

Как и следовало ожидать, меры Чернозубова вызвали протест со стороны шахсевенов. Причем 60 человек с четырьмя руководителями протестного движения сели в бест в мечети Шах Абдоль-Азима. Они открыто заявили о своем отказе служить в бригаде. Тогда, не найдя другого выхода, полковник Чернозубов обратился к Атабеку с требованием приговорить к смертной казни четырех руководителей в назидание остальным. Узнав о намерении Чернозубова, шахсевены перепугались и через посредников вступили с ним в переговоры. Полковник занял жесткую позицию — наотрез отказался идти на компромисс и всецело возложил решение данного конфликта на иранское правительство. Осознав всю опасность подобного шага, шахсевены заявили, что они якобы довольны командиром бригады, однако сели в бест, чтобы получить не выданные им еще генералом Косоховским как бюджетные, так и магальные деньги. В результате состоявшегося расследования выяснилось, что заявление шахсевенов о невыплате им денег соответствовало действительности. Оказалось, что Косоховский на самом деле не выдал большинству жалованье за 22 дня, приблизительно 180 туманов, а также удержал с них еще 150 туманов магальных денег, что «в общей сложности составило 330 туманов». Кроме того, он не выдал им ничего из 2 тыс. туманов, которые получил еще в 1900 г. от иранского правительства для выплаты всадникам бригады. Это обстоятельство вынудило Чернозубова пойти на уступку. Он позволил покинувшим бест шахсевенам вернуться в состав бригады, обещав при этом не наказывать их за проступок и до конца расследовать дело. Со своей стороны, Атабек, поняв всю опасность случившегося, выразил свою готовность в случае повторного нарушения шахсевенами служебной дисциплины, оказать Чернозубову свою полную поддержку. Полковник был вынужден выплатить шахсевенам недополученное ими жалованье, однако от выплаты «магальных денег» воздержался.

По признанию самого Чернозубова, уступка, сделанная им в отношении казаков-шахсевенов, произвела нежелательное впечатление на остальную часть бригады. Поэтому в начале июля того же года, когда три главных зачинщика прежнего неповиновения проявили грубость в отношении командира эскадрона, Чернозубов лично арестовал их, приказав в его присутствии выпо-

роть провинившихся. Каждому из них досталось по 200 плетей, а после порки их заковали в цепи. На следующий день, несмотря на несогласие иранского правительства, командир бригады потребовал заключения этих трех шахсевенов «на вечные времена в шахскую темницу для государственных преступников». Согласно полковнику, таким образом была восстановлена дисциплина в бригаде, и в результате шахсевены стали «шелковыми», т.е. покорными. Хотя, как считал Чернозубов, принятие таких решительных мер было прискорбным фактом, вместе с тем это было единственным средством упрочения его власти в бригаде⁷. Как бы в оправдание действий полковника Чернозубова в секретной телеграмме от 3 сентября 1903 г. посланник П. М. Власов сообщал руководству: «Признано, что для наших политических интересов в Персии является крайне важным фактором удержать за собою фактическую власть и моральное влияние над племенем шахсевенов, игравших видную роль во всех внутренних переворотах, происходивших в этом государстве»⁸.

Между тем недовольство народа оказалось настолько сильным, что в сентябре шах был вынужден отстранить от должности Атабека. Тем самым был нанесен ощутимый удар по русским интересам в Иране. Согласно справке, подготовленной генерал-майором Ворониным, Атабек 2 сентября 1903 г. был выслан из Тегерана⁹. «Атабек (первый министр Персии) внезапно пал, — сообщал Чернозубов 12(15) сентября 1903 г., — образован Комитет министров, враждебный России»¹⁰. В одном из своих сообщений полковник Чернозубов по этому поводу писал: «Но вот в сентябре 1903 г. друг России Атабек Азам, мирза Али Асгар-хан Амин ос-Солтане свергается англофильскою партией и первым министром Персии становится принц Эйн од-Доуле»¹¹. По утверждению Чернозубова, «со смертью П. М. Власова, имевшего все же

⁷ Там же, л. 171–173.

⁸ Там же, л. 171–171 об.

⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 161–161 об.

¹⁰ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 159.

¹¹ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 359 об.

некоторое влияние на принца Эйн од-Долуе, персидское правительство окончательно поворачивает в сторону англичан»¹².

Как считали в английской миссии, причиной падения Амин ос-Солтане могла быть его неспособность обеспечить шаха деньгами, в которых он остро нуждался, враждебность к нему партии двора и духовенства, а также неожиданная смерть лейб-медика Хаким оль-Молька — его непримиримого врага, изгнанного в Решт по предложению Атабека. Как известно, в смерти Хаким оль-Молька оппозиция стала обвинять именно его. «По большому счету, — докладывали из английской миссии, — страна считает его падение как победу британской дипломатии»¹³.

Согласно утверждению генерал-майора Воронина, в изгнании Атабека принимал участие кербельский муджтехид, «интриговавший против садр-азама. Он руководил деятельностью персидского духовенства». Однако, как выясняется, шиитский первосвященник не ограничивался обсуждением религиозных вопросов и постоянно вмешивался во внутреннюю политику Ирана, «становясь весьма часто орудием в руках интригующих и борющихся партий Тегерана. Но так как последние всегда находят поддержку заинтересованных иностранных держав, то говорят, кербельский муджтехид сделался в последнее время игрушкой в руках англичан»¹⁴.

Поскольку все возрастающее русское финансово-экономическое влияние в Иране стало серьезно беспокоить англичан, то для борьбы против него они стали использовать все имеющиеся у них средства, в том числе часть оппозиционно настроенного шиитского духовенства. Так, они не скупились на финансо-

---

¹² Там же, л. 359 об.

¹³ *Iran Political Diaries. 1881–1965*. Vol. 2, p. 201.

¹⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 161–161 об. Согласно мнению бывшего военного атташе и восточного секретаря английской миссии в Тегеране сэра Томаса Гордона, организованное шиитским духовенством в 1891–1892 гг. народное движение против табачной монополии в Иране показало англичанам возможности духовенства как лидера по управлению общественным недовольством. См.: Gordon Thomas Edward. *Persia Revisited (1895): with remarks on H. I. M. Mozuffer-ed-Din Shah, and the present situation in Persia (1896)*. London, Edward Arnold, 1896, p. 25, 31.

вые поощрения ведущим улемам Тегерана и святых мест Ирака для организации движения против русско-иранского торгового договора, ущемлявшего их коммерческие интересы¹⁵.

Шиитское духовенство, в силу своего традиционного восприятия монархии как незаконной власти, всегда содержало в себе антимонархический заряд, что не раз было продемонстрировано в истории Ирана с тех пор, как в XVI в. шиизм стал государственной религией этой страны. «Доминантная шиитская культура, — пишет американский исследователь Эрванд Абрахамян, — рассматривала монархию как всемирного узурпатора религиозной власти, которая временно была передана скрытым Имамом Махди ведущим моджахедам»¹⁶. Слабость центральной, светской власти могла означать только усиление влияния богословов на общественную жизнь страны.

Есть основание полагать, что шиитское духовенство святых мест арабского Ирака стало тем орудием, которым для достижения своих целей ловко стали пользоваться англичане еще задолго до начала Конституционного движения в Иране. В то время как русские делали ставку на шаха, англичане стали поддерживать оппозиционно настроенных представителей шиитского духовенства как в самом Иране, так и в Ираке. Следует заметить, что именно по тому, как шиитское духовенство относилось к вопросу об установлении конституционного режима в стране, Абдалла Мустоуфи делил его на абсолютистов, поддерживавших шахскую власть, и конституционалистов¹⁷,

---

¹⁵ *The Cambridge History of Iran*, Volume 7, From Nadir Shah to the Islamic Republic. Ed-s P. Avery, G. Hambly and Ch. Melville, Cambridge: Cambridge University Press, 1991, p. 200.

¹⁶ Abrahamian E. The Causes of the Constitutional Revolution in Iran. — *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 10, 1979, p. 395.

¹⁷ По этой причине они пользовались поддержкой со стороны русских властей. Среди шиитской политической оппозиции, пользовавшейся английской поддержкой, ведущее место занимали Ага Сеид Абдалла Бехбехани, моджахед Ага Сеид Мохаммад Табатабаи, Хадж Мирза Хосейн и Мола Казем Хорасани. См.: Мустоуфи Абдалла. *Шарх-е زندегани-йе ман йа тарих-е аджтемай ва эдари-йе доуре-йе каджар*. Тегран, Энтешарат-е Зоввар. Чап-е чахаром, 1371, с. 250.

борющихся за ее ограничение и установление конституционного правления в Иране¹⁸. Обобщая реформаторскую деятельность конституционного правительства, в своей докторской работе «Ранние фазы политической модернизации в Иране: 1870–1925» американский исследователь Фард Саиди Мохаммад признает огромный вклад духовенства в успехе Конституционного движения¹⁹.

Необходимо заметить, что недовольство широких слоев иранского народа политикой России в Иране широко использовалось английской дипломатией для достижения своих военно-политических и экономических целей. Видимо, не найдя в стране более действенных способов борьбы против русского влияния, Англия стала сначала робко поддерживать, а затем и использовать отдельных руководителей шиитского духовенства в борьбе со своим злейшим противником. Более того, по замечанию американского исследователя Фируза Каземзаде, «шаг за шагом складывался тайный союз между британской миссией и клерикальным руководством в Тегеране, Исфагане и повсюду»²⁰. Кстати, о крепнущих, «прямых или косвенных» связях англичан с шиитским духовенством указывает и другой американский исследователь М. Баят в своей книге «Первая иранская революция. Шиизм и конституционная революция 1905–1909 гг.»²¹.

Можно не сомневаться в том, что, учитывая огромное влияние шиитского духовенства на повседневную религиозно-правовую сферу жизни иранцев, англичане сделали безошибочную ставку на него. В этой связи необходимо заметить, и это весьма характерно, что в ответ на просьбу об оказании помощи, постоянно по-

---

¹⁸ Keddie Nikki. Iranian Politics 1900–1905: Background to Revolution. — *Middle Eastern Studies*. Volume Five, January 1969, Number one, p. 4.

¹⁹ Mohammad Fard Saidi. *The Early Phases of Political Modernization in Iran: 1870–1925*. University of Pennsylvania, Ph. D., 1974, p. 38.

²⁰ См.: Kazemzadeh Firuz. *Russia and Britain in Persia*, p. 396.

²¹ Bayat M. *Iran's first revolution. Shiism and the Constitutional revolution 1905–1909*. New York-Oxford. Oxford University Press, 1991, p. 31.

ступавшей от разношерстного лагеря оппозиции²², англичане сосредоточили свою поддержку именно на самой консервативной ее части — ведущих улемах, игнорируя при этом секуляристски настроенных реформаторов и революционеров²³. Не будет излишним добавить, что англичане также искусно использовали религиозный фактор в борьбе против Персидской казачьей бригады в период Конституционного движения в Иране (1905–1911)²⁴.

Находясь в затруднительном положении, когда протест народа легко мог перерасти в открытое волнение, новый командир бригады в своем рапорте от 26 ноября 1903 г. на имя российского посланника в Иране, действительного статского советника Власова, просил инструкции на случай крайнего обострения ситуации. В частности, он ждал ответа на следующие вопросы: «1. Выгодны ли для нас беспорядки вообще, следует ли давать им разразиться под благовидными предлогами или тушить их? 2. Как поступить в случае движения против бабидов? 3. Как действовать при взрыве против европейцев? 4. В случае, если приказано будет усмирять толпу — усмирять ли ее исключительно персидскими чинами или можно и русских инструкторов пустить в дело?»²⁵.

На поставленные полковником вопросы посланник Власов не ответил, но высказал свое мнение, суть которого состояла в том, чтобы не вмешиваться во внутренние дела Ирана. Что же касается самой казачьей бригады, то, по мнению посланника, в случае шахского формального приказа по усмирению толпы полковник мог

---

²² В состав оппозиции входили разные по своему социальному составу и идеологиям группы городского населения — улемы, интеллигенция, аристократия и класс торговцев — базари. См.: Ansari Ali M. *Modern Iran Since 1921: the Pahlavis and After*. London: Pearson Education, 2003, p. 5.

²³ См.: Keddie Nikkie. *Iranian Politics 1900–1905: Background to Revolution*. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 5, No. 1, January 1969, London, p. 4. По мнению Д. Н. Уильбера, духовенство составляло одну из самых консервативных политических сил в Иране, которое обеспечивало своей решающей поддержкой как Конституционное движение, так и институт монархии. См.: Donald N. Wilber. *Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran*. New York: Exposition Press, 1975, p. 25.

²⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 1.

²⁵ Там же, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 191–191 об.

сделать это лишь с использованием иранских казаков, без привлечения русских офицеров и урядников. И только при возникновении непосредственной угрозы жизни шаха допускалась возможность использовать русских казаков для его защиты²⁶.

Падение русофила Атабека оказалось весьма чувствительным ударом для русской политики в Иране, последствия которого незамедлительно отразились и на Персидской казачьей бригаде. Вакуумом власти, образовавшимся в результате ухода Атабека с политической сцены, воспользовался министр внутренних дел Ирана, каджарский принц Айн од-Доуле. Получив в январе 1904 г. пост премьер-министра, он сосредоточил в своих руках не меньшую власть, чем Атабек²⁷. В своем рапорте на имя Окружного генерал-квартирмейстера штаба Кавказского военного округа от 8 февраля 1906 г. полковник Чернозубов так описывал персону Айн од-Доуле: «Главная черта характера нынешнего первого министра Персии принца Эин эд-Доуле — скупость и алчность... Приняв должность первого министра, он долгое время не хотел расстаться с тегеранским генерал-губернаторством, дававшим ему до 2000 туманов ежедневного дохода. Затем он захватил в свои руки министерство финансов и военное...»²⁸

С намерением обуздать русское влияние в Иране, завоевать симпатии шиитского духовенства, а вместе с тем и англичан, Айн од-Доуле взялся за Персидскую казачью бригаду. В первую очередь он изменил статус командира бригады, подчинив его снова военному министру, своему родному брату, бездарному и коррумпированному Ваджихулле-мирзе. В связи с этим, возмущенный действиями нового премьер-министра, русский посланник выразил решимость доложить об этом своему правительству для получения необходимых указаний²⁹.

²⁶ Там же, л. 189–189 об.

²⁷ См.: Keddie Nikkie. Iranian Politics 1900–1905: Background to Revolution — III. — *Middle Eastern Studies*, Volume five, October 1969, Number three, p. 236.

²⁸ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 32.

²⁹ См.: Sir Arthur Hardinge to Lord Lansdowne, No. 101, Tehran, 8 October 1903; FO 416/15. in: Tousi Reza Ra'iss. The Persian Army, 1880–1907, p. 222.

Вскоре опасения по поводу возможного обострения ситуации в Иране не в пользу России оправдались. В ответ на активность России в южном и юго-восточном Иране, в зоне Персидского залива, а также в далеком Китае, на фоне второй англо-бурской войны 1899–1902 гг., которой не преминула воспользоваться Россия, Англия стала искать союзников как в Европе, так и в Азии. Если в Европе Англии не удалось заручиться дружбой кайзеровской Германии и только лишь в 1904 г. Великобритания смогла заключить союз с Францией, то на азиатском континенте общность ее интересов с Японией привела стороны к подписанию 30 января 1902 г. англо-японского соглашения. Согласно английской трактовке, заключенный союз имел оборонительный характер и был направлен против России³⁰.

Следует признать, что, несмотря на крайнее обострение отношений с Россией, Англия продолжала предлагать своей исторической сопернице сделку по Ирану. Проанализировав ситуацию, сложившуюся в зоне Персидского залива, заместитель секретаря иностранных дел Великобритании лорд Лэнсдун 5 мая 1903 г. сделал весомое заявление по вопросу британской политики в этом регионе: российскому правительству было предложено разделение сфер интересов Англии и России в Иране³¹. Россия тогда не была согласна на разграничение сфер влияния в Иране. Однако поражение в войне с Японией (1904–1905), а также революция 1905–1907 гг. вынудили ее принять английское предложение. По признанию русского военного востоковеда-ираниста К. Н. Смирнова, «славой русского солдата долго держался наш престиж в Персии, и только после несчастной для нас японской войны началось антирусское движение»³².

³⁰ См.: *The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919*. Ed. Sir A. W. Ward, Litt. D., F. B. A. and G. P. GOOCH, M. A., Litt. D. Volume III, 1866–1919, Westport, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1971, p. 292–293; а также *Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire. 1689–1971. A Documentary History*. Ed. Joel H. Wiener. New York: Chelsea House Publishers, 1972, p. 513–514.

³¹ *Gazetteer of the Persian Gulf*. Vol. I. Archive Editions, 1986, p. 2136.

³² *Институт рукописей им. акад. К. Кекелидзе Академии наук Грузии*, фонд № 39, д. 11, л. 8 об.

Для полковника Чернозубова начало Русско-японской войны уже было ознаменовано чередой негативных последствий, он отмечал, что «с началом русско-японской кампании престиж России падает, торговля Персии застывает, в провинциях и Тегеране начинается брожение»³³.

Последствия катастрофического поражения ощутила на себе и Персидская казачья бригада. Назначение на пост премьер-министра Ирана англофила Айн од-Доуле, по замечанию Чернозубова, кардинально изменило отношение правительственных кругов Ирана в пользу Англии. Оценивая происходящее, Чернозубов логически полагал, что оно непосредственно зависело от успехов и неудач России на Дальнем Востоке. «В настоящее время, — писал полковник Чернозубов, — каждый неуспех и неудача наши на театре войны с изумительной силой отражается в Тегеране»³⁴. С целью реабилитации русской армии и борьбы с распространяемыми англичанами слухами о поражениях России Чернозубов даже выступил перед представителями «высшей персидской интеллигенции» с докладом о Русско-японской войне. Но вряд ли это смогло бы помочь укреплению престижа его страны. Нет ничего удивительного в том, что Айн од-Доуле попытался помешать Чернозубову организовать эту встречу.

Приход Айн од-Доуле к власти ознаменовался усилением атаки на бригаду как на чужеродное тело. Еще в начале апреля 1904 г. в связи с вопросом о Персидской казачьей бригаде Айн од-Доуле прямо заявил Чернозубову о том, что, по его мнению, бюджет бригады — чрезмерно разбухший. Поэтому он считал необходимым сократить его на 50 тыс. туманов, т. е. на четверть. Было ясно, что Айн од-Доуле добивался ослабления позиций бригады, в чем, несомненно, мог рассчитывать на широкую общественную поддержку. Поняв намерения иранского премьера, Чернозубов ответил категорическим отказом и вдобавок пригрозил подать в отставку. Угроза подействовала — Айн од-Доуле пришлось ретироваться и отказаться от сокращения бюджета

³³ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 360.

³⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 209.

бригады. Опасаясь ненужных осложнений с Россией, после месяца, прошедшего со дня этого инцидента, шах заявил Чернозубову, что по его указанию бригаде полностью выплатят предусмотренную бюджетом сумму³⁵.

Несмотря на решение финансового вопроса бригады, Чернозубов высказывал свои опасения по поводу обострившегося финансового кризиса в стране. В своем рапорте от 29 июня 1904 г. на имя окружного квартирмейстера он писал: «...Внутреннее положение Персии в непродолжительном времени окажется, несомненно, критическим вследствие застоя в финансовых делах, происходящих от холерной эпидемии и закрытия границы...»³⁶

Несмотря на изменившуюся внутривосточную ситуацию в Иране, царское самодержавие не собиралось сдавать свои позиции. Поскольку народное движение стало серьезно угрожать русским интересам в Иране, было принято решение о продолжении прежней политики по отношению к этой стране. «Наша задача, — читаем в инструкции, посланной ново назначенному посланнику России в Иране А. Н. Шпейеру от 30 сентября 1904 г., — политически сделать Персию послушным и полезным, то есть достаточно сильным орудием в наших руках, экономически — сохранить за собой обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов...»³⁷

Следовательно, сохранение своего политического влияния в Иране в условиях все возраставшего революционного подъема народных масс царское правительство считало своей первоочередной задачей. Заявление Никки Кедди о том, что внутренние и внешние проблемы не давали возможность царю уделять должное внимание Ирану³⁸, нуждается в определенной корректировке, поскольку именно тогда с целью обсуждения основных вопросов царской политики в Иране специально стали проводить

³⁵ РГВИА, ф. 400, оп. 4, д. 279, л. 209 об.–210.

³⁶ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 304, л. 108.

³⁷ Красный архив, т. 4 (53), Москва, 1932, с. 14.

³⁸ Keddie Nikkie. Iranian Politics 1900–05: Background to Revolution — III, p. 239.

ся «Особые совещания по персидским делам». В этих совещаниях принимал участие весь руководящий состав царского правительства: председатель совета министров, министры внутренних дел и финансов, военный и морской министры, начальники морского и Генерального штабов, товарищ министерства иностранных дел и вице-директор Первого департамента министерства иностранных дел. Приглашались наместник на Кавказе, русские послы в Лондоне и Константинополе, посланник в Тегеране и таврический генеральный консул, когда они находились в Петербурге. На этих совещаниях рассматривались важнейшие вопросы внешней политики царской России³⁹.

Начало революционного движения в Иране, на которое значительное влияние оказали Русско-японская война и первая русская революция (1905–1907), вынудило правящие круги царской России начать поиск средств по его подавлению. В такой обстановке усиление Персидской казачьей бригады прямо отвечало интересам самодержавия и шахской власти. Поэтому на состоявшемся 12 августа 1905 г. очередном заседании «Особого совещания по персидским делам», посвященном различным аспектам будущих русско-иранских отношений, было откровенно заявлено следующее: «... нам желательно усилить несколько персидские войска русскими кадрами, т. е. расширить казачью бригаду, и дать совет Персии усилиться этим путем на северо-восточном ее фронте»⁴⁰. Здесь же следует заметить, что, стремясь расширить казачью бригаду, царизм вовсе не предусматривал усиление иранских вооруженных сил вообще; напротив, он был категорически против даже некоторого их упорядочения⁴¹.

Было ясно, что Россия не согласилась бы даже на малейшее ущемление интересов казачьей бригады — своего мощного орудия политического влияния в Иране. Поэтому, исходя из сво-

---

³⁹ См.: Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 г. — *Красный архив*, т. 1, Москва, 1933.

⁴⁰ Там же, с. 58.

⁴¹ Там же, с. 58–59.

их интересов, она всячески противилась разным инициативам иранского правительства по переустройству армии с помощью инструкторов из других государств. Именно тогда было достигнуто соглашение об отказе иранского правительства от услуг австрийских инструкторов для обучения иранской армии (пехоты сарбазов), которых настойчиво советовал пригласить английский посланник⁴². На предложение русских реформировать иранскую армию по образцу Персидской казачьей бригады Мозаффар эд-Дин-шах и Айн од-Доуле ответили отказом⁴³.

Задача по ослаблению политико-экономических позиций России, а также роли казачьей бригады в Иране всегда была на повестке дня английской политики. Однако особенную актуальность она приобрела в годы Русско-японской войны и начала Конституционного движения в Иране. Исходя из сложившейся новой внутривосточной ситуации в Иране, английская политика была нацелена на то, чтобы максимально использовать все, что могло каким-либо образом способствовать обузданию русского влияния в этой стране. Распространение либерально-демократических идей, а затем начавшееся Конституционное движение в Иране стали подтачивать основы каджарского абсолютизма, поддерживаемого русским самодержавием. Поэтому Англия старалась максимально использовать для своих целей заложенный в них антимонархический заряд. В этой связи критика проф. Эд. Броуном оценки политики Англии в Персии, данная известным деятелем РСДРП М. П. Павловичем (Вельтманом) в своей статье «Новая Персия и ее оппоненты» («Современный мир», февраль, 1909), кажется не совсем правильной. Мнение М. П. Павловича о том, что «Англия поддержала Конституционное движение в Северной Персии, так как она увидела в том средство борьбы с русским влиянием, однако в районах Южной Персии, соседствующих с Индией, она поддерживала контрреволюцию», проф. Эд. Броун считал

⁴² РГВИА, фонд 400, оп. 4, д. 279, л. 210 об.

⁴³ См.: Memorandum by Abbas Quli Khan, Acting Oriental Secretary of British Legation, Tehra, 2 December 1905, enclosure in No. 133; FO 416/25 — in: Tousei Reza Ra'iss. The Persian Army, 1880–1907, p. 225.

ошибочным⁴⁴. Тем не менее есть множество материалов как русских, так и английских, подтверждающих правоту высказываний М. П. Павловича. Так, например, корреспондент английской газеты «Таймс» Давид Фрезер, очевидец революционных событий в Иране, на страницах своей книги приводит сведения, косвенно подтверждающие мнение М. П. Павловича⁴⁵. Не вдаваясь в детали географии революционного движения в Иране, общезвестно, что эпицентр движения находился на севере — в сфере русского влияния. Более того, движение не нашло своего продолжения на юге, в эксклюзивной зоне английского влияния.

Вообще, о немалой роли Великобритании в развитии Конституционного движения в Иране свидетельствуют слова английского посланника в Тегеране Германа Нормана о том, что своей конституцией иранские «национал-демократы» обязаны англичанам⁴⁶. Не следует забывать о том, что большую роль в радикализации общественного сознания иранцев сыграла русская социал-демократия. В результате отходничества сотен тысяч иранских рабочих северных провинций в Закавказье в начале XX в. в Иран стали проникать радикальные идеи о социальном переустройстве общества. Как известно, большинство иранских отходников работало на бакинских нефтепромыслах, где многие из них знакомились с русской социал-демократической большевистской литературой и набирались опыта партийной нелегальной борьбы, включая террор как средство запугивания политических оппонентов. В результате массовых забастовок на нефтепромыслах Баку многие иранцы были вынуждены вернуться на родину. Необходимо заметить, что многие из этих рабочих в дальнейшем приняли активное участие в Конституционном движении 1905–1911 гг.⁴⁷

⁴⁴ См.: Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 430.

⁴⁵ См.: Frazer D. *Persia and Turkey in Revolt*. L., 1910, p. 90–91.

⁴⁶ См.: *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print*. General Editors: Kenneth Bourne and D. Cameron Watt. Part II, Series B, vol. I. Doc. 250 (204464), p. 180.

⁴⁷ Камбахш А. *Назар бе джобеш-е каргари ва комунисти дар Иран*. Маджмуйе-ие макалат. Аз энтешарат-е хезб-е тудеи-йе Иран, б. м., 1972, с. 14.

Среди иранских рабочих вела свою политико-просветительскую работу марксистская партийная организация «Хеммат», возникшая еще в 1903 г. В 1904 г. она превратилась в группу при Бакинском комитете Российской социал-демократической рабочей партии. Одной из функций этой группы была работа среди мусульманских рабочих, в том числе иранских отходников⁴⁸. Позднее иранские отходники в Закавказье создали социал-демократическую организацию «Эджтемайюн-е аммиюн»⁴⁹. Иранцы, прошедшие путь партийно-подпольной борьбы в этой организации, вернувшись в свою страну, привнесли в Конституционное движение свой опыт и радикализм.

Кроме самих иранцев в борьбе за конституцию активно участвовали члены РСДРП из Закавказья. Они группами проникали на территорию Ирана, ввозили контрабандным путем оружие, вместе с иранскими моджахедами вели вооруженную борьбу против шахских властей в приграничных с Российской империей территориях. Например, в тавризском восстании (23 июня 1908 г. — 29 апреля 1909 г. и в рештском восстании 26 января (8 февраля) 1909 г. активно участвовали закавказские революционеры⁵⁰. Докладывая о ситуации в Иране в период расширения Конституционного движения в этой стране, полковник Чернозубов писал: «Русское революционное движение нашло здесь самую благодатную почву, вполне подготовленную помимо экономического кризиса, политических унижений и близости финансового банкротства, бездарностью внутренней и внешней политики первого министра (Айн од-Доуле. — Н. Тер-Оганов) и отдельными административными правилами его ставленника — тегеранского губернатора Ала

⁴⁸ Агаев С. Л., Пластун В. Н. Спорные вопросы социал-демократического движения в Иране в 1905–1911 гг. — *Иран (История и современность)*. М., 1983, с. 10–11.

⁴⁹ См. например: Иванов М. С. Новые материалы о социал-демократической группе в Тавризе 1908 г. — *Проблемы востоковедения*, 1959, № 5, с. 179–183.

⁵⁰ См.: Арутюнян Г. С. *Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья*. Ереван, 1956.

од-Доуле»⁵¹. Поэтому не случайно, что в тогдашней российской прессе нашла отражение мысль о том, что иранская революция была «устроена кавказцами»⁵².

После возвращения шаха из поездки в Европу в конце 1905 г. финансовая ситуация в Иране стала еще более плачевной, что отразилось и на армии, не получавшей почти год денег. В такой ситуации иранское правительство не могло надеяться на помощь со стороны армии⁵³. Но положение оказалось намного серьезней. Как выясняется, денег не хватало даже на содержание Персидской казачьей бригады. Полагали, что ситуацию можно исправить при помощи долгосрочного займа, однако его реализация шахскому правительству представлялась «крайне затруднительной»⁵⁴. Прошло немного времени со дня утверждения Мозаффар эд-Дин-шахом конституции и созыва народного собрания — меджлиса, как на одном из его первых заседаний Персидскую казачью бригаду подверг резкой критике моджахед Ага Сеид Мохаммад Табатабаи. Он осудил ношение казаками русской военной формы,

---

⁵¹ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 39. Ала од-Доуле действительно был повинен в дальнейшем нагнетании социального напряжения в столице. Как известно, именно после того, как по причине искусственного завышения цен на сахар тегеранскими торговцами, по его приказу были публично подвергнуты палочным ударам некоторые из них, группа торговцев и ремесленников в знак протеста против произвола губернатора села в бест в шахской мечети. Вскоре к засевшим в бест примкнули многие из шиитских богословов, включая аятол Сеида Абдаллу Бехбехани и Сеида Мохаммада Табатабаи. После этого группа протестующих отправилась в Шах Абдоль-Азим, где к ним присоединилось большое число улемов и толлабов. На этот раз протестующие выставили властям целый ряд требований, касающийся учреждения «домов справедливости» по всему Ирану, отстранения от должности ненавистного им губернатора столицы, а также бельгийского управляющего таможнями и финансами государства, установления в стране исламского права. См.: Заранг Мохаммад. *Тахаввол-е незам-е казаи-йе Иран*, с. 135.

⁷³ Центральный государственный исторический архив Грузии, ф. 13, оп. 27, д. 1004, л. 174.

⁷⁴ Memorandum by Abbas Quli Khan, Acting Oriental Secretary of British Legation, Tehran, 2 December 1905, enclosure in No. 133; FO 416/25 — in: Tousi Reza Ra'iss. *The Persian Army. 1880–1907*, p. 225.

⁷⁵ ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 70.

эполетов и наград, а также выступил против практики оказания военных почестей российскому посланнику в Тегеране⁵⁵. Однако давление на бригаду происходило не только извне, но и изнутри. Иранские офицеры требовали дальнейшего изменения статуса командира бригады и его полномочий.

Следует заметить, что углубление революционной ситуации в Иране, с одной стороны, и сделанные Мозаффар эд-Дин-шахом вынужденные уступки, в том числе «дарование конституции» в октябре 1906 г., а также скрытая агитация англичан, направленная против бригады — с другой, создали последней множество проблем. Несмотря на наметившееся англо-русское сближение, которому положили начало заключение англо-французского союза в апреле 1904 г. и приход в Министерство иностранных дел России в мае 1906 г. нового, проанглийски настроенного министра иностранных дел А. П. Извольского, в характере двусторонних отношений в Иране мало что изменилось.

Согласно рапортам Чернозубова, англичане использовали все средства для борьбы с русским влиянием даже на севере Ирана. Так, зная о прорусских настроениях наследника престола Мохаммад Али-мирзы, находившегося тогда в Тавризе, они попытались скомпрометировать его в глазах Мозаффар эд-Дин-шаха. «Осведомленность наша о всем происходившем в Тегеране, — писал полковник Чернозубов 26 мая 1906 г., — дала возможность нашей миссии помешать английской интриге, направленной к скомпрометированию Валиахда в глазах шаха с целью, вероятно, провозглашения принца Шуа эс-Салтане наследником престола. Как потом оказалось, Атабек-Азам (Амин од-Доуле. — *Н. Тер-Оганов*) и принц Шуа эс-Салтане вошли в сговор с английской миссией, распуслав в городе слухи о смерти шаха и вызове Валиахда, дабы несвоевременным приездом последнего убедить подозрительного шаха в нелюбви к нему Валиахда, перессорить их и провозгласить Шуа эс-Салтане наследником престола»⁵⁶.

¹ Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia*, p. 496.

² ЦГИА Грузии, ф. 521, опись 2, дело 337, л. 142–142 об.

По сообщению Чернозубова, «духовенство требовало конституции и свержения Атабека»⁵⁷. Вследствие давления духовенства и торговцев, засевших в бест в английской миссии еще в начале июля, шах 14 июля 1906 г. принял отставку первого министра⁵⁸. Тем не менее, добившись отставки Айн од-Доуле, духовенство пошло дальше и стало требовать «освободительные реформы». В этом полковник Чернозубов узрел руку англичан: «Правительство было уверено, — писал он, — что с уходом первого министра все волнения улягутся. Но на деле оказалось гораздо серьезнее, так как обнаружилось, что вся агитация ведется английским поверенным в делах Грант-Даффом, желающим захватить господствующее влияние в Персии»⁵⁹.

О возросшей активности англичан в Иране сообщал из Вана в своем донесении от 18 сентября 1906 г. и российский вице-консул Термен: «Вообще мне говорили, что за последнее время Англия сильно работает в Тегеране, стараясь увеличить свое влияние, и это, по-видимому, ей удастся». Тем временем оппозиционное движение стало набирать силу. 20 июля число засевших в бест в английской миссии достигло 14 тыс. человек. Они требовали удаления начальника таможен бельгийца Науса, проверки финансовой деятельности ушедшего Атабека и народного собрания⁶⁰. Но этим сотрудничество духовенства с англичанами не закончилось — оно продолжалось на протяжении Конституционного движения в Иране. Не случайно, что Д. Фрезер ясно указывал на эту связь: «Мы (англичане. — *Н. Тер-Оганов*), — писал он, — поддерживали и направляли Конституционное движение с самого начала революции и до ее конца с целью ослабления России и увеличения своего собственного»⁶¹. В этом же признается и проф. Э. Броун. Соглас-

³ Там же, л. 143.

⁴ Там же, л. 185.

⁵ Там же, л. 194 об. Малек ош-Шоара Бахар также указывает на тайную поддержку англичанами Конституционного движения в Иране. См.: Бахар Малек ош-Шоара. Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е Иран. Джелд-е аввал. Энкераз-е каджари-йе. Техран, 121357, с. 2.

⁶ Там же.

⁷ Fraser D. *Persia and Turkey in Revolt*. London, 1910, p. 26.

но ему, «Англия возбудила среди персов стремление к конституции, национальному собранию, свободе, обеспечив тем самым свободу действий против своих соперников (курсив наш. — Н. Тер-Оганов)»⁶². Между прочим, и А. Кесрави указывал на причину поддержки Англией иранского Конституционного движения. Он считал, что в основе этого лежало желание Англии ослабить шаха, ориентировавшегося на Россию⁶³. Та же мысль находит свое подтверждение в книге русского дипломата, бывшего российского посланника в Тегеране И. А. Зиновьева «Россия, Англия и Персия»: «Англичане никогда не могли примириться с нашим преобладающим влиянием в Тегеране и в возникшей в Персии революции они усмотрели средство поколебать наше влияние и устранить Мохаммад-Али-шаха, коему они не могли простить его русофильские чувства»⁶⁴.

Нет ничего удивительного в том, что в своем рапорте от 11 августа 1906 г. окружному генерал-квартирмейстеру штаба Кавказского военного округа полковник Чернозубов писал: «Немедленно после дарования шахом национального собрания и других свобод, англичане начали через мулл агитацию во вверенной мне бригаде, дабы возбудить неудовольствие среди офицеров и нижних чинов бригады и заставить их сесть в бест в английскую миссию»⁶⁵. Агитация возымела свое действие. Вскоре Чернозубову стало известно, что некоторые офицеры бригады начали устраивать митинги в частных домах и решили предъявить ему несколько требований,

---

⁶² Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 176.

⁶³ См.: Кесрави Ахмад. *Тарих-е маируте-йе Иран*. Тегеран: Моассесе-йе энтешарат-е Амир Кабир, 1376, с. 595.

⁶⁴ Зиновьев И. А. *Россия, Англия и Персия*. СПб., 1912, с. 7.

⁶⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6949, л. 1. Следует заметить, что как-то раз, когда английский военный атташе полковник Дуглас спросил полковника Чернозубова, насколько казаки могут быть надежны в случае противостояния с народными волнениями, если оно будет иметь место, последний ответил, что «в случае обращения к их религиозным чувствам, на них не следовало бы положиться». Далее он признался Дугласу: «они могут отказаться стрелять в толпу, сопровождаемую муллами». См.: Lieutenant-Colonel Douglas to Mr E. Grant Duff, enclosure in No. 97, Tehran, 27 December 1905; FO 416/26 — in: Tousi Reza Ra'iss. *The Persian Army, 1880–1907*, p. 222.

среди которых были следующие: учреждение бригадного совета, перед которым бригадный командир будет ответствен за расходование денежных сумм; установление правил, согласно которым совет будет ведасть чинопроизводством, наградами и пенсиями; ограничение власти бригадного командира; требование прибавки содержания и пенсий; удовлетворение разных мелких «неудовольствий».

Если судить о легитимности этих требований, то, по крайней мере, из перечисленных требований два первых выглядят вполне законными. Более того, они могут указывать на наличие определенных финансовых нарушений, а также нарушений по части чинопроизводства, порядка пожалования пенсий и наград. Между прочим, такие обвинения в адрес командиров бригады не раз выдвигались. По мнению Чернозубова, большинство требований были несовместимы с военным порядком, а также нравами и обычаями Ирана. Он решил остановить брожение в бригаде и по возможности свести его к исполнимым требованиям. Из рапорта выясняется, что было два зачинщика в бригаде, а именно сартип Асадолла-хан и его брат явер Сейфолла-хан⁶⁶. Чернозубов решил исключить их из состава бригады, а затем и арестовать. Узнав об этом, старшие офицеры попросили его не делать этого. Тогда Чернозубов согласился не исключать их, но отказался освободить из-под ареста. На этом конфликт не был исчерпан. 10 августа в казармы бригады явилось несколько мулл, которые

---

⁶⁶ В связи с этим позднее, в одном из своих майских номеров, выражая возмущение по поводу увольнения из бригады иранских офицеров и беспомощности военного министерства, иранская газета «Тамaddon» писала: «Неужели без распросов и расследований можно освободить от военной службы и лишить прав сартипа Мирзу Асадуллу и сарханга Мирзу Исмаил-хана, у которых была в голове любовь к родине. Мы не просим, а просто спрашиваем: разве военное министерство не должно сделать запрос по данному происшествию? По крайней мере, раз в год осведомиться о положении в бригаде?!». См.: *Тамaddon*. 2 раби ос-сани 1325 г. (15 мая 1907 г.), № 16. Среди тех, кто отказался служить в рядах казачьей бригады, был и вольнодумец Амир Туман Аманулла-мирза, который позже стал поддерживать тавризских моджахедов, сражавшихся с русскими воинскими частями в Азербайджане. См.: Касрави Ахмад. Тарих-е хидждахсале-йе Азарбайджан. Базманде-йе тарих-е маршруте-йе Иран. Техран, 1376, с. 381–393.

продолжили подстрекать офицеров к предъявлению выработанных требований. Однако русским офицерам, которым Чернозубов поручил воздействовать на рядовых чинов бригады, разговорами удалось мирным путем удалить мулл из казарм.

Выражая неоправданный оптимизм, Чернозубов надеялся, что благодаря принятым мерам «здоровое большинство» одержит верх над левыми элементами и все сведется к пустым требованиям экономического характера. Однако не тут-то было. Военный министр Наиб ос-Салтане одобрил действия Чернозубова и признал действия офицеров-бунтовщиков совершенно неприемлемыми, решив удалить из бригады главарей движения. Позднее Чернозубов стал реальнее оценивать сложившуюся ситуацию: «Думается мне, однако, что это пустые слова, так как муллы теперь хозяева положения, а правительство бессильно им противодействовать. Поэтому мне кажется, придется пойти на уступки»⁶⁷.

Действительно, конфликт на этом не завершился, а, наоборот, еще более расширился — подключились к требованиям уже иранские генералы бригады. По сообщению Чернозубова, 13 августа, т. е. через три дня после появления в бригаде мулл, к нему явились все генералы бригады. Они заявили ему дословно следующее: «С изменением образа правления Персии, существовавшие в бригаде порядки более не могут иметь место, и что они просят учреждения бригадного совета, перед которым должен быть ответствен бригадный командир во всех своих действиях как по строевому управлению, так и по хозяйственной части»⁶⁸. Как выясняется, это требование было подсказано чинам бригады двумя иранцами, не так давно вернувшимися из России. По сообщению Чернозубова, ему удалось убедить «здоровое большинство» в том, что невозможно подчинение начальника своим подчиненным. Вместе с тем ему пришлось согласиться с предложением о создании бригадного суда для разбора разного рода тяжб, к тому же пообещав приступить к составлению положения об управлении бригадой, согласно русским военным законам,

⁶⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 1.

⁶⁸ Там же, л. 4.

но применительно к правилам шариата и в соответствии с дастихатом шаха о правах командира бригады. Как бы оправдываясь, Чернозубов указывает на то, что «без сделанной уступки офицеры бригады, безусловно, сели бы в бест в английскую миссию»⁶⁹. Посланник, согласившись с необходимостью этих «незначительных уступок», рекомендовал Чернозубову тянуть время с составлением положения о бригаде до прибытия нового командира полковника Ляхова. Таким образом, решение множества проблем бригады решили возложить на плечи Ляхова. Это он должен был по своему усмотрению решить, приводить в исполнение намеченные Чернозубовым уступки или отказаться от них, в зависимости от полученной им инструкции. Завершая свою службу, командир бригады Чернозубов писал: «Мне кажется, что волнения пока на этом останутся, но персы немедленно перейдут к предъявлению ко мне разных денежных требований шантажного свойства и начнут писать доносы. Без этого персы не были бы персами»⁷⁰.

---

⁶⁹ Там же, л. 5 об.

⁷⁰ Там же.

ГЛАВА VII

ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ПОЛКОВНИКА В. ЛЯХОВА В БОРЬБЕ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАНЕ. АНТИКОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 23 ИЮНЯ 1908 Г.

Долгое противостояние народа с монархией завершилось победой населения: 7 октября 1906 г. состоялось первое заседание новоизбранного иранского парламента — меджлиса, который менее чем за год выработал Основной закон (конституцию) страны. 25 сентября 1907 г. она была утверждена Мохаммад Али-шахом. Конституция значительно ограничила власть шаха. Многие в этом увидели отголоски недавних событий в России: обнародование манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. и учреждение Государственной думы, в которой в 1906–1907 г. тон задавали левые партии.

Изменение характера власти от шахского абсолютизма к конституционной монархии не могло не отразиться и на положении Персидской казачьей бригады¹. В такой, не совсем благоприятной для бригады обстановке командование принял на себя полковник Генерального штаба В.П. Ляхов. Под его начальством находились капитан Перебиносков — инструктор пехоты, есаул А.Г. Блазнов — инструктор кавалерии и капитан В.И. Ушаков — инструктор артиллерии. Кроме того, в подчинении у полковника

---

¹ См.: Tousi Reza Ra'iss. The Persian Army, 1880–1907, p. 224.

Ляхова находились пять урядников: Бондаренко, Кравцов, Колесников, Сафронов и Нерубайский². О состоянии бригады в момент своего вступления на должность Ляхов писал: «Я принял бригаду в состоянии бунта против полковника Чернозубова и долгом более 17 тыс. туманов. Цифра эта определена очень скромно. Подробно доложил обо всем своему начальству. Достаточно сказать Вам, что за последние ½ года своего командования, полковник Чернозубов ни гроша не дал по тем командировочным, что составило его долг 32½ тыс. туманов»³. На состоянии бригады сказывалось и отсутствие необходимого контроля со стороны иранского военного министерства. Оно стало особенно чувствоваться после смерти Ваджихуллы-мирзы, когда на пост военного министра был назначен совершенно несведущий в военных вопросах, но пользующийся доверием шаха Хосейн Паша Бахадор-Джанг, исполнявший одновременно и роль командира шахской гвардии — кешикхане⁴.

За короткое время своего пребывания на посту командира бригады полковник Ляхов заслужил положительную характеристику со стороны посланника Н. Г. Гартвига, который в своей секретной депеше от 22 декабря 1906 г. дал высокую оценку моральным и деловым качествам командира. По словам Гартвига, «полковник Ляхов бесспорно честный, хороший строевой офицер, проникнутый стремлением исправить все прошлые недочеты, он желает поставить вверенную ему часть на должную высоту. Приехал он в Тегеран под сильным впечатлением росказней, частью справедливых, частью измышленных, о выходках полковника Чернозубова, подорвавших авторитет командира Бригады...». Вместе с тем, по замечанию Гартвига, «полковник Ляхов ударился в другую крайность и повсюду и во всем стал усматривать посягательство на его престиж»⁵. Кстати, на строптивость его характера в свое время указал и штабс-капитан К. К. Смирнов, хорошо знав-

² Павлович М. П. *Казачья бригада в Персии*, с. 86.

³ Там же, л. 36 об.

⁴ Tousi Reza Ra'iss. *The Persian Army, 1880–1907*, p. 224.

⁵ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 26 об.

*Командир Персидской казачьей бригады
полковник В. П. Ляхов (1906–1909 гг.)*

ший его⁶. Однако строптивость не мешала ему исправно выполнять возложенные на него обязанности, и уже 9 марта 1907 г. за проделанную работу Мохаммад Али-шах, сменивший на троне 1 января 1907 г. своего покойного отца Мозаффар эд-Дин-шаха, объявил об очередном награждении русских офицеров-инструкторов. Полковник Ляхов удостоился ордена с изображением Мозаффар

---

⁶ Он познакомился с молодым полковником Ляховым во время их совместной поездки в Османскую Турцию в 1904 г. См.: Ter-Oganov Nugzar. Rapport du Capitaine en Second Constantin Smirnov sur son Voyage en Turquie en 1904. — *Iran and the Caucasus*, 10. 2. Brill. Leiden, 2006, p. 209–229.

эд-Дин-шаха III степени, есаул Блазнов получил ленту и звезду по чину мирпанджа (генерал-лейтенанта), капитан Ушаков — шашку, поручик Перебиносков — орден Льва и Солнца II степени, урядник Бондаренко — золотую медаль на шею, Кравцов — орден Льва и Солнца IV степени, Нерубайский — позолоченную медаль на шею и, наконец, Сафронов — серебряную медаль на шею⁷.

Такая расположенность шаха к Персидской казачьей бригаде, как и ко всему русскому, была не случайной. По утверждению К. Н. Смирнова, который был воспитателем наследника шахского престола Солтан Ахмад-мирзы, ребенку с детства внушали любовь и симпатию к России⁸. Чувствуя поддержку шаха, Ляхов стал энергично приводить в порядок бригаду, что, конечно, не могло не вызвать недовольство ее противников. Депутаты иранского меджлиса в открытую стали выражать свои сомнения относительно полезности Персидской казачьей бригады. «Некоторые депутаты, — как писал бывший российский посланник в Иране И. А. Зиновьев, — заявляли, что эта весьма дорогостоящая Персии бригада служит лишь в пользу России и что как офицеры, так и нижние чины командированы в провинции исключительно с целью доставления своему начальству сведений о положении дел в провинциях»⁹. По сообщению Ляхова, либеральная пресса подключилась к целенаправленной антибригадной кампании. Появились статьи, авторы которых, по утверждению Ляхова, не только порочили имя бригады, но и преподносили порой своим читателям искаженные данные о бригаде. В одном из своих донесений полковник Ляхов приводит в качестве примера одну статью, где ее автор сообщал, что якобы содержание бригады обходится правительству очень дорого — 480 тыс. туманов в год, а состав ее не превышает 600 человек. Ляхов тут же дает реальные цифры: бюджет бригады 238 тыс. туманов, а состав ее в январе 1907 г. около 1460 человек. Из них налицо в Тегеране более 700

⁷ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 43–43 об.

⁸ Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*. Тель-Авив: Иврус, 2002, с. 293.

⁹ Зиновьев И. А. *Россия, Англия и Персия*, с. 30.

человек, остальные же находились в командировках за пределами столицы¹⁰. По поводу появившейся дезинформации в своей секретной телеграмме от 30 января 1907 г. посланник Гартвиг сообщал следующее: «Я немедленно протестовал перед садр-азамом, как только появились в печати ложные данные о бригаде, указав как ему, так и военному министру на опасность агитации против единственной, правильно организованной воинской части. Затем, — продолжает Гартвиг, — дружественно объяснялся по сему предмету с духовными членами меджлиса, которые тогда же опровергли в парламенте все наветы на бригаду»¹¹. Вместе с тем Гартвиг не исключал возможности «недостойных вылазок против русских офицеров со стороны «революционных элементов»¹².

Необходимо отметить, что наряду с вымышленными, сенсационными сообщениями о разных сторонах деятельности Персидской казачьей бригады в иранской прессе стали появляться статьи, в которых со знанием дела рассматривался вопрос о непригодности казачьей бригады в деле защиты национальных интересов Ирана¹³.

---

¹⁰ Хотя следует признать, что приведенный газетой «Тамаддон» от 15 мая 1907 г. бюджет Персидской казачьей бригады за февраль 1906 г. — февраль 1907 г., составлявший 230 102 тумана в принципе полностью совпадает с данными, приведенными полковником Ляховым. Кстати, по справедливому утверждению Ибрахима Теймури, руководители бригады тщательно скрывали данные о ее бюджете, численности личного состава и ее вооружении даже от иранского правительства. См.: Теймури Ибрахим. Аср-е бихабари иа тарих-е эмтиазат дар Иран, с. 310–311.

¹¹ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 44.

¹² Там же.

¹³ Отмечая свободолобивый дух иранской прессы, тегеранская газета «Недаи-йе Ватан» в одном из своих номеров писала: «Сегодня свобода печати (пера) в Иране, какой нет ни в каком другом государстве Европы, даже более шире и свободнее, чем в некоторых средних государствах Европы. Это в том смысле, что ни со стороны законодательной власти и священного национального собрания меджлиса, ни со стороны кабинета министров правительства никогда не чинились и не чинятся никакие притеснения в отношении авторов (статей). — Н. Тер-Оганов). Более того, в настоящее время в комиссии меджлиса корректируется и обрабатывается закон о печати, поскольку некоторые его главы, касающиеся наказания, написаны очень грубо и не связаны с положением прессы в Иране». См.: Недаи-йе Ватан. 3 зихаджа 1325 г. (8 января 1908 г.), № 148.

Так, в своем мартовском номере 1907 г. иранская газета «Тамаддон» («Цивилизация») прямо ставила вопрос о бесполезности русских военных инструкторов. Она сетовала на чрезмерные расходы, которые вынуждена была нести казна на их содержание, в то время как народ находился в бедственном положении. По утверждению газеты, деятельность бригады не принесла ожидаемых результатов, «от нее не было никакой пользы», — заключала газета¹⁴.

С обострением внутривосточной ситуации в Иране антибригадный порыв иранской прессы нарастал. Два майских номера газеты «Тамаддон» были посвящены Персидской казачьей бригаде. В своей статье под заголовком «Иранский народ — живой или мертвый?» ее автор, обращаясь к своим читателям, вопрошал: «Как это возможно, чтобы живой народ, обладающий чувством, открытыми глазами и восприятием, смотрел, как наемник, которого привезли для службы, будет управлять вопреки данному ему повелению (речь идет о командире казачьей бригады. — *Н. Тер-Оганов*) и вместо службы заниматься предательством?! Не дождавшись помощи, народ замолк, пока ежедневная “Хабл ол-Матин” (персоязычная газета, издававшаяся в Калькутте) не начала этот рассказ, осветив наши глаза и сердца. Нам также стало необходимо исполнить свой долг. Генерал Косооговский, инструктор казачьей бригады, после своего приезда скрыл свои внутренние мысли и не выходил за пределы дозволенного. Но как только увидел положение Ирана и бесчувственность сановников, он без потери одной минуты приступил к осуществлению своих потаенных мыслей»¹⁵. Газета обвиняла полковника Косооговского в том, что тот посеял семена раздора между казаками и при помощи «самодержавного климата за короткий отрезок времени получил результат. Тех, кто не был согласен с его гнилыми мыслями, без всякого промедления и колебаний, выгнал из бригады и при помощи своих воспитанников составил ежедневные политические планы, которые затем послал за рубеж». Газета обвиняла его в раз-

¹⁴ *Тамаддон*, 21 мохаррам ол-харам 1325 г. (5 марта 1907 г.), номер 5.

¹⁵ *Тамаддон*, 2 раби ос-сани 1325 г. (15 мая 1907 г.), номер 16.

ложении казачьей бригады. По утверждению газеты, деньги, выделяемые на содержание казачьей бригады, оседали «в карманах русских дам»?!

Для того чтобы показать читателям, как иранское правительство безрассудно расходовало большие суммы денег на содержание бригады, в своем 16-м номере газета «Тамаддон» приводит в качестве примера бюджет Персидской казачьей бригады за 1324 г. (февраль 1906 — февраль 1907 г.), который составил 230 тыс. туманов¹⁶. Не давая обсуждаемой теме остыть, в следующем 17-м номере газеты «Тамаддон» последовала острая публикация о денежных злоупотреблениях в казачьей бригаде. Были подвергнуты острой критике многие пункты бюджета. Так, автор статьи указывал на несоответствие числа офицеров (200 человек) с числом рядового состава (1500 казаков), свидетельствующее об избытке офицеров. В связи с этим автора интересовал вопрос о порядке присвоения воинских званий в бригаде, а также мотивы командира в деле продвижения иранских офицеров по служебной лестнице. По утверждению автора публикации, ничего не было известно о пенсионерах бригады, получавших 12 000 туманов в год¹⁷.

Администрация бригады обвинялась в содержании «мертвых душ». Удивление автора вызывал и тот факт, что хотя по штатному расписанию в бригаде должны были числиться 1500 человек, в ней реально насчитывалось не более 700 человек. Не было никаких

---

³² Бюджет Персидской казачьей бригады за 1906–1907 гг. (1324 г.) смотри в Приложении № 2.

³³ Согласно Н. П. Мамонтову, производство в офицеры не было связано с наличием свободных офицерских вакансий и зависело исключительно от желания командира бригады. Заметим, что ровно год спустя число казачьих офицеров составило уже 270 человек, причем многие из них по причине отсутствия вакансий занимали даже унтер-офицерские должности. Что же касается выплаты пенсионерам денежных пособий, то, по его утверждению, пенсии как таковые не были установлены. Тем не менее потерявшие трудоспособность, раненые, а также семьи убитых казаков, по указанию командира бригады, получали пособие из так называемого фонда «экономического капитала». См.: Мамонтов Н. П. Очерки современной Персии, с. 92–93.

разъяснений в бюджете по вопросу об экстраординарных расходах, составивших свыше одной тысячи туманов. Автор справедливо удивлялся: почему для лошади русского офицера на фураж было выделено 36 туманов, в то время как для лошади иранского казака — 30 туманов. Он недоумевал, почему жалованье конного казака составляло 22 тумана, тогда как казака-пехотинца — 18 туманов. Были и другие замечания относительно бюджета Персидской казачьей бригады. Естественно, что такое положение поневоле вызвало подозрение в финансовых злоупотреблениях администрации бригады. Вместе с тем замечания автора статьи касались не только бюджета бригады, но и той суммы, в размере 120 тыс. туманов, которую получала бригада от правительства для покрытия расходов на командировки в провинции. Ставилась под сомнение и польза от подобных командировок, цель которых заключалась в «составлении политических карт и секретных сведений».

Автор статьи призывал депутатов иранского меджлиса обратить внимание на казачью бригаду, чью полезность он ставил под сомнение. «Мы спрашиваем наших братьев, — пишет он, — чья жизнь для нас дороже всех, исполняла или нет свои обязанности за 28 лет своего существования казачья бригада, воспитала или нет опытных офицеров, и действовала ли она согласно своим обязанностям. Воспитала ли за это время достаточное число людей, способных обучать других. Если да, то в таком случае мы сегодня не должны нести ежегодные расходы и пускать на ветер наши деньги. С сегодняшнего дня необходимо извиниться перед ними и не утруждать себя их присутствием. А если за это время они не выполняли своих обязанностей, то и после этого, конечно, они не будут их выполнять и это принесет нам пользу»¹⁸.

Газета и в последующих номерах продолжала публиковать материалы критического характера, касавшиеся плачевного положения иранской армии, одну из причин упадка которой пресса видела и в непрофессиональности тогдашнего военного министра Наиб ос-Салтане, занимавшего несколько должностей. «Поэто-

³⁴ *Тамaddon*, 8 раби ос-сани 1325 г. (21 мая 1907 г.), шомаре-йе 17.

му, — писала газета, — нашим великим депутатам и доверенным лицам следует без потери минуты приступить к делу и потребовать от правительства упорядочения этого ведомства, назначения на место незнающих людей опытных офицеров и освобождения подола невинности государства от этого большого позора»¹⁹. Следует признать, что иранская пресса внесла свой немалый вклад в критическое осмысление природы Персидской казачьей бригады как чужеродного организма, в результате которого уже на волне антирусских настроений в стране иранский парламент проголосовал за рассмотрение вопроса о необходимости сокращения расходов на бригаду, а также увольнения из нее русских инструкторов²⁰.

Между тем полковник Ляхов интуитивно чувствовал, что парламентская инициатива вполне могла стать началом серьезной кампании против русских инструкторов²¹. Результат этой кампании вскоре дал о себе знать — под ее влиянием в российских военно-политических кругах был поставлен вопрос о необходимости пересмотра статуса казачьей бригады. В связи с этим российский посланник Н. Г. Гартвиг предостерегал тех, кто ратовал за удаление русских инструкторов из бригады: «При этом позволю высказать, — писал Н. Г. Гартвиг в своей секретной телеграмме от 26 июля 1907 г., — что, по моему глубокому убеждению, окончательный отказ наш от руководства бригадой, с отозванием русских инструкторов, во всех отношениях подорвет наше положение в стране, где у нас имеются важные экономические и политические интересы». Далее он предупреждал, что в случае нежелательного поворота событий бригада, оказавшись в руках немецких офицеров, может стать враждебно настроенным к России войском»²². Посланная в ответ Гартвику телеграмма товарища министра иностранных дел России от 27 июля 1907 г. наглядно

¹⁹ *Тамаддон*, 12 раби ос-сани 1325 г. (25 мая 1907 г.), шомаре-йе 18.

²⁰ Следует заметить, что вопрос о сокращении бюджета бригады, так же как и вопрос о смещении русского командира и удалении из бригады всех русских инструкторов, не раз поднимался на заседаниях иранского меджлиса.

²¹ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 18.

²² Там же, л. 139.

показывает, насколько серьезно отнеслись некоторые представители военно-политических кругов к вопросу о статусе русских инструкторов в преддверии подписания англо-русского соглашения 1907 г. В этой телеграмме товарищ министра интересовался вопросом о формировании конвоя шаха, которое было поручено ротмистру казачьей бригады Хабаеву. Товарищ министра спрашивал у посланника, создана или нет эта часть и может ли она стать охраной шаха, иностранных миссий и колоний, а также «можно ли рассчитывать на то, что окажется вполне в состоянии заменить казачью бригаду, если бы было решено отозвать наших инструкторов и окончательно отказаться от руководства бригадой»²³.

Полковник Ляхов прекрасно понимал политическое значение бригады. Фактически ни один из губернаторов не был в состоянии управлять своей провинцией без казаков. Так, в начале лета 1907 г. в различные провинции Ирана были командированы 478 казаков, а 207 казаков постоянно служили при министрах, министерствах и иностранных представительствах. Вместе с тем Персидская казачья бригада стояла на страже русских интересов. Она охраняла все отделения русского Учетно-ссудного банка (84 казака), Энзели-Имранскую дорогу (15 казаков), русские консульства в Реште и Керманшахе (6 казаков), восточную часть Хорасана и Систана от «посягательств» англичан, земельную собственность, находящуюся под контролем России (6 казаков). Кроме того, по первому же требованию русского посланника, заметим, без разрешения иранского правительства, командир бригады мог передать для службы при миссии необходимое число казаков. Что касается материального положения бригады, согласно полковнику Ляхову, она нуждалась во многом, в частности в 1500 винтовках, 450 тыс. патронов, 300 тыс. холостых патронов, 4 скорострельных пушках с боевым комплектом и 2–4-зарядных ящиках. По предварительным оценкам самого Ляхова, все это стоило не так дорого, однако в случае поднесения такого подарка бригаде это произвело бы «чарующее впечатление на шаха»²⁴.

²³ Там же, л. 140.

²⁴ Там же, л. 76 об.–78.

Благодаря работе, проведенной Ляховым, казачья бригада вновь была поставлена на ноги. 9 августа 1907 г. на аудиенции у Мохаммад Али-шаха полковник Ляхов попросил его провести смотр бригады. Проведенным смотром 28 августа шах остался доволен и пожаловал бригаде 10 тыс. туманов на приобретение кавалерийских седел. Между тем шах попросил Ляхова «не распускать войска из лагеря» для устрашения оппозиции²⁵. Было ясно, что Мохаммад Али-шах в случае необходимости хотел использовать бригаду против политической оппозиции. Тем временем военный министр принц Камран-мирза Наиб ос-Салтане вышел в отставку. Воспользовавшись этим обстоятельством, шах возложил на себя обязанности военного министра. Спустя неделю, 16 августа, полковник Ляхов вновь пожаловал к Мохаммад Али-шаху на аудиенцию. Согласно сообщению полковника Ляхова, он был принят очень любезно. Шах много говорил о делах бригады и благодарил полковника за службу. Во время встречи шах заявил Ляхову, что «в настоящий трудный момент он рассчитывает на бригаду как на единственную воинскую часть — организованную, дисциплинированную, обученную и надежную». Он предложил полковнику очистить бригаду от «подозрительных офицеров»²⁶.

Уже 31 августа 1907 г. Ляхов с гордостью сообщал о положении в бригаде генерал-квартирмейстеру Кавказского военного округа: «Я принял бригаду в состоянии бунта, материально расстроенную. Теперь бригада одета, оплачена, дисциплинирована, заслужила доверие шаха. В начале года я изнемогал от безделья, теперь и этот вопрос почти получил свое разрешение»²⁷. Ему приказали вывести бригаду из «неудовлетворительного состояния», и он преуспел в этом, несмотря на нарастание революционного движения. Но все это, по признанию самого Ляхова, досталось ему за счет большого напряжения сил, энергии и настолько расшатало его нервы и утомило его, что он со страхом думал о пред-

⁴¹ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 120.

⁴² РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 75.

⁴³ Там же, л. 120.

стоящем годе. Действительно, настолько сильно было его нервное напряжение, что он неоднократно требовал своего досрочного откомандирования из бригады: «...я с ужасом думаю о предстоящем годе. Я неоднократно просил об откомандировании меня отсюда, приводя мотивы, теперь прошу об этом снова (подчеркивание автора. — *Н. Тер-Оганов*), ходатайствуя приурочить сдачу бригады моему заместителю к 9 марта, т. е. к концу бюджетного года»²⁸.

Следует заметить, что 31 августа 1907 г. сыграло знаменательную роль в истории Ирана благодаря двум событиям, оказавшим решающее влияние на дальнейший ход Конституционного движения в Иране, а также на характер развития англо-русских отношений в этой стране. Причем оба события в конечном счете привели к ограничению русского влияния в Иране. Первым событием было убийство иранского премьер-русофила Атабека членом радикального азербайджанского энджумена (совета) Аббас-Агой²⁹. Это убийство, без сомнения, преследовало определенную политическую цель — убрать насильственным путем российского ставленника, способного навести мосты между враждующими партиями, и дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в Иране. Убийство Атабека было большой потерей для царской России. В свое время еще генерал-лейтенант Куропаткин признал значение Амин ос-Солтана в деле сохранения русского влияния в Иране. «Для наших интересов в Персии, — писал он в своем отчете Николаю II, — было бы весьма важно, как мне кажется, удержать его (т. е. садр-азама Амин ос-Солтане. — *Н. Тер-Оганов*) у власти и не терять его из числа наших сторонников»³⁰. Обобщая отношение англичан к шахскому

²⁸ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 120 об. — 121.

²⁹ *Khaterat-e siyasi-ye Mirza Ali Khan Amin od Dowleh*. Ed. Hafez Farmaian. Tehran: Persian Book Company, 1962, p. 283. Согласно Мохаммаду Амин Расул-заде, пистолет, из которого был убит Амин ос-Солтан, убийце передал Хейдархан Аму-оглу, который, по словам Расул-заде, «как террорист и революционер имел чрезвычайное влияние на моджахедов». См.: Расул-заде Мохаммад Амин. *Гозарешхаи аз энкелаб-е маирутийат-е Иран*. Перевод с азербайджанского Рахим Раис Ниа. Тегран: Сепакх-е накш, 1377, с. 13.

³⁰ См.: Куропаткин. Всеподданнейший отчет..., с. 23.

двору и Атабеку, Малек ош-Шоара Бахар писал: «Позиция англичан в отношении шахского двора Каджаров не была позитивной, поскольку шах больше был расположен к русским, и убийство Атабека Азама не смогло пробудить шаха от этого сна!»³¹

Вторым событием, кардинально изменившим соотношение сил в Иране, было подписание англо-русского соглашения в августе 1907 г. о Тибете, Афганистане и Иране. Если по вопросу Тибета и Афганистана признавались эксклюзивные права Англии в этих странах, то по вопросу Ирана стороны пришли к обоюдному согласию о разделе страны на сферы влияния³². По своему значению это соглашение, справедливо названное в русской историографии «детищем Извольского», было событием эпохального масштаба³³. Многие же называют его просто компромиссом. Последнее определение более приемлемо, поскольку перед фактом

---

⁴⁷ Бахар Малек ош-Шоара. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е Иран*, с. 3. Мохбер ос-Салтане дает иную версию об убийстве Атабека. Согласно его свидетельству, Атабек был убит по приказу самого Мохаммад Али-шаха, быть может и потому, что, как он поясняет, Амин ос-Солтане взялся за урегулирование конфликта между шахом и межджилом, а также их сторонниками Сеидом Абдаллой и шейхом Фазлуллоу. См.: Мохбер ос-Салтане Мехдиколи Хедаят. *Хатерат ва хатарат*. Тегеран: Шеркат-е чап-е рангин, 1329, с. 205–208.

⁴⁸ Причину заключения англо-русского соглашения 1907 г. профессор Фоссей Джон Кобб Херншоу видел в опасном «величественном одиночестве» Британии, в котором она оказалась на исходе XIX в. «Ответственные общественные деятели, — писал Ф. Дж. Херншоу, — поняли, что “величественное одиночество” Британии весьма опасно. Результатом этого было то, что были улажены все поводы к ссоре с Францией в 1904 г. и было достигнуто соглашение с Россией по отношению к Персии, Афганистану и Тибету в 1907 г.». См.: Фоссей Джон Кобб Херншоу. *Европейские коалиции, союзы и соглашения, начиная с 1792 года*. Перевод с английского. М., 1924, с. 34.

⁴⁹ Некоторые исследователи даже окрестили это соглашение «дипломатической революцией», видимо, имея в виду мирное решение англо-русских противоречий в Иране. См.: Сергеев Е. Ю. «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях России и Великобритании. — *Восток (ORIENTS)*, 2008, № 2, с. 80–93. Если для Англии и России соглашение 1907 г. было компромиссом, то для иранцев оно стало отрезвляющим набатом. Подписание этого соглашения Ахмад Касрави сравнил с большим камнем, лежащим на пути развития конституционализма в Иране. См.: Касрави А. *Тарих-е машруте-йе Иран*, с. 458.

активного проникновения Германии в страны Востока подписанты соглашения действительно пошли на очевидный компромисс⁵⁴. Тем не менее, как показали последующие события в Иране, соглашение 1907 г. не помешало царской России устроить антиконституционный переворот в Тегеране, а англичанам — свергнуть Мохаммад Али-шаха. То есть стороны позволяли себе некоторое отклонение от принятых обязательств и по возможности закрывали глаза на нарушение существовавшего паритета. Некоторые недооценивают значение англо-русского соглашения. Так, проф. Дж. Лоу ошибочно считал, что соглашение сковывало действия Великобритании, которая так и хотела оказать эффективную помощь революционному движению. По его мнению, министр иностранных дел Англии Э. Грей и его чиновники верили в то, что «союз с Россией обеспечивает безопасность Англии в Европе, и у них не было возможности жертвовать ею ради Персии»⁵⁵. И.А. Зиновьев, напротив, был уверен в том, что «русско-английское соглашение по вопросу о Персии было для Англии едва ли не более желательно, чем для нас»⁵⁶.

Оценивая стратегию заключения Англией соглашения с Россией, А.Л. Попов правильно рассуждал: «Английские политики находят момент вполне подходящим для того, чтобы юридически закрепить сложившееся ранее соотношение сил и пресечь империалистические мечтания своих ущемленных конкурентов. Становясь в оборонительное, по отношению к наступающему германскому капиталу, положение, Англия за следовавшими в 1903 и 1904 гг. соглашениями с Францией логически подходила к выработке определенного соглашения и с Россией. Факт нарушения равновесия на Востоке последствиями Русско-японской войны

---

⁵⁰ По свидетельству Мохбер ос-Салтане, в результате заключения англо-русского соглашения 1907 г. иранский народ изменил свое отношение к англичанам и был готов оказать помощь Германии, а ненависть к русским и англичанам стала всеобщей. См.: Мохбер ос-Салтане Мехдикколи Хедаят. *Хатерат ва хатарат*, с. 350.

⁵¹ Lowe C.J. *The Mirage of Power*. London, 1972, p. 67, 69.

⁵² Зиновьев И.А. *Россия, Англия и Персия*, с. 51.

и состояние исключительной ослабленности России, предрасположенной в такой момент к максимальной уступчивости, толкает лондонский кабинет к быстроте действий в этом направлении. С падением консервативного министерства и переходом власти в руки либералов, наблюдавшиеся и ранее тенденции к сближению с Россией получают более яркое выражение»³⁷.

Англо-русское соглашение по Ирану четко определило сферы влияния сторон. Оно стало фактически юридической базой, определившей на целых десять лет характер англо-русских отношений в Иране³⁸. При этом не следует забывать и о том, что данное соглашение воздвигло юридический барьер перед экспансионистской политикой царской России по направлению к Индии и Персидскому заливу³⁹. Поэтому устранение подобной угрозы благодаря подписанию англо-русского соглашения, скорее всего, можно отнести в копилку английской дипломатии, чем русской. Следовательно, утверждения Дж. Ленчовского о том, что англо-русское соглашение касательно Азии стоило ей дорого, не выдерживает никакой критики⁴⁰. Тогда как следует расценить предложение английской стороны по разграничению сфер влияния в Иране еще в 1887 г. и последующие годы?

Без сомнения, вопреки утверждениям некоторых авторов, англо-русское соглашение крепко связало руки России в Ира-

---

³⁷ Попов А.Л. Страница из истории русской политики в Персии. — *Международная жизнь*, 1924, № 4–5, с. 153.

³⁸ По мнению П. Авери, соглашение 1907 г. высветило фактический статус Ирана как буферной страны, расположенной между Россией и Индией. Avery P.W. *The Dream of Empire. — War & Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. Ed. Roxane Farmanfarman. London and New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2008, p. 15.

³⁹ Со ссылкой на частную переписку сэра Эдварда Грея с английским посланником в Петербурге Никольсоном (см.: Grey to Nicolson, private, 24 February 1908: B. D., IV, p. 616–17) Роуз Грейвз утверждает, что краеугольным камнем англо-русского соглашения было достижение безопасности Сейстана. См.: Rose Louise Greaves. *Persia and the Defence of India, 1884–1892. A Study in the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury*. London: The Athlone Press, 1959, p. 138.

⁴⁰ См.: Lenczowski G. *Russia and the West in Iran, 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry*. Ithaca — New York, 1949, p. 42.

не. Одним из результатов этого соглашения было удовлетворение российской стороной английских требований. Так, по настоянию английской стороны, с поста посланника был уволен опытный дипломат Н. Г. Гартвиг, на чье место был назначен сначала временный поверенный русской миссии, неопытный и слабохарактерный Е. В. Саблин⁴¹, а затем личный друг английского короля Эдуарда, проанглийски настроенный С. А. Поклевский-Козелл. Согласно К. Н. Смирнову, он был назначен в Персию по желанию самого английского короля⁴².

Изменение позиции российского Министерства иностранных дел в отношении английской политики в Иране ясно прослеживается и в молчаливом согласии царских властей на свержение абсолютистского режима Мохаммад Али-шаха. Будучи монархистом, Н. Г. Гартвиг не разделял мнение российского министра иностранных дел Извольского, «признававшего необходимым во всем разделять точку зрения лондонского кабинета, потворствующего так называемым “националистам”, а по-моему, попросту разбойникам “товарищам”». Он сокрушался податливостью русской политики: «...за все мое пребывание в Петербурге, настойчиво твердил, что нам не подобает разрушать монархический принцип в соседней нам мусульманской стране и что подобострастное выполнение всех английских “комбинаций” неминуемо поведет к потере нашего престижа и разрушению, крушению русского дела в Персии»⁴³.

Одним из плодов англо-русского сближения был фактический отказ российского Министерства иностранных дел — поддержать пошатнувшийся трон Мохаммад Али-шаха. Под видом защиты русскоподданных в Азербайджане 29 апреля 1909 г. в Тавриз были вве-

---

⁴¹ К. Н. Смирнов о нем писал: «Было рекомендовано ему, соображаться с указаниями английского посланника, как старшего коллеги. Лучшей комбинации, чем опытный уже в персидских делах и человек с характером Барклай и неопытный и слабохарактерный Саблин для английских интересов в Персии нельзя было и придумать. Так угодно было Извольскому». См.: Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914*, с. 39.

⁴² Там же, с. 40.

⁴³ Письмо Н. Г. Гартвига К. Н. Смирнову от 2 августа 1909 г. — К. Н. Смирнов. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*, с. 269–271.

дены части русской армии под командованием генерала Снарского, того самого, благодаря которому революционному движению в Тавризе был нанесен смертельный удар. Известно, что в дни начала движения гиланских конституционалистов с севера и бахтиарских племен с юга на Тегеран в июле 1909 г. русские военные части находились всего в 80 милях от Тегерана. В случае соответствующего приказа могли поспешить на помощь Мохаммад Али-шаху, однако по понятным причинам они этого не сделали. Хотя англо-русское соглашение и определило кардинальную линию этих отношений, тем не менее «на местах» достичь полного согласия по многим вопросам «иранской политики» сторонам так и не удалось. Вопреки духу соглашения, русская и английская дипломатические миссии нередко стремились извлечь для себя максимальную выгоду из создавшейся политической ситуации во вред другой стороне⁴⁴.

Поскольку Персидская казачья бригада была оплотом шахского абсолютизма, политическая оппозиция вела активную агитацию против нее. Под влиянием англо-русского соглашения и все усиливавшихся выпадов, направленных в первую очередь против русского персонала, в Генеральном штабе русской армии зрела мысль о необходимости пересмотра позиции России в вопросе о казачьей бригаде. Об этом мы узнаем из секретного доклада делопроизводителя главного управления Генерального штаба полковника Аверьянова от 4 октября 1907 г. под заголовком «Доклад по вопросам, касающимся современного положения Персидской казачьей бригады». В нем полковник Аверьянов утверждал, что «в период, когда обострились отношения между шахом и меджлисом, нам надо а) отозвать из Персии всех наших инструкторов и б) постепенно вывести их из неподобающей им роли начальников преторианцев и обратить их в обыкновенных инструкторов».

Полковник Аверьянов еще до антиконституционного переворота 1908 г. увидел реальную опасность вовлечения бригады и ее русских инструкторов во внутривосточную борьбу. По-

⁴⁴ См.: Коростовец И. Я. Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам. — *Красный архив*, том 4–5 (65–66), Москва, 1934, с. 93–117.

этому он предупреждал, что во избежание такого поворота событий необходимо было «успеть это сделать до наступления решительного момента в борьбе шаха с меджлисом»⁴⁵. По мнению Аверьянова, «Персидская казачья бригада под командой русских офицеров была полезным орудием проведения прорусской политики при прежнем режиме. А при новом режиме конституционной монархии это орудие стало для России опасным, обоюдоострым», это могло «непоправимо испортить отношения с будущей Персией», поэтому он предлагал «отказаться или, по крайней мере, обращаться с ним более осторожно»⁴⁶.

В ответ на предложение Аверьянова отозвать русских инструкторов из Ирана его оппоненты стали утверждать, что подобным опрометчивым шагом посланник мог лишиться действенного орудия проведения русской политики в этой стране. На это полковник Аверьянов резонно ответил, что, несмотря на отсутствие такого орудия политики у Англии и Германии, никто не посмел бы сказать, «что их политические успехи в Персии не прогрессируют»⁴⁷. Замечание Аверьянова было вполне справедливым, однако следует признать, что он не принял во внимание тот очевидный факт, что преобладающая политическая активность англичан и немцев в Иране основывалась на активном проникновении английского и немецкого капитала в эту страну, чего нельзя было сказать о России. В этой связи нельзя не вспомнить слова Н. Н. Бобынина, автора книг об Иране, относительно методов проникновения английского и русского капитализма в Иран. «В то время как английские капиталисты, — писал Н. Н. Бобынин, — сами прокладывали себе дорогу в Иран, а правительство лишь помогало им, то русскому правительству самому приходилось тащить на буксир своих капиталистов»⁴⁸. И второе, в отличие от Англии, которая умело использовала либерально-

⁴⁵ Там же, л. 179.

⁴⁶ Там же, л. 180.

⁴⁷ Там же, л. 179 об.—180.

⁴⁸ Бобынин Н. Н. *Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. 1901–1923*. Тифлис, 1923, с. 516.

демократическое движение в Иране и старалась направить его против своего противника, Россия, исходя из своей самодержавной природы, крепко держалась за пошатнувшийся, крайне непопулярный политический режим, подпирая его казачьей бригадой. Не случайно, что еще в июле 1907 г. полковник Ляхов, доказывая полезность казачьей бригады для России, в одном из своих рапортов отмечал: «... Бригада же есть орган нашей политики, а потому решение вопроса быть ей или не быть, должно составлять вопрос государственной важности»⁴⁹. В другом своем рапорте на имя генерал-квартирмейстера штаба округа, отвергая мысль о необходимости пересмотра вопроса об отзыве русских инструкторов из бригады, он писал: «Обучение ее (бригады. — *Н. Тер-Оганов*) и ее знания зиждятся лишь на присутствии в ней русских офицеров. Без них она — ноль»⁵⁰.

В условиях проанглийской политики министра иностранных дел России Извольского, которая, по мнению многих, в том числе и самого посланника Гартвига, сковывала политическую активность России в Иране, а моментами и парализовывала ее, российской миссии и руководству Персидской казачьей бригады все же ценой больших усилий удалось отстоять бригаду. Статус Персидской казачьей бригады, в частности тот факт, что бригада находилась в непосредственном подчинении у шаха и можно было ожидать ее выступления против меджлиса и конституции, справедливо рассматривался иранским меджлисом как ненормальное явление и противоречащее национальным интересам страны.

Между тем требование о создании национальной армии прозвучало на страницах «Хабл оль-Матин». Газета упрекала депутатов меджлиса в бездействии: «Вот уже полтора года, — писала она, — как Иран стал конституционным государством. Тем не менее нельзя сказать, что за это время народ не дал деньги для содержания армии, если же те деньги пошли на нужды армии, тогда где же армия? ...Если за спиной армии другие унес-

⁴⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 80.

⁵⁰ Там же, л. 120.

ли эти деньги, тогда почему краевые и областные энджумены и святое Национальное собрание (меджлис) не делают запрос? Неужели этот вопрос не является долгом меджлиса? Неужели краевые и областные энджумены освободили себя от исполнения этой функции? Когда никто не видит силу армии, почему до сих пор не удалось организовать национальную армию? Почему не вынудили военное министерство зарегистрировать в рядах армии моджахедов и добровольцев, и таким образом организовать национальную армию?!»⁵¹ Следует заметить, что этим высказываниям в газете предшествовала публикация материала о необходимости проведения военной реформы и создания национальной армии (*кошун-е мелли*) в тегеранской газете «Недаи-йе Ватан»⁵².

В конце ноября 1907 г. в иранском меджлисе начались прения по вопросу военной реформы и необходимости создания 30 полков пехоты и 10 полков кавалерии. Согласно предложенному проекту, весь контингент должен был составить десять *орду* (здесь: бригад), причем каждая из них состояла бы из трех полков пехоты и артиллерии, а также одного кавалерийского полка. Эта вооруженная сила была предназначена для службы в пределах государства. Кроме того, следовало создать 20-тысячный контингент для выполнения полицейских функций, состоящий из полицейской пехоты, конных жандармов и казаков для соблюдения порядка в городах⁵³.

Отдавая должное напористости персоязычной прессы, следует признать, что и меджлис не сидел сложа руки, со своей стороны, он неоднократно предпринимал попытки подчинения Персидской казачьей бригады военному ведомству. 9 декабря 1907 г. на заседании меджлиса было принято официальное решение о Персидской казачьей бригаде, согласно которому бригада вместе со всеми воинскими частями иранских вооруженных сил, включая личную охрану шаха — отряд *кешикчиев*, должна была перейти в подчине-

⁵¹ *Хабл оль-Матин*, 25 шавалья 1325 г. (2 декабря 1907 г.), № 2.

⁵² *Недаи-йе Ватан*, 14 шавалья 1325 г. (21 ноября 1907 г.), № 112.

⁵³ *Недаи-йе Ватан*, 17 шавалья 1325 г. (24 ноября 1907 г.), № 115.

ние военного министра. Причем согласно телеграфному сообщению Гартвига на имя Извольского от 18 декабря 1907 г., было достигнуто соглашение между меджлисом и Мохаммад Али-шахом, подтверждавшее принятое ранее решение меджлиса⁵⁴. Тем не менее, несмотря на решение меджлиса, Персидская казачья бригада по-прежнему продолжала находиться в личном распоряжении шаха, тем самым выполняя роль шахской гвардии.

Попытка убийства Мохаммад Али-шаха, предпринятая 15 февраля 1908 г., до предела обострила отношения между шахским лагерем и конституционалистами. Было ясно, что лагерь монархистов готовится для сокрушения Конституционного движения. Неожиданный переезд Мохаммад Али-шаха из тегеранского дворца в загородную резиденцию Баг-е Шах многие восприняли как подготовку к роспуску меджлиса. 2 июня 1908 г. в своей корреспонденции в газету «Кавказ» М. Касимбеков сообщал из Решта: «С половины мая шах, собрав свои драгоценности, с ближайшей своей свитой переселился из городского дворца в шахский сад (Баг-е Шах. — *Н. Тер-Оганов*), находящийся на окраине города. Эти дни совпали с временем, когда члены тегеранского меджлиса и представители народа требовали, чтобы шах удалил от себя несколько человек придворных, подозреваемых в политическом шантаже. Однако шах, остерегаясь дальнейших требований, окружил себя войсками... и приказал город объявить в положении усиленной охраны. Таковое распоряжение шаха растолковано было в том смысле, что шах домогаетсяпустить меджлис»⁵⁵.

Как уже отметили ранее, несмотря на принятое меджлисом решение о подчинении казачьей бригады военному министру, она по-прежнему оставалась в распоряжении шаха. Объявив в столице военное положение, Мохаммад Али-шах охрану порядка поручил Персидской казачьей бригаде. Сразу после принятия чрезвычай-

⁵⁴ См.: *Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, с конца 1906 г. по июль 1908 г.* Вып. I (по 1 ноября 1908 г.). СПб.: Военная типография. 1911, с. 57, 67, 73, 78.

⁵⁵ См.: *ЦГИА Грузии*, ф. 15, опись 1, дело 47, л. 63.

Мохаммад Али-шах Каджар (1907–1909 гг.)

ных мер по приказу шаха командование над войсками Тегеранского гарнизона было поручено полковнику Ляхову, который тем самым получил права военного диктатора⁵⁶. 23 июня, по поручению Мохаммад Али-шаха, полковник Ляхов направил часть бригады для разгрома основных очагов революционного движения — мечети Сепасалара и медресы. Встретив упорное сопротивление со стороны энджуменов, полковник Ляхов вызвал на помощь дополнительные силы, включая артиллерию. Получив пополнение, он открыл артиллерийский огонь по зданиям медресы и мечети, где скопилось множество людей. После артподготовки бри-

⁵⁶ *Сборник дипломатических документов*. Вып. I, с. 229.

гада перешла в атаку и потопила в крови сопротивление⁵⁷. Таким образом, потеряв всякую надежду на спад революционного движения, Мохаммад Али-шах силой раздавил его. В событиях 23 июня 1908 г. некоторые исследователи усматривают сходство с «третьеиюньским переворотом 1907 г. в России», когда была разогнана дума. Самое интересное состоит в том, что перед разгромом меджлиса в Тегеране, как указывалось в распространенной прокламации конституционалистов, появилось воззвание — точный сколок того воззвания, с которым перед разгоном думы русское правительство обратилось к населению⁵⁸.

Разгром меджлиса имел далекоидущие последствия не только для шахской власти, русской политики в Иране, но конкретно и для Персидской казачьей бригады. Причем на деле была продемонстрирована ее роль как орудия царской самодержавной политики в Иране. В дальнейшем эта сторона дела была использована всеми противниками царской политики для ведения антибригадной пропаганды, в которой сплелись интересы действующих сил: шиитского духовенства, либерал-националистов и революционеров, в том числе и закавказских социал-демократов (большевиков), с одной стороны, и англичан — с другой. Следует напомнить, что именно на волне дальнейшего подъема народного движения в Иране были опубликованы вызвавшие противоречивые отклики четыре рапорта полковника Ляхова, оказавшихся в руках революционера-авантюриста Федора Панова. Не касаясь здесь вопроса об аутентичности этих документов и личности Панова, следует заметить, что даже без этих документов было ясно, кто был инспиратором и исполнителем переворота. Тем не менее следует заметить, что в вопросе о рапортах полковника Ляхова имеется немало темных пятен. Объективный, беспристрастный анализ обстоятельств публикации этих рапортов приводит нас к мысли о том, что она преследовала конкретные политиче-

⁵⁷ Всего в бою были убиты 3 казачьих офицера и 25 рядовых иранских казаков, 20 казаков были ранены. Со стороны конституционалистов погибло 70 человек. См.: *Хабл аль-Матин*, 29 джмади ол-аввал 1326 г. (30 июня 1908 г.), шомаре-йе 47.

⁵⁸ См., напр.: Агахи А. М. *Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране*. Баку, 1961, с. 31 — из книги С. Л. Агаев. *Иран в прошлом и настоящем*. М., 1981, с. 53.

ские цели — компрометацию не только Персидской казачьей бригады, но и русского самодержавия как врага свободы. Согласно одному из опубликованных рапортов полковника Ляхова, направленного им в штаб Кавказского военного округа на имя генерал-квартирмейстера, план этого контрреволюционного переворота, в составлении которого якобы приняли активное участие сам Ляхов, а также русская миссия в Тегеране с предварительного согласия Петербурга, Ляхов представил шаху⁵⁹.

В отличие от русской либеральной прессы, осудившей участие полковника Ляхова и русских офицеров в антиконституционном перевороте, русская консервативная пресса не осталась в долгу перед полковником Ляховым. Она должным образом оценила действия Ляхова. Н. П. Мамонтов, не скрывая своего восхищения полковником Ляховым, писал о нем следующее: «В настоящее время во главе бригады стоит полковник Генерального штаба В. П. Ляхов. Для русского дела в Персии он является важнейшим работником. Представительный, энергичный, очень строгий по службе... высоко поднял в Персии престиж русского имени»⁶⁰.

Благодаря перевороту 23 июня бригада спасла пошатнувшийся трон Мохаммад Али-шаха и на деле доказала ему, что именно она является единственной надежной опорой каджарского абсолютизма. Следует заметить, что после того, как Ляхов с Гартвигом сумели отстоять независимость бригады, для ее усиления в июне 1908 г. из России была направлена большая партия оружия, состоявшая из 8 французских скорострельных орудий системы Шнейдер-Канье, а для каждого из орудий по 650 снарядов, а также 4 пулемета системы Максим с 34 тыс. патронов⁶¹. Вместе с тем к этому времени был увеличен и штат бригады на 250 человек, а бюджет на 42 тыс. туманов⁶². Как сообщал сам полковник

⁵⁹ Павлович М. *Казачья бригада в Персии*, с. 94–96.

⁶⁰ Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*, с. 88.

⁶¹ Из этих 4 пулеметов полковник Ляхов сформировал выучную пулеметную команду. См.: Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*, с. 82, 87.

⁶² РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 1870, л. 46.

Ляхов в своем рапорте от 7 июля 1908 г., «в данный момент состав бригады возрос до 1750 человек и бюджет ее — до 271 000 туманов, т. е. увеличился штат бригады на 1/6, а бюджет ее на 1/5, сравнительно с бывшим в командование генерала Косооговского»⁶³. По сообщению Н. Мамонтова, в том же году в России были закуплены трехлинейные винтовки новейшего образца⁶⁴.

В свою очередь Мохаммад Али-шах не остался в долгу перед казачьей бригадой. Он соответствующим образом оценил ее заслуги — уже в августе того же года он увеличил бюджет бригады. Выделение дополнительного бюджета давало возможность командиру бригады увеличить ее состав на 250 человек. Благодаря этому встал вопрос о приглашении из России одного офицера и двух урядников для бригады⁶⁵. Несмотря на это, в высших военно-политических кругах продолжалось обсуждение вопроса о том, нужна ли России для выполнения политических задач находящаяся под командованием русских инструкторов Персидская казачья бригада⁶⁶.

Участвуя в этой дискуссии, посланник Н. Г. Гартвиг высказал личное мнение по вопросу Персидской казачьей бригады в своей «Записке» еще в июле 1908 г.⁶⁷ В ней им вкратце были рассмотрены такие вопросы, как отсутствие армии в Иране, создание бригады и ее значение, а также функции бригады. Помимо этих вопросов, посланник проанализировал отношение некоторых иностранных держав к бригаде и указал на необходимость усиления русского влияния на нее. Вместе с тем он дал свою характеристику новому политическому режиму в Иране, представив реальную картину отношения меджлиса и энджуменов к бригаде, роль русских инструкторов в политических событиях в Иране и, наконец, проект переустройства Персидской казачьей бригады. По утверждению посланника, в иранском парламенте лишь

⁶³ Там же, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 142 об.

⁶⁴ Мамонтов Н. П. *Очерки современной Персии*, с. 86–87.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 149 об.

⁶⁷ Там же, л. 150–164.

враждебно настроенные депутаты выступали с ложными инсинуациями и несправедливыми выходками против бригады. «Все персы, — пишет Н. Г. Гартвиг, — ее боятся, но вместе с тем они не могут, за исключением, конечно, красных и революционеров, не относиться к ней с уважением, прекрасно понимая, что без нее страна давно повергнута была бы в полную анархию»⁶⁸. По его мнению, «наиболее ярые нападки на бригаду и русских офицеров раздавались из лагеря революционеров в период времени, предшествовавший а) острой борьбе шаха с энджуменами в сентябре и декабре 1907 г.; б) покушению против шаха в феврале 1908 г.; в) июньскому заговору 1908 г. Зилли-Султана».

Активное участие Персидской казачьей бригады в разгроме меджлиса, как видно из «весьма секретного рапорта» К. Смирнова российскому посланнику в Тегеране от 20 июля 1908 г., стало отправной точкой для резкого поворота иранского общественного мнения против не только самой бригады, но и соседней России. «До известных событий, — писал К. Н. Смирнов, — закончившихся разгромом меджлиса и энджуменов, мне никогда не приходилось слышать во дворце слова критики относительно казачьей бригады и ее инструкторов и сравнительно редко приходилось слышать намеки относительно поражения России на Востоке. После же уличного боя в городе всячески критикуются действия бригады, замалчиваются подвиги русских офицеров и раздувается значение сарбазов и конницы, подчиненных военному министру»⁶⁹.

Антиконституционный переворот дал толчок к усилению деятельности революционно-террористических организаций в Иране. Так, согласно донесению посланника Н. Г. Гартвига от 6 июля 1908 г. на имя посланника на Кавказе, «на Энзели-Тегеранской дороге арестовано несколько переодетых в женское платье человек, командированных Бакинским революционным комитетом с бомбами для производства покушений на шаха, Ляхова и Шапшала». Далее посланник передает местнику просьбу шаха о необходимости ужесточения контроля

⁶⁸ Там же, л. 151.

⁶⁹ Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*, с. 232.

над бакинским ревкомом и его связями с местными анархистами⁷⁰. Бригада охраняла все иностранные миссии, как в Тегеране, так и летние резиденции, за исключением российской и английской миссий, которые имели свои национальные конвои. По утверждению Н. Г. Гартвига, когда в 1907 г. полковник Ляхов попытался заменить казачий конвой при миссиях удвоенным штатом сарбазов, то со стороны иностранных представителей раздалась самые энергичные протесты. Тогда по просьбе депутации от имени дипломатического корпуса и по настоянию российского посланника, Ляхов отказался от своего намерения. По мнению Гартвига, добровольный отказ бригады от упомянутых прерогатив умалил бы ее значение в глазах иностранных представительств. К тому же германский поверенный в делах хотел было воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы испросить у своего правительства согласие на отправку в Иран, в виде конвоя для миссии, германских колониальных чинов. Это могло привести к тому, что Германия получила бы те же привилегии, которые имели Россия и Англия в вопросе охраны своих дипломатических миссий.

В своей «Записке» Гартвиг обращает внимание вышестоящих органов на то, что «новая союзница Англия» хотя и не имеет притязания на командирование когда-либо в Персию английских военных инструкторов, однако ее отношение к бригаде, скорее всего, можно назвать благожелательным. Тем не менее, как указывается в «Записке», за последние годы Англия, видимо, «проявляла стремление в известной мере ограничить широкую власть России над бригадой». Данное стремление проявилось, в частности, в том, что английская сторона неоднократно обращалась к российскому посланнику «с предложением об отнесении расходов на содержание казачьей бригады поровну за счет обоих правительств России и Англии». Несмотря на то что эти предложения были учтиво отклонены, британский посланник все-таки сделал соответствующее представление своему правительству, на что получил принципиальное его согласие. Гартвиг

⁷⁰ ЦГИА Грузии, ф. 15, опись 1, дело 47, л. 86.

опасался, что в случае претворения в жизнь этого предложения Англия получила бы возможность вмешиваться в дела бригады. Данный вариант развития событий не устраивал российскую сторону.

Основным противником бригады, по мнению Гартвига, можно было считать Германию. «Ее образ действий, — пишет он, — здесь явно направлен к подрыву положения русских офицеров. Напоминая постоянно персам о неудачной войне России с Японией, доказавшей будто бы полную несостоятельность русской армии, немцы при посредстве своих сторонников старались проводить и в парламенте, и в печати мысль о необходимости в интересах Персии заменить русских инструкторов германскими, которые несомненно сумели бы не только Персидскую бригаду, но и все иранское войско поставить на уровень лучшей европейской армии. Изложенные обстоятельства, — заключает Гартвиг, — несомненно свидетельствуют о существовании внешней агитации против бригады и стремления тем или иным путем если не окончательно отстранить от нее русских офицеров, то по крайней мере лишить их того вполне независимого положения, которое они занимают в настоящее время»⁷¹.

По утверждению Н. Г. Гартвига, «персидский парламент никогда не выступал противником бригады». Если же в меджлисе раздавались лживые инсинуации по отношению к казачьей бригаде и русским офицерам, то, по утверждению Гартвига, «это были лишь отдельные “патриотические” голоса крайних депутатов, действовавших то под влиянием своекорыстных целей, то по наущению извне и потому настаивавших на передаче бригады в персидские руки». Эта часть депутатов и требовала передачи казачьей бригады под командование иранских офицеров (под лозунгом «Персия для персов») или же «более опытным» немецким инструкторам.

Согласно Гартвику, самые резкие нападки на бригаду исходили со стороны революционных энджуменов и персидской

---

⁷¹ Там же, л. 153 об.

подпольной прессы⁷². Российский посланник дает свое видение июньских событий в Тегеране. По его мнению, события 23 июня возникли на почве династического заговора, к которому парламент, за исключением нескольких депутатов, не имел никакого отношения. Бригада была вынуждена использовать силу «для предупреждения государственного переворота, задуманного на сей раз революционными энджуменами, коими руководил принц Зилли-Султан»⁷³. Именно благодаря участию бригады в июньских событиях была предотвращена попытка государственного переворота. Оправдывая действия бригады, Гартвиг приводит аналогичные примеры из английской истории: «Сама Англия знает, — пишет Гартвиг, — примеры служения своих офицеров интересам иностранной державы при более отягчающих политических обстоятельствах международного характера: достаточно упомянуть о войне 1877–78 гг.; против русского флота Турция имела 50 военных судов и 65 транспортов, которые в течение всей кампании состояли под начальством английского адмирала Гобарта-паши и многих английских офицеров. Между тем в России никому и в голову не приходило возлагать за это ответственность на Великобританское правительство»⁷⁴.

По убеждению Гартвига, русские офицеры по-прежнему должны были обучать, воспитывать своих подопечных персов, а также командовать ими, т. е. должны быть не только инструкторами, но и начальниками бригады⁷⁵. Учитывая изменения, происшедшие в общественной жизни Ирана, посланник предлагал провести в бригаде необходимые преобразования, которые заключались бы в следующем:

1. Увеличить численность бригады. Ведь в конце июня 1908 г. Мохаммад Али-шахом было отдано приказание полковнику Ляхову призвать под ружье еще 250 человек. Для правильного использования возможностей Персидской казачьей бригады,

⁷² РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 154.

⁷³ Там же, л. 156.

⁷⁴ Там же, л. 156 об.

⁷⁵ Там же, л. 158.

а также для развития этой части следовало довести ее контингент до двухтысячного состава⁷⁶.

2. Претворить в жизнь намеченные преобразования, которые предусматривали бы удвоение численности офицерского (до 6 единиц) и унтер-офицерского состава бригады (до 10 единиц). Следовало включить в штат бригады и военного доктора. Причем Гартвиг напоминает, что когда шах изъявил желание увеличить бригаду на 250 человек, то он соответственно дал согласие на приглашение 1 русского офицера и 2 урядников. Посланник выражал уверенность, что шах не стал бы возражать даже в случае приезда большего числа офицеров и унтер-офицеров.

3. Продолжать снабжение бригады вооружением. Вплоть до последнего времени шах предоставил в распоряжение бригады из имевшихся у иранского правительства запасов: 8 скорострельных орудий, 4 пулемета, 400 русских трехлинейных винтовок, обеспеченным достаточным числом снарядов и патронов.

4. Необходимо увеличить бюджет бригады. С 1895 г. по июль 1908 г. на содержание Персидской казачьей бригады иранское правительство отпускало по 229 тыс. туманов ежегодно. Ввиду коренного изменения условий жизни в Иране было бы желательно, насколько это возможно, улучшить быт казаков, упорядочить общее хозяйство и держать бригаду постоянно в полном двухтысячном составе. Для этого, по предложениям Ляхова, следовало бы увеличить годовой бюджет бригады до 400 тыс. туманов.

5. Упорядочить вопрос о ее финансировании. Бригада получала свое содержание неаккуратно, порою с задержкой в 3–4 месяца и более, причем «самый источник, из которого покрывался ее бюджет, не был точно установлен», что ставило бригаду в самое затруднительное положение. Поэтому в целях устранения затруднений русский Учетно-ссудный банк был вынужден открывать командиру бригады постоянный широкий кредит, выдавать авансами месячное содержание и заключать краткосрочные ссуды. Так как от положительного решения данного вопроса во многом зависела дальнейшая судьба самой бригады, то послан-

---

⁷⁶ Там же, л. 159 об.

ник счел необходимым устроить для обсуждения данного вопроса специальное заседание при участии командира бригады Ляхова и российского финансового агента в Тегеране.

В ходе работы участники совещания высказали свои предложения, которые состояли в следующем:

а) бюджет бригады в увеличенном размере следовало бы отнести на счет таможенных поступлений северных областей, представляющих собой единственный надежный источник доходов в Иране;

б) суммы, причитающиеся на содержание бригады, должны были выдаваться с согласия шахского правительства Учетно-ссудным банком непосредственно в распоряжение ее командира за месяц, четверть или треть текущего года вперед.

По мнению посланника, подобный порядок можно было бы считать «лучшим средством упорядочить хозяйственное дело бригады, от которого в большей мере зависит совершенствование ее»⁷⁷. Для проведения в жизнь всех преобразований прежде всего необходимо было заключить с шахским правительством соглашение, подобное «Положению 24 мая 1895 года». Как предполагал Н. Г. Гартвиг, подобное соглашение не должно было встретить никакого сопротивления со стороны шаха⁷⁸.

Однако, вопреки проектам российского посланника, чем активнее проявлял себя шахский лагерь, тем сильнее становилась агитация против бригады и ее командира полковника Ляхова. «Травля меня левой печатью, — сообщал полковник Ляхов, — достигла, кажется, своего апогея. Я был бы счастлив, если бы меня взяли из Персии скорее, и в этом отношении левая пресса мне только помогает; но, с другой стороны, очень обидно, что заведомо ложные факты, не опровергаемые официально, дают повод марать меня, мою деятельность и создают обо мне и бригаде совершенно превратное мнение в России.

Вся иностранная пресса более гуманна по отношению ко мне, чем наша родная. Я мог бы принять меры на месте против кор-

⁷⁷ Там же, л. 162.

⁷⁸ Там же, л. 158.

респондента «Речи» (имеется в виду Панов. — *Н. К. Тер-Оганов*), распустившего про меня небылицы, но это привело бы к неприятностям, которых поневоле приходится избегать»⁷⁹.

История как наука, особенно в той части, где она соприкасается с острыми международными проблемами, глубоко политизированная дисциплина, причем это в той или иной степени относится как к советской, так и западной историографии. Тем не менее, наличие архивного материала дает возможность проверить объективность тех или иных версий исторического события, изложенных политическими оппонентами. Принимая во внимание значение публикации четырех «секретных рапортов полковника Ляхова», ввиду ее тесной связи с политикой царской России в Иране, участием Персидской казачьей бригады в разгроме иранского меджлиса 23 июня 1908 г., прежде всего необходимо отметить ее глубоко политизированный характер. Следует подчеркнуть, что последнее обстоятельство мешало многим авторам объективно исследовать исторически сложившийся традиционный англо-русский антагонизм, в основе которого лежало столкновение политико-экономических интересов сторон как в Европе, так и Азии, и не могло не влиять на обширную литературу, в которой, в той или иной степени, нашли отражение англо-русские отношения.

Действия Ляхова и его бригады, как и следовало ожидать, вызвали справедливое возмущение не только в Иране, Европе, но даже и в самой России. Русская либеральная пресса поносила имя Ляхова и Персидской казачьей бригады. Поражение русской революции 1905–1907 гг., события 23 июня 1908 г. в Тегеране и начавшееся вскоре вооруженное восстание в Тавризе 1908–1909 гг. дали возможность политическим противникам царского режима как внутри России, так и за рубежом начать широкую пропаганду против политики царизма в соседнем Иране. Поскольку непосредственным инструментом проведения этой политики в Иране была Персидская казачья бригада, то, естественно, основной удар был нанесен именно по ней и ее командиру полковнику Ляхову.

⁷⁹ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 187.

Следует заметить, что участие русского офицера Генерального штаба в этих событиях было с неодобрением воспринято английскими официальными лицами. Чтобы успокоить английскую сторону, российский министр иностранных дел Извольский заверил английского посла в Санкт-Петербурге сэра Артура Никольсона в том, что полковник Ляхов, назначенный шахом в качестве военного коменданта Тегерана, действовал без ведома и одобрения со стороны правительства России. То есть российская сторона утверждала, что она была совершенно не причастна к действиям Ляхова⁸⁰. Со своей стороны, английский министр иностранных дел сэр Эдвард Грей заявил в палате общин, что поскольку полковник Ляхов находился на шахской службе, то русское правительство не несло никакой ответственности за его действия⁸¹.

Однако публикация так называемых «четырёх рапортов Ляхова», адресованных кавказскому военному начальству, ставила под сомнение правдивость заявления английского министра иностранных дел. Согласно этим рапортам, военное начальство Ляхова знало о подготовке антиконституционного переворота в Тегеране. Эти четыре рапорта, датированные соответственно маем-июнем 1908 г., согласно версии Ф. Панова (и воспроизведенные известным английским иранистом профессором Э. Броуном и членом РСДРП М. Павловичем), якобы были выкрадены Пановым у полковника Ляхова. По замечанию М. Павловича, эти рапорты впервые были напечатаны в английском переводе в брошюре проф. Э. Броуна «На правах рукописи. Ответственность русского правительства в хаосе, ныне царящем в Персии». «Брошюра, — писал М. Павлович, — не предназначалась для распространения, не имелась ни в книжных магазинах, ни в библиотеках, а была разослана лишь некоторым государственным деятелям и личным знакомым Броуна. Ввиду пометки «for private circulation only» брошюра нигде не цитировалась»⁸².

⁸⁰ Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 225.

⁸¹ *Ibid.*, p. 225.

⁸² См.: Павлович М. П. *Казачья бригада в Персии*, с. 92.

Прежде чем приступим к выяснению вопроса об аутентичности самих рапортов полковника Ляхова, следует рассказать о личности Федора Панова. Кто такой Федор Панов и как он попал в Иран? На данный вопрос можно найти ответ как в русской, в том числе советской, так и английской научной литературе, которая единогласно приписывает ему склонность к приключениям. Имея за спиной темное прошлое (предательство своих товарищей — четников Македонии), он, подданный Болгарии, в 1908 г. появляется в Санкт-Петербурге, где предлагает русским либеральным газетам свои услуги. Летом 1908 г. русская либеральная газета «Речь» посылает его как собственного корреспондента в Иран. Заведомо зная о его политических взглядах, в русской миссии в Тегеране Панова с настороженностью встречают. Более того, согласно К. Н. Смирнову, воспитателю наследного принца Ирана Ахмад-мирзы — Мохаммад Али-шаху посоветовали не высказываться критически в адрес иранских конституционалистов⁸³.

Описывая революционные события в Гиляне, К. Н. Смирнов упоминает о Панове, подозрительном корреспонденте, о котором пишет: «Его выслали из Тегерана за инсинуации и теперь он вернулся в Персию в качестве революционера. Говорят, он написал Ляхову письмо, что увидится с ним в Тегеране. По-видимому, обстоятельство это тревожит Ляхова. У Ляхова во дворе, как я слышал, устроен склад оружия и подготовлены на случай нападения стены и амбразуры для анфилирования прилегающих улиц»⁸⁴.

Согласно советскому иранисту М. С. Иванову, в Тегеране Панов завоевал доверие российского посланника Н. Г. Гартвига, но в конце 1908 г. русская миссия выдворила Панова из Тегерана за публикацию в русских газетах ложных сведений о событиях в Персии. В начале 1909 г. Панов снова в Иране, где он примкнул к конституционалистам, участвовал во взятии Астарбада, где и теряется его след⁸⁵. В отличие от негативного мне-

⁸³ Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*, с. 79.

⁸⁴ Там же, с. 104.

⁸⁵ Иванов М. С. *Иранская революция 1905–1911 гг.* М., 1957, с. 523.

ния К. Н. Смирнова и М. С. Иванова о Панове, иранская историография дает положительную оценку его деятельности в Иране. Например, иранские авторы Ахмад Кесрави и Саламула Джавид характеризуют Панова как социал-демократа, очень опытного и мужественного человека. Хотя из их повествования можно вынести заключение, что для достижения своих целей на всем протяжении своей деятельности Панов пользовался только авантюрами⁸⁶. Э. Броун посвятил Панову немало страниц в своей книге «Персидская революция. 1905–1909»⁸⁷.

Совершенно новые детали о личности Ф. Панова как революционера-авантюриста мы узнаем из «Дневников» Серго Гамдлишвили, известного под партийным псевдонимом Гурджи Серго (Серго-грузин)⁸⁸, направленного Бакинским комитетом РСДРП в город Решт для поддержки революционного движения. Упомянутые «Дневники» были опубликованы в февральских номерах грузинской газеты «Ахали Схиви» за 1910 г.⁸⁹ Согласно сообщению С. Гамдлишвили, сразу после приезда Панова в Решт 28 января 1909 г. все стали с подозрением относиться к нему, поскольку «его поведение, приказной тон разговора, движение и коварная речь больше напоминали унтер-офицера, чем революционера»⁹⁰. Ни в советской научной литературе, ни в иранских историографических трудах нигде не указана причина неожиданного переезда Панова из Решта в Астарабад. Между тем данный вопрос имеет принципиальное значение для характеристики самого Панова. Как выясняется из «Дневников» С. Гамдлишвили, в рядах

⁸⁶ См., напр.: Касрави А. *Тарих-е хидждах сале-йе Азербайджан*, Тегран, 1967, с. 12–13.

⁸⁷ См.: Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 214–220.

⁸⁸ Грузинский советский исследователь А. Келенджеридзе, впрочем, как и ссылающийся на него З. З. Абдуллаев, ошибочно приписал авторство этих дневников Серго Орджоникидзе. См.: Келенджеридзе А. *Серго Орджоникидзе — журналист*. Тбилиси, 1969; Абдуллаев З. З. Новые материалы о деятельности Ф. Панова. — *Иран (История и современность)*. М., 1983, с. 5–8.

⁸⁹ См.: *Ахали Схиви*. Тбилиси, 1910, № 3, 6, 8, 9, 11, 14, 17, 24, 28 и 35.

⁹⁰ Чипашвили Г. С. *Серго Гамдлишвили («Серго Гурджи») да миси иранули дегурebi*. Тбилиси: Гамомтсемлоба «Мецниереба», 1983, с. 69 (на груз. яз.).

закавказских социал-демократов возник конфликт, связанный со своенравным поведением Панова. Согласно автору «Дневников», на специальном собрании 22 февраля (6 марта) 1909 г. по настоянию грузинской группы социал-демократов был рассмотрен вопрос об изгнании Панова из Решта. Однако на собрание Панов со своими сподвижниками не явился. Тем не менее, по требованию грузинской партии, после встреч с представителями бакинского комитета Расул-заде и Рахим-заде, было решено удалить его из Гиляна. Именно после этого события Панова в сопровождении 50 человек направили в Астарабад для захвата власти. Однако, как выясняется из «Дневников», в Астарабаде он был легко ранен от пули своего сотоварища, и вскоре после этого навсегда покинул Иран.

Следует заметить, что С. Гамдлишвили с недоверием относился к заявлениям Панова, которые тот делал для русской прессы. Так, Панов писал, что «якобы полковник Ляхов пригласил его в качестве офицера в казачью бригаду». В действительности эти сведения Панова, распространенные при помощи «Русского слова», оказались ложью. Утверждение Панова о том, что «Ляхов предложил ему, как бывшему офицеру, место в казачьей бригаде», — не может соответствовать действительности, поскольку назначение офицеров в бригаде не входило в компетенцию полковника Ляхова⁹¹. Согласно Э. Броуну, в руки упомянутого Панова каким-то образом попали четыре рапорта полковника Ляхова, адресованные военному начальству на Кавказе. Эти рапорты, как отмечал Э. Броун, Панов поместил в своей брошюре «Русские агенты-провокаторы в Персии», написанной на русском языке, но еще не опубликованной, которую передал английскому резиденту в Санкт-Петербурге. Этот резидент, по сообщению Э. Броуна, встретился с Пановым сразу после его изгнания из Ирана российской дипломатической миссией. Невольно возникает вопрос, какая была нужда у резидента во встрече с «социал-демократом и анархистом» Пановым? Тем более если верить словам самого резидента, что «многие его (Панова. —

⁹¹ *Ахали Схиви*, 1910, № 14.

Н. Тер-Оганов) заявления были непродуманные»⁹². Ответ простой: компромат на казачью бригаду и ее русских хозяев был необходим для конкретных целей — подтвердить документально факт подготовки переворота русским военным начальством и заставить российскую сторону отказаться от руководства бригадой.

Теперь о самих рапортах. Упомянутая брошюра вместе с четырьмя рапортами Ляхова была отпечатана на пишущей машинке на русском языке весной 1909 г. и переведена на английский⁹³. Выходит, что Броун не видел оригиналов рапортов. Об этом он сам признается: «Подлинность приведенных в доказательство секретных донесений полковника Ляхова не могут, тем не менее, считаться доказанной (курсив наш. — Н. Тер-Оганов)»⁹⁴. Причем Броун констатировал, что «собственноручные оригиналы полковника Ляхова, которые, по утверждению г-на Панова, находятся в его распоряжении, никогда, насколько я об этом знаю, не дошли до нашей страны». Тогда могли бы спросить автора, насколько при отсутствии самого документа, даже его фотокопии можно было пускать в научный оборот эти «рапорты». Самое главное, отсутствует факсимиле документов, без которых невозможно подтвердить их подлинность!

В вопросе об аутентичности ляховских документов более категоричен в своих суждениях социал-демократ М. П. Павлович. Согласно ему, в нелегальной заграничной печати в 1909 г. он опубликовал «подлинный русский текст означенных писем (т. е. рапортов. — Н. Тер-Оганов)»⁹⁵. Причем для подтверждения подлинности рапортов М. П. Павлович также не приводит факсимиле документов. Он лишь ссылается на следующие аргументы: на схожесть стиля упомянутых рапортов со стилем «позднейших заявлений» Ляхова; содержание рапортов «удивительно совпадает с тем образом действий, которых неизменно придерживалась казачья бригада и ее русские офицеры и до и во время контр-

⁹² См.: Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 214.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Ibid., p. 226.

⁹⁵ Павлович М. П. *Казачья бригада в Персии*, с. 92.

революционного переворота 23 июня, но и потому — и это особенно важно, — что со времени бомбардировки меджлиса до падения царизма не было совершено царским правительством ни одного действия, которое противоречило бы одним штрихом содержанию означенных писем (рапортов. — *Н. Тер-Оганов*)». Таким образом, принимая во внимание характер политики царизма в Иране и соответствие содержания упомянутых рапортов ее духу, М.П. Павлович пытается априори доказать аутентичность рапортов Ляхова.

В свою очередь, для подтверждения подлинности рапортов Броун также приводит два аргумента: первый состоит в том, что якобы, согласно мнениям двух экспертов русского языка (англичанина и русского), проанализировавших язык Панова, документы Ляхова были составлены правильно, как это было свойственно русскому офицеру.

Второй аргумент, приведенный Броуном в качестве доказательства подлинности рапортов Ляхова, был основан на слухе: «Один русский политик, — пишет Э. Броун, — чье имя хорошо известно в нашей стране [?!], хотя неосторожно упомянуть его, сказал моему знакомому [?!] ... что царь телеграфировал свои поздравления полковнику Ляхову в связи с разрушением меджлиса»⁹⁶. Вряд ли можно в научной, просто объективной работе приводить в виде аргумента слухи! Здесь налицо отсутствие доказательной базы. Кроме того, Э. Броун не только без всякой критики принимает все заявления Панова, но и подтверждает их правоту!⁹⁷ Например, на странице 228 он пишет: «В заключение, г-н Панов делает заявление, в отношении которого я получил независимое подтверждение, в частности, вско-

⁹⁶ Browne E. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 226–227.

⁹⁷ Нельзя согласиться с Ванессой Мартин, которая почему-то полагает, что «сам Э. Броун никогда полностью не доверял этим документам». Если это так, тогда почему он их опубликовал?! Тем более что, как объективно считает В. Мартин, «они действительно сомнительны, судя по содержанию — неподлинны в своем происхождении и по своему стилю не внушающие доверия». См.: Martin Vanessa. *Hartwig and Russian Policy in Iran, 1906–8*. — *Middle Eastern Studies*, Vol. 29, Number 1, January 1993, p. 21.

ре после переворота контракт Персидской казачьей бригады был обновлен на новый, 12-летний срок, число русских офицеров и сержантов удваивается»⁹⁸. В связи с этим необходимо пояснить, что, согласно установленной традиции, контракт по найму русских инструкторов для казачьей бригады продлевался каждый раз на три последующих года. В русских архивных материалах, касающихся Персидской казачьей бригады, нет никаких упоминаний о заключении 12-летнего контракта и увеличении числа казаков.

Как бы ни оценивали мы подлинность рапортов полковника Ляхова, однако их публикация была использована в качестве дополнительного инструмента политического давления на царскую Россию. При этом необходимо отметить, что царские власти были озабочены не столько публикацией самих рапортов Ляхова, которые они считали фальсификацией, сколько тем, что их в своей книге опубликовал известный английский иранист! Вот как охарактеризовал военному министру в своем письме, датированном 23 января 1911 г., генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) факт публикации книги Э. Броуна о персидской революции: «Недавно вышла в Кембридже книга профессора местного университета Э. Броуна, озаглавленная “Персидская революция”. Книга написана в крайне неприязненном для России духе. Автор обвиняет русское правительство в агрессивной политике и в желании, воспользовавшись персидской революцией, утвердиться в Северной Персии, и указывает, что русские консулы имели постоянное сношение с Рахим-ханом и “разбойным элементом страны” и тем способствовали поддержанию персидской смуты...»

Особого интереса заслуживает глава VII, в которой описывается деятельность полковника Ляхова. Материалом для нее послужили главным образом корреспонденции известного Панова, доставившего автору якобы подлинные рапорты полковника Ляхова «В главный штаб Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру». Рапорты эти помещены в книге

⁹⁸ Browne Ed. The Persian Revoluti of 1905–1909, p. 228.

в подлиннике на русском языке и в переводе на английский язык. Эти же самые рапорты, написанные безграмотно, были в 1909 г. напечатаны в издающейся в Калькутте персидской газете «Хабл-оль-Матин», и тогда же министерством иностранных дел, по получении от Главного управления Генерального штаба сведений о том, что они представляют совершенный вымысел, было напечатано соответствующее официальное сообщение о том, что полковником Ляховым никогда подобных рапортов своему начальству посылаемо не было и что они вымышлены»⁹⁹.

Чуть ранее, 23 декабря 1910 г., подполковник Генерального штаба в своем сообщении писал: «В действительности, приложенные к книге рапорты... были рассмотрены двумя лицами (одним англичанином, знатоком русского языка, и одним русским), которые пришли к заключению: “что в то время, как Панов владеет русским языком далеко не совершенно, — рапорты написаны хорошим русским языком и по стилю соответствуют русским военным документам. Другими словами, автор стоит на той точке зрения, что рапорты эти составлены действительно полковником Ляховым”...»¹⁰⁰.

Как выясняется, обратил внимание Генерального штаба, а затем и военного министра на публикацию проф. Э. Броуна рапортов Ляхова русский военный агент в Великобритании. В своем донесении от 14 декабря 1910 г. в Управление генералквартирмейстера Генерального штаба он докладывал о книге Э. Броуна «Персидская революция». «Автор книги, — сообщал русский военный агент, — профессор Кембриджского университета, большой знаток Персии, ее языка и литературы. Книга напечатана в типографии университета. Личность автора, обстановка издания и, наконец, сама книга, изобилующая данными, выдаваемыми за документальные, — несомненно, придадут этому труду большой авторитет в глазах английского общества. Э. Броун, насколько мне известно, состоит членом здешнего комитета по пер-

⁹⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, дело 7700, л. 114 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 115.

сидским делам¹⁰¹ и мнение его, как ученого знатока Персии, имеет вес (курсив наш. — Н. Тер-Оганов). Книга Броуна написана в неприязненном для России духе. Помимо того, что общим тоном своим она воскрешает начинавшее было рассеиваться опасение “традиционного коварства русской политики в Азии”, книга в некоторых своих частях опирается на якобы точные копии донесений полковника Ляхова Окружному генерал-квартирмейстеру Кавказского военного округа. Рапорты эти в дальнейшем приводятся в форме точных копий на русском языке. По замечанию автора, рапорты эти получены им от некоего русского Панова, намеревающегося издать собственную книгу (вероятно, на русском языке) по тому же вопросу.

Представляя книгу Броуна и донося о вышеизложенном, считаю долгом прибавить, что казалось бы желательным тем или иным путем противодействовать невыгодному для нас впечатлению, которое книга столь солидного автора не может не произвести. “Копии” рапортов полковника Ляхова написаны дурным русским языком с грубыми ошибками, форма и язык рапортов совершенно не соответствуют обыкновенным; между тем в английском тексте я не нашел ни одной стилистической ошибки. Не беря на себя предрешать вопрос о лучшей форме опровержения, представляется, однако, наиболее легким и достаточно действенным, если бы “Новое время”, пользуясь указанными оплошностями поддельвателей, подняло бы на смех язык “документов” г-на Броуна. При содействии лондонского корреспондента “Нового Времени” можно было бы поместить перевод этой иронической рецензии в английских газетах и широко распространить его¹⁰².

В качестве послесловия можно сказать, что обнаруженный нами новый материал дает дополнительную пищу для дальней-

---

¹⁰¹ Составитель донесения имел в виду так называемый Персидский комитет (Persian Committee). См.: Afshin Marashi. *Nationalizing Iran: Culture, Power and the State, 1870–1940*. Seattle and London, 2008, p. 52. Как заметил российский посланник в Тегеране И. Я. Коростовец, при формировании английской политики в Иране в самой Англии «прислушивались к голосу комитета по персидским делам».

¹⁰² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, дело 7700, л. 116 об.

шего научного анализа обстоятельств возникновения упомянутых рапортов. Основываясь на нем, можно лишь констатировать, что пока не будут обнаружены оригиналы так называемых «рапортов Ляхова», любое утверждение об их аутентичности можно считать безосновательным. В такой ситуации тот, кто заказал или сфабриковал эти «рапорты», образно выражаясь, руководствовался простым принципом — цель оправдывает средства. На вопрос — почему же упомянутые рапорты нашли такое хождение — можно ответить, что их «успех» во многом был обеспечен тем обстоятельством, что они очень логично ложились в канву проводимой царской Россией политики подавления Конституционного движения в Иране, на фоне которой мало кто был способен в море правды распознать каплю неправды!

ГЛАВА VIII

УСИЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОМ ИРАНЕ. НАСТУПЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ НА ТЕГЕРАН. БЕЗДЕЙСТВИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ

Несмотря на совершенный в Тегеране антиконституционный переворот, реакция не смогла задушить революционное движение. Центр революции переместился ближе к южным рубежам Российской империи в столицу провинции Азербайджан — г. Тавриз. Для подавления революционного движения, которым руководили Саттар-хан и Багир-хан, было решено направить туда части бригады. Как выясняется из рапорта полковника Ляхова от 27 сентября 1908 г., на следующий день (28 сентября) из бригады в Тавриз должны были направить одну сотню пехоты, один кавалерийский эскадрон, один пулеметный взвод и четыре орудия. Общее число отряда составляло 301 нижних чина. Командование отряда было поручено мирпянджу Али-аге. Согласно разработанному плану, после занятия Тавриза командование отрядом взял бы на себя капитан Ушаков. Поэтому было решено командировать его через 6–8 дней после отправки отряда. По предположению Ляхова, капитан Ушаков должен был остаться в городе, где под его командой постоянно находилось бы 200–250 казаков¹. Однако планам полков-

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, дело 6949, л. 186–186 об.

ника Ляхова не суждено было сбыться. Как известно, восставшие тавризцы после долгой схватки нанесли поражение отборным войскам Мохаммад Али-шаха, в том числе и командированному в Тавриз казачьему отряду. Озадаченный победой революционеров полковник Ляхов в своем рапорте от 4 октября 1908 г. писал: «Тавриз во власти Саттар-хана и кавказских революционеров. С каждым днем обстановка улучшается для Саттар-хана. Маловероятно, чтобы шахские войска собрались вовремя и могли бы разбить революционеров, имеющих в своих рядах русского офицера и много прошедших службу в войсках наших армян. Позиции их сильны...»².

Следует отметить, что для лучшей координации действий военного министерства с Министерством иностранных дел России в деле руководства Персидской казачьей бригадой было решено изменить статус бригады. Вопрос об изменении статуса был обсужден еще в декабре 1907 г. на чрезвычайном заседании Особого совещания по персидским делам. На нем было принято решение о выводе русских офицеров бригады из подчинения штабу Кавказского военного округа. Отныне их следовало подчинить непосредственно Главному управлению Генерального штаба³.

Между прочим, Извольский предлагал уравнивать права командира бригады с правами военных агентов, состоящих на службе при русских посольствах и миссиях. Для этого он высказывал мысль, которая была предложена еще в декабре 1907 г. на Особом совещании по персидским делам — подчинить командира бригады непосредственно Главному управлению Генерального штаба и предписать полковнику Ляхову «представлять все свои донесения в означенное Главное управление через миссию за открытой печатью; тем же путем, т. е. через миссию и за открытой печатью, следовало бы направлять все указания, которыми Главное управление признало бы нужным снабдить командира бригады». Такой порядок вещей давал бы возможность посланнику более действенно влиять на начальника бригады, при этом «отнюдь не вмешиваясь в его прямые служебные

² Там же, л. 188 об.

³ Там же, л. 198–198 об.

обязанности и не навлекая на себя какой-либо ответственности за его действия»⁴.

Между тем в ноябре 1908 г., по настоянию самого Извольского, был отозван из Ирана посланник Гартвиг, кардинально несогласный с политической линией министра иностранных дел⁵. Отстранение Гартвига с поста российского посланника в Иране фактически означало изменение внешнеполитического курса России в этой стране и отказ России от поддержки режима Мохаммад Али-шаха⁶. Для этой цели были проведены соответствующие изменения в составе российской миссии. После ухода Н. Г. Гартвига, профессионального дипломата, сторонника неограниченной шахской власти, руководство миссией было доверено неопытному и слабохарактерному поверенному в делах Саблину⁷. Это обстоятельство сыграло решающую роль в деле координации последующих совместных действий с английской миссией. Кроме того, 9 ноября 1908 г. английским послом в Санкт-Петербурге сэром Артуром Никольсоном было предложено Извольскому, чтобы русское правительство отозвало хотя бы временно своих офицеров из состава Персидской казачьей бригады. Но тогда русское правительство сослалось на рискованность и несвоевременность подобного шага⁸.

Тем временем главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков одобрил предложение о подчинении бригады Главному управлению Генерального штаба лишь с той оговоркой, что командир брига-

---

⁴ Там же.

⁵ О его расхождении с А. П. Извольским по кардинальным вопросам англо-русских отношений в Иране смотри нашу статью: Н. К. Тер-Оганов. Письмо Н. Г. Гартвига К. Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века. — *Иран. История, экономика, культура* (Памяти С. М. Алиева). М., 2009, с. 207–216.

⁶ См.: Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 263.

⁷ По мнению И. А. Зиновьева, замена опытного дипломата молодым и неопытным первым секретарем миссии была «весьма несвоевременна», тем более что в то тревожное время английская сторона, наоборот, заменила своего поверенного в делах Марлинга новым, энергичным посланником Барклаем.

⁸ Browne Ed. *The Persian Revolution of 1905–1909*, p. 213.

ды и впредь продолжил бы исполнение всех военно-агентурных функций в Иране на основании прямых сношений со штабом военного округа. Русское военное начальство, как известно, уже давно не придавало этой стране такого же военного значения, как Османской империи. Поэтому в Иране, в отличие от соседней страны, у России не было военных агентов. Именно по этой причине кавказское военное начальство возложило на командира казачьей бригады также функции военного агента. Заметим, что, согласно сведениям самого полковника Ляхова, на агентуру он получал всего 1500 рублей, тогда как на содержание одного военного агента в Иране не хватило бы даже всей суммы⁹.

Изменившаяся внутривосточная ситуация в стране обусловила выработку новой инструкции по руководству для командира Персидской казачьей бригады. В инструкции, состоящей из 10 пунктов, которая была утверждена тогдашним военным министром генералом от кавалерии В.А. Сухомлиновым 6 апреля 1909 г., были определены права, а также обязанности командира бригады. Они состояли в следующем:

«1. Должности ныне вами занимаемой, присваивается официальное наименование «Заведующего обучением персидской кавалерии»...

2. Обращение состоящих в распоряжении вашем офицеров с заявлениями и просьбами к российскому императорскому посланнику в Тегеране допускается лишь по неслужебным вопросам.

3. В случае неодобрительного поведения или заслуживающих особого внимания проступков со стороны чинов, находящихся в распоряжении вашем, предоставляется вам право немедленно удаления их из Персии обратно в Россию при донесении о том посланнику и Главному управлению Генерального штаба.

4. Положение ваше как офицера русской службы и российского подданного, в отношении российского императорского посланника в Персии, обуславливается непосредственным и безусловным подчинением посланнику, как лицу, представляющему собою при дворе Его Величества Шаха Персидского

⁹ РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 78.

священную особу Государя Императора и отвечающему за действия ваши, и состоящих в распоряжении вашем чинов пред Персидским правительством, в силу заключенного посланником, по вопросу о командировании вашем, условия с названным правительством.

5. Исходя из сего существенного положения, вы обязываетесь непременно доносить нашему посланнику в Тегеране: а) о всех предположениях ваших по делу об устройстве порученной вам задачи военного образования части персидской кавалерии, за исключением излишних подробностей дела, приступая каждый раз к осуществлению предположенных мер лишь с одобрения и утверждения таковых посланником и б) о всех вопросах, в этом отношении, за разрешением коих Персидское правительство сочло бы нужным обращаться прямо к вам, помимо посланника. Донесения по этим двум пунктам также должны быть представляемы вам и в Главное управление Генерального штаба.

6. Особое внимание ваше обращается на правильность взаимных отношений, как между подчиненными вам чинами, так и к российскому императорскому посланнику, чего требует достоинство той армии, представителями которой вы являетесь в Персии...

7. Обучая персидскую кавалерию и командуя ею, вы пользуетесь всеми выгодами своего положения, являетесь наилучшим неофициальным военным агентом в Тегеране. От вас ничто не должно быть скрыто прямо или косвенно, касающееся военного дела. В силу этого возлагается на вас, помимо исполнения вами прямых обязанностей по вашей официальной должности, — изучение и доставление сведений относительно: а) вооруженных сил Персии; б) насколько возможно подробных географических и статистических данных об этой стране.

8. Сведения военно-агентурного и статистического характера вам надлежит представлять в штаб Кавказского военного округа.

9. Все донесения, касающиеся бригады, ее службы, обучения, командировок, вооружения, снаряжения и снабжения различными видами довольствия, а равно и годовые отчеты по выполнению бюджетной сметы бригады надлежит представлять непосредственно в Главное управление Генерального штаба.

10. В Главное же управление должны представляться все сведения, касающиеся современного военно-политического положения Персии, копии каковых надлежит посылать также и в штаб Кавказского военного округа»¹⁰.

Позднее, согласно инструкции, датированной 3 июня 1909 г., к предыдущей инструкции был добавлен пункт 11, который гласил: «Общие результаты вашей деятельности, а в особенности все получаемые вами данные, имеющие политический характер, надлежит без замедления доводить до сведения императорского посланника»¹¹.

Таким образом, согласно данной полковнику Ляхову инструкции, командир бригады непосредственно и беспрекословно должен был подчиняться российскому посланнику в Тегеране, который был ответственен за действия командира и находившихся в его подчинении чинов перед иранским правительством. Исходя из горького опыта сложившихся отношений между посланниками и командирами бригады как в настоящем, так и в прошлом (в этой связи достаточно вспомнить отношения между полковником Домантовичем и посланником Зиновьевым, Косоговским и Аргиропуло, Ляховым и Гартвигом), в одном из пунктов была подчеркнута необходимость корректного отношения между посланником и чинами бригады.

9 июня 1909 г. было получено «Высочайшее соизволение» на непосредственное подчинение русских инструкторов Персидской казачьей бригады Главному управлению Генерального штаба¹². Подписание англо-русского соглашения, которое, по сути, удачно связало руки России в Персии, о чем открыто высказывал свои взгляды сам посланник Гартвиг и такую же мысль выражал и штабс-капитан Смирнов в своих «Записках», а также англофильская политика Извольского, прочно сковали активность полковника Ляхова. Доведенный до отчаяния полковник Ляхов в своем рапорте, отправленном 25 апреля 1909 г. на имя генерал-

¹⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, дело 6949, л. 231об.–232 об.

¹¹ Там же, л. 247 об.

¹² Там же, л. 254.

квартирмейстера штаба Кавказского военного округа, писал: «... не знаю, что делать теперь. Не принимать мер против движения кавказских революционеров в Тегеране — значит подставить голову шаха под секиру; принять меры — значило бы вмешаться во внутреннюю борьбу. Положение ужасное и тем более невыносимое, что я принужден играть судьбою 2000 персов, видящих противоречие в моей деятельности мерам, принимаемым самой Россией. Своему положению в данную минуту я предпочел бы смерть, но не предстоящий позор и унижение»¹³. Полковник Ляхов интуитивно чувствовал, что он был обречен на поражение. Собственный корреспондент газеты «Таймс» в Тегеране, выражая сочувствие полковнику Ляхову и его русским офицерам в своей статье, высказывал мысль, что отныне русское правительство не будет нести ответственность за их действия, превращая их в «козлов отпущения», в которых могли стрелять противники¹⁴.

Успех конституционалистов в Тавризе, как известно, способствовал расширению революционного движения в стране. К началу 1909 г. конституционалисты захватили власть в Хорасане, Исфагане и Гиляне. Весной для свержения режима Мохаммад Али-шаха по направлению к Тегерану двинулись отряды гилянских конституционалистов во главе с Сепакдаром, а с юга направилась кавалерия бахтияр во главе с Сардаром Асадом. Эти две силы, у которых были совершенно разные конечные цели, объединились для свержения режима Мохаммад Али-шаха. Если первым нужно было положить конец деспотическому правлению шаха для того, чтобы установить конституционную власть, то для вторых (исходя из их племенной природы) укрепление центральной власти не входило в их интересы. Как совершенно справедливо пишет Ричард Котам в книге «Национализм в Иране»: «Для большинства кочевых племен революция 1906 года означала, что относительно слабое правительство было заменено еще более слабым правительством»¹⁵. Возвра-

¹³ Там же, л. 261.

¹⁴ Browne Ed. The Persian Revolution of 1905–1909, p. 307–308.

¹⁵ Cottam R. W. Nationalism in Iran. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1964, p. 53.

щение Хадж Али Кули-хана Сардара Асада, брата предводителя бахтиарского племени Самсам ос-Салтане, в 1908 г. из Европы в Иран в качестве сторонника либерализма было использовано Мохаммад Али-шахом для замены Самсам ос-Салтане его противником на должности ильхана бахтиар, как выражение недовольства шаха Сардаром Асадом. Р. Коттам считает, что это был совершенно непродуманный шаг со стороны шаха. В результате Самсам ос-Салтане и Сардар Асад решили объединенными силами выступить против Мохаммад Али-шаха, участие же бахтиар на стороне конституционалистов предопределило поражение Мохаммада Али.

Следует заметить, что в дальнейшем, благодаря приходу к власти обоих братьев, бахтиары получили не только право на сохранение налогов, собираемых на их территории, но им же досталась и часть поступлений от военных налогов¹⁶. Не последнюю роль в участии бахтиар в походе на Тегеран могли сыграть и англичане, поскольку Самсам ос-Салтане находился в тесных отношениях с англичанами, у которых имелись обширные коммерческие интересы в провинции Фарс¹⁷. Между прочим, о децентрализаторской природе бахтиарских племен писал Сулейман Бехбуди в своих «Воспоминаниях». Объясняя необходимость перевода кочевых племен, населяющих Иран, на оседлый образ жизни, автор отмечал их непокорность центральной власти: «Бахтиары являются наибольшим препятствием и самыми опасными на пути развития (т. е. оседлости. — *Н. Тер-Оганов*)»¹⁸.

¹⁶ Ibid., p. 54.

¹⁷ Ibid., p. 55.

¹⁸ *Хатерат-е Солейман Бехбуди, Шамс-е Пахлави, Али Изади*. Под редакцией Голамхосейн Мирзы Салеха. Тегеран: Сахба, 1372, с. 514. Между прочим, в своей известной записке «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам» И. Я. Коростовец указывал на тесную связь бахтиарских кланов с англичанами. «...бахтиарские ханы, — писал И. Я. Коростовец, — систематически навязывались английской миссией в качестве губернаторов не только в английской, но и в нашей сфере (влияния. — *Н. Тер-Оганов*), невзирая на несочувствие к ним правительства и общественного мнения. Ныне бахтиарские губернаторы имеются в Кермане, Иезде, Керманшахе и до последнего времени были в Исфагани». И. Я. Коростовец. «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам» — Красный Архив, т. 4-5. М., 1934, с. 111.

В России реально оценили шансы Мохаммад Али-шаха в борьбе с конституционалистами. Кроме того, не желая обострять отношения с англичанами и находясь под их сильным давлением, русское правительство решило фактически отказаться от открытой поддержки режима Мохаммад Али-шаха. Как становится ясным из одной докладной записки самого полковника Ляхова, в середине 1909 г. Мохаммад Али-шаху было сообщено о том, что отныне он не должен надеяться на материальную помощь со стороны русского правительства и в борьбе с противниками мог рассчитывать лишь на свои силы. По заявлению Ляхова, «реальную же силу шаха представляла лишь бригада, которая почти в одиночку вела эту борьбу. Однако она была слишком мала и слаба для того, чтобы нанести поражение националистам»¹⁹. Следя за развитием событий в Иране, в своей секретной телеграмме от 6 апреля 1909 г. министр иностранных дел Извольский доводил до сведения наместника на Кавказе следующее: «...Благоволите оказать в случае надобности самое полное покровительство и защиту нашим инструкторам в Персии и их семьям. Не встречаем препятствий к поднятию русского флага над домами, занятыми нашими офицерами и их семьями, но считаем это недопустимым в отношении казарм Персидской казачьей бригады, являющейся персидским правительственным установлением»²⁰.

Навстречу подступающим к Тегерану объединенным отрядам фидаев (численность которых составляла более двух тысяч человек²¹) и бахтиар, состоящих из такого же числа конных, 26 июня 1909 г. Мохаммад Али-шахом были посланы 400 персидских казаков и другие части войска, однако они не смогли остановить продвижение конституционалистов к Тегерану. Обойдя позиции частей Персидской казачьей бригады, 13 июля (по старому стилю 30 июня) конституционалистам удалось без особого сопротивления войти в Тегеран²². Казаки же вернулись в столицу и вме-

¹⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6949, л. 297.

²⁰ ЦГИА Грузии. Фонд 15, ед. хр. 170, л. 39 (далее: ЦГИА Грузии).

²¹ См.: Расул-заде М.А. *Гозарешхай аз энклаб-е машруттиат-е Иран*, с. 237.

²² Чипашвили Г.С. *Серго Гамдлишвили («Серго Гурджи») да миси иранули деиуреби*, с. 149–151.

сте с оставшимися в казармах стали готовиться к контратаке²³. Несмотря на то что силы конституционалистов окружили военный плац «Мейдан-е Машк» и казачьи казармы, находившиеся там казаки оказали им ожесточенное сопротивление. Согласно одному из очевидцев этих событий, Нуrolлах Данешвару Алави (Солтан Моджахед), было неизвестно, сколько продолжалось бы вооруженное противодействие сторон, если бы не было получено известие о том, что шах сел в бест в русской миссии²⁴. Шах укрылся там 3 июля (по новому стилю 16 июля) 1909 г., что было равнозначно его отказу от трона²⁵.

В такой ситуации, по мнению российского правительства, упразднение Персидской казачьей бригады или изменение статуса бригады, под которым подразумевалась замена русских инструкторов иностранными или же передача бригады под командование иранских офицеров, было недопустимо. В своей

---

²³ Между прочим, одну из причин захвата Тегерана конституционалистами Назем оль-Эслам Кермани видел в просчете русских офицеров бригады, а именно капитана, командовавшего дислоцированным в Кередже отрядом персидских казаков, не поверившего в донесение о продвижении противника в обход казаков в сторону столицы. По его мнению, была допущена ошибка и самим полковником Ляховым, который не разрешил Амиру Мофаххаму вернуться в Тегеран и защищать шаха. Кроме того, когда шах все-таки решил атаковать город, русские офицеры бригады не позволили ему сделать это. Если бы 3–4 тысячи бойцов, охранявших шаха в Салтанабаде, были бы своевременно переброшены в город, то сторонники шаха могли бы решить участь борьбы в свою пользу. Роковую роль во всем этом сыграл и батальон силахорцев, занимавшийся грабежом населения. В этой кампании была допущена еще одна ошибка: вместе с въездом Селахдара в Тегеран, в столицу стали возвращаться и шахские войска, вместо того чтобы атаковать его обоз с оружием. См.: Кермани Назем оль-Эслам. *Тарих-е бидари-йе ираниан*. Тегеран, чап-е панджом, 1376, с. 502.

²⁴ См.: Алави Нуrolлах Данешвар (Моджахед ос-Солтан). *Тарих-е маируте-йе Иран*. Тегеран, 1330, с. 65.

²⁵ *Сборник дипломатических документов*. Вып. III (с 12 июля по 31 декабря 1909 г.). СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912 г., с. 113. О трех последних днях царствования Мохаммад Али-шаха и о ситуации в шахском дворце проливает свет копия рапорта К. Н. Смирнова от 9 июля 1909 г. на имя поверенного в делах Саблина. См.: Смирнов К. Н. *Затиски воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*, с. 253–262.

секретной депеше от 6 июля 1909 г. поверенный в делах русской миссии, надворный советник Саблин докладывал, что английский посланник Барклай и он получили от руководителей «переворота» письменное обещание о временном сохранении казачьей бригады под командованием русских офицеров²⁶. По мнению Саблина, это был единственный выход из создавшегося политического кризиса. Однако, как справедливо полагал Саблин, вопрос о пересмотре статуса бригады вскоре мог встать на повестку дня. «Необходимо, однако, — доносил Саблин, — иметь в виду, что, несомненно, весьма скоро будет поднят вопрос либо об уничтожении казачьей бригады, этого бельма на глазу революции, либо об изъятии ее из-под начальства русских офицеров. Последнее ознаменовало бы либо сохранение казачьей бригады под начальством персидских офицеров, что равносильно ее уничтожению, либо приглашение иностранных офицеров, должно быть, германских. А посему дабы не быть застигнутым врасплох, покорнейше прошу в случае, если сохранение казачьей бригады в ее нынешнем виде признано будет настоятельно необходимым, сообщите мне, каким мерам воздействия на шахское правительство можно было бы прибегнуть для этой цели. Во всяком случае, этот вопрос в ближайшем будущем необходимо поднять несомненно»²⁷.

Таким образом, чтобы «не быть застигнутым врасплох», Саблин хотел достоверно знать, будет ли Россия сохранять бригаду в существующем виде²⁸. Вместе с тем он просил соответствующую инструкцию, которая объяснила бы ему, к каким мерам давления на иранское правительство он мог бы прибегнуть²⁹. Отвечая на просьбу Саблина, министр иностранных дел России Извольский в своей депеше от 8 июля 1909 г. (между тем в этот день

²⁶ Текст «Обязательства Сепакдара и Сардара Асада относительно казачьей Его Величества шаха бригады» см.: *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 7.

²⁷ *РГВИА*, ф. 2000, д. 6949, л. 272.

²⁸ Необходимо заметить, что с аналогичной просьбой обратился полковник Ляхов к императору Николаю II — см.: *РГВИА*, ф. 2000, оп. 1, д. 6949, л. 297 об.

²⁹ Там же, л. 272.

для «защиты жизни и имущества русскоподданных и иностранных дипломатических представителей» в Энзели были высажены русские войска числом около 2000 солдат) советовал ему в случае постановки вопроса об изменении статуса бригады сделать соответствующее заявление. Смысл такого заявления сводился к тому, что Персидская казачья бригада — это единственная правильно организованная воинская часть в Иране. Следовательно, она является надежной опорой для соблюдения правопорядка в стране, особенно же в столице. По этой причине расформирование ее или изменение статуса могло поколебать уверенность в том, что возможно восстановить порядок в Тегеране. Что касается вопроса замены русских офицеров иностранными, то это, по мнению Извольского, могло быть воспринято в качестве недружественного акта персидского правительства по отношению к России. В случае такого развития событий российская сторона была бы вынуждена принять необходимые меры³⁰.

Руководствуясь «Инструкцией», русская миссия пригрозила иранскому правительству, что в случае нарушения статуса бригады для восстановления порядка пригласит русскую казачью бригаду из Казвина³¹. Следует заметить, что вопрос о статусе Персидской казачьей бригады был принципиально важен для российских интересов в Иране. Поэтому Германия, противник России, вела не только активную агитацию против казачьей бригады, но и ставила перед собой цель — создать угрозу южным границам российской империи со стороны Турции. Не случайно военный министр России в своем обращении к министру иностранных дел Извольскому от 12 июля 1909 г. по вопросу о положении бригады и немецкой угрозе русским интересам писал: «Германское правительство зорко следит за ходом дел в Персии и все его действия за последнее время направлены с целью подорвать наш престиж в Персии. В Турции, — читаем в том же сообщении, — они (т. е. немцы. — *Н. Тер-Оганов*) возбуждают недоверие к нашей политике в Персии и ставят одной из главных задач, приглашенному

³⁰ Там же, л. 283.

³¹ См.: *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 16.

в Турцию генералу фон дер Гольцу значительное усиление IV турецкого корпуса, пограничного с Кавказом и Персией»³².

Активное вовлечение Германии в антирусскую политику как в Турции, так и в Иране, вплоть до развала кайзеровской Германии, создавало серьезную угрозу российским военно-политическим интересам в этом регионе. О надвигавшейся опасности писал в своем письме из Санкт-Петербурга от 2 августа 1909 г. воспитателю Солтан Ахмад-шаха — К. Н. Смирнову бывший посланник в Иране Н. Г. Гартвиг. Письмо Н. Г. Гартвига раскрывает некоторые аспекты российской внешней политики в этой стране и лаконично характеризует отношение Англии к России. «За все мое пребывание в Петербурге, — пишет Н. Г. Гартвиг, — настойчиво твердили, что нам не подобает разрушать монархический принцип в соседней нам мусульманской стране и что подобострастное выполнение всех английских «комбинаций» неминуемо поведет к потере нашего престижа и разрушению, крушению русского дела в Персии. Что происходит теперь в Персии, еще цветочки, ягодки созреют в ближайшем будущем. Я говорил, что в первую голову пойдет — развал бригады³³, затем устранение русского наставника Валиагда³⁴ — или молодого шаха, потом русского доктора³⁵, русских концессий и т. д. и т. п.! Развал бригады уже совершился...»³⁶. Прогноз Н. Г. Гартвига оказался чересчур мрачным, хотя тенденцию развития событий, в общем-то, он правильно предсказал.

Для предотвращения попыток расформировать бригаду первый драгоман русской миссии надворный советник Баранов-

³² РГВИА, ф. 2000, д. 6949, л. 275 об.

³³ Здесь Н. Г. Гартвиг имеет в виду Персидскую казачью бригаду.

³⁴ К. Н. Смирнов — воспитатель и учитель наследника престола Солтан Ахмад-мирзы.

³⁵ Назначение на должность личного врача Мохаммад Али-шаха Садовского, бывшего врача Персидской казачьей бригады, было идеей самого Н. Г. Гартвига, стремившегося таким образом усилить русское влияние при шахском дворе.

³⁶ См.: Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*, с. 270.

ский явился в меджлис, где обратился с предложением к Сепехдару и Сардару Асаду прекратить кровопролитие, сообщив при этом, что Мохаммад Али-шах отрекся от трона. Барановский заявил меджлису, что бригада сложила бы оружие лишь при условии, если она по-прежнему останется под командованием полковника, а нижним чинам и офицерам бригады, защищавшим шаха, объявят амнистию. Иранская сторона приняла предложение Барановского, но в ответ потребовала, чтобы русский полковник беспрекословно подчинился приказам военного министра³⁷. По этому поводу в своей статье «Покорение Тегерана», опубликованной в газете «Тараки» («Прогресс») 19–20 июля (1–2 августа по новому стилю) 1909 г., М.А. Расул-заде писал: «Согласно условиям капитуляции, Ляхов остается на своей должности, а казаки так и не разоружены³⁸. Тем не менее, бригада уже не самостоятельна, как это было прежде, а подчиняется Сепехдару, военному министру»³⁹. В одном из своих последних рапортов из Тегерана полковник Ляхов указывал на враждебное отношение конституционалистов-националистов к бригаде. Он отмечал, что, несмотря на взятое новоизбранным иранским правительством обязательство не предпринимать шагов, направленных против бригады, она стала преследоваться властями. Фидаи нападали на иранских офицеров и нижних чинов бригады, врываются в их дома, арестовывали их имущество, отбирали у них оружие. Преследование велось не только в Тегеране, но и в провинциях. С первых же дней прихода к власти националистов, с 3-го по 10-е июля в Тегеране от преследований пострадали 6 офицеров и 50 нижних чинов. 200 мазлаганских казаков даже заявили, что были разграблены их деревни⁴⁰.

³⁷ *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 7.

³⁸ Согласно Нуrolлах Данешвару Алави (Солтан Моджахед), «оружие и боеприпасы, находившиеся в запасе у казачьей бригады, так и остались в распоряжении казаков». См.: Нуrolлах Данешвар Алави (Солтан Моджахед). *Тарихе-машруте-йе Иран*, с. 66.

³⁹ Расул-заде М.А. *Гозарешхаи аз энкелаб-е маишрутиат-е Иран*, с. 242.

⁴⁰ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 295–297.

Иранское правительство не выдержало дипломатического давления России и пошло на уступки, решив не обострять отношения с Россией. Россия, в свою очередь, чтобы не увеличивать ненависть иранцев к бригаде, решила немедленно отозвать полковника Ляхова из бригады. Уже в августе 1909 г. исполнителем обязанностей Заведующего обучением Персидской казачьей бригады (судя по датам рапортов, отправляемых командиром бригады) вместо Ляхова фигурирует войсковой старшина Блазнов. При нем, согласно штатному расписанию, в бригаде числилось 2060 человек. Из указанного числа на действительной службе находились 1781 человек, что фактически превышало установленный комплект бригады — 1750 человек⁴¹. Однако победа националистов подорвала престиж Персидской казачьей бригады. Это обстоятельство усугубилось еще и тем, что пришлые фидаи стали получать крупное денежное содержание (до 9 туманов в месяц, тогда как казаки получали 22 тумана в год). Такое несоответствие ставило под сомнение эксклюзивное положение бригады как единственной исправно оплачиваемой воинской части⁴². Следует сказать, что вопрос о ней стал предметом обсуждения двух монархов — Николая II и английского короля Эдуарда VII. Во время встречи они пришли к согласию в вопросе о необходимости полного сохранения за Россией бригады, с тем чтобы не допустить в Иране замещения русских офицеров австрийскими и немецкими⁴³.

⁴¹ *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 157.

⁴² Там же.

⁴³ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 6949, л. 297об.

ГЛАВА IX

ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА в 1909–1914 гг.

Персидская казачья бригада, реально находившаяся в ведении российского военного министерства, не пользовалась доверием иранского конституционного правительства¹. Поэтому в военном министерстве Ирана обсуждался вопрос о необходимости реорганизации армии, который нашел широкий отклик среди шиитского духовенства. Так, 15 ноября (2 ноября по старому стилю) 1909 г. неджефские моджахеды обратились с предложением к возобновившему свою работу межлису — ввести всеобщую воинскую повинность для создания национальной гвардии². В то время как в межлисе рассматривался вопрос об организации десятитысячной армии, которую было бы желательно организовать под руководством инструкторов из второстепенных, нейтральных стран, Министерство иностранных дел России советовало своему посланнику в Тегеране убедить иранское правительство не только в полезности Персидской казачьей бригады, но даже в необходимости дальнейшего ее усиления.

На фоне начавшихся парламентских дебатов по вопросу о необходимости реорганизации иранской армии в ноябре 1909 г. в Тегеран прибыл новоназначенный командир бригады князь

---

¹ *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 86.

² Там же, с. 244.

Ахмад-шах Каджар (1909–1925 гг.)

Вадбольский. 2 декабря 1909 г. на личной аудиенции, в присутствии Сепехдара и министра иностранных дел Персии, полковника Вадбольского представили молодому Солтан Ахмад-шаху³. События июня-июля 1909 г. наглядно показали российскому военному ведомству, что без четкого определения функций и задач русских офицеров-инструкторов вообще, а также без определения российским посланником их обязанностей в случае внутриполитического противостояния в Иране, было невозможно руководить бригадой. «Только при такой ясной и определенной

³ Там же, с. 283.

постановке дела, — сообщал генерал-квартирмейстер ГУГШа военному министру 13 декабря 1909 г., — офицеры наши будут избавлены от трудного и ложного положения, с одной стороны, устраняться по требованию русской миссии от личного участия в борьбе политических партий, а с другой — выполнять требования персидского правительства энергично действовать против их врагов»⁴.

Взяв курс на усиление Персидской казачьей бригады, русское правительство выразило готовность передать бригаде необходимое количество оружия⁵. Однако меджлис смотрел на бригаду с подозрением, которое еще больше усилилось после следующего инцидента: «13 января (1910 года. — *Н. Тер-Оганов*) группа офицеров, — сообщал в своей депеше новый российский посланник С.А. Поклевский-Козелл, — числом около 30, под предводительством двух генерал-лейтенантов, явилась в меджлис; они заявили себя покорными слугами правительства, говорили о желании своем отказаться от всех преимуществ, коими пользуется бригада по сравнению с прочими частями персидской армии, и, по видимому, затронули вопрос о смещении инструкторских и начальнических функций русских офицеров бригады». За такое выступление новый командир бригады полковник Вадбольский объявил выговор иранским офицерам и обвинил их в нарушении дисциплины, а генералов-зачинщиков исключил из состава бригады⁶. Эти действия Вадбольского вызвали большое возмущение среди иранских националистов, что вынудило Сепакдара и председателя меджлиса заступиться за виновных. Между прочим, Сепакдар настаивал на том, чтобы исключение из бригады иранских офицеров могло производиться только по приказу военного министра Ирана. Между тем кратковременная отлучка Вадбольского из Тегерана была истолкована как отставка командира бригады от ее управления. Воспользовавшись этим, исключенные из брига-

---

⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7700, л. 7 об.

⁵ Сборник дипломатических документов. Вып. III, с. 252.

⁶ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. Вып. IV (с 1 января по 30 июня 1909 г.). СПб., Военная типография, 1912, с. 16.

ды лица предприняли попытку явиться в часть как ни в чем не бывало, но были удалены войсковым старшиной Блазновым. И вновь этот инцидент был использован персидской прессой для обвинений русских инструкторов, «забывающих свое место»⁷.

Параллельно с вопросом о казачьей бригаде на заседаниях иранского меджлиса рассматривался вопрос о необходимости вывода русских войск из Ирана, находящихся в этой стране с апреля 1909 г. В своем зашифрованном донесении от 2 февраля 1910 г. на имя начальника Генштаба полковник Вадбольский сообщал: «Резкое движение против русских выразилось также в страстном заступничестве за удаленных мною офицеров. Сепакдар, запугиваемый партией меджлиса, настойчиво бестактно требует принятия их обратно, нарушает явно последнюю конвенцию о бригаде...»⁸ В конце концов, после просьбы Сепакдара принять обратно исключенных из бригады офицеров, полковник Вадбольский согласился, однако при условии, что они извинятся перед ним за содеянное ими «преступление». Как показала история, раны, нанесенные Персидской казачьей бригадой национальному самосознанию иранского народа, еще не были до конца зарубцованы, поэтому всякий раз, когда вопрос касался бригады, население всегда болезненно реагировало на него. Так случилось и на этот раз: под предлогом отчисления из бригады иранских офицеров националистические круги вновь начали агитацию за ограничение прав бригады. Этим воспользовался военный министр и еще раз потребовал от русского командира подразделения соблюдения субординации, на что от последнего получил решительный отказ. На основании шахских фирманов командир бригады Вадбольский тем не менее отстаивал законность прав русского полковника⁹.

Не располагая реальной возможностью и необходимой силой для уничтожения бригады, конституционное правительство было вынуждено прибегать к разным способам подрыва дисципли-

⁷ *Сборник дипломатических документов*. Вып. IV, с. 32.

⁸ *РГВИА*, ф. 2000. оп. I, д. 7700, л. 12.

⁹ *Сборник дипломатических документов*. Вып. IV, с. 23; а также: Ржевуский А. В. Тегеран. Дорожные заметки, с. 26.

ны в бригаде с целью ее ослабления, для чего часто практиковало отправку больших отрядов в командировку в разные провинции страны¹⁰. Так, значительная часть бригады, приблизительно 800 казаков, находились в командировках за пределами Тегерана, 300 казаков числились в отпусках, в результате чего в казармах бригады было не более 700 человек¹¹. По этой причине положение бригады в 1909–1910 гг. значительно ухудшилось, так как длительные командировки частей казачьей бригады в провинции дурно влияли на ее боеспособность и состояние дисциплины. В этой связи войсковой старшина Блазнов доносил полковнику Вадбольскому о том, что «...персидские казаки, особенно возвращающиеся из Ардебиля, оказываются сильно распущенными, без шашек, на изморенных, некормленных лошадях, своих распродали и накупили таких, какие в бригаде не допускаются. Открылись злоупотребления с отпусками и прочее»¹². Если судить по рапорту Вадбольского, отправленного им в ГУГШ 11 декабря 1910 г., то иранские власти отлично понимали, что «командировками не только ослабляется бригада, но и сильно портится состав; этого, по-видимому, усиленно добиваются, кто по убеждению, а кто, уступая непрекращающейся кампании против русских и всего того, что касается русских, не брезгают извращением фактов и угрозами лицам, высказывающим хотя бы вынужденное дружелюбие к русским»¹³.

Как видим, командир серьезно был обеспокоен ухудшившимся положением бригады: «...Прилагаю все усилия, — писал Вадбольский в своем рапорте в ГУГШ 18 декабря 1910 г., — чтобы хотя бы часть бригады привести в походно-боевую готовность. Встречаю яростное противодействие, как будто вопрос идет об усилении врага внутри страны, а не о помощи государству в тяжелые времена»¹⁴. В своем рапорте от 19 ноября

¹⁰ *Сборник дипломатических документов*. Вып. IV, 1912 г., с. 35.

¹¹ *Сборник дипломатических документов*. Вып. III, с. 157.

¹² *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 7700, л. 84.

¹³ Там же, л. 84 об.

¹⁴ *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 7700, л. 86.

1910 г. посланнику Вадбольский жаловался на сопротивление со стороны иранского правительства его планам привести в порядок бригаду. «За целый год командования бригадой, — писал Вадбольский, — я не только не встречал поддержки в персидском правительстве в стремлении моем улучшить быт казаков и привести бригаду в образцовую воинскую часть, но, напротив, явные и тайные противодействия значительно ослабляли мои усилия»¹⁵. Особую тревогу командира бригады вызывали «ненормальные условия службы казаков», которые, по его мнению, могли не только ослабить бригаду как в численном, так и качественном отношении, но даже привести к полной ее дезорганизации.

По мнению Вадбольского, при дальнейшем ухудшении условий можно было ожидать даже развала бригады. Согласно его сообщению, из-за дороговизны продуктов питания казаку на получаемые суточные (*джире*) в размере 10 шай невозможно было прокормиться. Также не хватало на остальные нужды тех 15 кран, которые получал казак ежемесячно в виде жалованья. Не хватало всего этого одинокому казаку, а что говорить о семейных казаках, составлявших большинство бригады. Для выхода из создавшегося катастрофического положения следовало улучшить материальное обеспечение казаков. К неудовольствию Вадбольского, вопреки существующей с иранским правительством договоренности, согласно которой исключенных из бригады казаков не должны были принимать на службу в полицию, а также в другие учреждения, иранская сторона фактически постоянно нарушала ее¹⁶. Любого казака, изгнанного из бригады за воровство, буйство, уклонение от служебных обязанностей и прочие нарушения, охотно принимали в полицию, в жандармы или же всадником конницы патрульной службы. Там вместо получаемых казак 3 туманов в месяц платили 8–9 туманов и притом бывшего казака часто повышали в чине¹⁷. Не в лучшем положении нахо-

¹⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7707, л. 66 об.

¹⁶ Там же, л. 84 об.

¹⁷ Там же, л. 67.

дились и офицеры, избыток которых остро ощущался в бригаде. Тем не менее, полковник Вадбольский своей главнейшей задачей в бригаде считал упорядочение материального обеспечения казаков.

В тот период в бригаде, согласно ее бюджету, числились: русский командир, 4 русских офицера и 8 урядников, 27 иранских генералов, 59 штаб-офицеров, 96 обер-офицеров, 1750 казаков и 1002 лошади. Бригада через русский Учетно-ссудный банк получала 272 тыс. туманов и ничего натурой. Причем 43 тыс. туманов были перечислены из различных учреждений для выдачи пенсий и довольствия. В распоряжении бригады находилась и экстраординарная сумма, предназначенная для находившихся в отпусках казаков — 70 тыс. туманов в год. Кстати, эта сумма была гарантирована банками¹⁸. Согласно рапорту Вадбольского от 8 января 1911 г., меджлис отказался утвердить второй бюджет бригады в размере 42 тыс. туманов, который должен был обеспечить увеличение состава бригады дополнительно на 250 казаков. Свой отказ меджлис мотивировал тем, что бюджет был утвержден свергнутым Мохаммад Али-шахом без согласия на то меджлиса, и, следовательно, его справедливо считали незаконным. Больше всего Вадбольского беспокоило то обстоятельство, что иранские депутаты видели в бригаде русскую воинскую часть¹⁹.

По признанию официальных лиц, иранское правительство ежегодно, начиная со дня учреждения бригады вплоть до 1910 г., перечисляла предусмотренную бюджетом сумму Заведующему обучением персидской кавалерии, которую он бесконтрольно расходовал. Это обстоятельство, по мнению и.о. министра иностранных дел А. Нератова, наносило вред престижу бригады. «При этом, — писал А. Нератов в Отдел генерал-квартирмейстера (ОГЕНКВАР. — *Н. Тер-Оганов*), — враждебные бригаде элементы наряду с обвинением ее в различных замыслах непременно ставят ей в вину бесконтрольное пользование крупными деньгами, ассигну-

⁴⁰ См.: *РГВИА*, ф. 2000, оп. I, д. 7707, л. 68 об.–71.

⁴¹ Там же, л. 86.

емыми правительством на эту воинскую часть. Эти инсинуации²⁰ наносят доброму имени наших инструкторов тем больше вреда, что, в противоположность их образу действий, всегда приводится порядок ведения денежных дел заведующими персидской жандармерией шведскими офицерами, которые с самого начала оценили важное значение гласности в делах расходования ими денежных средств страны и неуклонно отдают персидскому правительству отчет в каждой потраченной копейке»²¹. По утверждению А. Нератова, гласность в вопросе отчетности могла вселить в персидском общественном сознании уверенность в абсолютной безупречности бригады в денежных делах²². С целью упорядочения финансового вопроса в 1910 г. была организована проверка суммы комиссией, состоящей из офицеров бригады, точно так же, как это было принято в русской армии. С этого года командиром бригады в Главное управление Генерального штаба передавалась справка о доходах и расходах бригады. Несмотря на все это, ни справки, ни ежегодные финансовые отчеты не давали полную картину ее финансового положения²³.

Менялись кабинеты министров и в меджлис вносились различные проекты военной реформы. В июле 1910 г. новый состав кабинета министров Ирана представил меджлису свою программу, один из основных пунктов которой касался реорганизации армии. Согласно программе, в столице должна была быть организована 7-тысячная армия европейского типа и 20–30-тысячная армия для охраны порядка в провинциях²⁴. Однако этой программе, как и другим подобным проектам конституционного правительства, в результате явного и скрытого противодействия со стороны царской России

---

⁴² Следует заметить, что обвинения в финансовых злоупотреблениях командиров бригады не были беспочвенны. Достаточно вспомнить о нелицеприятных историях, связанных с финансовыми нарушениями Косооговского и Чернозубова.

⁴³ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7700, л. 294 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7700, л. 493 об.–494.

⁴⁶ *Сборник дипломатических документов*. Вып. V (с 1 июля по 31 декабря 1910 г.). СПб., Типография В.Ф. Киршбаума, 1912 г., с. 29, 33.

и Англии не было суждено осуществиться. Борьба в столице внутри самого конституционного лагеря не давала возможности правительству приступить к осуществлению разработанных им планов по переустройству армии. Конституционалисты, которые раньше требовали в меджлисе упразднения Персидской казачьей бригады, теперь, напуганные углублением революционного процесса, для подавления левых сил, в частности для разоружения фидасев, за помощью обратились... к русскому полковнику бригады. Однако Вадбольский, приняв во внимание ожидаемую реакцию со стороны населения, отказал им²⁵. Этот случай еще раз доказал, что бригада пользовалась полной независимостью от иранского правительства. На самом деле непосредственный контроль над бригадой осуществляла русская дипломатическая миссия, которая в основном выступала в роли посредника между командиром казачьей бригады и иранским правительством²⁶.

Вновь большое значение стала приобретать бригада после разгрома конституционной революции в ноябре 1911 г., когда русские войска вошли в Иран и тем самым положили конец деятельности иранского меджлиса. В 1911 г., по сообщению Ибрахима Теймури, русское правительство вынудило Иран дать согласие на формирование в Тавризе крупной казачьей воинской части численностью 800 человек²⁷. По вопросу о будущем Персидской казачьей бригады состоялся обмен мнениями между военным министерством и Министерством иностранных дел России. Оба министерства проявили заинтересованность не только в сохранении, но и увеличении ее численного состава. В секретном письме 19 марта 1912 г. от имени военного министра Александр Поливанов писал министру иностранных дел С. Сазонову: «...Исключительное ее (бригады. — *Н. Тер-Оганов*) значение как важного орудия нашей политики в Персии было установлено

---

⁴⁷ Там же, с. 35–36. 25 июля 1910 г. правительственные войска разгромили отряды фидасев Сагтар-хана и Багир-хана (300 человек) в парке Атабека. См.: *Сборник дипломатических документов*. Вып. V, с. 46.

⁴⁸ См.: *Сборник дипломатических документов*. Вып. VII (с 1 июля по 31 декабря 1911 г.). СПб., 1913 г., с. 154.

⁴⁹ Теимури Ибрахим. Асп-е бихабари иа тарих-е эмтиазат дар Иран, с. 311–312.

межведомственной перепиской и особыми совещаниями 1910–1911 гг. по возбужденным тогда вопросам о необходимости увеличения численности и улучшения материального положения чинов Персидской казачьей бригады»²⁸.

В российском военном министерстве полностью разделяли мнение посланника о необходимости увязки вопроса о предоставлении русского займа Ирану с вопросом об увеличении численного состава бригады. Вместе с тем ставился вопрос об уравнивании прав персидских казаков с жандармами²⁹ в плане материального вознаграждения³⁰. Между прочим, еще 3 января 1911 г. в своем письме на имя министра иностранных дел военный министр указывал на то, что бригада смогла бы выполнить важную политическую задачу лишь в том случае, «если она будет стоять на должной высоте, а жалкое ее состояние может привести лишь к отрицательным результатам, дискредитируя наше дело в Персии»³¹. По мнению военного министра, следовало бы достичь абсолютного превосходства бригады над всеми остальными воинскими частями иранской армии. «Достигнуть же этого, — писал военный министр, — при существующей системе комплектования персидской казачьей бригады вольнонаемными нижними чинами, возможно прежде всего лишь привлечением на службу в нее лучших элементов достаточным материальным обеспечением; без установления такого обеспечения, которое действительно могло бы привлечь в нее лучших людей, все остальные мероприятия для поднятия состояния и значения бригады, в том числе и увеличение ее численного состава, по моему мнению, не приведут к желательным результатам, так как нашим инструкторам придется по-прежнему мириться с оставлением на службе в бригаде заведомо негодных элементов»³².

²⁸ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7707, л. 335 об.

²⁹ Финансовая, или шведская, жандармерия была организована по инициативе американского финансового советника Моргана Шустера в 1911 г.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 336.

Принимая во внимание предложение Вадбольского о необходимости введения полной финансовой отчетности бригады, Министерство иностранных дел России предложило Отделу генерал-квартирмейстера возложить заведование денежной частью казачьей бригады на офицера-интенданта. Со своей стороны, МИД России даже допускал возможность передачи финансового отчета бельгийцу Моранду³³. Однако как выясняется из сообщения и.о. генерал-квартирмейстера на имя начальника Генерального штаба от 20 марта 1915 г., вопрос о финансовой отчетности бригады так и не был положительно решен: «В распоряжение Заведующего обучением персидской кавалерии ежегодно ассигнуется персидским правительством определенная бюджетом сумма, и этими деньгами он распоряжался с 1876 (должно быть, с 1879 г. — *Н. Тер-Оганов*) до 1910 года совершенно бесконтрольно, не представляя никому никаких отчетов»³⁴. Несмотря на создание финансовой комиссии бригады, по признанию самого и.о. генерал-квартирмейстера: «...из представленных ежемесячно ведомостей невозможно вывести какие-либо заключения о правильности и целесообразности ведения хозяйства и расходовании сумм бригады; по этим ведомостям может быть лишь проверена правильность подведения итогов и сделано заключение о наличии денег к концу месяца...»³⁵

Уже в декабре 1911 г. шахское правительство разрешило войсковому старшине Блазнову, который в ту пору с двумя казачьими сотнями находился в Тавризе, включить в состав бригады 200 местных жителей³⁶. В политических планах русского правительства входило дальнейшее увеличение казачьей части, расположенной в Тавризе. Проект сметы содержания казачьей бригады в увеличенном составе, с особым отделом в 20 офицеров и 642 казаков для постоянного пребывания в Азербайджане, составленный генералом Вадбольским, был представлен россий-

³³ Там же, л. 294–294 об.

³⁴ Там же, л. 493 об.

³⁵ Там же.

³⁶ *Сборник дипломатических документов*. Вып. VII, с. 396.

ским посланником в его ноте от 14 июня 1912 г. на имя министра иностранных дел Ирана. В ноте было сказано, что учреждение такого отряда было определено еще при назначении генерал-губернатором Азербайджана Сепакдара, на что в свое время иранское правительство дало согласие. «Вследствие сего, — писал посланник, — имею честь покорнейше просить Ваше Высочество приказать теперь же открыть, согласно прилагаемой смете, кредит на формирование Азербайджанского отдела бригады и приглашение для этой цели двух русских офицеров и 4 русских урядников и о результате не отказать меня уведомить»³⁷. Требуемая ежегодная сумма для содержания такого отряда выглядела в цифрах следующим образом: на содержание офицеров, казаков и лошадей — 83 700 туманов, все остальные расходы — 27 500, жалованье русских инструкторов — 8556, что в сумме составило 119 756 туманов³⁸.

Как следует из дипломатической переписки «О политическом положении в Персии» за 1913 г., к весне этого года в Азербайджане уже функционировал Тавризский отряд Персидской казачьей бригады под командованием войскового старшины Блазнова. Ружья в количестве 570 единиц, а также 150 тыс. патронов к ним были отпущены для отряда из тифлисского артиллерийского склада³⁹. По замыслу российских властей, расширение сети отрядов Персидской казачьей бригады было необходимо для замены русских воинских частей, находившихся в тот момент на территории провинции Азербайджан. Как сообщал в своем доносении Е. Саблин: «Намеченным путем мы могли бы постепенно подготовить твердые основания к водворению правопорядка в нашей сфере, не нанося ни малейшего ущерба идее персидской независимости и не давая нашим политическим друзьям (англичанам. — *Н. Тер-Оганов*) и соседям — повода обвинять нас в поступательных помыслах»⁴⁰. Тем не менее, положение в Пер-

³⁷ РГВИА, ф. 2000, д. 7700, л. 143.

³⁸ См.: РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7700, л. 143–143 об.

³⁹ См.: ЦГИА Грузии, ф. 15, оп. 1, д. 372, л. 188 об.–196.

⁴⁰ ЦГИА Грузии, ф. 15, оп. 1, д. 370, л. 267–267 об.

сидской казачьей бригаде оставляло желать лучшего. Так, в своей докладной записке исполняющий обязанности второго драгомана российской миссии Юрий Романовский, при сравнении положения бригады с положением жандармерии, пришел к неутешительному заключению, которое состояло в том, что «Казачья бригада, по многим причинам, не удовлетворяла нуждам Персидского правительства». Среди них, по мнению автора докладной записки, главными были: «1. Не прямая подчиненность ее русского начальства иранскому правительству. 2. Дороговизна мобилизации бригады. 3. Необходимость для правительства постоянно считаться с двусмысленным положением русских инструкторов. 4. Надобность в предварительных (и часто весьма долгих) дипломатических переговорах при намерении командировать ее части. 5. Наблюдающаяся за последнее время тенденция ее нижних чинов к критике действий персидского правительства, что породило трудно исправимое взаимное недоверие»⁴¹.

Изменившаяся политическая ситуация в Европе, резко обострившаяся в результате англо-германских противоречий, и рост взаимопонимания между Россией и Англией диктовали сторонам компромисс. Создание стабильной ситуации в Иране входило во внешнеполитические планы как России, так и Англии. Как сообщал товарищ министра иностранных дел России от 2 июля 1913 г. в Главное управление Генерального штаба, «политические интересы наши требуют, чтобы Персия вышла, наконец, из нынешнего ее состояния плохо скрытой анархии и полного государственного бессилия. Нужно, чтобы Персия представляла достаточно силы для придания устойчивости своему государственному организму и поддержания неприкосновенности ее территории. Таков общий характер политики, принятой императорским правительством по отношению к Персии, в согласии с дружественным нам Великобританским правительством...»⁴² В военно-политических кругах России стали активно обсуждать вопрос о дальнейшем усилении Персидской казачьей бригады,

⁴¹ Там же, л. 271 об.–272.

⁴² РГВИА, ф. 2000, д. 7707, л. 269–269 об.

о чем было поставлено в известность английское правительство. В своей телеграмме посланнику в Тегеране И. Я. Коростовцу министр иностранных дел России С. Д. Сазонов от 3 марта/18 февраля 1914 г. указывал на необходимость (ввиду наметившегося ухода Казвинского отряда из Ирана) ускорить формирование Гилянского отряда бригады⁴³. В своей памятной записке российскому посланнику министерство иностранных дел Ирана выражало свое неудовольствие тем, что, несмотря на удвоение численного состава Тавризского отряда, а также увеличение «весьма скромного бюджета бригады» почти до двух куруров туманов (1 000 000), Персидская казачья бригада не оправдала надежд иранского правительства. «Всякий раз, — читаем в записке, — как правительство предъявляло требование на какую-либо казачью часть, чтобы возложить на нее какое-нибудь поручение, бригада под различными предложениями отказывалась выполнять приказания правительства. Сверх того, со времени учреждения главного казначейства, которое должно централизовать доходы и расходы государства, бригада не представила соответствующим учреждениям никакой сметы и отвергла контроль над своей отчетностью со стороны финансовых агентов правительства»⁴⁴. Она также не представляла на одобрение иранского правительства контракты, заключенные со своими офицерами, и на практике просто игнорировала распоряжения военного министра, которому она была подчинена лишь формально. Принимая во внимание реальный статус бригады, а также ссылаясь на стесненное финансовое положение страны, министерство иностранных дел Ирана заявляло, что «...в настоящее время правительство не может согласиться на новое увеличение состава казачьей бригады»⁴⁵.

Иранское правительство всячески противилось усилению бригады и противопоставляло ей шведскую жандармерию. Как вид-

---

⁴³ *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств*. Серия III, том I, Москва — Ленинград, 1931 г., с. 301.

⁴⁴ Там же, с. 304–305.

⁴⁵ Там же, с. 305.

но из телеграммы русского посланника Коростовца министру иностранных дел от 22/9 марта 1914 г., иранское правительство предполагало увеличить жандармерию до девяти тысяч человек. В связи с этим, на встрече с премьер-министром Восук од-Доуле Коростовец заявил, что ввиду предполагаемого увеличения жандармерии русская сторона также будет настаивать на увеличении бригады, по крайней мере, до шести тысяч человек. Восук од-Доуле возражал и вместе с тем требовал сохранения жандармов и в зоне русского влияния на севере страны. Он просил реорганизовать бригаду и определить заблаговременно пункты расположения отдельных ее отрядов. В ответ на это Коростовец предлагал российскому военному министерству выступить самому с компромиссным предложением и тем самым не дать иранской стороне «придумывать ограничительные условия». Коростовец сообщил министру иностранных дел, что в случае запроса командир бригады генерал Вадбольский был готов представить свои соображения на этот счет. Кстати, в одном из своих писем Вадбольский предупредил Коростовца, что за планами усиления жандармерии стоит желание шведского правительства ослабить русское влияние в Персии. В связи с этим Вадбольский предлагал четко разграничить сферы деятельности русских офицеров и шведских инструкторов. В русскую сферу должны были войти следующие районы: Урмийский округ, Азербайджанская провинция, Курдистан, Керманшахский, Хамаданский округа, Гилянская провинция, а также Хорасанская провинция до линии Шахруд — Мешхед — Феримун — Кяриз, Мазандеранский, Астарабадский, Казвинский, Тегеранский округа; шведам — весь юг⁴⁶.

Выполнение требований российской стороны по усилению бригады было возможно лишь при условии ее реорганизации и хотя бы формального ее подчинения иранскому военному министру. Кстати, иранская сторона, согласно телеграмме русского министра иностранных дел Коростовцу от 24/11 марта 1914 г., противясь усилению бригады и указывая на ее непопу-

---

⁴⁶ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, том II, Москва — Ленинград, 1933, с. 65–66.

лярность, выдвигала мысль об организации особого корпуса жандармов в северной части Ирана под начальством русских офицеров, при условии, что этот корпус был бы поставлен в одинаковые условия с ныне существующим, т. е. он находился бы в подчинении иранского правительства. Министерство иностранных дел просило Коростовца, «не входя ни в какие переговоры по этому поводу с персами», сообщить свое мнение. В ответной телеграмме от 31/18 марта Коростовец утверждал, что «реорганизация бригады является единственным способом сохранить ее дальнейшее существование и развитие в намеченном нами направлении. По моему убеждению, при реорганизации следует взять основные начала шведской жандармерии...»⁴⁷. Следует отметить, что реорганизацию казачьей бригады Коростовец представлял в виде «превращения ее в жандармерию под руководством русских инструкторов»⁴⁸. Однако этот путь был неприемлем для русской стороны. Ввиду нарастающего давления со стороны как иранского правительства, так и английского, Коростовцу представлялось наиболее приемлемым для сохранения дальнейшего существования бригады реорганизовать ее в виде жандармерии под руководством русских инструкторов⁴⁹.

В Министерстве иностранных дел России не были против такой постановки вопроса, однако там считали необходимыми предварительные сношения с военным ведомством. Следует сказать, что и в военном министерстве видели необходимость в военных преобразованиях Ирана. Причем министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в своем секретном письме на имя военного министра В. А. Сухомлинова от 28/15 марта, определил позицию мид России в отношении будущей военной реформы в этой стране. Он высказался «за противодействие приглашению в Иран военных инструкторов других государств, кроме России, и за сосредоточение в наших руках всего дела реорганизации персидской армии, причем *нынешняя казачья бригада стала бы естественным, уже*

⁴⁷ Там же, с. 82–83.

⁴⁸ Там же, с. 83.

⁴⁹ *Международные отношения в эпоху империализма*, т. II, с. 83.

подготовленным кадром будущей регулярной армии (курсив наш. — Н. Тер-Оганов)⁵⁰. По мнению Сазонова, в первую очередь было необходимо формально подчинить бригаду иранским властям — ведь дело касалось не сущности проблемы, а лишь ее формы. В действительности же командир бригады, как и прежде, продолжал бы полностью находиться под русской властью и выполнять ее указания. Но с другой стороны, благодаря такому подходу можно было удовлетворить самолюбие иранского правительства. Сазонову казалось естественным непосредственное подчинение командира бригады местному военному министру. По его мнению, главное внимание следовало обратить на увеличение численности казачьей бригады, которая к тому времени уже значительно уступала шведской жандармерии.

В условиях значительного усиления жандармерии, когда ее численный состав уже достигал 6000 человек, противостоять ей, по мнению Сазонова, Персидская казачья бригада могла только путем своего дальнейшего развертывания в самом Тегеране, а также учреждением своих отделов в наиболее важных для России провинциях Ирана⁵¹. К тому времени отдел бригады уже существовал в Азербайджане, однако была острая необходимость в учреждении подобных же отделов и в провинциях, входящих в русскую сферу влияния: Курдистане, Гиляне, Мазандеране и Хорасане. Ускорение данного процесса, по мнению Сазонова, могло выбить почву из-под ног иранского правительства, настаивавшего на распространении военно-полицейских функций жандармерии и на севере страны. Особое внимание военный министр Сазонов обратил на необходимость увеличения численности русского офицерского и унтер-офицерского корпуса бригады, поскольку, согласно мнению российских дипломатических представителей, число русских офицеров в бригаде было недостаточным⁵². В противовес русским интересам,

⁵⁰ Там же, с. 84. Кстати, эта идея была позднее озвучена англичанами, а превращена в жизнь — будущим военным министром Ирана Реза-ханом.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

согласно сообщению Коростовца от 22/9 апреля 1914 г., иранское правительство, напротив, предполагало уменьшение состава казачьей бригады наполовину⁵³. В ответ на это сообщение Коростовца, товарищ министра иностранных дел в своей телеграмме писал: «Всякому поползновению шахского правительства посягнуть на казачью бригаду вам надлежит дать самый решительный отпор, заявив, что мы сочли бы это враждебным нам актом и что это сделало бы невозможным отозвание наших войск из Персии. В начале будущей недели состоится совещание относительно реорганизации бригады»⁵⁴. Намеченное заседание по вопросу реорганизации казачьей бригады состоялось у генерал-квартирмейстера 27/14 апреля 1914 г. В работе этого совещания от Министерства иностранных дел принимал участие и заведующий Отделом Среднего Востока В. Клемм⁵⁵.

Естественно, что Англия, которая всегда была противником бригады, не могла позволить ей дальнейшее расширение. В связи с этим в памятной записке английского посольства в Петербурге на имя министра иностранных дел от 27/14 апреля 1914 г. говорилось следующее: «Правительство Его Величества считает, что оно не может ни при каких условиях поддерживать представление русского правительства в Тегеране по поводу сохранения или увеличения казачьей бригады при теперешней ее организации, позволяющей русским офицерам отказываться от признания над собою власти персидского военного министерства и претендовать на то, что они являются слугами только императора России, и не признают поэтому никакой другой власти»⁵⁶.

Россия, считая северный Иран своей зоной влияния, была намерена полностью вытеснить из нее шведскую жандармерию, поэтому иранское правительство было не на шутку встревожено этим намерением русских. Оно указывало, что казачья бригада выпол-

⁵³ Там же, с. 368.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств*, серия III, 1914–1917 гг., том I, 14 января — 4 августа 1914 г. М., 1931 г., с. 319–320.

няла военные операции и несла гарнизонную службу, в то время как жандармерия занималась охраной дорог, и следовательно, нельзя было заменять шведскую жандармерию русской бригадой. По мнению иранских властей, такой недружественный шаг со стороны России можно было бы расценить как «шаг к разделу Персии, что побудило бы английскую миссию потребовать того же для Юга»⁵⁷. Тем временем, как стало известно из доверительной беседы с иранским дипломатическим представителем в Петербурге Исаак-ханом, Восук од-Доуле высказал намерение подчинить жандармерию непосредственно военному министру, на пост которого он намеревался назначить своего брата Кавам ос-Салтане. Хотя Министерство иностранных дел России не имело ничего против этого назначения, однако оно выступило категорически против подчинения жандармерии военному министру. В этой связи в своей телеграмме Коростовцу заведующий Отделом Среднего Востока Клемм ставил его в известность, что жандармерия представляет собой полицейскую часть и, следовательно, должна находиться в ведении министерства внутренних дел. Российская сторона упрекала жандармерию в том, что она хотела взять на себя военные функции, чего, по мнению Клемма, нельзя было допустить. Со своей стороны, иранский дипломатический представитель обещал Клемму довести позицию российской стороны до сведения своего начальства⁵⁸.

Касаясь позиции российской стороны, министр иностранных дел в письме от 18/5 мая 1914 г., адресованном на имя посла в Лондоне Бенкендорфа и посланника в Тегеране Коростовца, писал следующее: «Мы продолжаем стоять на той точке зрения, что жандармерия не должна иметь ничего общего с армией, а должна служить исключительно полицейско-административной силой, а потому и оставаться в ведении министерства внутренних дел»⁵⁹. По сообщению министра иностранных дел, начальник иранской жандармерии швед Яльмарсен, находившийся тогда в отпуске в Санкт-Петербурге, выражал свое согласие с россий-

⁵⁷ Там же, с. 201.

⁵⁸ Там же, с. 482.

⁵⁹ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия IV, т. 3, с. 20.

ской позицией по данному вопросу. В письме также сообщалось о том, что разрабатывался проект реорганизации казачьей бригады в такой форме, что ее дальнейшее увеличение не должно было встретить возражения со стороны иранского правительства, тем более что бригада уже находилась в подчинении военного министерства Ирана. Одним словом, Россия была против превращения жандармерии в воинскую часть и в то же самое время настаивала на увеличении численного состава бригады.

Следует заметить, что весной 1914 г. был наконец-то отозван на родину находившийся в Казвине российский отряд, что произвело положительное впечатление на английскую сторону. Однако, как предупреждал Сазонова в своем письме от 20/7 мая 1914 г. российский посол в Лондоне Бенкендорф, «значительное расширение или увеличение казачьей бригады встретит очень сильную оппозицию. Она уже заметна в палате. Даже консерваторы против такого расширения. За этим исключением дело при некотором усилии двинется. Мне известно, что Грей сказал в Париже, что затруднения в Персии, в конечном итоге, должны разрешиться»⁶⁰. Однако не все складывалось так, как того хотели российские власти. Совет министров Ирана, согласно телеграмме посланника в Тегеране в министерство иностранных дел от 29/16 мая 1914 г., принял решение сохранить статус-кво бригады до созыва меджлиса. Это было равнозначно отказу. Таким образом, вопрос о бригаде должен был решиться в законодательном порядке, тогда как вопросы, связанные с жандармерией, улаживались путем простого соглашения министров иностранных и внутренних дел с главным казначеем страны. Такой подход к этим вопросам свидетельствовал о негативной позиции иранского правительства в отношении бригады. Российская сторона полагала, что при таком положении дел следовало представить иранской стороне проект реорганизации Персидской казачьей бригады и вместе с тем поставить вопрос о жандармерии, подписав с англичанами соглашение, которое давало бы право вето на переговорах о бригаде⁶¹.

⁶⁰ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, том 1, с. 41.

⁶¹ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 3, с. 441.

Между тем ситуация накалилась настолько, что, согласно сообщению Коростовца, иранское правительство стало размышлять о сокращении состава бригады⁶². В преддверии войны, учитывая негативное отношение иранского правительства к Персидской казачьей бригаде, в русских политических кругах был поднят вопрос о необходимости коренного пересмотра как внутреннего строя бригады, так и ее отношения к иранскому правительству и о ее формальном подчинении последнему. Следует напомнить, что вопрос о будущем статусе Персидской казачьей бригады стал одним из основных вопросов русской военной политики в Иране перед началом Первой мировой войны⁶³.

Стремление России увеличить численный состав бригады наталкивалось на серьезную оппозицию внутри английского парламента, вместе с тем в преддверии мировой войны Россия не была заинтересована в обострении отношений с будущей своей союзницей. В свою очередь, как видно из письма Бенкендорфа Сазонову от 20/7 мая 1914 г., увеличение состава казачьей бригады могло встретить очень сильную оппозицию в английском парламенте, что, конечно, при надвигавшейся войне не было на руку России. Согласно телеграмме Сазонова Коростовцу, какие-либо разногласия «на почве персидских дел ныне совершенно недопустимы»⁶⁴. С другой стороны, и иранское правительство во главе с Восук од-Доуле, видя категорическое несогласие российской стороны относительно деятельности жандармерии, предложило компромиссный вариант решения этой проблемы — иранское правительство стало проявлять терпимость к идее одновременного увеличения и реорганизации бригады⁶⁵. Для ознакомления с положением бригады, а также для выработки совместно с российским посланником в Тегеране проекта новой организации Персидской казачьей бригады, как сообщал советник 3-го политического от-

⁶² Там же, с. 368.

⁶³ Там же, с. 394.

⁶⁴ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 5, Москва — Ленинград, 1934, с. 255.

⁶⁵ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 4, 1931, с. 102.

дела посланнику в Тегеране в своей зашифрованной телеграмме от 17/4 июля 1914 г., в скором времени должен был выехать в Тегеран генерал-майор Генерального штаба. Было решено также, что после утверждения данного проекта в Петербурге следовало заменить Вадбольского, тогдашнего командира бригады, другим, который должен был повести дело на новых началах⁶⁶.

Для сохранения существующей ситуации, не желая дальнейшего обострения англо-русских отношений, по мнению обеих сторон, следовало создать такую однородную военную силу, которая смогла бы охранять порядок внутри страны и вместе с тем избавила бы стороны от содержания своей дорогостоящей военной силы в Иране. С этой точки зрения, по мнению русской стороны, лучшей возможности, чем расширение Персидской казачьей бригады на всем севере Ирана, не существовало.

Однако надвигающаяся война внесла свои коррективы в русско-английские отношения, что коснулось и Персидской казачьей бригады. В резко изменившейся ситуации советник 3-го политического отдела в своей телеграмме (от 31/18 июля 1914 г.) в Тегеран посланнику Коростовцу сообщал следующее: «Министр [иностранн дел] поручил мне просить вас снабдить указаниями наших консулов [в] Персии всемерно избегать ныне каких-либо трений с английскими коллегами. При настоящих обстоятельствах, быть может, накануне серьезной войны, когда содействие Англии нам так ценно, какие-либо запросы парламента о наших действиях в Иране были бы крайне некстати. Клемм»⁶⁷. Тем не менее, Клемм занял жесткую позицию по вопросу вывода русских войск из Ирана, на что не раз указывали представители английского правительства. В своем письме на имя военного министра он решительно высказался против вывода русских войск из Ирана⁶⁸.

⁶⁶ Там же, т. 4, с. 319.

⁶⁷ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 5, 1914–1917 гг. Москва — Ленинград, 1934, с. 293.

⁶⁸ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 5, ч. I, 1935, с. 35.

ГЛАВА X

АНГЛО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНИЕ. ПЕРСИДСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОПРОС О ШВЕДСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ

После начала Первой мировой войны в ноябре 1914 г. Иран объявил о своем нейтралитете¹, однако, с одной стороны, Россия и Англия, а с другой — германо-турецкий блок растоптали его. Активные военные действия турок и германских агентов в северной, западной и южной частях Ирана, а также мощные антибританские выступления иранских племен, спровоцированные германской агентурой на юге, создали реальную опасность господству России и Англии в этой стране.

Следует отметить, что еще в предвоенные годы позиции Германии в зоне русского влияния, в том числе и в Азербайджане, стремительно крепили и расширялись. Под влиянием немцев оказалась и так называемая шведская жандармерия. Как известно, вопрос о создании особых жандармских частей для охраны дорог возник еще в феврале 1910 г. Англия и Россия дали тогда свое согласие на создание этих частей. Вместе с тем они выдвинули усло-

---

¹ Касаясь отношения иранских властей к войне, Дж. Ленчовски метко заметил, что «хотя Иран официально оставался нейтральным, однако эмоционально — прогерманским». См.: G. Lenczowski. *Persia and the West in Iran, 1918–1948*, p. 5.

вие иранскому правительству, согласно которому ему следовало использовать часть займа, которую намеревались ему передать, для организации специальных подразделений по обеспечению безопасности путей сообщения². Несмотря на то что иранское правительство приняло предложение этих стран, тем не менее, оно при формировании этих частей не обратилось к ним за помощью. Выбор персов пал на Швецию.

В январе 1911 г. меджлисом был утвержден правительственный план создания жандармерии под руководством шведских офицеров, а в феврале того же года был подписан контракт о приглашении трех шведских офицеров, которые прибыли в страну в августе 1911 г.³ Летом — осенью 1911 г. еще не была четко определена численность жандармерии, предполагалось, что будет задействовано 7000 человек. Вместе с тем, по сообщению русских дипломатических и военных представителей, финансовый советник иранского правительства американец Морган Шустер требовал увеличения жандармерии до 12–13 тыс. человек. После отъезда Шустера из Ирана англичане начали оказывать влияние на жандармерию и обострять ее отношения с казачьей бригадой. И когда в конце 1913 — начале 1914 г. шведские офицеры стали действовать независимо и проявлять симпатии к немцам, это взбудоражило англичан. Причем жандармерия была вооружена немецким оружием.

Стремительный рост численного состава жандармерии к началу Первой мировой войны привел к тому, что под командованием шведских офицеров находилось в общей сложности 6 тыс. человек. Поскольку иранское правительство не принимало во внимание требование царского правительства об ограничении функций и районов дислокации жандармерии, то единственный выход для ее нейтрализации русские видели в дальнейшем усилении казачьей бригады. Вместе с этим была окончательно отклонена мысль об эвакуации русских войск из Ирана, о чем не раз

---

² Истягин Л. Г. *Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны*. М., 1979, с. 196–197.

³ Там же, с. 197.

доводили до сведения иранского правительства⁴. Нахождение русских войск в условиях, когда Иран объявил о своем нейтралитете, совершенно справедливо воспринималось иранским правительством как нарушение объявленного им нейтралитета. Оно считало желательным вывод этих войск с территории Ирана, оговариваясь при этом, что «ввиду начала военных действий в Азербайджане, не настаивает на этой провинции и подразумевает уход войск из Мазандерана и Хорасана»⁵, которые находились далеко от фронта военных действий.

Посланник Коростовец считал, что жандармерия представляла собой антирусски настроенный элемент, который, несмотря на безденежье, развивался и все более проникал на север — в зону русского влияния. Так, например, шведы, под видом организации полиции, появились даже в Реште. Но что особенно беспокоило посланника, было то, что шведские офицеры, являясь «крайними германофилами», занимались распространением заведомо ложных и невыгодных для российской стороны сведений. Как бы в подтверждение этого посланник привел факт продолжения службы отслуживших в жандармерии офицеров в германской армии⁶. Чтобы нейтрализовать влияние бригады, возникший в Куме еще в ноябре 1914 г. Комитет спасения, которым руководили немцы, старался представить себя в качестве национального правительства и создать схожую с казачьей бригадой военную часть. В такой ситуации значение Персидской казачьей бригады для русского правительства заметно возросло. На помощь бригаде, оказавшейся после начала войны в затруднительном финансовом положении из-за прекращения денежных поступлений с северных таможен Ирана, пришло царское правительство, которое и взяло на себя содержание всей бригады. Согласно сообщению английского посланника сэра Уолтера Таунли главе мид Великобритании Эдуарду Грею, начиная с 14 ноября 1914 г. рус-

⁴ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 6, ч. 2, 1935, с. 199.

⁵ Там же, с. 123.

⁶ Там же, с. 155.

ское правительство начало ежемесячно ассигновать на содержание бригады 4850 руб., считая, что в дальнейшем эти деньги будут возвращены России иранским правительством⁷.

На фоне все усиливавшегося влияния германо-турецкого блока, а также германской пропаганды во внешнеполитических ведомствах Англии и России считали, что им следовало понизить уровень англо-русских противоречий в Иране. Российский посланник Иван Яковлевич Коростовец был ярким противником английского влияния в Иране, чего он и не скрывал. Об этом писал в своих записках и капитан Смирнов. «Чем хуже — тем лучше» — таков был лозунг Коростовца, который не мог служить в изменившейся политической обстановке путеводителем русской внешней политики в Иране⁸. В ситуации, когда Германия ломилась в Иран, Англия и Россия решили мирно разрешить двусторонний конфликт и отозвать из Ирана своих строптивых посланников⁹. Также «мирно» решили они вопрос о принадлежности нейтральной зоны в Иране. За нее Англия была готова передать России черноморские проливы. Таким путем, как справедливо замечает Дж. Ленчовски, Великобритания показала, насколько высоко ставила она вопрос о безопасности Индии и Ирана над ожидаемым контролем России над проливами¹⁰. В марте 1915 г. стороны подписали соглашение о разделе нейтральной зоны Ирана. До начала войны и до отзыва английского и русского посланников из Тегерана обе стороны продолжали ставить друг другу палки в колеса, но после этого соглашения и смены посланников появилось большее взаимодействие между ними. Следовательно, иранская сторона, которая искусно использовала начиная с начала Конституционного движения противоречия между сторонами для сохранения своей государственности,

⁷ Townley to Grey, 28 December 1914, FO371/2077/87668 — in: S. Cronin. *The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, L. — N. Y., 1997, p. 65.

⁸ Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха/1907–1914 годы*, с. 41.

⁹ Там же.

¹⁰ Lenczowski G. *Russia and the West in Iran. 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry*. Ithaca: Cornell University Press, 1949, p. 44.

в настоящий момент была разочарована тем, что ненавистные ей государства действовали уже в унисон¹¹.

В середине апреля 1915 г. Коростовец покинул Иран. Ему на замену 4 мая/21 апреля 1915 г. в ранге посланника прибыл Н. С. фон Эттер¹². Он приехал в Иран в то время, когда «германо-турецкие интриги» с каждым днем усиливались, чему во многом способствовал беспрепятственный ввоз в Тегеран золота и оружия для немцев¹³. Немцы проводили вербовку среди местного населения и вооружали его. По мнению фон Эттера, Персидская казачья бригада была слишком малочисленна для оказания им серьезного сопротивления. Поэтому он ждал военной помощи от расквартированных в Казвине русских войск. В российской миссии высказывали серьезное опасение по поводу того, что своими действиями Германия могла приобрести в лице Ирана «нового мусульманского союзника»¹⁴. Шансы Германии были очень велики, если учесть, что весной 1915 г. ведущие богословы Неджефа подписали документ, призывавший иранский народ к началу «священной войны» против англичан и русских¹⁵.

По признанию командира казачьей бригады, к весне 1915 г. «немцы и турки стали настоящими хозяевами положения и распорядителями судьбы Персии. Поставив в городах искусных эмиссаров, самозванно объявивших себя германскими консулами, тратя несметные, громадные суммы денег на подкуп, германцы имели на своей стороне министров, депутатов меджлиса, духовенство и провинциальную администрацию. Исполнительная

---

¹¹ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 8, ч. 1, 1935, с. 121.

¹² Сделать такое заключение позволяют нам даты донесений Коростовца в Петербург. Одно из последних его донесений датировано 4 апреля/22 марта. До своего назначения на пост посланника в Тегеране фон Эттер служил в Лондоне в ранге поверенного в делах. И. Я. Коростовец. «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам», с. 104.

¹³ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 7, ч. 2, с. 386.

¹⁴ Там же, с. 400.

¹⁵ Hale F. *From Persian Uplands*. New York: E. P. Dutton and Company Publishers, 1920, p. 63.

власть в жандармерии быстро стала послушным орудием в их руках. Одна казачья бригада оставалась верна своему служебному долгу и представляла для германо-турок грозную, враждебную силу»¹⁶.

Поставив своей целью бескомпромиссную борьбу против казачьей бригады, германо-турецкий блок усилил против нее свою агитацию. Следует заметить, что германская агитация велась не только в самом Иране, но также из-за рубежа. Тяготение лидеров национального движения в Иране к сближению с Германией, особо усилившееся с началом Первой мировой войны, нашло отражение в деятельности Демократической партии этой страны в Германии. Еще до начала войны, находясь в Нью-Йорке, видный деятель Конституционного движения в Иране Хасан Таги-заде вместе со своими единомышленниками был завербован германскими агентами для ведения агитационной работы против стран Антанты на Ближнем Востоке. «Работа» Таги-заде была нацелена на втягивание Ирана в войну на стороне центральных государств. Прибыв в Германию в январе 1915 г., он собрал вокруг себя видных деятелей национального движения. Самым значительным достижением агитационной деятельности Таги-заде можно считать публикацию в Берлине с 1916 г. журнала «Каве», сыгравшего большую роль в деле развития национального самосознания в Иране. Журнал нашел самое широкое распространение в иранской диаспоре в Османской империи, Индии, а также в Иране¹⁷. Журнал внес свой вклад также в дело разоблачения колониальной сущности Персидской казачьей бригады. Следует заметить, что на волне германских успехов в Европе тегеранская пресса становилась все более равнодушной к ней, без конца восхваляя кайзера и турок¹⁸.

Весной 1915 г. офицеры и казаки бригады докладывали о попытках немцев подкупить их и заставить откровенно действовать против русских инструкторов или же перейти в жандармерию,

¹⁶ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 7, ч. 2, с. 400.

¹⁷ См.: Marashi Afshin. *Naturalizing Iran: Culture, Power and the State*, p. 52–54.

¹⁸ Hale F. *From Persian Uplands*, p. 65.

служба в которой лучше оплачивалась. Чтобы обезвредить немецкую пропаганду, командир бригады устроил продолжительные, четырехмесячные лагерные сборы. Тем самым ему удалось временно изолировать бригаду от внешнего мира и таким образом обезвредить вражескую пропаганду. Крайняя активность немецкой агентуры в Иране, а также непрекращающиеся командировки немецких офицеров, отправка оружия, пулеметов и снарядов в Исфаган, согласно телеграмме Сергея Дмитриевича Сазонова посланнику в Тегеране фон Эттеру от 1 июля/18 июня 1915 г., стали приобретать тревожный характер. Все это начало серьезно беспокоить российский мид, где никак не могли выяснить конечную цель сосредоточения немецких сил в Исфагане. Однако, зорко следя за происходящими событиями, там стали предполагать, что все это могло указывать на подготовку вооруженной экспедиции. В связи с этим Сазоновым выдвигалась мысль о возможном наступлении на Тегеран с целью захвата миссий союзников, с последующим втягиванием Ирана в войну против них. «Иначе, — писал Сазонов, — было бы трудно объяснить широкие размеры приготовлений». Российский министр иностранных дел советовал посланнику фон Эттеру обсудить этот вопрос с английским посланником сэром Чарлзом Муррей Марлингом¹⁹. Между тем в Исфагане находилось до 300 немцев, а в Ширазе примерно 70. Ситуацию осложняло и то, что в результате немецкой агитации бахтиарские и кашкайские племена стали присоединяться к немцам²⁰.

Тем временем активизировались и шведские офицеры жандармерии. Согласно телеграмме фон Эттера от 17/4 сентября 1915 г. министру иностранных дел, жандармские части, расположенные в западных провинциях страны, по указанию своих шведских офицеров стали стягиваться к Тегерану «под предлогом давления на правительство для получения жалованья». По мнению посланника, сосредоточение в Тегеране 5–6 тыс. жандармов мог-

¹⁹ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 8, часть 1, с. 260.

²⁰ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, том 8, часть 2, 1935, с. 12.

ло быть весьма опасным. По этому поводу посланник выразил уверенность в том, что шведские офицеры действовали «под внушением германской миссии». Угроза похода жандармских частей на Тегеран была серьезно воспринята и английской стороной. В связи с этим английский посланник получил указание потребовать от иранского первого министра немедленной остановки движения жандармов. Русско-английский демарш оказал воздействие на иранское правительство. Согласно фон Эттеру, по этому поводу министру иностранных дел Ирана пришлось сделать самое строгое замечание майору Эдвалю за его самовольный поступок²¹.

Между тем, как сообщало английское посольство, число немецких агентов в Иране стало заметно расти, что сопровождалось ввозом в страну большого количества оружия. По оценкам английской миссии в Тегеране, в стране действовали, по меньшей мере, 60 немцев, около 50 турок и 250 бежавших австрийских военнопленных. Кроме этого, в Иран продолжали приезжать немцы. «Неприятельские силы, — по сообщению английского посланника в Тегеране, — находящиеся уже в Персии, снабжены ружьями, семью или восемью пулеметами, бомбами и т. д.»²² Согласно слухам, в распоряжении немецкого консула на жалованье находились 300 кочевников, во главе которых стояли немцы. На этот раз английский посланник в Тегеране стал признавать, что на жандармерию, так же как и на полицию, нельзя было положиться. Согласно английскому посланнику, обстановка настолько накалилась, что российский посланник фон Эттер был вынужден обратиться в Петроград за разрешением прислать в Тегеран находившийся в Казвине казачий полк²³.

Для закрепления своих позиций в Иране немцы стали предлагать иранскому правительству программу создания новой воинской части, которая состояла бы из 7 тыс. человек, из которых 5 тыс. должны были быть сосредоточены в Тегеране и по тыся-

²¹ Там же, с. 319.

²² *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, 1937, с. 2.

²³ Там же, с. 3.

че человек в Хамадане и Керманшахе. Офицерский состав этой части следовало укомплектовать из воспитанников Константинопольской военной школы.

Однако немецкая военная программа, инициатором которой, как выясняется, был немецкий «самозванный консул» в Салтанабаде — Шюнеман, не была одобрена правительством Мостоуфи оль-Мамалека²⁴. Российская сторона также высказала свое негативное отношение к немецкой программе²⁵. Как сообщал Сазонов 30/17 октября 1915 г. заместнику на Кавказе, в результате деятельности германо-турецких агентов «симпатии многих персидских государственных людей, в том числе самого шаха, а в особенности националистов и демократов, давно уже на стороне наших врагов»²⁶. Германофильская ориентация многих государственных деятелей Ирана и самого Солтан Ахмад-шаха, а также националистически настроенных кругов, конечно, не могла не сказаться на положении Персидской казачьей бригады. Как выясняется, кроме Тегерана, агитация против бригады велась и в других пунктах расквартирования ее отрядов. В частности, такая агитация велась против Курдистанского и Хамаданского отрядов бригады. В Курдистанском отряде она не имела успеха. Офицеры и рядовые бригады целыми кипами представляли письма и прокламации, которыми их снабжали из Тегерана. Только в Хамаданском отряде, оставшемся без русского офицера, имел место случай перехода одного офицера и 15 казаков на сторону немцев. Тогда, после нападения на Хамаданский отряд превосходящих сил жандармерии, по настоянию русского консула, во избежание кровопролития, отряд сдал свое оружие, и часть казаков, примерно 50–60 человек, разбежались, после чего некоторые из них поступили на службу в жандармерию. Этому во многом способствовало то беспомощное положение, в котором оказались казаки после эвакуации из Хамадана русского консула и раненого русского инструктора. Казаки остались без оружия и денег. Несмотря

²⁴ Там же, с. 69.

²⁵ Там же, с. 60.

²⁶ Там же, с. 101.

на это обстоятельство, большая часть Хамаданского отряда, около 130 человек со всеми его иранскими офицерами отказалась перейти на сторону жандармов²⁷.

Тем не менее, немецкая пропаганда приносила свои плоды. Посланник в Тегеране по этому поводу сообщал своему начальству (4 ноября/22 октября 1915 г.): «Многочисленным германским агентам, с начала войны расточавшим миллионы по всей Персии, удалось привлечь на сторону германо-турок значительный процент общественного мнения. Сильно бороться с набранными немцами разбойниками (муджахедами) правительство, конечно, не может». Более того, иранское правительство даже не решалось воспрепятствовать ввозу в Тегеран в германскую миссию военных припасов, конвоируемых жандармами, непосредственно подчиненными министру внутренних дел Мостоуфи оль-Мамалеку²⁸. Осенью 1915 г., как только бригада вернулась в город на частные квартиры, агитаторы вновь стали зазывать иранских офицеров и казаков на секретные собрания в конспиративные квартиры, где их уговаривали перейти на сторону германо-турок, суля им прекрасное будущее, щедро обеспеченное деньгами. Со своей стороны, все чины бригады, посещавшие по указанию командира тайные собрания агитаторов, обо всем докладывали своему начальству. Благодаря этому командир заранее знал о готовившихся вооруженных выступлениях жандармов и моджахедов против его бригады и принимал необходимые меры предосторожности. Так, например, он привел в оборонительное состояние бригадные казармы, усилил посты и караулы в Тегеране, чем «охладил» пыл своих противников.

В числе антибригадных мероприятий немцев входило и физическое уничтожение командира бригады. Так, согласно сообщению самого командира, 1 ноября 1915 г. казаки принесли 3 бомбы, которые они получили в немецком посольстве от военного агента графа Кауница с его личным письмом. В нем он обещал 5 каза-

²⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7749, л. 4–4 об.

²⁸ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 163.

кам 40 туманов жалованья в месяц, а после их смерти — выплату пенсий их семьям. Каждому из 5 казаков была выдана одноразовая сумма по 200 туманов. Бомбы предназначались для уничтожения командира бригады, а взрыв должен был произойти в ночь на 1 ноября. По замыслу немцев, взрыв означал сигнал для нападения на дружественные России иностранные миссии. Благодаря полученному из бригады сообщению, русский кавалерийский отряд расстроил планы противника и заставил его ретироваться. По мнению Прозоркевича, немцам так и не удалось «депропагандировать» бригаду и поднять ее на восстание²⁹. По мнению российских властей, следовало кардинально изменить ситуацию в свою пользу. Для этой цели в октябре 1915 г. против турецких войск в северный Иран был введен Отдельный кавалерийский экспедиционный корпус во главе с генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Баратовым. Он высадился со своими войсками в порту Энзели и в начале ноября смог занять важный стратегический пункт г. Казвин. Одновременно с этим в Бушере высадились английские войска³⁰. Какая именно задача была поставлена перед этим корпусом, выясняется из телеграммы министра иностранных дел заместителю на Кавказе великому князю Николаю Николаевичу. «Главной задачей остается по-прежнему занятие нами Хамадана и Керманшаха для того, чтобы отрезать Персию от Турции, откуда немцы продолжают получать оружие и деньги»³¹. При создавшейся ситуации, когда иранское правительство было полностью парализовано, оно не могло воспрепятствовать открытому ввозу в Тегеран в германскую миссию военных припасов, конвоируемых жандармами. Дело шло к тому, что шах и правительство, под давлением германской и турецкой миссий, стали готовиться к эвакуации из Тегерана в Кум. Однако в результате настоятельных уговоров английской и русской сторон шаху пришлось остаться. За эту уступку ему было обещано, что в случае сохранения спокойствия русские войска не про-

²⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7749, л. 4–4 об.

³⁰ Мирошников Л. И. *Английская экспансия в Иране (1914–1920)*. М., 1961, с. 26.

³¹ См.: *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия. III, т. 9, с. 157.

двинутся дальше Кереджа и даже оттянут их обратно в Иенги-Имам³².

Между тем действие немецко-турецкой агитации должно было подрывать стабильность Персидской казачьей бригады. В своей срочной телеграмме министру иностранных дел от 16/3 ноября 1915 г. российский посланник был вынужден признаться в чрезвычайной обстановке в стране. Расположившийся в Куме центральный комитет демократов готовился к ведению «народной войны», для чего начали собирать у населения деньги. Кроме того, согласно посланнику, демократами было получено 80 тыс. туманов от немцев. В этих неблагоприятных условиях он особо указывал на ненадежность бригады. «Персидские казаки, — согласно фон Эттеру, — совершенно ненадежны, офицеры их убеждены, что против толпы, взывающей к их религиозным чувствам, они не пойдут»³³. Опасный характер для союзников стала принимать и деятельность шведской жандармерии. По донесению российского посланника министру иностранных дел от 9/22 ноября 1915 г., в Хамадане 600 жандармов, подкрепленные несколькими сотнями немецких наемников — моджахедов под командой шведских офицеров напали на иранских казаков силой в 200 человек. В результате этого нападения казаки понесли потери убитыми и ранеными и вместе с тем они были полностью обезоружены. Конечно, такой малочисленный отряд не был в состоянии сдержать натиск преобладающих сил противника. Поэтому, по мнению посланника, русским необходимо было срочно занять Хамадан, кроме того, посланник настаивал на увольнении майора Эдваля, возглавлявшего команду шведов³⁴.

³² Там же, с. 163, 266.

³³ Там же, с. 272.

³⁴ Начальник жандармерии и его подчиненные шведские офицеры получали денежные переводы из Германии. Так, в конце 1915 г. в Москве были перехвачены письма «Стокгольмского Эншильдбанка» на имя шведских инструкторов со вложенными в них переводами на разные суммы, ассигнованные германским мидом. См.: Иванова М. Н. Иран во время Первой мировой войны. — *Иран. История и культура в средние века и новое время*. М., 1980, с. 114.

Чрезмерная активность германской агентуры, а также явное тяготение иранских националистов к Германии как серьезно-му противовесу России и Англии в Иране не могли не беспокоить военно-политические круги этих двух государств, тем более что германский посланник в Тегеране попытался заставить иранское правительство отказаться от нейтралитета и объявить войну странам — участникам Антанты. Дело дошло до того, что тогдашний премьер-министр Ирана Мостоуфи оль-Мамалек даже подписал секретное соглашение, в котором обещал Германии помощь со стороны иранского правительства. В ответ на это Германия в свою очередь дала гарантию независимости и территориальной целостности Ирана. Правительство уже собиралось бежать с Ахмад-шахом на юг, но ультиматум России в его адрес, поддержанный Англией, вызвал раскол в лагере иранских националистов. В результате шах и одна половина министров остались в Тегеране, тогда как крайние националисты, в том числе другая половина министров, депутатов меджлиса, предпочли переехать в Кум и создать там временное правительство, откуда в дальнейшем оно переехало в Керманшах, рассчитывая на турецкую поддержку³⁵.

Изменение военно-политической ситуации в Иране вызвало усиление прогерманской ориентации жандармерии. Дело дошло до того, что оставшееся в Тегеране иранское правительство стало просить русскую сторону предпринять что-либо для обуздания шведских офицеров жандармерии. Несмотря на желание уволить шведских офицеров, по мнению великого князя Николая Николаевича, следовало, прежде всего, принять во внимание традиционный нейтралитет Швеции. Поэтому Россия не могла быть инициатором увольнения шведских офицеров. Их можно было уволить лишь в том случае, если бы иранское правительство обратилось к российской стороне с ходатайством об оказании ему такой услуги³⁶. Как следует из донесений немецких дипломатических и военных представителей в Иране,

³⁵ Ishtiaq Ahmad. *Anglo-Iranian Relations. 1905–1919*, p. 297–298.

³⁶ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 320.

перехваченных российским генеральным консульством в Мешхеде в конце 1915 г., германская миссия, опасаясь заключения соглашения между иранским правительством и Россией, готовила крупномасштабный план по организации государственного переворота в Иране.

В документе, составленном в германской миссии 8 декабря/25 ноября 1915 г., прямо говорилось о том, что, согласно сообщениям турецкого посланника в Тегеране, Иран был очень близок к заключению союза с Россией. Чтобы расстроить намеренный союз, немецкий посланник приказал шведу Эдвалю приступить к проведению нижеследующих мер: 1. Жандармерия должна была незамедлительно напасть на казачью бригаду, обезвредить русофильски настроенных министров, захватить шаха и доставить его в Кум. Затем всеми силами перейти в наступление на Казвин. 2. В случае полного или частичного исполнения данного приказа, всем шведским офицерам следовало подать в отставку, оставить Тегеран и со всеми силами, которые могли повести за собой, направиться в Хамадан для соединения с немцами. Вместе с тем был дан приказ о перевозке всех боеприпасов из Кума в Салтанабад³⁷.

Между тем ввод русских войск возымел свое действие на решения иранского правительства относительно Персидской казачьей бригады. Согласно сообщению фон Эттера от 12 декабря 1915 г., премьер-министр Ирана решил вместо создания новых воинских частей внести проект в совет министров об увеличении Персидской казачьей бригады до 10 тыс. человек, для чего пригласить в Иран необходимое число офицеров-инструкторов. Кроме того, он был готов объявить «доброжелательный нейтралитет»³⁸. Министр иностранных дел Сазонов также считал, что усиление бригады было бы лучшим решением вопроса³⁹. Следует заметить, что положением бригады интересовался и русский генерал Баратов, устроивший ей 26 декабря 1915 г. строе-

³⁷ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 798.

³⁸ *РГВИА*, ф. 2000, оп. 1, д. 7749, л. 4–4 об.

³⁹ См.: *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 522.

вой смотр⁴⁰. Однако ситуация в стране в конце 1915 г. еще больше обострилась. В своем секретном письме на имя начальника штаба верховного главнокомандующего Алексеева от 29/16 декабря 1915 г. министр иностранных дел России ставил его в известность, что иранское «правительство утеряло в значительной мере всякую власть над страной; жандармерия, насчитывающая около 6000 человек, почти вся перешла на сторону немцев и турок; в Куме бежавшие из Тегерана демократы и националисты образовали нечто вроде революционного комитета, который стремится руководить всей страной. Весь юг Персии, за исключением лишь побережья Персидского залива, фактически находится во власти немцев, которые при помощи жандармерии и своих, ныне уже многочисленных, банд захватили в свои руки все телеграфные сообщения и пути, арестовали почти во всех городах англичан, завладели находившимися там отделениями английского банка и т. д.».

В письме указывалось на необходимость повторного захвата Хамадана и Керманшаха, через которые проходили пути из Турции в Иран⁴¹. Для подобной ситуации, по мнению наместника на Кавказе, посланник фон Эттер не был подходящей фигурой и его следовало заменить военным, способным действовать более жестко и решительно. Однако российский министр иностранных дел Сазонов не разделял мнения наместника, приводя свои доводы и считая, что фон Эттер являлся хорошим исполнителем. При этом следовало учесть, что замена дипломата военным лицом могла вызвать в Иране нежелательную реакцию, а именно создала бы общественное мнение о России, которая стремится завоевать Иран и т. д. Вместе с тем Сазонов полагал, что вместо военного на место фон Эттера было бы лучше прикомандировать к посланнику офицера Генерального штаба, который смог бы быть полезным посланнику «в отношении ориентировки в вопросах чисто военного характера». К тому же этот офицер мог бы исполнять функции

⁴⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7749, л. 5.

⁴¹ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 606.

и военного агента, прежде лежавшие на командире Персидской казачьей бригады, который назначался из числа офицеров Генерального штаба. Последним, кто выполнял эту функцию, был бывший командир бригады генерал-майор Вадбольский. Однако после него временное командование бригадой было поручено подполковнику Прозоркевичу, который, не будучи офицером Генерального штаба, не мог заниматься обязанностями военного агента.

Как выясняется, назначение в Тегеране специального военного агента было необходимо прежде всего для информирования главнокомандующего Кавказской армией о военном положении в Иране⁴². Следует заметить, что сам посланник фон Эттер был против создания должности военного агента. Это звено казалось ему совершенно излишним при налаженной работе треугольника: российская дипломатическая миссия — казачья бригада — экспедиционный корпус. По его мнению, учреждение подобной должности могло способствовать возникновению нежелательных недоразумений. Другим веским доводом фон Эттера против должности военного агента было то, что в Иране не существовало регулярной армии и, следовательно, не было никакой необходимости держать там специального военного агента, тем более что сам командир казачьей бригады уже фактически им и был. При всем этом была существенная разница между статусом командира бригады и военным агентом. В отличие от военного агента командир Персидской казачьей бригады по вопросам служебной и хозяйственной деятельности мог свободно общаться с властями, «не оскорбляя» их самолюбия⁴³.

В конце декабря 1915 г. русским войскам удалось занять Хамадан и Кум, после чего отряды жандармов и иранских добровольцев отошли с боями на запад, сосредоточив свои силы в районе Керманшаха. Здесь при их поддержке было создано новое национальное правительство под руководством одного из крупных иранских

⁴² Там же. Серия III, т. 9, с. 681.

⁴³ Там же. Серия III, т. 10, 1938, с. 180–181.

феодалов Низама ос-Салтане⁴⁴. Между тем попытки керманшахского национального правительства по формированию в Иране Армии верховного командования Персии, которая должна была состоять из 2500 жандармов и 2000 добровольцев, завербованных германо-турецкой агентурой, окончились неудачей. Пришедшее вскоре к власти на смену правительству Мостоуфи оль-Мамалека правительство Фарман Фармы уволило из жандармерии большинство шведских офицеров, а руководство жандармерией передало верному центральному правительству майору Нюстрему⁴⁵. В русской миссии с надеждой восприняли весть о ликвидации шведской жандармерии, поскольку теперь открывался путь к усилению Персидской казачьей бригады до 10 тыс. человек. Почувствовав важность момента, по просьбе посланника фон Эттера, подполковник Прозоркевич составил проект формирования 7 новых отрядов, а также необходимый для их содержания бюджет, который был представлен на рассмотрение российскому военному министру. Эти отряды, ежемесячное содержание которых обошлось бы иранской казне в 136 000 туманов, должны были расположиться в основных центрах на севере страны и в Исфагане.

Совет министров Ирана под председательством самого шаха одобрил этот проект. Следует тут же добавить, что проект подполковника Прозоркевича был одобрен и генералом Баратовым. По мнению фон Эттера, вопрос о 15 русских инструкторах и 30 урядниках, требуемых в случае расширения бригады, не встретил особых затруднений. Необходимо было как можно скорее приступить к его осуществлению⁴⁶. Однако когда фон Эттер ознакомил английского посланника с данным проектом, то его коллега выразил сомнение в том, что английская сторона будет готова допустить части бригады, руководимые русскими инструкторами, в южные районы Ирана, находящиеся в английской зоне влияния. Таким образом, английская сторона заранее ограничивала зону деятельности бригады. Тем не менее, в условиях, когда жандарме-

⁴⁴ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 794.

⁴⁵ Иванова М. Н. Иран во время Первой мировой войны, с. 120–121.

⁴⁶ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 767.

рия прекратила свое существование⁴⁷, ее замена казачьей бригадой могла оказать благоприятное влияние на ситуацию в стране⁴⁸.

Однако при полном бездействии центрального правительства и отсутствии организованной военной силы фактически было невозможно привести в порядок налоговые и таможенные службы, игравшие важную роль в финансировании армии. Поскольку расширение Персидской казачьей бригады требовало немалых средств, поэтому, как считали в русской миссии, нельзя было обойтись без оказания материальной поддержки иранскому правительству, о чем просил со своей стороны и премьер-министр Фарман Фарма⁴⁹. Иранское правительство в середине декабря 1916 г. вручило фон Эттеру и английскому посланнику проект союзного договора Ирана с Англией и Россией. Проект договора, состоящий из 15 пунктов и особой статьи, предусматривал следующие вопросы: 1. Заключение союза сроком на 15 лет. 2. Поставку Ирану сторонами боевого снаряжения для 50-тысячной армии. 3. Оказание военной помощи в случае поступления соответствующей просьбы со стороны Ирана. 4. Защита Ираном интересов сторон. 5. Эвакуация английских и русских войск с иранской территории в зависимости от выполнения этой страной предыдущих двух пунктов. 6. Россия и Англия должны были отказаться от всего, что ущемляло независимость и целостность страны, и воздерживаться от вмешательства в ее внутренние дела. 7. Отмена обязательства Ирана о признании его раздела на сферы влияния, объявленного им еще в ноябре 1911 г. 8. Предоставление аванса на время войны в размере 1 250 000 туманов в месяц, и главным образом для покрытия военных нужд. 9. Принятие Россией и Англией на себя иранских долгов, заключенных до дня подписания настоящего договора. 10. Пересмотр турецкого договора. 11. Пе-

---

⁴⁷ Кстати, здесь же заметим, что, по сообщению фон Эттера, шведские офицеры просили проехать к себе на родину через Россию, на что мид России не возражал, так как шведские офицеры во время пребывания в границах Российской империи находились бы под политическим надзором. См.: *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 9, с. 788.

⁴⁸ Там же, с. 749.

⁴⁹ Там же, с. 767; там же, серия III, т. 10, с. 18.

ресмотр таможенного тарифа. 12. Разрешение иностранным подданным владеть недвижимостью при условии их персидской подсудности. 13. Признание суверенитета Ирана над некоторыми островами Персидского залива. 14. Право иметь коммерческие и военные суда на Каспийском море. 15. Участие Ирана с правом голоса на будущей мирной конференции. Согласно особой статье договора, Франция, Италия и Бельгия должны были поручиться за сохранение настоящего договора в силе⁵⁰.

Хотя данный проект союзного договора в принципе был одобрен российской стороной, о чем был поставлен в известность английский посол в Петрограде, тем не менее, мид России счел условия иранской стороны чрезмерными, считая, что практическое осуществление проекта по созданию 50-тысячной армии невозможно из-за ряда причин военно-технического характера. Проблема состояла еще и в огромном числе требуемых инструкторов. По мнению министерства, «в лучшем случае российское правительство могло бы содействовать развитию Персидской казачьей бригады, присоединив к ней часть жандармерии»⁵¹. Как полагал российский мид, изложенные в договоре требования иранской стороны были полностью несерьезны и, следовательно, неприемлемы.

Мид предписал фон Эттеру довести до сведения иранского правительства, что для России союз с Ираном не представлялся таким важным⁵². Вместе с тем в середине января 1916 г., чуть ли не в недельный срок, Эттер вместе с английским посланником Чарлзом Муррей Марлингом разработали конкретный проект союзного договора⁵³. Согласно параграфу 2 этого договора, Россия и Англия обязались облегчить иранскому правительству при-

⁵⁰ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 10, с. 19.

⁵¹ Там же, с. 25.

⁵² Там же, с. 26.

⁵³ Хушанг Сабахи почему-то полагает, что в начале 1916 г. английский посланник в Тегеране Марлинг, воспользовавшись планом России увеличить численный состав Персидской казачьей бригады до размеров дивизии, предложил создать аналогичную по численности вооруженную силу под командой британских офицеров на юге Ирана. См.: Sabahi Houshang. *British Policy in Persia 1918–1925*. London: Frank Cass. 1990, p. 34.

обретение и доставку достаточного количества разнообразных военных материалов. Контингент, который должен был быть вооружен, был определен в 25–30 тыс. человек вместо 50 тыс. человек, предложенных иранской стороной. Причем 10 тыс. человек, по замыслу английской и русской сторон, должны были войти в состав казачьей бригады, еще 10 тыс. человек — в состав части, которая должна была быть сформирована для военных операций в южных областях Ирана под руководством офицеров, представленных английской стороной в распоряжение иранского правительства⁵⁴. Таким образом, в этом договоре речь не шла об организации регулярной армии, как на то надеялась иранская сторона. Кроме того, седьмой статьей предусматривалось также оказание военной и финансовой помощи иранской стороне. Для распределения финансовой помощи было решено создать общую комиссию, которая должна заниматься распределением сумм. Причем по 40 тыс. ф. ст. предназначались для нужд казачьей бригады и той части, которая должна была быть сформирована на юге Ирана.

Таким образом, фактический раздел Ирана принял четкие очертания не только в плане политико-экономического влияния этих стран, но и в плане раздела на сферы военного влияния. В тексте договора стороны обошли молчанием вопрос об аннулировании статьи Туркманчайского договора, запрещавший Ирану создание военного флота на Каспийском море. Также ничего не было сказано о правах Ирана в отношении нескольких островов Персидского залива⁵⁵. Что касается вопроса о формировании национальной армии, то следует заметить, что иранское правительство несколько раз ставило его на повестку дня. В связи с этим оно обращалось к Англии и России с просьбой о предоставлении ему военно-финансовой помощи. Поскольку все это

---

⁵⁴ Согласно заключенному договору, на юге Ирана под командованием генерала Перси Сайкса был сформирован Корпус южноперсидских стрелков (South Persian Rifles), чей контингент был расквартирован в провинциях Фарс и Керман, а также Бандар-Аббасе. См.: P. Sykes. *A History of Persia*. L., 1930, p. 477.

⁵⁵ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 10, с. 103–104.

шло вразрез с русскими, впрочем, как и английскими, интересами, просьба иранского правительства так и не была удовлетворена. По этому поводу посланник фон Эттер в своем письме от 9 февраля/27 января 1916 г. открыто писал: «Не желая допустить военного усиления Персии нашими же руками, просьбы о ружьях и деньгах для национальной армии всякий раз категорически опровергались миссией»⁵⁶. Основной задачей русской дипломатии в Иране фон Эттер считал ослабление жандармерии и усиление казачьей бригады. По мнению посланника, эта задача была близка к решению, так как большая часть жандармерии к тому времени уже была расформирована и из 12 тыс. жандармов в то время на службе находились всего 1200 человек. К тому времени уже был разработан проект бюджета и штата бригады, которая при тогдашнем составе в 3 тыс. человек должна была развернуться в 10-тысячный состав⁵⁷.

---

⁵⁶ Там же, с. 179. Тем не менее, согласно Джахангиру Каем Маками, в начале 1916 г. расходы на Персидскую казачью бригаду взяла на себя российская сторона. См.: Каем Маками Джахангир, *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 104–105.

⁵⁷ Там же, с. 180.

ГЛАВА XI

ОТНОШЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ РОССИИ К ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ ДО РАЗМЕРОВ ДИВИЗИИ

Необходимо заметить, что не все в России разделяли мнение посланника фон Эттера по проблеме увеличения состава бригады. Так, например, в своем письме на имя министра иностранных дел военный министр России Александр Поливанов высказывал сомнение в необходимости увеличения Персидской казачьей бригады до 10-тысячного состава. По его мнению, вооруженная сила в 10 тыс. человек при некоторой подготовке могла быть развернута в более крупную боевую единицу (что с учетом известных политических симпатий в Иране, явно идущих вразрез с русскими интересами, было недопустимо). Военный министр полагал, что помимо тяжелого бремени расходов, наличие в бригаде нескольких десятков русских офицеров отнюдь не было гарантией преданности персидских казаков русским интересам. Он считал, что для охраны порядка внутри государства вполне достаточно расширение бригады до 4½ — 5-тысячного состава. В связи с вопросом о целесообразности расширения бригады и с учетом того, что Иран входил в район военных действий Кавказской армии, военный министр признал необходимым обратиться с запросом об этом к наместнику на Кавказе. Наместник хотя и согласился с мнением А. Поливанов-

ва, однако признал желательным, с учетом политической ситуации, все-таки не давать отрицательного ответа иранскому правительству¹.

Военный министр не верил в надежность Персидской казачьей бригады. По его мнению, основная задача России в Иране заключалась в сохранении ее влияния в прилегающих к Кавказу областях. «Россия и Англия, — писал А. Поливанов министру иностранных дел России, — в равной степени заинтересованы в ослаблении мусульманства»². При такой постановке вопроса можно было говорить лишь о незначительном усилении бригады, с придачей последней некоторых технических средств, с помощью которых бригада смогла бы воевать как с внутренними, так и внешними врагами. Тем более, как считал военный министр, после начала рассмотрения вопроса о необходимости увеличения Персидской казачьей бригады с кавказским начальством, военно-политическая ситуация (после разгрома в 1916 г. турецкой армии под Эрзерумом) резко изменилась в пользу России. Следовательно, коренным образом должны были измениться в пользу России и пункты соглашения, предложенного 17/4 января 1916 г. иранским правительством³.

В мид России признавали, что идея заключения союзнического соглашения с Ираном с самого начала не была встречена с энтузиазмом. Тем не менее, в вопросе об усилении Персидской казачьей бригады там придерживались противоположной точки зрения, идущей вразрез с мнением военного министра. Так, в министерстве полагали, что численность бригады должна была превысить 5 тыс. человек. Но уговорить военного министра увеличить квоту бригады можно было только лишь при условии полного уничтожения жандармерии или любой схожей с ней силы в сфере русского влияния. Что же касается вопроса о заключении союзного договора, то мид считал, что договор следовало растянуть во времени, а в случае изгнания неприятеля из Ирана и вовсе отменить его⁴.

¹ Там же, с. 200.

² *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 10, с. 313–314.

³ Там же, с. 315–316.

⁴ Там же, с. 368–369.

Несмотря на негативную позицию военного министра России по вопросу об увеличении казачьей бригады, посланник в Тегеране считал, что для поддержания порядка внутри страны было необходимо в срочном порядке укрепить ее и увеличить ей финансовую помощь из военного фонда с 70 тыс. туманов до 200 тыс. Вместе с тем он считал необходимым сразу же по вступлении русских войск в Исфаган в первую очередь организовать там казачью часть. Эту мысль посланника поддерживал и командующий экспедиционным кавалерийским корпусом генерал Баратов, по мнению которого это дало бы возможность полнее использовать потенциал самого корпуса⁵. В связи с этим весьма показательно письмо министра иностранных дел Сазонова от 23/10 марта 1916 г. военному министру Александру Поливанову. В письме Сазонов разделял мнение военного министра о том, что из войны Иран не должен выйти обновленным, а было желательно видеть его слабым и разоренным. Наряду с этим Сазонов указывал на решение русского и английского правительств о необходимости создания регулярных сил для поддержания порядка внутри страны. Решение данной задачи русская сторона видела в расширении бригады, что встречало раньше сопротивление как со стороны иранского правительства, так и англичан. Сазонов подчеркивал, что Персидская казачья бригада принесла ощутимую пользу.

В отличие от жандармерии, которая полностью перешла на сторону противника, части бригады под командованием русских офицеров выдержали боевое испытание. Главное, как указывал Сазонов, персидские казаки, находясь вдали от своих русских командиров, не пытались их предать и были проникнуты преданностью к России. Одним словом, ситуация в Иране изменилась в пользу России, и иранское правительство во главе с «верным» Сепадхаром⁶

⁵ Там же, с. 390–391.

⁶ Кстати, это тот человек, о возвращении которого в Персию в конце весны 1913 г. нелестно отзывались в России: «Приезд Сепадара сулит перемену министерства во главе с этим интриганом, не брезгующим воровать десятки тысяч туманов и менять свои убеждения и взгляды по нескольку раз в год». См.: Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время с 15-го мая по 1-е июня 1913 г. — *Штаб Кавказского военного округа* — № 47, Тифлис, 1913 г., с. 21.

уже само искало пути расширения Персидской казачьей бригады. К тому же теперь и английское правительство не было против этого. В такой ситуации следовало бы воспользоваться выгодным моментом и осуществить ранее задуманное расширение бригады. По заверениям Сазонова, для охраны порядка в северной и центральной частях Ирана военная сила в 10 тыс. персидских казаков была бы очень кстати. Рано или поздно иранскому правительству понадобилось бы организовать военные части, следовательно, было бы логичнее взять в свои руки инициативу с тем, чтобы впоследствии не допустить создания кадровой армии. Сазонов придерживался мнения о том, что следовало бы создать, скорее всего, полицейскую, а не военную часть. Министр иностранных дел признавался, что было бы сложно в срочном порядке добавить к составу бригады 7 тыс. человек, тем более что в этом не было острой необходимости.

Тем не менее, по мнению министра иностранных дел, прежде всего, следовало закрепить за собой право расширить бригаду до 10 тыс. человек и вместе с тем приступить к формированию отдельных частей в тех местах, которым будет отдан приоритет (таким местом, например, по мнению фон Эгтера и генерала Баратова, мог быть Исфаган). Следует заметить, что Сазонов обратился к военному министру с просьбой уведомить его о том, не признает ли он возможным «пересмотреть вопрос об увеличении состава шахской казачьей бригады». Вместе с тем Сазонов доводил до сведения военного министра, что принимались меры для затягивания переговоров по вопросу о заключении союзного договора, до тех пор, пока не выяснится, приемлемо или нет для России предложение иранского правительства⁷.

Согласно письму фон Эгтера на имя Сазонова от 6 апреля/24 марта 1916 г., после вступления русских войск в Керманшах и Исфаган борьба с неприятельской пропагандой в северном Иране фактически завершилась⁸. Посланник сообщал министру иностранных дел о том, что иранские министры «с нетерпением

⁷ *Международные отношения в эпоху империализма*. Серия III, т. 10, с. 447.

⁸ Там же, с. 579.

ожидали соответствующих указаний по вопросу о военной организации». По его заявлению, до организации преданной России военной силы в Иране под руководством русских инструкторов не следовало выводить из страны войска даже после окончания войны, поскольку это создало бы угрозу порядку и препятствовало бы поступлению доходов в казну. Существовал и другой резон в пользу организации военной или полицейской силы: было бы нецелесообразным после войны оставаться на оккупированных обширных территориях. В свете этого считалось логичным скорейшее решение вопроса о расширении Персидской казачьей бригады. Интересно, что российский посланник высказывал мысль о предоставлении Ирану независимости, для чего Англии и России следовало подписать с шахом договор о покровительстве. Вместе с тем, опасаясь англичан, посланник предлагал заключить договор на такой короткий срок, в течение которого англичане не смогли бы колонизировать юг Ирана. «В наших интересах не допускать превращение юга Персии в колонию или составную часть Индии. Нам выгоднее сохранить между Россией и Англией персидский буфер с населяющим его независимым народом, хотя бы и успешным — в зависимости от влияния, под которое он попадает, — проникнуться симпатиями частью к России, частью к Англии»⁹.

После того как жандармерия завершила свое существование, а Сепакдар, по настоянию российской стороны, прекратил набор сарбазских частей, иранское правительство могло оказаться перед лицом глубокого кризиса и опасности возникновения анархии. Его особенно беспокоило отсутствие русских войск в центре страны. Поэтому, по мнению посланника, которое он высказал в своем телеграфном сообщении от 11 апреля/29 марта 1916 г., адресованном министру иностранных дел, следовало ускорить решение финансового и военного вопросов, связанных с расширением бригады¹⁰. Персидская казачья бригада, по сообщению издававшегося в Берлине персоязычного журнала «Каве»,

⁹ Там же, с. 580–582.

¹⁰ Там же, с. 613.

до соглашения 1916 г. состояла из четырех кавалерийских полков, двух пехотных рот, двух горных батарей и двух скорострельных орудий и в ней числилось всего 5500 казаков¹¹. Однако, если судить по русским архивным документам того периода, данные упомянутой газеты были слишком преувеличены (скорее всего, в агитационных целях). Так, например, согласно рапорту полковника Прозоркевича от 14 июня 1916 г., общее число чинов бригады, включая Тавризский отряд, не достигало даже 3000 человек¹². Обладая такой незначительной военной силой и не желая ее дробить, при получении просьбы о направлении в командировку казаков в различные провинции и центры или же для охраны дорог, сбора малиата и борьбы с грабежами начальство бригады, как правило, отвечало отказом. А доводом для отказа всегда служила нехватка людей. Начальство считало, что и так много казаков находилось в командировках, как например казаки из Тегеранского и Тавризского отрядов.

Премьер-министр, ссылаясь на беспомощное положение своего правительства, не обладающего достаточной военной силой для наведения порядка в стране, неоднократно обращался с просьбой к России разрешить ему увеличить полицейские силы — патрульную службу — до размеров старой жандармерии или же срочно расширить Персидскую казачью бригаду¹³. Посланник в ответ на обращение иранской стороны категорически запретил усиление патрульной службы и формирование любой другой военной организации, но вместе с тем пообещал свою поддержку в вопросе о срочном расширении бригады¹⁴.

¹¹ Теймури Ибрахим. *Аср-е бихабари на тарих-е эмтиазат дар Иран*, с. 311–312.

¹² РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 16–17.

¹³ См.: РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7752, л. 1. См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 105.

¹⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 17 об. — 18. Следует отметить, что в русских дипломатических кругах мысль о создании провинциальных отделений бригады появилась задолго до англо-русского соглашения. Еще в 1915 г. посланник И. Я. Коростовец в своих записках указывал на то, что создание отделений бригады в зоне русского влияния имело бы существенное значение для интересов России. См.: *Красный архив*, т. 4–5 (65–66), с. 112, 114–115.

Однако, по признанию российской стороны, реальная угроза продвижения турецких войск на иранской территории по направлению к Тегерану создавала много хлопот казачьей бригаде и всем русским учреждениям, находящимся в столице. На запрос командира бригады, как действовать в случае продвижения турок к Тегерану, от начальника Генерального штаба был получен ответ: казачьей бригаде не следовало оставаться на территории, которой могла угрожать турецкая оккупация. Причина этого состояла в том, что турки могли использовать бригаду против русских интересов, поэтому командиру предписывалось вывести бригаду со всех территорий, которые могли оккупировать турки. Прозоркевич приступил к частичной эвакуации бригады и его имущества: вооружение и патроны были вывезены в Решт, а скорострельные орудия были переданы в распоряжение генерала Баратова¹⁵. В случае же полной эвакуации из Тегерана, предполагалось перевезти ценные бумаги, а также всех казаков в Астарабад, а штаб бригады — в Решт. В районе военных действий оставались только отдельные команды персидских казаков, которые должны были действовать совместно с русскими отрядами¹⁶.

О вооружении Персидской казачьей бригады дает полное представление рапорт ее командира от 8 августа 1916 г. Согласно рапорту, у бригады на вооружении имелось 1086 трехлинейных винтовок, 79 карабинов, 434 ружья системы Лебеля, 6 пулеметов системы Максима, четыре полевых орудия системы Шнейдера и четыре горных орудия. В запасе имелись тысяча винтовок Бердана, 78 карабинов Лебеля и четыре клиновых орудия Обухова. В Тавризе вооружение отряда состояло из 720 трехлинейных винтовок, 36 ружей Лебеля, 150 карабинов Винчестера, четырех пулеметов и двух горных пушек системы Шнейдера¹⁷. Придавая большое значение дальнейшему усилению бригады, 30 ав-

¹⁵ Согласно сведениям Ахмад Али-хана Сепехра Моваррех од-Доуле, к августу 1917 г. кавалерийский корпус Баратова состоял из 14 тыс. солдат. См. газету «Иран», № 3970, 6 июля 2008, с. 21.

¹⁶ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 21–23.

¹⁷ Там же, л. 36.

густа 1916 г. было получено «Высочайшее разрешение о преобразовании бригады в дивизию». Распад шведской жандармерии в начале 1916 г. создал исключительно удобный момент для развертывания Персидской казачьей бригады, поэтому иранское правительство и Министерство иностранных дел России неоднократно обращались к военному министерству с настоятельными просьбами об ускорении дальнейшего развертывания бригады. После соответствующих договоренностей с Министерством иностранных дел в Главном управлении Генерального штаба был разработан проект организации дивизии, о чем было доложено начальнику штаба Верховного главнокомандующего и товарищу министра иностранных дел, а также помощнику заместителя на Кавказе по военной части.

По состоянию на день разработки проекта Персидская казачья бригада состояла из двух отрядов: Тегеранского и Тавризского общей численностью 3000 человек, вместе с 12 русскими офицерами и 18 инструкторами нижних чинов, а всего состав бригады выглядел так: 2 батальона, 12 эскадронов, 10 орудий и 10 пулеметов. Для развертывания Персидской казачьей дивизии, кроме существовавших двух отрядов, которые следовало несколько переформировать, было решено сформировать дополнительно еще семь отрядов: в Хамадане, Исфагане, Мешхеде, Урмии, Реште, Ардебиле и Астарабаде. Согласно разработанному штатному составу, общее число иранских чинов дивизии должно было выглядеть следующим образом.

Штаб дивизии	2 офицера	32 нижних чина
Тегеранский отряд	63	1899
Тавризский	48	1451
Хамаданский	48	1451
Исфаганский	48	1451
Астарабадский	27	794
Мешхедский	47	1418

Рештский	27	794
Урмийский	29	824
Ардебильский	27	794
Всего:	366 иранских офицеров	10 908 нижних чинов*

* РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7752, л. 1–2.

Было решено передать в распоряжение дивизии отобранные у жандармов винтовки, а недостающее количество оружия, в том числе орудия, пулеметы и револьверы, пополнить по распоряжению Главного артиллерийского управления. Что касается содержания семи новых отрядов дивизии (по расчетам временного командира Персидской казачьей бригады), то оно было определено в сумму 1 635 538 туманов, что по обычному курсу составляло 2 943 958 руб. Развертывание бригады в дивизию должно было происходить следующим образом: следовало немедленно назначить командиром, согласно предписанию начальника штаба Верховного главнокомандующего, генерал-майора барона Майделя. Кроме того, было необходимо создать штаб дивизии уменьшенного состава. Причем Тегеранский и Тавризский отряды должны были временно оставаться в своем прежнем составе, без изменений. В бригаде следовало упразднить должность Заведующего обучением персидской кавалерии, добавить должность адъютанта и довести число инструкторов до полного штатного состава. В Иран в качестве инструкторов бригады должны были командировать 26 штаб-офицеров и оберофицеров и 4 врачей, 7 офицеров пехоты и 15 офицеров кавалерии должны были ехать немедленно, чтобы без потери времени приступить к организации казачьих отрядов. Кандидатуры этих офицеров были представлены начальником штаба Верховного главнокомандующего и Главным управлением Генерального штаба. Что касается артиллерийских офицеров, считалось целесообразным отправить их в Иран после пополнения артиллерии материальной частью¹⁸.

¹⁰ Там же, л. 4.

В качестве инструкторов из нижних чинов необходимо было выбрать 32 подхорунжих и урядников. Из них 16 пехотинцев и 10 кавалеристов следовало отправить срочно, а 6 артиллеристов — сразу после развертывания артиллерийских частей. Кроме того, следовало направить в дивизию 7 медицинских и ветеринарных фельдшеров, а для штаба дивизии — двух писарей. Далее, принимая во внимание близость развертываемой казачьей дивизии к Кавказскому военному округу, а также то обстоятельство, что в распоряжении округа имелись как пехотные, так и кавалерийские казачьи полки, которые еще до начала войны находились на территории Ирана (следовательно, они были знакомы с жизнью в этой стране), было решено весь нижний состав инструкторов полностью укомплектовать из состава казачьих частей Кавказской действующей армии¹⁹.

После полного развертывания дивизии в ней должны были находиться 14 батальонов, 26 эскадронов, 24 орудия и 28 пулеметов. Для удобства управления девятью отрядами дивизии в зоне русского влияния предусматривалось формирование трех бригад, причем каждая из этих бригад состояла бы из необходимого числа отрядов. В итоге это должно было выглядеть так:

Первая — Тегеранская бригада: Тегеранский, Исфаганский, Хамаданский и Рештский отряды;

Вторая — Тавризская бригада: Тавризский, Урмийский и Ардебильский отряды;

Третья — Мешхедская бригада: Мешхедский и Астарабадский отряды. Во главе дивизии, согласно проекту, следовало поставить генерал-лейтенанта или генерал-майора Генерального штаба. Было намечено передать в его распоряжение помощника в чине генерал-майора, создать штаб дивизии, состоящий из начальника штаба (один офицер Генштаба), двух обер-офицеров (один офицер Генштаба и офицер-востоковед), дивизионного интенданта и делопроизводителя.

Тегеранским отрядом руководил бы помощник командира дивизии, на которого было возложено выполнение обязанностей

¹¹ Там же, л. 4 об.-5.

командира Тавризской и Мешхедской бригад. Во главе каждого крупного отряда (Исфаганского, Хамаданского и Мешхедского) было запланировано назначить русского штаб-офицера, а в помощь ему в качестве инструкторов придать 4 обер-офицеров всех родов и из нижних чинов — 7 урядников (подхорунжих) и двух фельдшеров. Во главе отрядов меньшего состава (Рештский, Ардебильский, Урмийский и Астарабадский) было предусмотрено назначить одного обер-офицера в чине капитана (мог быть и подполковник) и в помощь ему придать одного обер-офицера, двух урядников (подхорунжих), двух фельдшеров, а в Урмийском отряде — двух обер-офицеров, трех урядников и двух фельдшеров. В проекте особо подчеркивалось, что при назначении офицеров в качестве инструкторов следует отдавать предпочтение тем офицерам, которые окончили офицерские курсы восточных языков. Далее следовал расчет на необходимое вооружение для 7 отрядов: ружей — 5500 единиц, карабинов — 500, револьверов — 1000, орудий — 14, пулеметов — 18²⁰.

---

¹² Там же, л. 3–3 об.

ГЛАВА XII

РАЗВЕРТЫВАНИЕ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ БРИГАДЫ В ДИВИЗИЮ

С ноября 1916 г. роль командира бригады стал выполнять генерал-майор барон Майдель. В своем первом приказе по дивизии от 1 декабря 1916 г. им было официально объявлено о развертывании Персидской казачьей Его Величества шаха бригады в дивизию. Согласно этому приказу, генерал Майдель брал на себя командование Персидской казачьей дивизией, формируемой из Тегеранского, Тавризского, Мешхедского, Исфаганского, Астарабадского, Рештского, Урмийского и Ардебильского отрядов. В приказе были перечислены фамилии офицеров, назначенных на должности начальников отрядов, а также адъютантов и старших инструкторов.

Подполковник Прозоркевич	— начальник Тавризского отряда
Войсковой старшина Мамонов	— начальник Мешхедского отряда
Подполковник Войнов	— начальник Исфаганского отряда
Есаул Штольдер	— начальник Урмийского отряда
Ротмистр Кайзер и временный его начальник	— инструктор Рештского отряда
Капитан Калугин	— инструктор Мешхедского отряда и временный начальник Астарабадского отряда

Штабс-капитан	
Кондратьев	— старший адъютант штаба дивизии
Ротмистр Верба	— старший инструктор Тегеранского отряда
Штабс-капитан Дигмелов,	
Подъесаул Сулин	
и поручик Самойлов	— старшие инструкторы Тегеранского отряда
Подъесаул Ходалицкий	— старший адъютант Тавризского отряда
Ротмистр Сливичский	— старший инструктор Тавризского отряда
Поручик Световидов	
и поручик Бобков	— старшие инструкторы Тавризского отряда
Поручик Балакин	— старший адъютант Исфаганского отряда
Штаб-ротмистр	
Головачевский	— старший инструктор Исфаганского отряда
Капитан Сергеев	— старший адъютант Мешхедского отряда
Есаул Кузнецов	— инструктор Мешхедского отряда

Согласно пятому параграфу приказа, нижние чины назначались инструкторами в Тегеранском отряде — 8 человек, в Тавризском отряде — 7, Мешхедском — 5, Исфаганском — 5, Рештском — 2, Астарабадском — 2, Урмийском — 2 и Ардебильском — 2. Четыре двухэскадронных конных полка из-за неукомплектованности должны были переформироваться в шестиэскадронный гвардейский конный казачий полк¹. В своем приказе № 2 по дивизии от 10 декабря 1916 г. командир установил порядок строевых занятий, согласно которому в отрядах дивизии с прослужившими казаками следовало проводить занятия ежедневно, за исключением пятницы и дней мусульманских праздников с 8 до 11 час. утра и с 15 до 16 час. дня. По воскресеньям и средам занятия в отряде должны были проводиться с 10 до 11 час. утра в сопровождении музыки (церемониального марша)². С целью приведения в порядок интендантской службы — ахиллесовой пяты бригады — следующим приказом по дивизии начальникам крупных отрядов предписывалось назначить одного русского офицера-инструктора казначеем,

¹³ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 108–109.

¹⁴ Там же, л. 113 об.

а другого — квартирмейстером отряда. В меньших по численности отрядах начальникам было приказано поручить младшему инструктору исполнять обязанности и казначея и квартирмейстера. Для перечисления сумм на содержание отрядов командир дивизии пользовался услугами Учетно-ссудного банка³. Начальнику Тергеранского отряда подполковнику Войнову и старшему адъютанту отряда штаб-ротмистру Висоцкому были выделены квартиры в казенных помещениях дивизии. Остальным же русским офицерам-инструкторам, жившим на частных квартирах, должны были выдавать квартирные деньги⁴.

Уже в декабре 1916 г. генерал-майор Майдель приступил к развертыванию дивизии. В своей телеграмме генералу Баратову от 12 декабря 1916 г. Майдель сообщал о начале формирования Рештского отряда. Вместе с тем он доводил до его сведения, что войсковой старшина Мамонов после завершения дел в Реште будет направлен в Мешхед для формирования там нового отряда. Следует заметить, что движение джангалийцев под руководством его лидера Кучек-хана (как следует из телеграммы Майделя Войнову) создавало угрозу самому отряду и городу Решту. Поэтому Майдель просил Войнова сообщить, какие средства были необходимы для уничтожения Кучек-хана или хотя бы для его вытеснения из этих мест⁵. Как выясняется из переписки Майделя с генералом Баратовым, а также телеграмм от 17 декабря 1916 г., 7 января и 1 февраля 1917 г., некоторые части иранских казаков были задействованы генералом Баратовым для выполнения военных задач самого экспедиционного корпуса. Так, например, они находились на постах вдоль Энзели-Менджильской дороги. Со своей стороны, Майдель просил Баратова заменить их, чтобы те смогли вернуться в Тавриз⁶.

Дивизия пополнялась инструкторами и нижними чинами, происходил перевод сил из одного отряда в другой. 19 января 1917 г.

¹⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 117–118.

¹⁶ Там же, л. 133 об., 135 об.

¹⁷ РГВИА, ф. 13185, д. 33, л. 17, 22.

¹⁸ РГВИА, ф. 13185, д. 48, л. 25, 27.

в дивизию из Туркестанского строевого полка прибыл полковник Филаретов, который по приказу командира дивизии сразу же был направлен в Тегеранский отряд. Приказом от 24 января полковник Филаретов был назначен начальником Хамаданского отряда и временно исполняющим обязанности дивизионного интенданта, 30 января старший офицер Хабаров был назначен начальником Исфганского отряда⁷. Как следует из сообщения Главного управления Генштаба, уже в январе 1917 г. благодаря стараниям генерал-майора барона Майделя бригада была развернута до размеров дивизии⁸, однако ее командир не встречал поддержки со стороны иранского правительства. В своей депеше от 12 февраля 1917 г. Майдель жалуеться командиру экспедиционного корпуса генералу Баратову на то, что иранское правительство отказывается обеспечить формируемые им отряды необходимым вооружением, объясняя это отсутствием оружия на складах. Майдель находит способ пополнить недостающее количество оружия. Он проводит его экспроприацию у мирного населения⁹. Уже в конце февраля 1917 г. генерал Майдель приступает к формированию отряда в Астарабаде. Во избежание возникновения недоразумений с находившимися в этом городе русскими казачьими частями, генерал Майдель посоветовал генералу Нарбуту вызвать к себе в ставку и выслушать по данному вопросу начальника персидских казаков Астарабадского отряда капитана Калугина¹⁰.

После свержения самодержавия в результате Февральской революции пришедшее к власти Временное правительство стало продолжателем политики царизма. Российский посланник в Иране фон Этгер заявил иранскому правительству о том, что «русская политика в Персии остается неизменной»¹¹. В своей телеграмме от 7 марта 1917 г. генерал Майдель доносил в Петербург: «Вследствие последних событий мною сообщено начальникам всех отрядов Персид-

¹⁹ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 136–136 об., 140, 142.

²⁰ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 98–98 об.

²¹ РГВИА, ф. 13185, д. 48, л. 57.

²² Там же, л. 60.

²³ См.: *Центральный государственный архив Узбекистана*. Фонд «Дипломатического чиновника», оп. 2, д. 570, л. 90; цитировано по статье Иванова М. Н. «Иран во время Первой мировой войны», с. 125.

ской казачьей дивизии воззвание Верховного главнокомандующего от управляющего делами нашего тегеранского посольства и приказано продолжать работу по устройству дивизии»¹². Тем временем шла работа по формированию Исфаганского отряда. Как выясняется из донесения Майделя в Главное управление Генштаба, губернатор Исфагана Акбар-мирза сочувственно относился к делу формирования отряда и даже решил внести свою лепту — пообещал выделить дивизии 5 тыс. туманов для закупки лошадей (при наличии такой суммы можно было бы помочь формированию одного эскадрона в Исфагане). Однако один эскадрон (принимая во внимание соседство Бахтиарии, которая была в состоянии выставить многочисленную иррегулярную конницу) даже в условиях присутствия там русского отряда генералу казался недостаточным¹³.

Временное правительство не прислушивалось к требованиям иранцев о выводе русских войск из Ирана. Поскольку содержание оккупационных войск в этой стране обходилось Временному правительству очень дорого, то оно было вынуждено сократить их количество. При этом оно настоятельно требовало от иранского правительства расширения бригады до размеров дивизии¹⁴. Как явствует из рапорта командира дивизии в ГУГШ от 20 марта 1917 г., правительство Ирана продолжало противиться дальнейшему расширению Персидской казачьей дивизии. По признанию генерала Майделя, «официально правительство это развертывание не признало и в деловых сношениях избегает даже употреблять самое слово дивизия»¹⁵, тем не менее, иранские вла-

¹² РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 152.

¹³ Там же, л. 153.

¹⁴ Розенблюм И. Р. *Персидская армия с кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии с XIX века*. Тегеран, 1922, с. 10–11; а также: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 111.

¹⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 206 об. Кстати, аналогичную позицию занимала и Великобритания, которая, несмотря на существование де-факто Персидской казачьей дивизии, в своих дипломатических документах 1918–1920 гг. всячески избегала упоминания о ней и для ее обозначения пользовалась ее прежним названием — «Персидская казачья бригада». См., напр.: British Documents on Foreign Affairs.

сти с удовольствием пользовались услугами дивизии и постоянно призывали казаков охранять дороги, бороться с грабителями, собирать налоги, оказывать помощь губернаторам и т. п. Вместе с тем правительство не призывало губернаторов оказать необходимую поддержку при формировании отрядов дивизии. Вместо этого, по сообщению Майделя, на местах распространялись ложные слухи о том, что якобы русские собирали казаков для отправки их на фронт и что призыв происходил вопреки желанию шаха и правительства. Такие слухи распространялись в Мешхеде, Астарабате, Ардебиле и других местах северного Ирана, куда Майдель отправлял своих офицеров для организации набора в дивизию. Как выясняется, в этих городах сами губернаторы оказывали молчаливое сопротивление расширению дивизии, прибегая иногда и к явному обману. Например, в Тавризе Валиахд передал полковнику Прозоркевичу телеграмму якобы от правительства, в которой указывалось о запрете расширения Тавризского отряда более чем 800 человек, что, по мнению командира дивизии, было недопустимо, поскольку задолго до этого, согласно предварительным договоренностям с иранской стороной, по штату в отряде должно было числиться 1288 казаков.

Создавшееся положение вынудило командира дивизии добиться от иранского правительства хотя бы признания Персидской казачьей дивизии на севере¹⁶. Но судя по шагам иранского правительства, оно было намерено не только не расширять дивизию, но и пригласить шведских инструкторов для реставрации жандармерии в качестве противовеса Персидской казачьей дивизии, хотя документально было установлено, что шведские инструкторы числились в германской армии и получали крупные денежные суммы из немецкого банка. Эти инструкторы, согласно зашифрованной телеграмме генерала Томилова из штаба Кавказского военного округа в ГУГШ, принимали непосредственное участие в боевых операциях против Персидских казачьих частей, т. е., по существу, против русских. Выражалось предостережение о возможных последствиях создания

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 206 об.

такой жандармерии. Она, по утверждению российской стороны, без сомнения, могла стать орудием антирусской политики в Иране¹⁷.

По состоянию на 9 мая 1917 г. численный состав Персидской казачьей дивизии выглядел следующим образом.

Дивизия состояла из штаба дивизии, Тегеранского, Тавризского, Исфаганского, Мешхедского, Хамаданского, Рештского, Урмийского, Ардебильского и Астарабадского отрядов. Крупные отряды, к которым относились пять первых отрядов, имели свои штабы. Самым крупным был Тегеранский отряд, в чьем распоряжении находились гвардейский стрелковый батальон, команда гвардейских пулеметчиков, гвардейский конный полк, гвардейская артиллерия, музыкальная команда, нестроевая команда и школа. Только в этом отряде было почти полное совпадение между штатным и списочным составами, тогда как в остальных отрядах списочный состав был значительно меньше штатного. Всего в дивизии по списку было 36 русских офицеров, 39 подпоручиков и урядников, 213 иранских офицеров и 4230 нижних чинов, по штату же полагалось 47 русских офицеров и 54 урядника, 218 иранских офицеров и 6296 нижних чинов. Как правило, отряды были смешанного состава. По своей величине следующим после Тегеранского шел Тавризский отряд, состоявший из стрелкового батальона, команды пулеметчиков, конного полка, артиллерии, музыкальной команды и нестроевой команды. Все остальные отряды состояли из рот и эскадронов. В таких сравнительно больших отрядах, как Исфаганский, Мешхедский и Хамаданский, числились по 3 пехотные роты (батальон) и по одному эскадрону. Что касается Рештского, Урмийского, Ардебильского и Астарабадского отрядов, то каждый из них состоял из одной роты и эскадрона. В целом в дивизии по штату полагалось 1199 казенных и 1577 личных лошадей, однако по списку числились всего 216 казенных и 1271 личных лошадей¹⁸.

¹⁷ Там же, л. 209.

¹⁸ Там же, л. 174–175 об.

Следует заметить, что русское правительство по своему усмотрению распорядилось Персидской казачьей дивизией. Так, например, летом 1917 г. отдельные ее части, а именно части Тавризского отряда, воевали на линии фронта в составе 1-го Кавказского кавалерийского корпуса против турок¹⁹. Кроме того, для решения некоторых стратегических задач в штаб кавалерийского корпуса приглашался начальник штаба дивизии. На совещаниях начальников штабов присутствовал, видимо, нередко и В. Ф. Минорский, один из членов четырехсторонней комиссии по разграничению турецко-персидской границы²⁰. Что касается Персидской казачьей дивизии, то она оказывала всяческую помощь действовавшему в западной части Ирана экспедиционному корпусу генерала Баратова. Начальники русских войсковых подразделений нередко обращались с просьбой к генералу Майделю передать им персидских казаков для охраны порядка в тылу своих частей. Однако, видимо, по политическим соображениям, чтобы избежать обвинений в адрес Персидской казачьей дивизии как орудия русской политики, генерал Майдель отказывал им в такой поддержке²¹.

С особой силой возобновилась агитация против дивизии летом 1917 г., когда правительство Керенского приказало главнокомандующему русскими войсками в Иране генералу Баратову приостановить продвижение в глубь территории этой страны. Нет никакого сомнения в том, что такой шаг Временного правительства был предпринят из-за возможного недовольства со стороны англичан. По заявлению Временного правительства, при первой же возможности оно намерено в кратчайшие сроки вывести русские войска с территории Ирана²². Активное участие Персидской казачьей дивизии совместно с русскими войсками в боевых действиях, усилившее эффект антидивизионной агита-

¹⁹ РГВИА, ф. 13185, д. 48, л. 140.

²⁰ Там же, л. 147.

²¹ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 178.

²² Fatemi Nasrollah. *Diplomatic History of Persia. 1917–1923. Anglo-Russian Power Politics in Iran*. New York, 1952, p. 7.

ции, не могло не вызывать недовольство иранцев. По сообщению Майделя, такая агитация идет все время и особенно усилилась последние три месяца, нередко случаи побоев самих персидских казаков и изъятия у них оружия²³. Конкретный пример такого отношения приводится в рапорте начальника Урмийского отряда войскового старшины Штольдера от 18 ноября 1917 г. Согласно сообщению, персидские казаки Агаджан-хан и Абдол-Хосейн покупали хлеб на базаре. Со своими слугами появился Сеид-Муса-Садр (мулла) и запретил продавать хлеб казакам, затем его слуги по его приказу палками избили и выгнали казаков. Испугавшись, последние не оказали сопротивления. Когда их привели к начальнику отряда, они были в крови и с разбитыми головами. Кроме того, у них отобрали кинжал, ремень, папаху и 2 тумана.. Пожаловались губернатору, который в ответ обещал в будущем защищать казаков от нападения Сеида-Муса-Садра. Прошло несколько дней, и в ответ на письмо начальника Урмийского отряда губернатор написал, что «...Сеид Муса-Садр святой и его нельзя беспокоить и к тому же он представитель партии демократов». По приказу этого «святого» ночью был обыск у казаков, в ходе которого у них отобрали зерно. Губернатор, в свою очередь, вновь обещал сделать многое, но, по словам начальника Урмийского отряда, «на деле не желает признавать Урмийский отряд за законную воинскую часть... Губернатор часто напоминает, что персидское правительство не признает новых отрядов...»²⁴

Позже из Тавризского отряда командиру дивизии полковнику Старосельскому также поступали тревожные вести. Так, заместитель начальника Тавризского отряда капитан Ходалицкий сообщал полковнику Старосельскому следующее: «...справиться с временным командованием надеюсь при поддержке дивизии. Прошу о скорейшем командировании начальника отряда. Травля русских идет со всех сторон, в особенности со времени ухода последних русских войск. Нас не желают ни власти, ни демократы, ни народ. Налицо стремление персов завладеть отрядом и само-

²³ РГВИА, ф. 2000, оп. I, д. 7749, л. 191.

²⁴ РГВИА, ф. 13185, д. 46, л. 1–1об.

стоятельно управлять им. Над русскими инструкторами издеваются в газетах... При таких условиях из числа инструкторов мало кто останется при первой тому возможности. Надо быть в Тавризе, чтобы представить местную обстановку. Желая спасти положение отряда, пошел на сближение с демократами, но чувствую их неискренность. Все русские чины отряда не понимают дальнейшей цели своего тут пребывания...»²⁵.

Между тем в России произошло событие, которое действительно потрясло весь мир. Это был Октябрьский переворот большевиков. Американский исследователь Саирус Гани справедливо признает огромную роль переворота в деле сохранения территориальной целостности Ирана: «То, что спасло Иран от больших разрушений и потерь во время Первой мировой войны, была революция в России 1917 года»²⁶. Приход к власти большевиков означал не только смену режима и выход России из войны, но и появление реальной угрозы со стороны большевистской России интересам Англии на всем Востоке. Первым шагом в этом направлении, вслед за объявлением Декрета о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г., можно считать Обращение председателя Совета народных комиссаров В. Ленина и народного комиссара по делам национальностей И. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. В Обращении большевики в одностороннем порядке объявили об аннулировании договора о разделе Ирана, а также обещали, с прекращением военных действий, вывести русские войска из страны и предоставить иранцам право самим определить свою судьбу²⁷. Вслед за этим Обращением большевистское правительство, заключив Брест-Литовский мирный договор 2 (15) декабря 1917 г., обязалось вместе с Турцией вывести свои войска с территории Ирана. В следующей ноте Л. Троцкого от 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), посланной в ответ на ноту поверенного в делах Ирана в Петрограде Асад-хана, была

²⁵ РГВИА, ф. 13185, д. 46, л. 6.

²⁶ Ghani Cyrus. *Iran and the Rise of Reza Shah. From Qajar Collapse to Pahlavi Rule*. London, New York: I. B. Tauris Publishers, p. 21.

²⁷ См.: *Документы внешней политики СССР*, т. I. Москва, 1957, с. 35.

выражена «необходимость», помимо установления сроков вывода из Ирана русских войск, отозвать из страны русскую военную миссию, т. е. офицеров-инструкторов Персидской казачьей дивизии²⁸.

Как свидетельствуют материалы министерства иностранных дел Ирана, царская миссия в Тегеране отказывалась выводить русские войска по той причине, что они были в контакте с англичанами, которые в свою очередь старались помешать эвакуации войск²⁹. Большевики пошли еще дальше: чтобы придать законную основу выводу русских войск из Ирана, 14 (27) января 1918 г. Троцкий заявил об аннулировании Советом народных комиссаров англо-русского соглашения 1907 г. о разделе сфер влияния, а также всех прежних договоров, ограничивающих права иранского народа на свободное и независимое существование³⁰. Тем временем Майдель продолжал наращивать дивизию и приступил к расширению Исфаганского отряда, который, по его замыслу, должен был выглядеть следующим образом: батальон с четырьмя пулеметами, две горные пушки и приблизительно 100–120 конных. Однако довести дело до конца генералу Майделю не удалось — за десять дней до Октябрьского переворота, 15 ноября 1917 г., на место генерала Майделя³¹ был назначен полковник Г.И. Клерже, который 25 декабря приступил к исполнению обязанностей командира дивизии³², о чем незамедлительно уведомил генерала Баратова³³. Кстати, в своей телеграмме генералу Баратову Клерже приветствовал его следующими словами: «От имени дивизии сердечно приветствую в лице Вашем

²⁸ Там же, с. 73.

²⁹ Chaqueri Cosroe. *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: birt of trauma*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995, p. 144–145.

³⁰ *Документы внешней политики СССР*, т. 1, с. 91.

³¹ Согласно Джахангиру Каем Маками, во время возвращения генерала Майделя в Россию корабль, на борту которого он находился, был взорван большевиками. См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 107.

³² *РГВИА*, ф. 13185, оп. III, д. 54, л. 3, 6.

³³ Там же, без описи, д. 48, л. 181.

полководца, имя которого так много говорит народам древнего Ирана»³⁴. 6 января 1918 г. полковник Клерже в своей депеше начальнику Николаевской военной академии (где, видимо, он преподавал) просил не исключать его из числа членов кафедры, куда он намеревался снова вернуться. Вместе с тем в телеграмме от 20 января 1918 г. Клерже просил хорунжия Баранова из отдела генерал-квартирмейстера сообщить ему, свободен ли путь через Баку³⁵.

Пока продолжалась война на иранском фронте, где русские и англичане действовали совместно, Персидская казачья дивизия должна была охранять порядок в тылу³⁶. Между тем уже в середине декабря из-за начала вывода частей экспедиционного корпуса и его замены добровольцами³⁷, а также национальными частями в глубоком тылу генерал Баратов просил посланника в Тегеране срочного распоряжения о командировании в Керманшах, Боруджирд и Доулатабад отряда персидских казаков. Затем последовали просьбы о замене русских частей, покидающих Казвин, персидскими казаками. Эвакуация, видимо, не обошлась и без печальных инцидентов. Так, например, как следует из телеграммы Клерже генералу Баратову, в последних числах января 1918 г. в Хамадане русскими солдатами были убиты и ранены несколько персидских казаков³⁸.

---

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 8.

³⁶ РГВИА, ф. 13185, д. 48, л. 173.

³⁷ Из русских войск в Иране оставался лишь маленький легион добровольцев смешанного состава, солдаты которого продолжали воевать на стороне союзников, получая британскую помощь. Во главе добровольцев стоял полковник Бичерахов. См.: Hale F. *From Persia Uplands*, L., 1920, p. 208.

³⁸ РГВИА, ф. 13185, д. 48, л. 188.

ГЛАВА XIII

Внутридивизионный переворот 2 февраля 1918 г., или установление английского контроля над Персидской казачьей дивизией. Первые советские посланники в Иране

Дезорганизованность русской армии в Иране в конце 1917 г. создала угрозу проникновения турецких войск, а вместе с ними и германских агентов, в глубь иранской территории и далее в Закавказье и Среднюю Азию и тем самым поставила Британскую империю перед серьезной опасностью. Чтобы не допустить такого развития событий, Англия сама оккупировала северо-западную часть страны. Для противостояния возможному продвижению турецких войск в Закавказье, конечной целью которых был захват Баку и нефтепромыслов, англичане планировали создать альянс с русскими, грузинскими и армянскими военными силами. Исполнение плана было возложено на генерала Л. Д. Денстервиля, который в январе 1918 г. с группой английских офицеров отправился в путь¹.

---

¹ См.: Dunsterville L. G. *The Adventures of Dunsterforce*. L., 1920, p. 3. Отправка английских войск из Хамадана и Казвина в сторону Закавказья состоялась вскоре после совершения внутридивизионного переворота. Это обстоятельство может быть свидетельством того, что до похода в Закавказье англичане хотели обезопасить себя в Тегеране, убрав с должности симпатизирующего большевикам полковника Клерже. См.: Бахар Малек ош-Шоара. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*, с. 78.

Прибыв в середине февраля 1918 г. в город Решт, Денстервиль не смог получить разрешение от главаря джангалийского движения Кучек-хана и находившихся там большевиков на дальнейшее продвижение его колонны, состоявшей из сорока одного автомобиля, в сторону Баку. Ему пришлось вернуться через Хамадан в Казвин. Однако поставленная задача была настолько важна, что, пополнив состав свежими силами, летом того же года Денстервиль снова двинулся по тому же маршруту в сопровождении добровольцев полковника Бичерахова. В июле 1918 г. он смог войти в Баку, но вскоре, когда турецкие войска окружили город, ему пришлось вместе с войсками поспешно эвакуироваться в иранский порт Энзели, а оттуда в Казвин, штаб-квартиру английских войск в Иране². Потерпев неудачу в Закавказье, англичане решили на данном этапе сосредоточить свое внимание на Иране³. Вскоре на должность командующего английскими войсками в Иране вместо генерала Денстервиля был назначен генерал Бетман-Чемпейн⁴.

Следует заметить, что подъем революционного движения в Иране не на шутку обеспокоил англичан. Их опасения вызывал и тот факт, что командир казачьей дивизии полковник Клерже стал благосклонно относиться к большевикам. Тогда, чтобы свести на нет влияние большевиков на дивизию, англичане решили отстранить от должности ее командира полковника Клерже и назначить на его место

---

² Ibid., p. 297–317. После завершения Первой мировой войны англичане остались в Казвине для того, чтобы не позволить большевикам и джангалийцам захватить Тегеран. См.: Wright Denis. *The English Amongst the Persians. Imperial Lives in Nineteenth-Century Iran*. London — New York, 2001, p. 178.

³ Немалую роль в неудаче английской экспедиции сыграл злополучный для Грузии и Армении Брест-Литовский мирный договор, заключенный большевиками 3 марта 1918 г., согласно которому Турции должны были отойти Ардаганский, Карсский и Батумский округа, то есть фактически турецкая граница возвращалась к положению, существовавшему до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Натиск турецких войск в мае 1918 г. вызвал развал Закавказской федеративной республики и привел к образованию трех закавказских республик. Мир с Турцией при посредничестве Германии Грузия и Армения достигли за счет территориальных уступок. Но после подписания 31 октября 1918 г. перемирия туркам пришлось покинуть Баку и Закавказье. См.: Sykes P. *A History of Persia*, p. 525.

⁴ Dunsterville L. G. *The Adventures of Dunsterforce*, p. 65.

какого-нибудь антибольшевистски настроенного офицера. Выбор пал на помощника начальника бригады полковника Старосельского, с которым англичане договорились, чтобы тот устроил переворот в дивизии, после чего взял бы власть в свои руки. Со своей стороны, Старосельский договорился со своим другом, начальником Хамаданского отряда дивизии полковником Филаретовым, и попросил его помочь в этом деле, на что последний дал свое согласие. После этого по приказу Филаретова полковник его отряда Реза-хан (будущий военный министр Ирана и основоположник Пехлевиийской династии) со своим батальоном так незаметно взял в окружение казармы дивизии, что казаки даже не успели оказать сопротивление. После этого Реза-хан направился к резиденции командира Персидской казачьей дивизии, где его ожидал полковник Филаретов. Филаретов и Реза-хан вместе вошли в кабинет Клерже и от имени иранских офицеров потребовали, чтобы он сложил с себя командование дивизией и передал свои полномочия полковнику Старосельскому⁵. Клерже отказывался, но после того, как Филаретов и Реза-хан пригрозили применить силу, он был вынужден исполнить их требование⁶. Как выясняется, подготовка к захвату дивизии велась еще до приезда полковника Клерже в Тегеран. Англичанами был пущен слух, нашедший распространение среди местных интеллектуалов, о том, что поскольку революционное правительство России не проявляет интереса к Персидской казачьей дивизии, то иранскому правительству следовало бы ее захватить⁷.

---

⁵ Согласно Малек ош-Шоара Бахару, как только Филаретов выставил ультиматум полковнику Клерже, он незамедлительно доложил об этом в английскую миссию, после чего оттуда в казачьи казармы прибыли ее представители.

⁶ См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахаволат-е сиаси-йе незам-е Иран* с. 112. Услуга Реза-хана, оказанная им англичанам, стала судьбоносной и для самого исполнителя внутривизийного переворота. Именно на него была сделана ставка при планировании государственного переворота 21 февраля 1921 г. См.: Мостоуфи Абдалла. *Шарх-е زندегани-йе ман на тарих-е эджтемай ва эдари-йе доуре-йе каджариие*. Тегеран. Чап-е чахаром, 1377, с. 200.

⁷ Бахар Малек ош-Шоара. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*, с. 77. Тогда иранское правительство решило заменить название «казак» другим военным термином, сменить традиционную униформу, а командование над дивизией передать одному из каджарских принцев, предположительно Носрат од-Доуле, но Ахмад-шах, видимо, опасаясь потери контроля над ней, не дал своего согласия.

*Полковник Реза-хан — будущий командир
Персидской казачьей дивизии, военный министр
и основатель шахской династии Пехлеви
(1925–1941 гг.)*

В результате этого переворота коренным образом изменилось отношение англичан к дивизии. Если раньше англичане постоянно стремились уничтожить или же, по крайней мере, максимально ослабить бригаду, то теперь, в день переворота — 2 февраля 1918 г. — по соглашению, заключенному английским посланником Марлинггом с полковником Старосельским и иранским правительством, английская сторона брала на себя обязательства по содержанию Персидской казачьей дивизии и обещала ежемесячно выделять 160 тыс. туманов для ее нужд⁸. Отношение к ди-

⁸ Розенблюм И. Р. *Персидская армия*, с. 11.

визии стало другим еще и потому, что пришедший на смену павшему в декабре 1917 г. правительству Айн од-Доуле энергичный Хасан Восук од-Доуле стал придавать ей большое значение. Согласно С. Гани, весной англичане поверили в то, что только Восук од-Доуле способен поставить Иран на ноги. Но сам кандидат в премьеры выставил им четыре условия, среди которых, помимо требования об аннулировании англо-русских соглашений 1907 и 1915 гг. о разделе Ирана, был роспуск Корпуса южно-персидских стрелков и расширение Персидской казачьей дивизии под командованием офицеров из нейтральных стран, а также иранских офицеров. Восук од-Доуле хотел, чтобы Великобритания взяла на себя ежемесячные расходы по ее содержанию в размере 300 000 туманов⁹.

По мере покидания русскими войсками Ирана, требования иранской стороны становились все жестче, а русские инструкторы чувствовали свою полную беспомощность. Русские офицеры из командиров превращались в простых инструкторов, то есть исполнителей воли иранского правительства и шаха, что отчетливо видно из телеграммы начальника дивизии Старосельского от 23 февраля 1918 г. капитану Ходалицкому в Тавриз: «Его Величество шах повелел: в случае возникновения в Тавризе беспорядков исполнять все приказания Валиагда и Пишкера, категорически запрещает употреблять оружие против народа без особого его разрешения. Принять все меры к тому, чтобы не произошло никакой вражды и распри между мусульманами и христианами. Ввиду серьезности момента предоставляю Вам право устранять от служебных обязанностей не исполняющих Ваших приказаний инструкторов, телеграфируя мне для немедленного их отчисления. Если не надеетесь лично на себя, телеграфируйте, будет назначен другой начальник отряда»¹⁰. Нетрудно предположить, в каком плачевном положении оказались русские офицеры-инструкторы при изменившейся ситуации. Среди них были многие, которые не могли, по разным соображениям, оставаться

⁹ Ghani Cyrus. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 25.

¹⁰ РГВИА, ф. 13185, д. 46, л. 114 об.

в дивизии. Поэтому в своей телеграмме от 26 февраля Старосельский прямо пишет капитану Ходалицкому: «Дивизия находится в прежнем положении. Нежелающие служить при трудной обстановке могут уходить. Телеграфируйте их фамилии для отчисления. Будьте очень требовательны к службе»¹¹. Как видно, офицеры уже не исполняли свои обязанности с прежним рвением, полностью игнорируя свой служебный долг. Именно халатность, допущенная русскими офицерами при исполнении своих служебных обязанностей, как выясняется, стала причиной разгрома Урмийского отряда айсорам в марте 1918 г. Еще в феврале, обращаясь к начальнику Тавризского отряда Ходалицкому, Старосельский приказывал ему вернуть в Урмийский отряд русских инструкторов, бросивших на произвол судьбы своих подопечных¹². Начавшееся брожение в Тавризе также не давало покоя начальству дивизии. Поэтому каждый раз Старосельский настоятельно просил капитана Ходалицкого сообщить Валиахду и Пишкару о необходимости концентрации больших сил Тавризского отряда в городе. Брожение коснулось и Рештского отряда, который, за исключением русских инструкторов, полностью перешел на сторону Кучек-хана¹³.

Тем временем 3 марта 1918 г. большевистское правительство подписало с Турцией так называемый Русско-турецкий дополнительный договор к мирному договору, в VIII статье которого было сказано следующее: «Оба правительства (т. е. русское и турецкое. — *Н. Тер-Оганов*) выведут свои войска с персидской территории. С этой целью они войдут в сношения с правительством этой страны, чтобы выработать детали эвакуации и меры, необходимые для обеспечения того, чтобы политическая и экономическая независимость и территориальная целостность страны были также соблюдаемы третьими государствами»¹⁴. И до 23 марта 1918 г. русские войска, за исключением отрядов доброволь-

¹¹ Там же, л. 118.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 118, 131.

¹⁴ *Документы внешней политики СССР*, т. 1, с. 202.

цев, сформированных генералом Баратовым в округах Керманшаха, Казвина, Гиляна и др., а также части Хорасанского отряда, уже были полностью эвакуированы из Ирана, после чего приступили к вывозу «многомиллионного» имущества экспедиционного корпуса¹⁵. Надо признать, что брожение, начавшееся в отрядах дивизии не без воздействия внешних факторов, продолжалось. Вслед за Тавризским и Рештским отрядами ситуация ухудшилась и в Ардебильском отряде. Капитан Добромислов 30 марта 1918 г. в панике сообщал полковнику Старосельскому, что «казаки могут изменить. Положение отряда ужасное. Кругом шахсевены грабят семьи казаков. Необходима срочная помощь, две или одна рота с пулеметами, иначе повторится Урумия»¹⁶.

Между тем большевистское правительство в своей ноте от 13 апреля 1918 г. выражало недовольство тем, что, вопреки многократным извещениям о прекращении контактов с фон Эттером, иранское правительство продолжало с ним отношения, хотя он еще 22 ноября 1917 г. сложил с себя обязанности посланника¹⁷. Не добившись привлечения на свою сторону всего дипломатического корпуса, консульских работников и пограничных комиссаров, большевики объявили их государственными преступниками и запретили всякие сношения с ними¹⁸. Единственное исключение составил бывший вице-консул в Хое Карл Бравин, который откликнулся на циркуляр Троцкого русскому дипломатическому корпусу присоединиться к революционному правительству и изъявил желание встать на службу советской власти. Бравин фактически стал первым дипломатическим агентом Советской России в Иране¹⁹. Прибыв в Тегеран 13 (26) января 1918 г., он развел бурную антибританскую кампанию, в ходе которой призывал «присоединиться к России в борьбе против са-

¹⁵ *Документы внешней политики СССР*, т. 1, с. 273–274.

¹⁶ *РГВИА*, ф. 13185, д. 46, л. 136. Имеется в виду разгром Урмийского отряда Персидской казачьей дивизии ассирийцами.

¹⁷ *Документы внешней политики СССР*, т. 1, с. 714.

¹⁸ Там же, с. 243.

¹⁹ Там же, с. 713–714.

мого жадного империалистического правительства [Великобритании] на земле»²⁰.

Бравин сообщил иранскому правительству, что русская военная миссия отзывается. Однако, по замечанию Каем Маками, русские офицеры заявили Бравину «о своем отрицательном отношении к коммунистическому и революционному правительству». В ответ на это заявление русских офицеров, Бравин передал министру иностранных дел Ирана ноту, в которой потребовал от иранской стороны их отчисления из дивизии²¹. Однако, как пояснил в своей статье исследователь С. Иранский, Бравину была чужда советская власть, поэтому он был не в состоянии сделать что-либо существенное для установления советско-иранских отношений и поэтому в июне 1918 г. его отозвали в Москву, а Чрезвычайному комиссару на Кавказе С. Шаумяну было предложено направить в Тегеран другого представителя²².

Большевики не скрывали своей цели на Востоке — путем инициирования и поддержки так называемых народно-освободительных движений добиться ослабления позиций Англии на всем Востоке и, в частности, в Иране. Поэтому была естественной и реакция Англии на предпринимаемые большевиками шаги, что особенно проявилось в последующие годы. Кроме того, Англия, которая, после вывода русских войск из Ирана, фактически стала единоличным хозяином положения в стране, была ярким противником установления дипломатических отношений Ирана с советской властью. Англичане прекрасно понимали, что большевистская пропаганда в Иране могла быть намного опасней, чем замыслы царских военно-политических кругов. Следовательно, Великобритания не была заинтересована в признании новой советской власти и поэтому оказывала давление на иранское правительство с целью не допустить установления дипломатических отношений с боль-

²⁰ Foreign Office 371/3874/205742. — in Cyrus Ghani. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 52.

²¹ См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 113.

²² Иранский С. Русско-персидские отношения за пять лет. — *Новый Восток*, 1923, № 3, с. 95.

шевиками²³. В июле 1918 г. Советская Россия отправила в Иран дипломатическую миссию Коломийцева и Караханяна. Буквально через несколько дней после приезда Коломийцева, скорее всего в конце августа, в Тегеране состоялось свидание Коломийцева с товарищем министра иностранных дел Ирана. На встрече Коломийцев пытался доказать (как пишет советский дипломат Б. З. Шумяцкий) «губительность... тактики не только не признавать, но даже и не считаться с фактом существования в границах бывшей царской империи правительства большой страны, тем более страны, внешняя политика которой зиждется не на принципе порабощения, а на принципе содружества и сотрудничества». Согласно Шумяцкому, Коломийцев предлагал иранскому правительству оставить в стороне вопросы о формальном признании советского правительства и вступить с ним по ряду неотложно жизненных вопросов в деловые взаимоотношения и, в первую очередь, по вопросам, касающимся командования бывшей казачьей дивизии, а также по вопросам пограничного населения²⁴.

Большевики были враждебно настроены против Персидской казачьей дивизии, считая ее рудиментом царского режима в Иране, и по этой причине через своего посланника Коломийцева передали иранскому правительству послание, в котором требовали отставки русских офицеров дивизии²⁵. Однако правительство Восук од-Доуле, пришедшее к власти 5 августа 1918 г. и финансируемое англичанами, не посмело признать советскую власть. Вместе с тем произошло изменение и в составе английской миссии. В сентябре 1918 г. на место сэра Ч. М. Марлинга был назначен новый посланник сэр Перси Кокс, пользовавшийся доверием лорда Керзона и занимавший с 1915 г. пост британского резидента в Персидском заливе. Он прибыл в Тегеран 15 сентября того же года²⁶. С сентября 1918 г. до своего назначения

²³ *Документы внешней политики СССР*, т. 1, с. 714.

²⁴ См.: Шумяцкий Б. З. *На посту советской дипломатии*. М., 1960, с. 33.

²⁵ Pearce Brian. *The Staroselsky Problem 1918–20: An Episode in British-Russian Relations in Persia*. London. November 1994, p. 20.

²⁶ Ghani Syrus. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 28.

на пост министра иностранных дел (январь 1919 г.) лорд Керзон фактически руководил его работой. Керзон как архитектор британской политики в Иране до своего назначения на пост министра иностранных дел был председателем созданного в конце 1917 г. Персидского комитета, в задачу которого входило окончательное решение «персидского вопроса», что подразумевало расширение британского контроля над всей страной. Далее, в марте 1918 г. под председательством лорда Керзона был создан Восточный комитет, в сферу которого входил огромный регион, охватывавший арабские территории восточнее Суэца, а также Иран, Афганистан, Кавказ и Туркестан²⁷.

Фактически в результате подписания 30 октября 1918 г. Турцией соглашения по перемирию со странами Антанты в Мудросе, а также прекращения военных действий, а затем и перемирия с Германией 11 ноября того же года, вывода турецко-германских войск из Закавказья, были убраны все препятствия с дороги для полного контроля Ирана англичанами²⁸. Однако планы англичан могло спутать сближение Ирана с Советской Россией. Опасаясь распространения большевистских идей в этой стране и их воздействия на мусульманский мир Ближнего и Среднего Востока, Англия всеми доступными ей средствами боролась против установления советско-иранских отношений. Именно в этом ключе следует рассматривать действия персидских казаков 2 ноября 1918 г., напавших, по указанию англичан, на советскую дипломатическую миссию и разгромивших ее (тогда Коломийцеву удалось бежать, Караханяна арестовали)²⁹.

Вторая попытка Коломийцева по поручению народного комиссара по иностранным делам Г. Чичерина проникнуть в Иран в качестве официального представителя советской власти окончилась, как известно, плачевно. Англофильское правительство Мирзы Хасан Восук од-Доуле дало согласие на то, чтобы группа офицеров из казачьей дивизии с тремя английскими офице-

²⁷ Ibid.

²⁸ Lenczowski G. *Russia and the West in Iran. 1918–1948*, p. 22.

²⁹ Иранский С. Персия в борьбе за независимость. М., 1925, с. 164.

рами в сопровождении наряда, состоявшая из казаков и сипаев под начальством советника меньшевистской русской миссии Зильдербрандта, произвела обыск в помещении миссии Коломийцева, а его сотрудников арестовала для передачи их англичанам для последующей их высылки в Индию. Это произошло, судя по свидетельству Шумяцкого, в середине августа. Как следует из текста телеграммы от 21 августа, отправленной полковником Филиповым полковнику Старосельскому, «большевистские комиссары во главе с их начальником Коломийцевым арестованы. После того, как они будут препровождены ко мне, представлю Вам рапорт»³⁰. Как выясняется, «большевистских комиссаров» оказалось не так уж мало — 150 человек. В свою очередь полковник Старосельский, не зная что делать с арестованными, спрашивал у начальства, как с ними поступить. К тому же он указывал и на отсутствие в его распоряжении необходимых транспортных средств: «судна, на котором их можно было бы куда-либо (?! — *Н. Тер-Оганов*) отправить, не имеется». Тогда, чтобы не создавать себе лишней головной боли, по манере самих же большевиков, решили их... расстрелять. 23 августа Коломийцев был застрелен по дороге самим полковником Филиповым³¹. По другой версии, Коломийцев был расстрелян 24 августа 1919 г. вместе с Караханяном³².

Таким образом, попытки советской власти установить дипломатические отношения с Ираном не увенчались успехом, хотя большевистское правительство за два месяца до этого инцидента в своем обращении от 26 июня 1919 г. к иранскому правительству и народу еще раз предложило установить равноправные отношения с Ираном. В этом документе Советская Россия отказывалась от всякого участия в организации вооруженных сил на территории этой страны³³.

³⁰ Шумяцкий. *На посту советской дипломатии*, с. 58.

³¹ Там же, с. 58–59.

³² См.: Chaqueri Cosroe. *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: birth of trauma*, p. 150–151.

³³ См.: *Документы внешней политики СССР*, т. II, 1958, с. 200.

В этой связи прав историк Сайрус Гани, когда пишет о том, что Восук од-Доуле недооценил рост советского влияния и его всевозрастающую роль в политической игре в Иране. «Он не поверил в то, — пишет С. Гани, — что русская революция может быть успешной, и не отправил посланника в Россию за все время своего премьерства. Он даже закрыл иранскую миссию в Москве»³⁴.

---

³⁴ Ghani Syrus. *Iran and Rise of Reza Shah*, p. 52.

ГЛАВА XIV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АНГЛО-ИРАНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ 1919 Г. И ПРОБЛЕМА ПОЛКОВНИКА СТАРОСЕЛЬСКОГО

Устранение России — своей традиционной соперницы в Иране — Англия использовала для укрепления там своих позиций¹. Именно в этом ключе можно рассматривать и англо-иранское секретное соглашение от 9 августа 1919 г., подписанное в Тегеране английским посланником сэром Перси Коксом с иранским премьер-министром Восук од-Доуле, министром иностранных дел Фируз-мирзой Носрат од-Доуле и министром финансов Акбар-мирзой Сарем од-Доуле², открывшее широкую дорогу англичанам в эту страну³. Автором и вдохновителем соглашения был ми-

---

¹ См.: Макки Хосейн. *Мохтасари аз зендегани-йе сияси-йе Солтан Ахмад-шах-е Каджар*. Тегеран, 1323, с. 6–7.

² Согласно Дж. Бальфуру, британскому финансовому советнику, Восук од-Доуле, Фируз-мирза Носрат од-Доуле и Сарем од-Доуле в качестве взятки за одобрение соглашения получили от британского правительства 131 тыс. ф. ст. См.: Balfour J. M. *Recent Happenings in Persia*. Edinburgh and London, 1922, p. 127–128.

³ По соглашению, британское правительство брало на себя обязательство передать в распоряжение иранского правительства группу советников, которые за счет последнего должны были реорганизовать административный аппарат, армию и финансы, а также улучшить коммуникации. Причем согласно третьему параграфу соглашения, предусматривалось создание совместной комиссии, состоящей из англо-иранских военных экспертов, в задачу которой входила бы «оценка нужд Персии в вопросе формирования однотипной

нистр иностранных дел Великобритании лорд Керзон⁴. По мнению Абулфазла Касеми, именно Восук од-Доуле и его министр иностранных дел Фируз-мирза Носрат од-Доуле стояли во главе англофильской группировки, отчаянно защищавшей «позорное соглашение 1919 г.»⁵. Причем, если судить по докладу английского посланника Г. Нормана лорду Керзону за номером 808–61 от 12 декабря 1920 г., правительство Восук од-Доуле ежемесячно получало 350 тыс. туманов для того, чтобы заткнуть рты своим противникам⁶. В связи с подписанием соглашения английский посланник сэр П. Кокс считал необходимым назначить финансового советника, а также создать Военную комиссию. По его мнению, основные проблемы, с которыми пришлось бы иметь дело Военной комиссии, состояли в следующем: прежде всего, нужно определить количество, состав и распределение вооруженных сил, организацию частей и формирований. Все это должно было служить одной конечной цели — включению различных военных формирований в однотипную военную силу. Вместе с тем следовало решить вопрос о системах обеспечения персонала и рекрутирования, а также жалования офицеров и личного состава, снабжения оружием и снаряжением, транспортом и т. д. По утверждению П. Кокса, вопрос был обсужден с английским военным атташе в Тегеране, после чего посланник изложил свое мнение по данному вопросу. По предложению П. Кокса, Военную комис-

---

армии». Текст данного соглашения см.: Sykes P. *A History of Persia*, p. 520–521. По утверждению Хосейна Макки, Ахмад-шах был противником подписания англо-иранского соглашения, что сыграло злую шутку в его дальнейшей судьбе. См.: Макки Хосейн. *Мохтасари аз зендегани-йе сияси-йе Солтан Ахмад-шах-е Каджар*, с. 164.

⁴ По справедливому утверждению Д. Райта, Дж. Керзон выбрал совершенно неподходящее время для осуществления своего плана по преобразованию Ирана под британским руководством. См.: Wright D. *The English Amongst the Persians*, p. 178.

⁵ По утверждению Мохбер ос-Салтане, англо-иранское соглашение превращало Иран в английский протекторат. См.: Мехдикколи Хедаят Мохбер ос-Салтане. *Хатерат ва хатарат*, с. 398.

⁶ Касеми Абулфазл. *Олигаршии на ханеданха-йе хокуматгар-е Иран*. 1. Ханедан-е Фируз, Фаманфармаян, 1354, Тегран, с. 65 (на перс. яз.).

сию следовало организовать на уровне дивизионного штаба в составе восьми лиц: главного офицера в качестве президента Военной комиссии, офицера Генерального штаба, помощника генерал-адъютанта, помощника генерал-квартирмейстера, офицера королевских военно-воздушных сил, артиллерийского офицера, офицера по политическим вопросам и медицинского офицера.

Военная комиссия должна была сформироваться в Тегеране и приступить к изучению положения в штабах иранской армии, как в столице, так и в провинциях. Высказывалось мнение, чтобы британские члены Комиссии имели опыт работы в индийской военной системе и хорошо владели французским или персидским языками. П. Кокс просил британское правительство, впрочем, как и индийское, признать его правомочным судить самому о качествах набираемых людей и не навязывать ему лиц, против которых у него могли быть свои возражения⁷. Согласно 3-му пункту англо-иранского соглашения, английские инструкторы должны были провести полную реорганизацию иранских вооруженных сил. Английский посланник обещал лорду Керзону постоянно информировать его об отношении иранцев к этому соглашению⁸.

Особый интерес для посланника представляла Персидская казачья дивизия и ее отношение к упомянутому соглашению. По этому поводу П. Кокс писал лорду Керзону следующее: «После того момента, когда мы стали выплачивать субсидию Казачьей дивизии через кабинет вместо ее прямой передачи Старосель-

---

⁷ *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. General Editors: Kenneth Bourne and D. Cameron Watt. Part II, Series B. Vol. 16, University Publication of America, Doc. 79[115243], p. 48.*

⁸ *Ibid.*, Doc. 83 [120553], p. 51. Как и следовало ожидать, англо-иранское соглашение было воспринято большевиками в штыки. В своем Обращении от 30 августа 1919 г. к рабочим и крестьянам Ирана Народный комиссариат иностранных дел Советской России осуждал послевоенное вмешательство англичан во внутренние дела Ирана. Касаясь вопроса подписания англо-иранского соглашения, авторы Обращения считали его «абсолютно незаконным и позорным». См.: Joukoff Eudin Xenya and North Robert C. *Soviet Russia and the East. 1920–1927. A Documentary Survey*. Stanford, 1964, p. 93.

скому, последний стал намного дружелюбнее как в отношении премьер-министра, так и меня. Во время джангалийской операции было сердечное взаимодействие между ним и нашими военными властями»⁹. Тем не менее, подписание англо-иранского соглашения резко обострило отношения между Великобританией и русским командиром Персидской казачьей дивизии¹⁰. По утверждению П. Кокса, перед подписанием соглашения Старосельский высказывал свое негативное отношение к нему, говорил о том, что русские офицеры никогда не будут служить под начальством офицеров других национальностей. В случае давления на русских офицеров, Старосельский был готов покинуть дивизию и уйти к Деникину или даже перейти к большевикам¹¹.

Английский посланник, узнав о настроении Старосельского, решил успокоить его. Через английского военного атташе он передал Старосельскому, что готов рассмотреть вместе с ним волнующий его вопрос. Поскольку соглашение было уже подписано, то он попросил Старосельского повидаться с ним. Кокс разъяснил Старосельскому суть намечаемой военной реформы — объединение всех вооруженных формирований в однотипную силу. Однако, как он пояснил, окончательное решение по данному вопросу должна была вынести Военная комиссия, работа которой могла затянуться на недели, а то и месяцы, пока рекомендации Комиссии будут претворены в жизнь. Старосельский настаивал на сохранении статуса дивизии и ее командира, основанном на договорах, заключенных между российским и иранским правительствами. Английский посланник заверил его, что не стоит беспокоиться за свою судьбу. После этой встречи последовали волнения среди офицеров и личного состава дивизии, которые, по замечанию Кокса, были введены в заблуждение интригами, согласно которым они подлежали расформированию или же под-

⁹ Ibid., Doc. 84 [122994], p. 51.

¹⁰ См.: Cronin S. *The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, p. 74.

¹¹ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 84 [122994], p. 52.

чинению сразу британским офицерам. Кокс не преминул встретиться по данному вопросу с российским поверенным в делах, которому дал те же пояснения, добавив, что это движение среди казаков на данном этапе совершенно беспричинно, особенно в свете его беседы со Старосельским.

Согласно заверениям английского посланника, активная оппозиция не ожидалась со стороны дивизии. Вместе с тем он не исключил возможности изменения ситуации в случае получения Старосельским инструкций от Сазонова или Деникина¹². П. Кокс с подозрением относился ко всем русским. Так он сообщал лорду Керзону об оппозиции со стороны нескольких «русских элементов», представленных в лице Старосельского, российской миссии и связанных с ней людей, а также большевиков¹³. Соглашение вызвало волну протеста не только со стороны иранских националистов¹⁴. Как известно, советское правительство заняло непримиримую позицию в отношении соглашения, которую оно выразило в своем специальном Обращении «К рабочим и крестьянам Персии», опубликованном 30 августа 1919 г., назвав соглашение «кабальным»¹⁵. Можно сказать, что англо-русское соперничество никуда не исчезло: в новой политической обстановке оно приняло лишь форму идеологического противостояния. Советы не скрывали, что они были заинтересованы в усилении своего влияния в странах Востока и, в частности, в Иране. Подписание англо-иранского соглашения было использовано большевиками для наращивания антибританской агитации. Чтобы усилить антибританские настроения в Иране, в деклара-

---

¹² Ibid., Doc. 84 [122994], p. 52.

¹³ Ibid., Doc. 85 [122994], p. 65.

¹⁴ Между прочим, заключением этого соглашения были недовольны США и Франция. См.: Малек ош-Шоара Бахар. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*, с. 39.

¹⁵ Алиев С. М. *История Ирана. XX век*. Москва, 2004, с. 98. Помимо Советской России правительства США и Франции обвинили Англию в осуществлении секретной дипломатии в Ираке и навязывании Ирану статуса протектората. См.: Pearce Brian. *The Staroselsky Problem 1918–20: An Episode in British-Russian Relations in Persia*, p. 12.

ции, подписанной Г.В. Чичериным и заведующим ближневосточным отделом Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Н.К. Наримановым, было заявлено о непризнании Советской Россией англо-иранского соглашения. Более того, чтобы всячески затруднить англичанам его осуществление, советская сторона заявила о своем отказе от всех привилегий, приобретенных прежним режимом¹⁶. По убеждению английской стороны, наиболее важной целью большевиков было настроить весь мусульманский мир против Британской империи. Они искусно использовали даже панисламское движение и старались направить его в антибританское русло¹⁷.

Если судить по телеграмме Кокса лорду Керзону от 30 сентября 1919 г., русские офицеры были убеждены в том, что англо-иранское соглашение направлено против интересов России, и поэтому как настоящие русские они должны были противиться его претворению в жизнь. Тем не менее, англичане были вынуждены считаться с ведущей ролью Персидской казачьей дивизии в вооруженных силах Ирана, в которой по списочному составу на сентябрь 1919 г. числились семь тысяч казаков. Кокс был убежден в том, что Великобритания должна была продолжать оказывать материальную помощь Персидской казачьей дивизии, поскольку в случае продвижения большевиков и падения находящегося у власти про-британского правительства могли оказаться в опасности не только британские интересы в Иране, но и в соседней Индии¹⁸.

Судя по высказываниям П. Кокса относительно намерений Старосельского, можно прийти к выводу, что русский командир использовал все средства для сохранения существующего статуса казачьей дивизии и очернения англо-иранского соглашения. Для этой цели он умело приводил в качестве пугала высказывания В.И. Ленина и правительства Советского Азербайджана о характере англо-иранского соглашения. Английский посланник об-

¹⁶ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 131 [154949], p. 91.

¹⁷ Там же, Part II, Series B, Vol. 1, Doc. 127 [174130], p. 219–220.

¹⁸ Там же, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 102 [135878], p. 65–66.

ращал внимание лорда Керзона на опасность концентрации всего состава дивизии в Азербайджане и Гиляне, в результате которой казачья дивизия могла оказаться вне поля действия соглашения. Кроме того, П. Кокс выражал свое опасение по поводу того, что независимое положение Старосельского могло подтолкнуть его к мысли о необходимости увеличения военного потенциала дивизии с целью ведения торговли с кавказскими республиками, а также к возможному сотрудничеству с царским генералом Деникиным¹⁹. Между тем предостережение П. Кокса о недопустимости объединения казачьих отрядов было признано правильным и английским военным ведомством²⁰. Более того, по сообщению Керзона, военное министерство вообще надеялось на роспуск казачьей дивизии при первой возможности²¹.

Подписание англо-иранского соглашения вызвало широкую политическую оппозицию в Иране²². Между тем, как можно судить по секретной телеграмме английского военного агента в Тегеране подполковника Генерального штаба Дж. Хоскина от 14 октября 1919 г., оппозиция была довольно внушительной: свое недовольство с соглашением выражал и генерал-губернатор Азербайджана сепасалар Азам, которого англичане подозревали даже в разжигании беспорядков в Тавризе. Против этого соглашения, как нам известно, выступал и командир Персидской казачьей дивизии полковник Старосельский, который вызвал некоторых высших офицеров из казачьих отрядов в Тегеран под видом их инструктажа по вопросу военных операций в Астарабадской провинции. Как сообщал английский военный агент, в действительности обсуждался вопрос о будущем дивизии после подписания этого соглашения. «В настоящее время, — сообщал Хоскин, — в Тегеране находятся восемнадцать офицеров дивизи-

---

¹⁹ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 104 [135878], p. 66.

²⁰ *Ibid.*, p. 73.

²¹ *Ibid.*, p. 74.

²² *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 114 [150067], p. 74.

зии». Английский военный агент внимательно следил за передвижениями частей дивизии как по направлению к столице, так и из нее²³.

Старосельский был предан старому режиму и надеялся, что когда-нибудь Россия вернет утерянные ею позиции в Иране. Как пояснил находившийся в то время в Лондоне министр иностранных дел Ирана Фируз-мирза Носрат од-Доуле во время беседы с лордом Керзоном, «Старосельский был общепризнанным сторонником старого русского режима в Иране. Он был бы рад стать союзником любой силы, желающей вернуть русское преобладание в этой стране». Необходимо заметить, что положение Старосельского усиливала и личная позиция Ахмад-шаха, который всецело надеялся на русского полковника и дивизию, верно охранявших его трон. Однако, по мнению Носрат од-Доуле, для правительства Восук од-Доуле Старосельский представлял серьезную опасность. Поэтому иранское правительство стало рассматривать вопрос о завершении найма Старосельского. В связи с этим министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона интересовал вопрос, насколько иранское правительство было в состоянии отстранить Старосельского от дел в случае отсутствия шаха в Иране. «Лично я, — писал лорд Керзон П. Коксу, — был бы рад увидеть исчезновение этого русского элемента потому, что это абсурдная аномалия, в результате которой британское правительство годами должно было платить, и теперь оно платит силе, на чью преданность мы не можем рассчитывать, и посему опасность, предсказанная Носрат од-Доуле, является такой, которую я не могу игнорировать»²⁴.

Несмотря на то что англо-иранский договор вызвал всенародное возмущение в Иране и не был ратифицирован межджибом, англичане все же стали готовиться к реорганизации армии. Уже осенью 1919 г. Великобритания стала формировать команду

---

²³ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 130 [Secret.], p. 91.

²⁴ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. 16, Doc. 107 [144505], p. 70.

из финансовых и военных специалистов для их отправки в Иран. В качестве финансового советника для управления иранским министерством финансов был назначен Сидней Армитадж-Смит. Ему следовало также решить вопрос о финансовой задолженности Ирана Великобритании. Что же касается военных советников, то они должны были взять на себя руководство вооруженными силами Ирана. Для этой цели в ноябре 1919 г. бригадный генерал Уильям Диксон, бывший генеральный инспектор так называемого Восточно-персидского кордона, был избран в качестве главы смешанной англо-иранской военной комиссии, чьей задачей было создание в Иране однотипной армии путем интеграции казаков, жандармов, а также малых провинциальных воинских единиц.

В середине декабря 1919 г. генерал Диксон прибыл в Тегеран, где вскоре начал переговоры с помощником военного министра Аббас-мирзой Салар Лашкаром. Приезд военной миссии вызвал отрицательную реакцию со стороны иранского общества. В результате оппозиционные газеты усилили свои нападки на Восук од-Доуле²⁵. Прибывший вместе с группой английских офицеров в Иран генерал Диксон разработал проект будущей реорганизации иранской армии, согласно которому различные воинские части Ирана, в том числе Персидская казачья дивизия, должны были объединиться в одну 50-тысячную армию. Проект предусматривал также назначение английских офицеров на высокие командные посты. Англичане методично приступили к проведению в жизнь своего плана. Сначала они подчинили себе иранскую жандармерию, затем центральную бригаду, во главе которой поставили своих инструкторов. Затем наступил черед Персидской казачьей дивизии, которая по-прежнему находилась в подчинении у русских офицеров. Но для проведения реорганизации армии требовалось установление английского контроля над финансовой системой Ирана.

Желая сломить сопротивление Старосельского по вопросу о будущем расформировании Персидской казачьей дивизии, Во-

---

²⁵ Ghani Syrus. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 56.

сук од-Доуле просил П. Кокса довести до сведения главы русского правительства в изгнании Сазонова, что дальнейшее субсидирование зависит от русского командира дивизии, который должен согласиться с мерами по мирному решению данной проблемы. В противном случае ему следовало бы подать в отставку и покинуть Иран. Согласно мнению иранского премьера, в случае игнорирования Старосельским упомянутого предложения или отказа иранское правительство могло сильно надавить на командира²⁶. На состоявшемся 12 марта 1920 г. совещании с участием командующего силами Норперфорса генерала Х. Б. Бетман-Чемпейна, главы британской военной комиссии генерала Диксона, премьер-министра Восук од-Доуле, министра финансов Сарем од-Доуле и английского посланника П. Кокса были обсуждены два вопроса. Первый вопрос касался большевистской угрозы и степени готовности иранского правительства оказать содействие своими военными формированиями Норперфорсу. Второй вопрос имел отношение к Персидской казачьей бригаде²⁷.

По сообщению П. Кокса, объединенная комиссия до наступления Ноуруза (Нового года), т. е. до 21 марта 1920 г., должна представить доклад, в котором была бы дана рекомендация о трансформации Персидской казачьей дивизии, южноперсидских стрелков и жандармерии в однотипную регулярную армию. Принимая во внимание сомнительную верность Персидской казачьей дивизии британцам и иранскому правительству, по мнению Военной комиссии, проблему Старосельского следовало решить раз и навсегда до наступления весны следующего года, опасаясь переброски по Волге вооруженных сил большевиков, якобы желающих оказать помощь Персидской казачьей дивизии. Суть вопроса была обсуждена иранским премьером Восук од-Доуле, генералом Диксоном и посланником П. Коксом. Было решено, что иранский премьер поставит в известность генерала Старосельского о выработанных ими рекомендациях. Вопрос

²⁶ См.: *Documents on British Foreign Policy*. 1919–1939. Ed. Rohan Butler, M. A. and J. P. T. Bury. First Series. Vol. XIII, L., 1963, p. 448–449.

²⁷ *Ibid.*, p. 449–450.

ставился так: согласен ли он выполнить рекомендации? Старосельский ответил, что он не имеет полномочий вносить изменения в организационную структуру казачьей дивизии, основанную на русско-иранских договорах, которые, как он считал, все еще находились в силе. Единственное, на что он мог согласиться, было сокращение численности дивизии. При этом он сослался на гарантии, данные ему самим шахом, и отказался от соглашательства за счет ущемления русских интересов в Иране. В оправдание занятой им позиции генерал Старосельский сказал, что в случае его сотрудничества в какой бы то ни было форме его будут считать за человека, предавшего российские интересы. Вместе с тем он выразил готовность покинуть Иран и выехать в Европу или Англию. Причем он счел необходимым, перед тем как дать окончательный ответ, просить Сазонова снабдить его необходимыми инструкциями²⁸.

Военная комиссия также рекомендовала иранскому правительству незамедлительно решить вопрос о казачьем гарнизоне, дислоцированном в Тегеране, в связи с чем было решено не настраивать против себя дивизию. Исходя из ситуации, следовало лишь довольствоваться изгнанием Старосельского, оставив других русских офицеров на занимаемых ими постах с пропорциональным включением в эти части британских офицеров. Таким путем англичане намеревались выкорчевать русских офицеров из Персидской казачьей дивизии. Было и другое решение проблемы Старосельского и его дивизии. Оно состояло в следующем: иранское правительство должно сообщить Старосельскому, что британское правительство больше не будет выплачивать казачьей дивизии ежемесячное содержание. Следовательно, командир дивизии вынужден будет сократить ее так, чтобы суметь содержать казаков на 60 тыс. туманов, выделяемых иранским правительством. Смысл данного предложения состоял в том, что управлять ослабевшей дивизией было бы намного легче. Что же касается уволенных из состава дивизии казаков, то они могли пополнить ряды новой армии.

---

²⁸ Ibid., p. 450–451.

И наконец, был еще один вариант: оставить казачью дивизию в ее прежнем положении до тех пор, пока англичане смогли бы собрать необходимое число британских офицеров для организации новой вооруженной силы — способной заменить казачью дивизию²⁹.

По мнению посланника Кокса, окончательное заключение по вопросу о Персидской казачьей дивизии следовало сделать после получения Старосельским ответа Сазонова и знакомства с мнением английского правительства. В своем донесении на имя лорда Керзона Кокс указывал на опасения, выраженные Военной комиссией по поводу нежелательности вывода английских войск из Ирана в свете намечаемой реорганизации иранской армии³⁰. В телеграмме П. Кокса лорду Керзону от 19 марта 1920 г. говорилось, что «Военная комиссия пришла к мнению о том, что Корпус южноперсидских стрелков и Персидская казачья дивизия должны стать составной частью однотипной регулярной армии, с ее подчинением иранскому военному министру». Между тем, по сообщению П. Кокса, Старосельский занимался интригами или же был втянут в интриги, поэтому, как считал английский посланник, к нему следовало применить суровые меры³¹. Следует заметить, что, несмотря на выводы британской Военной комиссии относительно возможной агрессии большевиков в Иран, лорд Керзон в своем письме на имя Кокса, отправленного 22 марта 1920 г., со ссылкой на военные круги, ошибочно полагал военное вторжение большевиков на территорию Ирана невероятным³². «Мы не можем понять, — писал Керзон с удивлением, — почему страна с 10-миллионным населением, даже такая, как Персия, должна позволить быть покоренной несколькими тысячами вооруженных бандитов из-за рубежа»³³.

²⁹ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 387, p. 452.

³⁰ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 388, p. 456.

³¹ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 185 [186828], p. 138.

³² *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 395, p. 457.

³³ Там же, с. 458.

Касаясь дальнейшей судьбы Старосельского и казачьей дивизии, Керзон все-таки отметил, что отставка Старосельского или его изгнание не стояли на повестке дня. Вместе с тем он указал на неприемлемость предложения Военной комиссии о том, что после того, как казачья дивизия станет составной частью новой регулярной армии, Старосельского, впрочем, как и остальных русских офицеров, не изъявивших желание остаться в Иране, могли бы пригласить в Англию, где они нашли бы себе применение. По мнению Керзона, наиболее приемлемым вариантом решения проблемы дивизии и Старосельского мог быть вариант, который предусматривал сокращение численного состава дивизии и средств на ее содержание за счет иранского правительства³⁴.

Несмотря на заявление Керзона о том, что вопрос об отставке Старосельского не стоял на повестке дня, как видно из донесения Кокса Керзону от 9 апреля 1920 г., иранский премьер Вусук од-Доуле все же придерживался мнения о нежелательности скорейшего возвращения в Иран Ахмад-шаха, покровительствующего казачьей дивизии³⁵. Наконец, 4 апреля 1920 г. совместная Военная комиссия завершила свой доклад об организации новой регулярной армии³⁶. Согласно ему, стороны пришли к обоюдному решению о слиянии Корпуса южноперсидских стрелков, Персидской казачьей дивизии, жандармерии и остальных иранских воинских формирований в однотипную армию, подведомственную военному министерству. Также предусматривалось создание военного штаба в Тегеране, раздел страны на семь военных округов, формирование 70-тысячной армии всех родов войск, открытие военных школ для иранских офицеров, организация ветеринарной и медицинской служб со школами для инструктажа и аэрослужбы. Поскольку, по мнению членов Военной комиссии,

³⁴ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 395, p. 458.

³⁵ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 402, p. 463.

³⁶ Между тем в конце марта 1920 г. англичане взяли под свое управление жандармерию и надеялись на захват казачьей дивизии, однако тогда казаки отказались подчиниться англичанам без разрешения шаха. См.: Бахар Малек ош-Шоара. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*, с. 40.

финансовое положение страны не позволяло провести реорганизацию немедленно, то было решено проводить ее поэтапно³⁷.

Но намечаемым изменениям в военной области, как можно узнать из дипломатической переписки между английской миссией в Тегеране и Форин Оффис за апрель-май 1920 г., могло помешать возвращение в Иран Ахмад-шаха. С другой стороны, положение англичан осложнялось из-за отказа Старосельского следовать указаниям иранского правительства по вопросу о казачьей дивизии. Как следует из содержания телеграммы П. Кокса лорду Керзону от 21 апреля 1920 г., премьер-министр просил шаха телеграфировать Старосельскому, чтобы тот не противился мерам правительства. Вопреки ожиданиям англичан, вместо исполнения этой просьбы шах телеграфировал премьер-министру, чтобы тот ничего не предпринимал до его возвращения. Между тем шах послал телеграмму и на имя Старосельского, в которой высказал свою привязанность к дивизии. «Это, — по мнению П. Кокса, — только стимулировало его интриги и попытки тянуть время»³⁸. Чтобы как-то повлиять на шаха, премьер-министр подбросил П. Коксу легенду о том, что якобы за дивизией стоит советское правительство. По этой причине шаху следовало поддержать рекомендацию Военной комиссии по включению Персидской казачьей дивизии в состав новой регулярной армии Ирана. В случае несогласия, было решено предпринять все необходимое до его возвращения в страну³⁹. Однако шах все-таки был вынужден дать свое согласие на отставку полковника Старосельского. Как признавался английский посланник в Париже лорд Дерби лорду Керзону в своей телеграмме от 26 апреля 1920 г., он давил на шаха, как только мог, и, наконец, добился его согласия по отстранению от должности Старосельского. После этой встречи с шахом лорд Дерби имел разговор с иранским министром иностранных дел, который, в свою очередь, также собирался поговорить с шахом по данному вопросу, хотя и без вся-

³⁷ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 403, p. 465.

³⁸ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 201 [193353], p. 149.

³⁹ *Ibid.*, p. 150.

кой надежды на успех. Видимо, ссылаясь на устные заверения шаха, англичане в апреле 1920 г. потребовали от русских офицеров дивизии передать им ее управление, однако получили отказ⁴⁰.

26 апреля лорд Дерби сообщил Керзону о планируемом на 28 апреля отъезде шаха из Парижа на родину⁴¹. Новый английский посланник в Тегеране Герман Норман 3 мая 1920 г. встретился с Ахмад-шахом. В беседе с Норманом шах заверил его в своей полной верности англо-иранскому соглашению, а также в своей решимости передать контроль над дивизией англичанам сразу после своего возвращения в Тегеран. Он также согласился сохранить у власти кабинет Восук од-Доуле так долго, насколько это устроило бы английское правительство⁴². А тем временем в апреле-мае 1920 г. на Кавказе произошли события, которые не только изменили политическую ситуацию внутри Закавказья, но и имели влияние на соседний Иран. Для претворения пунктов англо-иранского соглашения по части упорядочения финансового положения Ирана в мае 1920 г. в страну прибыла группа английских финансовых советников под руководством С. Армитаджа-Смита⁴³.

Установление советской власти в Азербайджане и активные действия большевиков в Гиляне изменили планы англичан относительно казачьей дивизии. В своей телеграмме лорду Керзону английский посланник П. Кокс 10 мая 1920 г. писал: «Решение проблемы казачьей дивизии теперь прямо зависит от большевистской ситуации». Кокс имел в виду захват Баку большевиками и его влияние на ситуацию в Тавризе. Кроме того, активизировались и внутри страны противники кабинета Восук од-Доуле и британской политики. Кокс обращал внимание Керзона на тот факт, что по вопросу казачьей дивизии шах, вплоть до своего отъезда из Марселя,

---

⁴⁰ См.: Wilber Donald N., Pahlavi Riza Shah: The Resurrection and Reconstruction of Iran. First edition. New York, Exposition Press, 1975, p. 13.

⁴¹ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 416, p. 474.

⁴² *Ibid.*, doc. 418, p. 475.

⁴³ См.: Zirinsky Michael P. Imperial Power Dictatorship. Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926. — *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 24, No. 4, November 1992, p. 641.

не послал ни одной телеграммы ни Старосельскому, ни премьеру. Кокс был намерен обсудить с премьером вопрос о том, предпринять ли немедленные шаги для осуществления рекомендаций Военной комиссии до приезда шаха. В случае принятия решения перед посланником стояли два варианта. 1. Временно разоружив казачью дивизию с помощью Норперфорса, арестовать и депортировать Старосельского и русских офицеров. (Тогда пришлось бы мириться с риском восстания казачьих отрядов в провинциях.) 2. Оповестить Старосельского, что британская субсидия будет прекращена в соответствии с докладом Военной комиссии и ему будет необходимо соответственно сократить численность дивизии. (Премьер склонялся ко второму варианту, хотя прекрасно понимал, что если Старосельский останется в должности до приезда шаха, а последний сохранит за ним его статус, то тогда самому премьеру придется подать в отставку или же использовать силу⁴⁴.)

Тем не менее, премьер просил П. Кокса обсудить первый вариант с командующим Норперфорсом. Однако, как стало известно Коксу от него, Норперфорс, из-за слабости британских батальонов, находящихся в Месопотамии, не был в состоянии силой решить вопрос о дивизии⁴⁵. В случае большевистской агрессии, Кокс советовал вообще вывести английские войска в Багдад⁴⁶. В одной из своих последних телеграмм, адресованных лорду Керзону от 14 мая 1920 г., П. Кокс выражал тревогу в связи с ситуацией в Баку и Астаре. По замечанию английского посланника в Тегеране, «некоторые старались найти общую основу для большевизма и ислама; причем некоторые использовали большевизм в качестве предлога для атаки на англо-иранское соглашение; все склоняются к мысли о том, что наши войска являются прямой целью для большевиков в Персии, которые требуют их вывода»⁴⁷. Для разрядки острейшей ситуации в Иране англичане использовали приезд

⁴⁴ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 211 [197278], p. 155.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 156.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 212 [197888], p. 156.

в Лондон 27 мая 1920 г. советской торговой делегации во главе с Леонидом Красиным. Зная острую нужду большевиков в снятии английской экономической блокады, английская сторона в ответ на предложение советского правительства выставила ему несколько требований, среди которых было прекращение антибританской пропаганды как в странах Запада, так и в азиатских странах, включая Иран. На фоне англо-советских переговоров, вопреки ожиданиям англичан, усилилась активность большевиков в Иране⁴⁸.

После советизации Азербайджана, 3 июня 1920 г. советские войска захватили Решт, а 4 июня Кучек-хан провозгласил Советскую Социалистическую республику в Гиляне. Эти два события — советизация Азербайджана и Гиляна — совпали с приездом в Тегеран нового английского посланника Германа Нормана⁴⁹. После своего возвращения в Тегеран, в первой же декаде июня 1920 г. состоялась беседа шаха с английским посланником, во время которой шах отметил резкое ухудшение внутривнутриполитической обстановки в Иране и в условиях нависшей над страной большевистской угрозы посчитал момент не подходящим для отставки Старосельского. Он посоветовал англичанам действовать разумнее и сказать Старосельскому о том, что поскольку английское правительство отказывается субсидировать дивизию, ему придется согласиться на ее сокращение до 1000 человек⁵⁰. Тогда, по мнению шаха, легче будет справиться с ним. Кроме того, шах предложил Норману своеобразную альтернативу отставке Старосельского: отправку дивизии для борьбы с большевиками. Однако английский посланник не одобрил это, утверждая, что Старосельский находился в контакте с большевиками и в итоге это может привести к массовому дезертирству из армии⁵¹.

⁴⁸ Sabahi Houshang, *British Policy in Persia 1918–1925*, p. 83–89.

⁴⁹ См.: Ghani S. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 68.

⁵⁰ К этому времени Персидская казачья дивизия состояла из 9 отрядов смешанного состава различной величины, в которых служили 9 тыс. казаков, в т. ч. 50 русских офицеров и 20 урядников. См.: Розенблюм И. Р. Персидская армия, с. 11.

⁵¹ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 239 [203700], p. 171.

Тем временем состоялась консультация Нормана с английскими генералами, в ходе которой совещавшиеся пришли к заключению, что английские войска из Казвина в составе четырех бронированных автомашин в случае необходимости смогли бы подавить сопротивление казачьей дивизии. После же устранения опасности им следовало возвратиться на места своей постоянной дислокации. Премьер одобрил разработанный план действий и вызвался представить его шаху. Ознакомившись с планом, шах выразил свое категорическое несогласие с возможным притутствием иностранных войск в столице⁵². Следует заметить, что во время бесед с Норманом шах неоднократно отмечал факт неодобрения населением политики иранского премьер-министра. Даже в английской миссии стали жаловаться на репрессивную политику премьера⁵³. 12 июня 1920 г. состоялась очередная встреча Восук од-Доуле с шахом с целью добиться его поддержки в отношении мер, которые были запланированы для удаления русских офицеров из казачьей дивизии. Несмотря на аргументы премьера, шах не только не одобрил представленный ему план, но перед очередной своей поездкой в Европу вызвал к себе полковника Старосельского и дал ему указание (на время своего отъезда) отказаться от подчинения любому приказу, в том числе и приказу об отставке, даже если он будет от лица иранского правительства или поступит по телеграфу из Европы и будет подписан самим шахом!⁵⁴

Норман снова встретился с шахом 14 июня. В своей телеграмме, адресованной Керзону, Норман сообщал: «Вчера днем я был с шахом всего полтора часа, большую часть времени обсуждался вопрос о казачьей дивизии. Как я того опасался, мои усилия вынудить шаха уволить полковника Старосельского были полностью безуспешными. Он постоянно возражал против присутствия в столице иностранных войск, которое серьезно может повредить его популярности и усилить существующую враждебность против правительства. Неожиданное увольнение русских

⁵² Ibid., Doc. 239, p. 171.

⁵³ Ibid., Doc. 241 [203436], p. 172.

⁵⁴ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 242 [203436], p. 173.

офицеров будет иметь аналогичный эффект и станет служить в дальнейшем поводом для уже существующего обвинения против премьер-министра и его самого как купленных Великобританией. Он был уверен в преданности казаков своим офицерам, а также в том, что Старосельский в случае его увольнения станет отчаянным и будет эксплуатировать чувства личного состава в такой степени, что вынудит их устроить революцию. Он утверждал, что русская казачья бригада (так в тексте. — *Н. Тер-Оганов*) является самой популярной силой в стране, и сказал, что будет роковой ошибкой попытаться прекратить ее существование»⁵⁵. Шах не позволил допустить и мысли об отставке Старосельского, опасаясь того, что последний с помощью преданного ему личного состава дивизии сможет устроить революцию, и был против расформирования самой дивизии. Причем он делал ссылку на отсутствие юридической базы для аннулирования известной договоренности о положении казачьей бригады между Ираном и Россией без согласия последней. Вместе с тем шах был готов пойти на сокращение дивизии до одной тысячи человек, тем самым превратив ее в свою личную гвардию. По мнению Нормана, план шаха, в конце концов, имел бы тот же результат, что и план англичан, причем без беспорядков и потери личного авторитета шаха и его правительства. Чтобы склонить шаха к мысли об отставке Старосельского, Норман стал утверждать о наличии связи между Старосельским и большевиками, тем не менее он не стал настаивать на этой мысли, поскольку опасался, что «лишится своей возможности в будущем влиять на него в правильном направлении»⁵⁶. Причем не следует забывать и о том, что, отказывая дать Восук од-Доуле карт-бланш для действий против оппозиционно настроенных лиц⁵⁷, Норман не терял надежды на то, что правительство Восук од-Доуле, поддержанное материально, сможет убедить Старосельского подать в отставку⁵⁸.

⁵⁵ *Ibid.*, Doc. 244 [203947], p. 174.

⁵⁶ *British Documents on Foreign Affairs*, Doc. 244 [203947], p. 175.

⁵⁷ *Ibid.*, Doc. 245 [203841], p. 176.

⁵⁸ *Ibid.*, Doc. 246 [203907], p. 176.

Не достигнув успеха в борьбе со Старосельским и не получив финансовой поддержки со стороны англичан, Восук од-Доуле стал угрожать отставкой своего кабинета министров. Согласно телеграмме английского посланника Керзону, отправленной 14 июня 1920 г., одной из главных причин возможной отставки Восук од-Доуле было бы «расхождение по вопросу о роспуске казачьей бригады (так в тексте. — *Н. Тер-Оганов*)»⁵⁹.

Тем не менее, 15 июня 1920 г. Норман уверял Керзона: «...Я сделаю все возможное любыми путями, чтобы удержать настоящее правительство у власти...»

Особенно важно отрегулировать ситуацию с созывом парламента для того, чтобы дать законную силу соглашению. Это давно следовало бы сделать, и ежедневная задержка в этом вопросе наносит вред перспективе утверждения соглашения парламентом, потому что уже избранные члены и ожидающие в столице сильно подвержены враждебному влиянию.

Новое правительство, которое в любой степени будет свободно от непопулярности нынешнего, будет в состоянии созвать парламент без чувства опасения за возможные последствия, которые мешают нынешнему правительству так поступить... Тем не менее, должны помнить, что без немедленной финансовой помощи, оказанной правительством Его Величества, будет трудно, если невозможно, вынудить любого дружественно настроенного государственного деятеля занять эту должность»⁶⁰.

Тем временем Норман продолжал уверять Восук од-Доуле в том, что полковник Старосельский по-прежнему поддерживал контакты с большевиками и «активно работал для распространения большевистских принципов среди офицеров и личного состава казачьей дивизии». По утверждению Нормана, в своей агитации Старосельский делал упор на то, что «большевики, в конце концов, — русские и поэтому больше других заслуживают поддержки со стороны русских». Когда же 15 июня 1920 г. отряд казачьей дивизии в составе 800 казаков был вынужден после

⁵⁹ Ibid., Doc. 247 [203925], p. 177.

⁶⁰ Ibid., Doc. 248 [204362], p. 178.

сражения с атаковавшими их большевиками отступить, Восук од-Доуле решил послать против них самого Старосельского. Вместе с тем иранская сторона выразила надежду, что англичане выделят необходимые деньги для финансирования этой экспедиции. Однако в своей телеграмме Керзону от 18 июня 1920 г. Норману пришлось констатировать ухудшение позиций Великобритании в Иране. «Перспектива успеха британской политики в Персии, которая спустя несколько месяцев после подписания Персидского соглашения (имеется в виду англо-иранское соглашение 1919 г. — *Н. Тер-Оганов*) была благоприятной, с тех пор постепенно стала убавляться, и теперь она, действительно, очень плохая. Мы теперь идентифицируемся с авторитарными элементами в стране и потеряли доверие тех, которые называют себя национал-демократами и наподобие этого, являются нашими естественными друзьями, поскольку *они обязаны нам Конституцией* (курсив наш. — *Н. Тер-Оганов*) и которые составляют более или менее организованную партию в стране.

Мы фактически постепенно скатываемся к позиции, которую раньше занимала Россия в (иранском. — *Н. Тер-Оганов*) общественном мнении. Между тем мы теряем симпатии других секторов, особенно богатых реакционных землевладельцев по причине нашей неудачи осуществить то, что является нашим моральным обязательством в отношении Персии, в вопросе ее защиты»⁶¹.

После обсуждения шахского предложения о сокращении субсидирования дивизии англичане решили вообще прекратить дальнейшее ее финансирование. Более того, 22 июня 1920 г. английские военные инструкторы покинули Тегеран. В связи с этим шах высказал опасение по поводу возможной негативной реакции со стороны казачьей дивизии и стал просить англичан погасить задолженность дивизии хотя бы за июнь месяц, считая, что такое положение не самым лучшим образом может сказаться на работе нового иранского правительства. По мнению же английского посланника, 60 тыс. туманов, которые иранское прави-

---

⁶¹ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 250 [204464], p. 180.

тельство ежемесячно тратило на содержание казачьей дивизии, было бы вполне достаточно для выплаты содержания значительному числу казаков.

Несмотря на уже выработанную позицию в отношении казачьей дивизии, англичане продолжали использовать ее против большевистских сил, окопавшихся в Гиляне. Тем не менее не сходил с повестки дня вопрос о ближайшем ее расформировании и необходимости начать контрпропаганду в дивизии⁶². В июле 1920 г., когда английские войска были вынуждены оставить Баку, а затем и Гилян, в Тегеране пало правительство Восук од-Доуле⁶³. Пришедшее к власти правительство Хасана Пирния Мошир од-Доуле решило разгромить большевистское вторжение в Гиляне и Мазандеране при помощи Персидской казачьей дивизии. По его предложению Ахмад-шах назначил полковника Старосельского главнокомандующим всеми вооруженными силами, состоявшими из самой дивизии (в составе Тегеранского, Мазандеранского, Хамаданского отрядов), центральной бригады, шахской гвардии и жандармерии. В июле Старосельскому удалось освободить Мазандеран, а в августе и Решт. За военные успехи шах пожаловал ему редкое и почетное воинское звание амирнояна (корпусного генерала) и титул сардара, а также наградил саблей, богато усыпанной бриллиантами⁶⁴.

Несмотря на такой успех, положение Старосельского было непрочным, поскольку он был лишен поддержки со стороны большевистской власти и постоянно находился под британским прессом. Победа Старосельского над мятежниками озадачила англичан, так как она укрепила позиции русского командира дивизии, чего так опасался командующий Норперфорсом Чемпейн, поскольку после победы Старосельского отставка последнего казалась сложной задачей⁶⁵. Норман продолжал информировать

⁶² *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 273 (No. 418), p. 195.

⁶³ Бахар Малек ош-Шоара. *Тарух-е мохмасар-е ахзаб-е суаку-йе Иран*, с. 79.

⁶⁴ Pearce B. *The Staroselsky Problem*, p. 22. Бахар Малек ош-Шоара. *Тарух-е мохмасар-е ахзаб-е суаку-йе Иран*, с. 80.

⁶⁵ War Office. 95/5049 (Appendix 18) in Brian Pearce. *The Staroselsky Problem*, p. 59.

Керзона о положении в казачьей дивизии. «Вчера, — писал он в телеграмме Керзону от 8 сентября 1920 г., — начал обсуждение относительно положения той силы, которая, как он (Старосельский. — *Н. Тер-Оганов*) утверждал, защищает британские интересы в Персии, зная, что как только минует опасность большевистской угрозы, мы намереваемся уничтожить ее, как независимую организацию под управлением русских офицеров». По утверждению Старосельского, «офицеры сражались с неохотой, тогда как в умах рядового состава большевизм, против которого было приказано воевать, означал оппозицию Англии и, следовательно, был популярен». Норман предлагал Керзону до поры до времени не трогать дивизию, и даже заключить сделку со Старосельским, дав ему заверение в том, что пока дивизия остается верной персидскому правительству, ее независимому существованию ничего не будет угрожать. Вместе с тем Норман прекрасно понимал, что подобная гарантия была несовместима с предполагаемым ее сокращением и превращением в личную гвардию шаха. К тому же в разговоре с Норманом Старосельский открыто признался ему в том, что, зная будущее Персидской казачьей дивизии, он готов оказать вооруженное сопротивление⁶⁶.

Но пока Персидская казачья дивизия воевала с большевиками на севере страны, вопрос о ее расформировании для Форин Оффис не был столь актуален. В этой связи в телеграмме от 13 сентября 1920 г. Норману Керзон писал: «Очевидно, что в настоящее время вопрос о Казачьей бригаде (так в тексте. — *Н. Тер-Оганов*) не может быть решен. Между тем в ожидании созыва меджлиса невозможно дать Старосельскому какую-либо гарантию относительно будущего этой силы, но поскольку он и его люди преданно сотрудничают с британскими войсками, ясно, что попытка ее расформирования окажется бесполезной». Вместе с тем, по мнению Керзона, поскольку у Ирана и Великобритании были общие интересы, то любое действие со стороны Старосельского, направленное против британских войск, могло

---

⁶⁶ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 312 [C6040/267/34], p. 229.

считаться и антииранским действием. Чтобы успокоить Старосельского, шаху следовало объяснить ему, что дивизия является его личной гвардией и что «в настоящее время ее главная цель — поражение большевистских сил». Только достигнув этого, следовало принять решение о создании однотипной вооруженной силы в Иране. Однако Керзон предупреждал, что если иранское правительство будет проявлять сочувствие или оказывать поддержку любому недружественному действию русского командира, то оно не сможет рассчитывать на английскую поддержку в деле защиты столицы от большевистской угрозы. Более того, в случае содействия Старосельскому со стороны иранского правительства, Керзон угрожал вывести британские войска из северного Ирана и передислоцировать их в те «части Персии, где полностью господствуют британские или месопотамские интересы»⁶⁷. Но чтобы добиться осуществления плана по реформированию вооруженных сил и финансов, англичанам необходима была ратификация меджлисом англо-иранского соглашения. Поэтому Норман так упорно настаивал, чтобы иранский премьер-министр незамедлительно провел выборы и созвал меджлис⁶⁸.

---

⁶⁷ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 316 [C 6040/267/34], p. 232.

⁶⁸ *Ibid.*, Doc. 318 [C 6531/82/34], p. 232.

ГЛАВА XV

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛКОВНИКА СТАРОСЕЛЬСКОГО И РУССКИХ ОФИЦЕРОВ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛОМ АЙРОНСАЙДОМ

Прибытие 4 октября 1920 г. в Иран нового командующего британскими войсками генерал-майора сэра Эдмонда Айронсайда на место генерала Хьюга Бетмана-Чемпейна в корне изменило подход к решению проблемы Старосельского и русских офицеров. В задачу Айронсайда входило восстановление боевого духа Персидской казачьей дивизии, создание заслона продвижению большевистских сил по направлению к Тегерану и подготовка вывода британских войск из Ирана¹. Чтобы быть в курсе всех дел, связанных с казачьей дивизией, по его указанию стали перехватывать телеграфные сообщения между Рештом и Тегераном. События в Гиляне развивались таким образом, что казакам не удалось удержать свои позиции в Реште, в результате чего 22 октября 1920 г. Персидская казачья дивизия под натиском большевиков, без серьезного сопротивления, как утверждали англичане, покинула город и заняла позиции за британскими войсками в Менджиле².

---

¹ Wright Denis. *The English Amongst the Persians*, p. 180.

² Monthly Summary of Events in Persia for the month of October 1920, Norman to Curzon, October 1920, FO37/16434/E2004/2004/34 — in: Cronin S. *The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, p. 79–80.

Получив подтверждение об отходе казачьей дивизии из Решта, генерал Айронсайд решил действовать. Вместе с Норманом он стал убеждать нового премьер-министра Ирана Мошир од-Доуле в необходимости срочной отставки Старосельского и назначении на его место иранского офицера, которому будут помогать британские офицеры³.

Однако инициатива генерала Айронсайда — вплотную заняться проблемой казачьей дивизии, — как видно, не пришлась по вкусу английскому военному министру. По его убеждению, этим вопросом должен был заниматься не генерал Айронсайд, а глава британской военной миссии в Иране генерал Диксон, находившийся под патронажем Форин Оффис⁴. Тем не менее Айронсайд не намеревался отказаться от взятого им курса, так как был убежден, что в случае осуществления намеченного плана появлялась возможность реорганизации казачьей дивизии и повторного занятия Решта. А это, в свою очередь, лишило бы агрессоров баз снабжения и заставило бы их покинуть оккупированный порт Энзели. Но если дать Старосельскому возможность сохранить за собой свой пост, то, по мнению Айронсайда, это не мешало бы ему в третий раз отступить из Решта. В беседе с Мошир од-Доуле Норман настаивал на том, чтобы после отстранения Старосельского потребовать у него передачу финансового отчета по дивизии в руки представителя иранского правительства. В телеграмме Керзону от 25 октября 1920 г. Норман утверждал, что полковник Старосельский «использовал переданные ему бри-

³ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 239 [C9573/267/34], p. 240.

Согласно иранскому исследователю Дж. Каем Маками, после поражения Персидской казачьей дивизии англичане стали во весь голос трубить об этом и «представили дело таким образом, что поражение казаков было якобы следствием порочной связи Старосельского с восставшими и большевиками». Иранский автор выражал сомнение в правдоподобности утверждения английской стороны. См.: Каем Маками Джахангир. *Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран*, с. 172.

⁴ Hankley to Curzon, 4 November 1920, FO371/4914/C10912 — in: Cronin S. *The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, p. 268.

танские деньги для ведения пропаганды против Великобритании, англо-иранского соглашения, а также политики правительства»⁵.

Мошир од-Доуле не согласился с планом английской стороны и предложил взамен найти другое решение. Кроме того, он сослался на необходимость посоветоваться с шахом, а также с членами своего кабинета. Не достигнув желаемого результата, генерал Айронсайд и Норман стали угрожать ему, что в таком случае правительство Великобритании откажется от финансирования дальнейших военных экспедиций. Они полагали, что исчезновение полковника Старосельского сильно облегчит работу с соглашением (имеется в виду англо-иранское соглашение 1919 г. — *Н. Тер-Оганов*) и особенно с организацией однотипной армии. В противном случае, если он останется, то сделать это будет очень сложно, особенно после вывода британских войск. Норман надеялся на приход к власти пробританского правительства, способного «протащить соглашение через меджлис»⁶. «Такое правительство, — по убеждению Нормана, — должно дать торжественное обещание, что перед тем как приступит к исполнению своих обязанностей, уволит русских офицеров и потребует от них передачи финансовой отчетности для проведения проверки. Кроме того, оно должно принять предложенный план по руководству бригадой, ускорить, насколько это возможно, выборы, созвать меджлис и сделать все возможное, чтобы провести соглашение с незначительной его модификацией». Норман полагал, что если дать шаху полную гарантию его личной безопасности, то от него можно было получить согласие на отставку полковника Старосельского⁷.

Несмотря на настойчивые требования англичан уволить Старосельского из дивизии, шах не соглашался под тем неизменным предлогом, что благоприятный момент для этого еще не наступил. Хотя Старосельского, в конце концов, вынудили подать в отставку, тем не менее, она не была принята. Что же касает-

---

⁵ *British Documents on Foreign Affairs*, Part II, Series B, Vol. I, Doc. 239 [C9573/267/34], p. 240.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.*

ся премьер-министра Мошир од-Доуле, то он также не собирался прогибаться под давлением англичан. Премьер придерживался мнения, что Старосельскому в качестве реабилитации можно дать еще одну попытку реорганизации дивизии. Премьер даже предлагал заменить его другим русским полковником Добромысловым, уволенным незадолго до этого за несогласие с командиром дивизии. У премьера была готова и другая альтернатива — передача командования дивизии в руки нейтрального европейского офицера. В ответ на эти предложения Норман высказал свое несогласие, добавив, что в таком случае британское правительство прекратить выплату денег на содержание дивизии⁸. Поскольку Старосельский все еще оставался на посту командира дивизии, то Норман решил обратиться с неофициальной просьбой в Шахиншахский банк Персии не выдавать казачьей дивизии деньги до получения банком дальнейших инструкций. Следует заметить, что руководство банка, несмотря на то, что являлось частным предприятием, согласилось временно заморозить выдачу денег дивизии⁹.

Время не ждало. 26 октября 1920 г. состоялась встреча Г. Нормана с шахом, во время которой посланник рассказал последнему свою версию отступления Персидской казачьей дивизии из Решта, обвинив при этом русских офицеров дивизии в некомпетентности, коррупции и ведении антибританской пропаганды. Между прочим, сообщая об этом в своей телеграмме Керзону, Норман писал, что шах не имеет желания удерживать русских офицеров, которые, как ему известно, коррумпированы и сомнительной верности. Тем не менее, шах предложил оставить Старосельского, поручив ему реорганизацию дивизии, по завершении которой он снова должен был пойти в наступление, но на этот раз вместе с британскими войсками. Но такой вариант не устраивал Нормана, решительно настроенного как можно скорее уволить Старосельского из дивизии. Чтобы убедить шаха в его полной безопасности на случай дивизионного бунта, в качестве аргумента он

⁸ Ibid., Doc. 330 [C9600.267.34], p. 241.

⁹ *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 331 [C9883/1234/34], p. 177.

привел план дислокации британских войск, расположенных между Менджилом и Казвином — спереди и сзади основных частей Персидской казачьей дивизии. Следовательно, в случае необходимости британские войска могли блокировать их и не допустить продвижения в сторону столицы. Поэтому Норман стал уговаривать шаха назначить номинальным командиром дивизии своего дядю — англофила Фируз-мирзу Носрат од-Доуле, под чьим командованием находились бы и британские офицеры. В случае же несогласия Норман отказывался от выплаты денег дивизии и угрожал выводом британских войск из Ирана.

Для Нормана вопрос об отставке Старосельского носил настолько принципиальный характер, что в случае неудачи он был готов даже пожертвовать кабинетом Мошир од-Доуле. Если верить словам Нормана, шах, несмотря на то что не поверил в представленные ему гарантии безопасности, все же выразил желание «работать с Великобританией в интересах Персии». Вместе с тем шах согласился с Норманом в том, что при существующих обстоятельствах правительство Мошир од-Доуле не могло долго продержаться и, следовательно, необходимо было найти ему замену. Тогда Норман предложил кандидатуру Фатхолла Акбара Сепакдара Азама. Шах одобрил его предложение и они оба обсудили вопрос о составе правительства. Выбор Сепакдара не был случайным, поскольку еще ранее Норман «убедился в том, что он (Сепакдар. — *Н. Тер-Оганов*) готов проводить ту политику, которую Норман ему предложит»¹⁰. 27 октября 1920 г. Норман снова встретился с шахом. Последний стал уверять его, что ознакомил иранское правительство о своем решении уволить русского командира дивизии. Однако правительство отказалось следовать решению шаха и подало в отставку¹¹. Керзон был крайне удивлен таким поворотом событий. В своей телеграмме от 29 октября 1920 г. он выразил недоумение относительно оценки ситуации, представленной ранее Норманом, а также его волюнтаристской манерой ведения дел. «Я нашел некоторые сложности

¹⁰ Ibid., Doc. 333 [C 9759/267/34], p. 243.

¹¹ *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 334 [C9847/267/34], p. 243.

в формировании или выражении мнения о положении... Еще неделю тому назад вы меня уверяли в том, что успех британской политики в Персии неразделим от премьерства Мошир од-Доуле, созыва им меджлиса, прекращения англо-персидского соглашения *in interim*, терпимости и поддержки в отношении Старосельского, и сомнения, которые были относительно проведения этой политики, были полностью отклонены вами как безосновательные. Теперь все это изменилось, и ведущие актеры находятся в состоянии добровольного или принудительного исчезновения со сцены без всяких предварительных консультаций с правительством Его Величества.

В этих условиях я должен оставить вас и генерала Айронсайда разобраться с ситуацией, которая, как это видно, неожиданно стала развиваться после прибытия последнего, и никакими инструкциями ее не проконтролируешь».

В связи с изменившейся ситуацией Керзон высказал несколько соображений, среди которых было сомнение в возможности неожиданной депортации всех русских офицеров из дивизии¹². Кроме того, в случае их замены британскими офицерами англичане столкнулись бы с серьезными финансовыми проблемами. Керзон дал понять, что «новая политика» Нормана и Айронсайда не могла идти вразрез с намерениями правительства Великобритании¹³. Между тем утром 30 октября 1920 г. генерал Айронсайд сообщил Норману о прибытии полковника Старосельского из Менджиля в Казвин. Узнав об этом, Норман и новый премьер-министр Ирана попросили командира Норперфорса генерала Айронсайда передать Старосельскому, что ему не следует приезжать в Тегеран, так как в противном случае его арестуют. Не вняв этому предупреждению, Старосельский с сопровождавшими его людьми на двух автомобилях выехал из Казвина в Тегеран. Тогда Норман посоветовал Сепакдару срочно встретиться с шахом и получить от него приказ на имя Старосельского, запрещающий последнему въезд в Тегеран. Но Сепакдару не удалось уговорить шаха подписать по-

¹² *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 336 [C9847/267/34], p. 246.

¹³ *Ibid.*

добный приказ. «К тому времени, — как пояснил Норман в своей телеграмме Керзону, — было слишком поздно помешать въезду полковника Старосельского в столицу»¹⁴.

Получив сообщение об отказе шаха подписать требуемый приказ, Норман послал к нему во дворец своего личного секретаря, который, видимо, и изложил требования Нормана. В соответствии с этими требованиями шах должен был встретиться со Старосельским, объявить ему строгий выговор за неподчинение, приказать ему передать командование дивизии конкретному иранскому офицеру, затем вернуться в свой дом и оставаться в нем, не встречаясь ни с кем. На следующий день утром выехать в Казвин с тем же иранским офицером¹⁵.

Шаху ничего не оставалось делать, кроме как отстранить полковника Старосельского от должности командира Персидской казачьей дивизии¹⁶. На следующий день Старосельский выехал в Багдад, а через месяц все русские офицеры дивизии покинули пределы Ирана¹⁷.

Избавившись от полковника Старосельского и русских офицеров казачьей дивизии, на его место новый иранский премьер-министр назначил иранского дипломата, бывшего воспитанника Сен-Сира Касем-хана Вали Сардара Хомаюна, но на самом деле власть над дивизией вручил члену британской военной миссии полковнику Генри Смиты¹⁸.

---

¹⁴ *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 337 [C 9991/267/34], p. 247.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ Наблюдательному А. Мостоуфи причина отставки Старосельского показалась надуманной, странной и нелогичной. Согласно ему, если Старосельский действительно был виновен в поражении, тогда почему Мошир од-Доуле, известный своим патриотизмом, не дал своего согласия на его отставку? Ведь известно, что он до конца защищал Старосельского и, так и не поддавшись английскому давлению, сам подал в отставку! См.: Мостоуфи Абдалла. *Шарх-е зендегани-йе ман иа тарих-е эджтемай ва эдари-йе доуре-йе каджарие*, с. 176.

¹⁷ Fatemi Nasrollah S. *Diplomatic History of Persia, 1917–1923: Anglo-Russian power politics in Iran*. New York: R. F. Moore Co., 1952, p. 117–119.

¹⁸ Sabahi Houshang. *British Policy in Persia, 1918–1925*, p. 185.

ГЛАВА XVI

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 21 ФЕВРАЛЯ 1921 Г. И РОЛЬ ПЕРСИДСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ В ФОРМИРОВАНИИ ОДНОТИПНОЙ АРМИИ В ИРАНЕ

Выступая 16 ноября 1920 г. в палате лордов, лорд Керзон отметил, что английская сторона была готова временно принять на себя ответственность за руководство и подготовку замены дивизии. А пока командование над дивизией было передано главе британской военной миссии генералу Диксону и подчиненному ему английскому офицеру¹. Тем временем, как свидетельствуют английские документы, предполагалось до наступления весны организовать 15-тысячный военный контингент². Однако новые политические реалии, сложившиеся к тому моменту, не позволили англичанам осуществить задуманное.

Убрав Старосельского, ярого противника англо-иранского соглашения, уже 3 ноября 1920 г. в своей телеграмме Керзону Норман выразил надежду на помощь правительства Ирана в вопросе о незамедлительном введении в действие соглашения. По мнению

---

¹ Имеется в виду полковник Генри Смит. Fatemi Nasrollah S. *Diplomatic History of Persia*, p. 112, 116.

² *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. First Series, Vol. XIII*, Doc. 615, p. 666.

Нормана, для того чтобы помочь правительству Сепехдара устоять, необходимо было прежде всего помочь ему деньгами. Норман с удовлетворением отмечал содействие Сепехдара в решении таких важнейших вопросов, стоявших на повестке дня английской политики в Иране, как окончательное решение проблемы Персидской казачьей дивизии и проведение в жизнь англо-иранского соглашения³. Осознав невозможность силового противостояния большевистской угрозе, англичане стали готовиться к эвакуации войск из северного Ирана, которая должна была начаться с наступлением весны⁴. Вместе с тем, согласно меморандуму, составленному членом Департамента Центральной Европы и Персии Форин Оффис, бывшим Восточным секретарем английской миссии в Тегеране Дж. Черчиллем от 20 декабря 1920 г., необходимо было выработать новую политическую линию поведения. Англичане понимали, что за выводом английских войск из Казвина могло последовать вторжение большевиков, однако они отдавали себе отчет и в том, что иранская сторона, которая тогда уже вела переговоры с большевиками по заключению договора с Советской Россией, постаралась бы прийти к обоюдному согласию. Тем не менее, Дж. Черчилль опасался того, что после ухода английских войск из Ирана большевики смогут воспользоваться своими иранскими союзниками в Гиляне, расшатать позицию шаха и его правительства. Как предполагал Дж. Черчилль, для этого не было необходимости в прямой агрессии со стороны Советов. Было бы вполне достаточно задействовать большевистскую пропаганду, их агентов и сторонников.

Несмотря на то что к концу зимы англичане получили почти все командные посты в иранской армии⁵, Дж. Черчилль все же

---

³ *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 338 [C 10290/56/34], p. 247.

⁴ Согласно Д. Райту, в конце 1920 г. британское правительство приняло решение, в основном из-за желания экономии денежных средств, вывести Норперфорс из Ирана к 1 апрелю 1921 года. См.: Wright D. *The English Amongst the Persians*, p. 179–180.

⁵ См.: Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического положения к 1 июля 1923 года* (Материалы стратегической разведки). Москва, Разведотдел штаба Р.К. К. А. 1923 г., с. 3.

выражал беспокойство в связи с тем, что вооруженные силы Ирана на севере были ненадежны. Ситуация еще больше усугублялась тем, что не было возможности у британских офицеров за короткий промежуток времени (фактически за два месяца) до марта 1921 г. провести реорганизацию Персидской казачьей дивизии. Английская сторона полагала, что если провести такую реорганизацию в последнюю минуту, то все вооружение, переданное бригаде англичанами, может оказаться в руках неприятеля. Нельзя было положиться и на остальные воинские части: жандармерию, центральную бригаду и тегеранскую полицию. Были и другие причины военно-политического, а также финансового характера, вынудившие англичан выражать беспокойство по поводу положения в Иране. В политические интересы Англии входила оборона Индии и совершенно новоиспеченная проблема — итог Первой мировой войны — защита Месопотамии. Конечно, линию обороны Индии можно было перенести поближе к ее границам, предоставив Иран самому себе. Вместе с тем следовало принять во внимание возможные последствия дезинтеграции Ирана и Афганистана для Индии. Англичане справедливо полагали, что опасность заключалась не столько в отсутствии способности оборонять Индию от внешней угрозы, сколько в мощной враждебной пропаганде, противостоять которой было намного сложнее, и она могла быть проведена в жизнь не большевистскими агентами, а эмиссарами из числа проживающих на территории Индии единоверцев-шиитов, которые «могут быть отравлены большевистской доктриной». Кроме того, Дж. Черчилль опасался, что персидские советы вместе с силами кемалистов и курдских племен Западной Персии создадут англичанам в Месопотамии невыносимые условия⁶.

В конце зимы 1920 г. английская сторона фактически признала бесполезность ратификации англо-иранского соглашения 1919 г., поскольку считала, что в случае ее утверждения меджлисом в последнюю минуту будет слишком поздно осуществить любой пункт данного соглашения. Тем не менее, английская сто-

⁶ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 616, p. 667.

рона полагала, что Иран можно было спасти путем проведения финансовой и военной реформ. Готовясь к худшему варианту развития событий в Иране, судя по меморандуму Дж. Черчилля, идея управления Ираном посредством парламента или задействованием демократов была в корне отвергнута. По мнению Дж. Черчилля, чтобы противостоять большевистской угрозе с севера, было необходимо создать такое правительство, которое состояло бы из сильных личностей, чьи имена были бы хорошо известны в стране и которых побаивались бы крупные кочевые племена. Следовательно, по мнению английского политического истеблишмента, только «сильная рука» могла противостоять большевизму в Иране.

По этому поводу 14 января 1921 г. сэр Э. Айронсайд в своих дневниках размышлял о необходимости установления военной диктатуры в Иране: «*В действительности, военная диктатура в этой стране является лучшим средством для преодоления наших проблем, ибо лишь такое развитие событий позволит английским вооруженным силам покинуть иранскую землю, избегая пагубных последствий, которые могут произойти при других обстоятельствах* (курсив наш — Н. Тер-Оганов)»⁷. Между прочим, Дж. Черчиллем была высказана мысль о том, что Айн од-Доуле, садр-азам в 1904–1906 гг. и премьер-министр Ирана в 1915 и 1917 гг., мог бы вполне справиться с этой задачей. Можно сказать, что меморандум был своеобразным руководством к действию для Нормана по поиску подходящей фигуры для исполнения поставленной задачи⁸. Несмотря на то что время для ратификации англо-иранского соглашения 1919 г. было упущено, Норман все же не терял надежду и хотел получить положительный ответ от нового иранского правительства относительно англо-иранского соглашения. Чтобы как-то протолкнуть его, Норман советовал создать комиссию, которая рассмотрела бы этот вопрос⁹. По утверждению Нормана, в Иране существовала сильная

⁷ Ironside Edmond, Major-General. *High Road to Command, the Diaries of Major-General E. Ironside: 1920–1922*. Ed. By Lord Ironside. London: Leo Cooper, 1972, p. 177–178.

⁸ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 616, p. 668–669.

⁹ *Ibid.*, Doc. 663, p. 706.

оппозиция против участия британских офицеров в планах реорганизации иранской армии, что справедливо воспринималось иранской стороной как превращение Ирана в британский протекторат. Иранский премьер-министр Сепакдар поддерживал английский план реорганизации армии, для осуществления которого требовал от англичан оказания финансовой помощи. В лице британского полковника Г. Смита он видел человека, способного организовать необходимую вооруженную силу. К тому времени за два месяца работы среди персидских казаков этот офицер значительно повысил их боеспособность. Стараясь найти решение, Норман предложил Керзону свое видение данной проблемы. По его мнению, одним из главных требований членов британской Военной комиссии могла быть замена британских офицеров в иранской армии представителями других наций, среди которых Норман назвал бельгийских офицеров, обосновывая это отсутствием у них политической мотивации¹⁰. В своей телеграмме Норману лорд Керзон указал ему на недопустимость какой-либо модификации англо-иранского соглашения, а также реорганизации иранской армии при помощи бельгийцев¹¹.

В январе 1921 г. из английской миссии сообщали об изменении положения в Тегеране в результате отставки русских офицеров из Персидской казачьей дивизии и намеченного вывода британских войск из северо-западного Ирана. Находясь под сильным впечатлением событий, происходящих на севере страны, Ахмадшах стал размышлять даже о переводе правительства в южный Иран и о своем незамедлительном бегстве в Европу. Иранская общественность была серьезно встревожена данной перспективой. Ставка англичан на Сепакдара в итоге не оправдалась, так как он все более и более склонялся к мнению тех иранских политиков, которые видели спасение Ирана в заключении соглашения с Советской Россией. Провал с созывом меджлиса, на открытие которого правительство не имело полномочий, ухудшил внутривнутриполитическую ситуацию в столице. Сепакдару пришлось вновь подать

¹⁰ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 663, p. 707.

¹¹ *Ibid.*, Doc. 664, p. 707.

заявку на отставку своего кабинета, которая, в конце концов, была принята шахом 16 января 1921 г. Тогда, в тот же день, шах поручил Мостоуфи оль-Мамалеку сформировать правительство, на что последний согласился лишь при условии, что он отложит созыв меджлиса и отменит англо-иранское соглашение. В результате условие Мостоуфи оль-Мамалека не было принято, поэтому шах был вынужден вновь предложить Сепакдару формирование правительства.

Тем временем иранское правительство приняло черновой большевистский договор с некоторыми поправками, которые включали пункт об одновременном выводе как советских, так и британских войск из страны. Причем в тексте договора не было никакого упоминания об англо-иранском соглашении. Хотя советское правительство приняло решение направить своего представителя Ф. Ротштейна в Иран, тем не менее, по требованию иранского правительства ему было запрещено двигаться в сторону Тегерана до заключения советско-иранского договора. Между тем правительственный кризис, начавшийся с отставки Сепакдара, продолжался и в первой половине февраля. Поскольку Мостоуфи оль-Мамалек отказался от формирования нового правительства, то шах вновь обратился с аналогичным предложением к Сепакдару. 5 февраля 1921 г. Сепакдар представил шаху список своих коллег, которых он намеревался включить в состав нового правительства. В списке числились имена трех из четырех лиц, высланных в ссылку в Кашан, настаивавших на отсрочке созыва меджлиса. Хотя шах и не согласился и кабинет так и не был сформирован, однако Сепакдар не стал отступать. 16 февраля Сепакдар, наконец, сформировал кабинет. Тем не менее, публичный отказ от англо-иранского соглашения со стороны большинства депутатов иранского меджлиса, с одной стороны, и приезд в Тегеран из Европы принца Носрат од-Доуле — с другой, вынудили Сепакдара внести изменения в своей тактике. Отправляясь в Тегеран, Фируз-мирза Носрат од-Доуле надеялся, что скоро падет слабый кабинет Сепакдара и тогда он сможет стать премьер-министром. В случае денонсации по его инициативе пресловутого англо-иранского

соглашения все лавры могли достаться ему, что, конечно, подняло бы его престиж в иранском обществе¹².

В своей телеграмме, отправленной на имя лорда Керзона 11 февраля 1921 г., Норман сообщал начальству об антибританских настроениях иранского меджлиса. Это не могло не тревожить британские власти. Между тем группа из 55 депутатов иранского меджлиса заявила о том, что они против ратификации соглашения. Как выясняется, этим они хотели отвести от себя обвинения в получении взятки от англичан с целью поддержать ратификацию соглашения в иранском законодательном органе¹³. В Англии прекрасно понимали, что без оказания финансовой помощи помышлять о переустройстве Ирана было просто невозможно. В своем меморандуме о финансовой помощи Ирану от 14 февраля 1921 г. Армитадж-Смит особо подчеркивал необходимость создания вооруженной силы для приведения в порядок финансовой системы страны¹⁴. Фактически в этом документе нашла отражение мысль, высказанная еще Дж. Черчиллем, о необходимости проведения в Иране военной и финансовой реформ. Армитадж-Смит указывал на тот факт, что, независимо от своей политической направленности, в течение последних лет ни одно иранское правительство не рискнуло открыто заявить о том, что им будет радушно принята британская помощь. По утверждению Армитадж-Смита, «единственная полудисциплинированная сила на севере — казачья дивизия — превратилась в деморализованный сброд». Она потеряла своих русских офицеров, а «трусливое тегеранское правительство» помешало заменить их британскими офицерами¹⁵.

В середине февраля 1921 г., когда приближались к концу советско-иранские переговоры, Армитадж-Смит выразил предположение о возможном распаде Ирана и поэтому предлагал перенести административный центр на юг, подальше от Тегерана и даже Исфагана и Шираза! Он придерживался взгляда о необхо-

¹² *British Documents on Foreign Affairs*, Doc. 516 [E 6160/2004/34], p. 388.

¹³ *Documents on British Foreign Policy*, First Series, Vol. XIII, Doc. 676, p. 720–721.

¹⁴ *Ibid.*, Doc. 677, p. 722.

¹⁵ *Ibid.*

димости проведения военной и финансовой реформ, подчеркивая при этом первостепенное значение военной реформы в деле успешной реализации финансовой. «Без военной силы... — писал Армитадж-Смит, — годной для охраны правительства... бесполезно говорить о финансовой реформе»¹⁶. В преддверии заключения советско-иранского договора англичане почувствовали, что не смогут и дальше удерживать Иран под своим контролем, поэтому, прежде чем удалиться из страны, они решили поставить во главе государства такое правительство, которое было бы лояльно по отношению к Англии и вместе с тем положило бы конец национально-освободительным движениям в стране. Англичане нашли подходящую кандидатуру для такого правительства — это был Сейид Зия эд-Дин Табатабаи¹⁷. Причем в качестве связных с ним англичане использовали двух жандармских офицеров — майора Казем-хана и капитана Масуд-хана, которые каждую неделю приезжали в Тегеран и докладывали Зия эд-Дину о положении казачьих частей¹⁸. Для организации государственного переворота при непосредственном участии англичан был создан так называемый «железный кабинет», по решению которого полковник Персидской казачьей дивизии Реза-хан должен был совершить государственный переворот. За пять дней до подписания советско-иранского договора, 21 февраля 1921 г., Реза-хан успешно выполнил стоявшую перед ним задачу¹⁹.

¹⁶ Ibid., p. 723.

¹⁷ Согласно С. Кронин, Зия эд-Дин Табатабаи был согласен нанять британских финансовых и военных специалистов. При его поддержке британцы, участвовавшие в планировании переворота, рассчитывали достичь заключения англо-иранского соглашения 1919 г. См.: Cronin S. Building a new army. Military reform in Qajar Iran. — *War and Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London and New York, 2008, p. 76.

¹⁸ Wilber D. N. Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran, p. 40.

³⁷ Американский исследователь Мохаммад Голи Маджд дает крайне негативную оценку государственному перевороту, поскольку, по объяснению автора, «британский переворот 1921 года дал возможность установления почти шестидесятилетней военной диктатуры над народом Персии». См.: Majd Mohammad Gholi. *Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain*. Lanham: University Press of America, 2003, p. 4.

Вот как описал в своем ежемесячном обзоре событий за февраль 1921 г. государственный переворот английский посланник Норман: «Казвинский и Хамаданский отряды казачьей бригады (точнее, дивизии. — *Н. Тер-Оганов*), насчитывающие от 2500 до 3000 человек, с 8 полевыми орудиями и 18 пулеметами под командованием полковника Реза-хана маршем двинулись из Казвина в Тегеран и вошли в город 21 февраля сразу после полуночи, не встретив серьезного сопротивления со стороны жандармерии или полиции, установили контроль над городом»²⁰. Далее он сообщал о том, что попытки представителей шаха и кабинета, а также двух членов английской миссии уговорить Реза-хана не вступать в город не достигли успеха. Согласно Норману, «Реза-хан сказал, что казаки, у которых был опыт общения с большевиками и знали, что они собой представляют, устали видеть, как в Тегеране одно безуспешное правительство сменяет другое. Причем никто ничего не делал для того, чтобы противостоять продвижению большевиков, которые сразу же появятся после вывода британских войск. Поэтому казаки пришли в Тегеран установить твердую власть, которая обратит на это внимание. Они поклялись в верности и преданности шаху, однако остались непреклонны в вопросе отстранения порочных советников, которыми он был окружен, выразив также добрую волю в отношении нас и сказав, что иностранцам нечего бояться»²¹.

³⁸ См.: *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 516. [E 6160/2004/34], p. 388. Согласно Д. Уильберу, когда Зия эд-Дин узнал о начале похода казачьих частей на Тегеран, то он лично отправился к шведскому командиру жандармерии полковнику Глиирапу и организатору шведской полиции генералу Вестдхалу, с которыми он дружил, и получил от них обещание не оказывать вооруженного сопротивления казакам. См.: Wilber Donald N. Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran, p. 43.

³⁹ *British Documents on Foreign Affairs*. Part II, Series B, Vol. I, Doc. 457 [E 2379/2/34], p. 335. Неудивительно, что аналогичную официальную легенду или версию о целях похода на Тегеран повторяет в своих воспоминаниях, посвященных Реза-шаху, и корпусной генерал, начальник Генштаба иранской армии Аманулла Джаханбани, а именно — положить конец анархии в Иране и спасти его. См.: *Реза-шах-е кабир дар айне-йе хатерат*. Беэнземам-е зендегинаме. Под редакцией Ибрахима Сафаи. Тегеран, с. 88–89.

Действительно, не встретив никакого сопротивления, Резахан вступил в Тегеран и, объявив там военное положение, взял под свой контроль все государственные учреждения столицы²². В результате правительство Сепакдара пало. Несмотря на отсутствие письменных документов, прямо указывающих на организацию переворота англичанами, цели и задачи английских военно-политических кругов, подробно изложенные в английских дипломатических документах конца 1920 — начала 1921 г. (как мы имели возможность в этом убедиться), дают полное основание полагать, что переворот был организован ими, в частности генералом Айронсайдом, при участии полковника Генри Смита и 14 английских офицеров, обучавших казачью

---

²² В своей книге «Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941» советский историк С. Л. Агаев, несмотря на то, что был знаком с британскими дипломатическими документами, проливающими свет на характер государственного переворота 1921 г., почему-то утверждал, что его организаторами были «руководители» казачьей дивизии. «В условиях роста национально-освободительного движения на Севере, — писал С. Л. Агаев, — усиления феодального сепаратизма на Юге и окончательного разложения правительственного аппарата в центре единственным организованным и устойчивым институтом государственного механизма в стране оставалась армия. *Руководители ее наиболее боеспособной части — казачьей дивизии — поставили перед собой цель предотвратить назревший революционный взрыв, ликвидировать хаос и анархию в государстве, сорвать взятый Англией курс на поощрение гражданской войны в стране* (курсив наш). 21 февраля 1921 г. руководимые патриотически настроенными офицерами (Реза-ханом и др.) части иранской казачьей дивизии вступили в Тегеран и совершили государственный переворот». См.: Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941. М., 1971, с. 9. Также ошибочно утверждение С. Л. Агаева о том, что «“Переворот 3 хута”... хотя и был верхушечным по форме, *отражал глубокие внутренние процессы* (курсив наш)». См.: Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. (Вопросы внешней политики). М., 1970, с. 46. Оценка государственного переворота 1921 г. берет начало в его статье, опубликованной еще в 1966 г., в которой мы читаем: «... как по своим движущим силам (все заговорщики и члены созданного ими правительства были выходцами из либеральных помещиков и буржуазии), так и по своему объективному содержанию “переворот 3 хута” имел буржуазно-помещичий характер». См.: Агаев С. Л. К вопросу о характере «переворота 3 хута». — Народы Азии и Африки (История, экономика, культура), 1966, № 5, с. 62.

дивизию²³. Кроме того, как выясняется, некоторые члены английской дипломатической миссии, а именно ее Восточный секретарь У. Сمارт, а также исполнявший обязанности советника миссии подполковник Т. Хейг, были хорошо информированы о подготовке государственного переворота²⁴. Причем не следует забывать и о том, что выбор Реза-хана англичанами не был случайным — ведь 2 февраля 1918 г. именно с его помощью был отстранен от командования дивизией полковник Клерже! Следовательно, исполнитель переворота пользовался доверием англичан, и нет ничего удивительного в том, что совершить государственный переворот англичане поручили именно ему. Кроме того, идея Айронсайда об установлении диктатуры сильной личности удивительно совпадает с личностными качествами будущего военного министра Ирана Реза-хана. Вместе с тем жесткая реакция военного министра на заявления, публиковавшиеся в то время в иранской прессе, о том, что переворот был организован англичанами или, по крайней мере, Сеидом Зия эд-Дином, свидетельствует о его стремлении скрыть правду²⁵.

Не следует забывать и о том, что с февраля 1918 г. казачья дивизия полностью была на содержании англичан, и даже в тот промежуток времени, когда было прекращено ее субсидирование, казачьи части, находившиеся в Казвине, проходили военную подготовку под надзором полковника Генри Смита. Кроме того, в период с 19 по 20 февраля, когда отряд

---

²³ Кстати, об этом можно найти косвенное подтверждение в примечаниях книги С. Кронин «Армия и создание пехлевийского государства в Иране, 1910–1926 гг.», где автор пишет: «Как кажется, в планировании казачьего переворота Айронсайд и некоторые другие английские офицеры и официальные лица действовали по своей инициативе (курсив наш), без формального разрешения со стороны британского правительства и даже британского министра в Тегеране, как они сделали это в деле увольнения русских офицеров». См.: Cronin S. *The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*, p. 268.

²⁴ Wilber Donald N. *Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran*, p. 42.

²⁵ См.: Макки Хосейн. *Тарих-е бистале-йе Иран*. Джелд-е доввом. Тегеран, 1374, с. 71–76.

дивизии двигался по направлению к Тегерану, сотрудники Шахиншахского банка стали перевозить на грузовиках серебро и ассигнации для выдачи их наступавшим казакам²⁶. Несмотря на то что непосредственное кураторство над казачьей дивизией должен был осуществлять генерал Диксон, на самом деле именно генерал Айронсайд и полковник Генри Смит оказались теми людьми, кто лично подготовил почву для государственного переворота. По утверждению Х. Фардуста, бывшего руководителя Особого отдела службы безопасности Мохаммад Реза-шаха Пехлеви, посвященного во все тайны шахского двора, «переворот 1921 г. (1299 г.), — согласно тем документам, которые мне довелось увидеть или услышать, — был спланирован на встрече английского генерала Айронсайда с Реза-ханом, в присутствии Сеида Зия эд-Дина Табатабаи»²⁷. Есть все основания полагать, что о перевороте все-таки было известно высшему военному руководству Британской империи. Достаточно напомнить, что в свое время назначение молодого генерала Айронсайда на должность командующего Норперфорсом была инициативой тогдашнего военного министра Уинстона Черчилля, который лично опекал его. Следует напомнить, что в то время (с января 1919 г.) У. Черчилль занимал пост военного министра, а с 1921 г. пост министра по делам колоний. Вряд ли можно допустить мысль о том, что Айронсайд на свой страх и риск решил сменить власть в Иране, не согласовав его, по крайней мере, со своим руководством.

То обстоятельство, что английское правительство официально не признало своего участия в организации государственного переворота, еще не значит, что оно не могло в нем участвовать. Англичане наверняка не захотели бы «засветиться» в этом деле (ведь реакция на переворот со стороны США и Франции, не имевших в руках

---

²⁶ Наджми Насер. *Базигьран-е сияси-йе аср-е Резашахи ва Мохаммад Резашахи*. Тегеран: Энтешарат-е Эйнстеин. 1373/1994, с. 249.

²⁷ См.: Фардуст Хосейн. *Хатерат-е артешбод-е сабек Хосейн Фардуст*. — *Зохур ва сокут-е салтанат-е пахлави*. Джелд-е аввал. Тегеран: Энтешарат-е Эттелаат, 1370, с. 82.

никаких письменных доказательств, наглядно показала их негативное отношение к этому событию)²⁸. Также не следует забывать о том, что в июне 1920 г. в Лондоне было достигнуто соглашение между английским премьером Ллойдом Джорджем и главой советского торгового представительства Л. Б. Красиным, согласно которому войска обеих держав должны были до 1 апреля покинуть территорию Ирана. Так что до эвакуации оставалось мало времени. Поэтому Айронсайд должен был спешить. Поскольку он не имел обширного круга знакомых в Иране, то благодаря полковнику Смигу и одному из самых опытных агентов интеллидженс-сервис в Иране — главе общины иранских парсов-зороастрийцев Фарзане Ардаширджи-Рипортеру²⁹ он вышел на нужного человека — Реза-хана. Следует заметить, что именно Ардаширджи представил Реза-хана Айронсайду³⁰. Причем все трое несколько раз встречались друг

²⁸ Следует напомнить, что в свое время американцы вместе с иранскими националистами резко выступили против подписания в 1919 г. англо-иранского договора. См.: Макки Хосейн. *Мохтасари аз зендегани-йе сияси-йе Солтан Ахмад-шах-е Каджар*, с. 56–58.

²⁹ Ардаширджи был направлен властями Индии в Иран в 1893 г., где вскоре возглавил общину парсов-зороастрийцев и со временем занял одно из ведущих мест в рядах английской агентуры в Иране. Примечательный факт, что во время Конституционного движения в Иране Ардаширджи находился в эпицентре — Тегеране. В своих «Записках воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы» их автор К. Н. Смирнов, повествуя о революционных событиях в Гиляне и появлении революционера-авантюриста Панова в Тегеране, упоминает и об Ардаширджи. «Недавно, — писал К. Н. Смирнов, — разнесся слух, что в городе появился Панов. Казаки пошли его арестовывать и вместо не приехавшего в Тегеран Панова привели в (Персидскую казачью) бригаду агента парсов Ардаширджи. К вискам его приставили револьверы, связали руки назад и прикладом наколотили бока. Потом извинились перед ним и английским посланником». См.: Смирнов К. Н. *Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы*. Тель-Авив, 2002, с. 105. Как можно сделать заключение из другого пассажа «Записок», Ардаширджи хорошо был осведомлен даже о тонкостях ссоры, произошедшей между Пановым и грузинскими членами РСДРП. Там же, с. 106. Как выясняется, именно Ардаширджи был тем человеком, кто порекомендовал самому вице-губернатору Индии кандидатуру Реза-хана в качестве возможного исполнителя переворота. См.: Фардуст Хосейн. *Хатерат-е артешбод-е сабк Хосейн Фардуст*, с. 82, 293, 297, 298.

³⁰ Алиев С. М. *История Ирана*, с. 145–146.

с другом³¹. Последняя их встреча состоялась 12 февраля 1921 г. А через несколько дней после этого, 16 февраля, Айронсайд вновь приехал в Тегеран, на этот раз для встречи с Ахмад-шахом, и имел с ним длительную беседу. На следующий день, 17 февраля, за четыре дня до государственного переворота, он отправился в Багдад, где встретился с сэром Перси Коксом (Верховным комиссаром Великобритании в Ираке) и вместе с ним отправился в Каир для встречи с министром по делам колоний Уинстоном Черчиллем. На встрече обсуждались вопросы, касающиеся Ирака и Ирана³². Симптоматично, что в своих воспоминаниях Айронсайд весьма лестно отзывался о Реза-хане³³. В конце концов, если всю аргументацию в пользу версии об организации англичанами государственного переворота оставить в стороне, то ответ на вопрос: кому это было выгодно — может привести нас к логическому заключению.

Тем временем, чтобы не раскрывать свою связь с англичанами, заговорщики отказались от иностранной финансовой помощи и путем экспроприации имущества своих политических оппонентов, основную массу которых составляли антибритански настроенные представители националистического лагеря, нашли финансовые средства для функционирования правительства и силовых структур. Норман встретился с шахом, которого отговорил от мысли бежать за границу, посоветовав ему начать переговоры с заговорщиками³⁴. Не случайно, что сразу после военного переворота Сеид Зия эд-Дин Табатабаи изъявил желание титуловаться «диктатором», надеясь получить из шахских рук неограниченные полномочия. Од-

---

³¹ Малек ош-Шоара Бахар, который был свидетелем подготовки государственного переворота, указывает, что в Ага-Бабе, где находился лагерь частей казачьей дивизии (между Казвином и Менджиле), отступивших из Решта, английские чиновники, «занимавшиеся подготовкой переворота 1921 года», здесь встретились с Реза-ханом и согласовали его будущие действия. См.: Малек ош-Шоара Бахар. *Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран*, с. 81.

³² См.: Махдави Абдорреза Хушанг. *Сахнехан аз тарих-е моасер-е Иран*. Маджмуэ-йе макалат, Тегеран, 1377, с. 192.

³³ Ironside Edmond, Major-General. *High Road to Command, the Diaries of Major-General E. Ironside: 1920–1922*, p. 251.

³⁴ *British Documents on Foreign Affairs*, Doc. 457 [E 2379/2/34], p. 335.

нако узрев в этом явное посягательство на свою власть, Ахмад-шах отказал ему в этом, после чего Зия эд-Дин довольствовался титулом премьер-министра³⁵. Докладывая о февральских событиях в Иране, американский посланник Колдуэл в своей телеграмме от 11 марта 1921 г. в государственный департамент однозначно назвал британцев организаторами военного переворота. «Это совершенно очевидно, — писал Колдуэл своему начальству, — что все движение (подразумевается военный переворот. — *Н. Тер-Оганов*) британского происхождения и осуществлено при их поддержке, согласно плана по установлению контроля над страной»³⁶. Причем американский посланник не преминул указать на весьма важную деталь — тесную связь Сеид Зия эд-Дина с англичанами: «Премьер — британский протеже, чья цель, характер и предки находятся вне всяких подозрений. Как известно, будучи еще издателем газеты “Раад”, он регулярно получал стипендию от британцев»³⁷.

В знак благодарности за оказанную услугу от нового премьер-министра Ирана Сеида Зия эд-Дина Табатабаи Реза-хан получил командование Персидской казачьей дивизией. Реза-хан был представителем той части иранского общества, которая независимость страны непосредственно связывала с созданием сильной армии. Как только англичане вывели свои войска из Ирана, Реза-хан встал на четкие националистические позиции³⁸. Согласно официальной пехлевийской версии, Реза-хан, получивший военный опыт в рядах Персидской казачьей дивизии и бывший

³⁵ См.: Ghani S. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 200.

³⁶ См.: DoS doc. no. 646. Caldwell to Secretary of State, 11 March 1921. — Ghani S. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 179.

³⁷ Ibid.

³⁸ В условиях засилья большевистской идеологии иранский национализм оказался тем оружием, с помощью которого Реза-хан весьма успешно справился с сепаратизмом и большевизмом в Иране. Но «националистический козырь», скорее всего, не был изобретением самого Реза-хана. Именно национализм, по зоркому заключению вице-губернатора Индии лорда Челмсфорда, озвученному им в 1920 г., мог стать «реальной защитой» Индии. Он понял, что не военные кордоны, а «националистический дух» можно было противопоставить большевизму на всем Востоке. См.: Ulman Richard H. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. The Anglo-Soviet Accord*. Princeton: Princeton University Press, 1972, p. 329.

свидетелем деятельности русских офицеров-инструкторов, понял сущность и цели иностранных военных миссий. Он стал ярким противником пребывания английских военных инструкторов в иранской армии. В связи с этим корпусной генерал Аманулла Джаханбани в своих мемуарах заметил, что «когда меджлис назначил его (Реза-хана) главнокомандующим, а меня начальником Генерального штаба, Реза приказал мне собрать рассеянные вооруженные силы Ирана и сформировать из них однородную национальную армию. Отстраните всех без исключения иностранных офицеров, выдайте им полагающееся жалование и дорожные деньги, с тем чтобы они вернулись в свои страны»³⁹.

Заняв пост военного министра в апреле 1921 г., Реза-хан потребовал от англичан отозвать из страны весь свой военный персонал⁴⁰. В ответ англичане (согласно трактовке И. Р. Розенблюма) попытались путем очередного государственного переворота устранить Реза-хана, однако им это не удалось. В свою очередь, Реза-хан, как только упрочил свои позиции в правительстве, приступил к реорганизации армии. По его замыслу, основой будущей армии Ирана должна была стать Персидская казачья дивизия. С этой целью в марте 1921 г. он упразднил центральную бригаду и присоединил ее к дивизии. Корпус южноперсидских стрелков был им также расформирован⁴¹. В начале мая 1921 г.

³⁹ См.: Вали-заде Исмаил. *Хатереха*. Техран, 2530, с. 556.

⁴⁰ См.: Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического и политического положения... к 1 июля 1923 года*, с. 4. Следует признать, что, несмотря на радикальные шаги, сделанные Реза-ханом в отношении английского военного персонала, его стремление сформировать единую регулярную армию и воздвигнуть в качестве барьера советскому большевизму иранский национализм, ни в коей мере не шел вразрез с планами англичан в Иране.

⁴¹ Розенблюм И. Р. *Персидская армия*, с. 13. Не располагая другими источниками информации, подтверждающими этот факт, трудно сказать, была ли действительно предпринята англичанами попытка устранения Реза-хана от власти или мы имеем дело с тщательно подготовленной инсценировкой, поставившей своей целью показывать Советам «антибританский заряд» Реза-хана. Решение о роспуске Корпуса южноперсидских стрелков было принято на заседании иранского кабинета министров в начале апреля 1921 г. См.: *Аснад-е кабише-йе кудета-йе севвом-е эфанд-е 1299*. Составитель Хасан Морселванд. Техран: Нашр-е тарих-е Иран 1374, с. 204.

Реза-хан подчинил жандармерию военному министерству. Таким образом, к середине мая Реза-хан установил фактический контроль над всеми вооруженными силами страны. Сконцентрировав в своих руках военную силу, Реза-хан вынудил своего бывшего соратника по государственному перевороту Сеида Зия эд-Дина Табатабаи подать в отставку и покинуть Иран⁴². Этот неожиданный ход Реза-хана оказался неприятным сюрпризом для англичан, которые не могли ожидать такого от человека, который своим возвышением так много был им обязан. Хотя могло быть и так, что, взвесив возможности двух кандидатур, исходя из нужд текущего момента, англичане отдали предпочтение Реза-хану. Необходимо отметить, что в отставке Зия эд-Дина Норман усмотрел наличие альянса между Ахмад-шахом и Реза-ханом. Норман попытался вступить за Зия эд-Дина, но был вынужден в своей телеграмме лорду Керзону от 25 мая 1921 г. с огорчением признать: «Все мои попытки отговорить заговорщиков от катастрофической интриги потерпели неудачу благодаря тому факту, что после вывода наших войск военный министр больше не боится нас, а шах, опасаясь премьер-министра, который был представлен Его Величеству как опасный большевик, намеревающийся арестовать и, возможно, убить его, полностью доверился военному министру, который является Верховным командующим всеми вооруженными силами»⁴³. На самом же деле отставка Зия эд-Дина была связана с попыткой англичан путем еще одного переворота убрать с пути Реза-хана. Для этой цели они попытались использовать южноперсидских стрелков, которые так и не смогли продвинуться в сторону Тегерана и одолеть казачью дивизию. Им пришлось отойти на прежние свои позиции, а замешанным в попытке переворота Зия эд-Дину и наследнику каджарского престола Мохаммад Хасан-мирзе пришлось спешно покинуть страну⁴⁴.

⁴² Ghani C. *Iran and the Rise of Reza Shah*, p. 217.

⁴³ *British Documents on Foreign Affairs*, Doc. 515 [E 6158/2004/34], p. 384.

⁴⁴ Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического положения к 1 июля 1923 года*, с. 4.

По официальной версии, Реза-хан оказался не таким послушным, как того желали англичане, тем не менее он был готов «согласиться на британский контроль за министерством финансов и отчетами военного министерства». Кроме того, он был не против пребывания британских офицеров на севере страны в качестве инструкторов, но без исполнительных полномочий. Тем не менее, согласно Норману, не следовало доверять Реза-хану, поскольку у режима, как он полагал, было мало шансов на выживание. Неожиданный поворот в поведении Реза-хана, который успел за короткий период времени превратиться в военного диктатора, серьезно стал беспокоить англичан. По этой причине Норман был вынужден телеграфировать в британские военно-политические инстанции о необходимости прекращения поставок вооружения и офицеров в Иран, а финансовому советнику — перевода денег, видимо, до прояснения ситуации вокруг политической линии нового правительства. Непредсказуемость Реза-хана насторожила англичан. Хотя Норман был вынужден признать, что Реза-хан по своим воззрениям был ярким антибольшевиком, тем не менее, будущее внушало английскому посланнику «самые жуткие опасения»⁴⁵. Особую тревогу у него вызывала активность официального представителя большевистского правительства в Тегеране, который предложил военному министру военно-техническую помощь в виде безвозмездной передачи иранской армии вооружения и денег⁴⁶.

В результате мер, проведенных Реза-ханом, к ноябрю 1921 г. Персидская казачья дивизия полностью перешла в руки иранских офицеров. С помощью активного использования Персидской казачьей дивизии Реза-хан сумел разгромить движение

---

⁴⁵ *British Documents on Foreign Affairs*, Doc. 515 [E 6158/2004/34], p. 384.

⁴⁶ *Ibid.* На самом деле советско-иранское тесное сотрудничество в различных областях, продолжавшееся на протяжении 20-х годов XX в., резко оборвалось в результате разоблачения просоветской деятельности всесильного министра двора Реза-шаха Теймурташа. См.: Фардуст Хосейн. *Хатерат-е артешбод-е сабек Хосейн Фардуст*, с. 51–53, 85.

джангалийцев⁴⁷. По данным советской стратегической разведки, в то время Персидская казачья дивизия состояла из бригад (первой гвардейской Аракской стрелковой дивизии, гвардейской конной бригады, артиллерийской бригады) и семи отрядов (Тавризского, Хамаданского, Хорасанского, Исфаганского, Ардебильского, Гилянского и Мазандеранского). Кроме гвардейской конной бригады кавалерийские части находились только в распоряжении Аракской пешей бригады, отряды состояли из разных родов войск. Например, в Тавризском отряде вместе с пешим полком (800 пеших) был четырехэскадронный полк (400 кавалеристов) и одна пулеметная команда (с 8 пулеметами). Количественный состав отряда не был строго регламентирован. В некоторых отрядах в составе пехоты числилось до 1000 человек, а в некоторых до 300–400 человек. В общем, в 21 батальоне (77 сотен) и 28 кавалерийских эскадронах казачьей дивизии вместе с казаками артиллерийской батареи и пулеметных команд числилось 13 720 казаков⁴⁸.

Приведя в порядок казачью дивизию и жандармерию, тем самым Реза-хан подготовил почву для организации национальной регулярной армии Ирана. Согласно его приказу от 5 января 1922 г., были упразднены военные названия: «казак», «жандарм» и «сарбаз». После этого он ввел в состав дивизии оставшиеся части жандармерии и сарбазов, а затем этот пестрый контингент разделил на 5 дивизий и вместе со штабами расположил в разных провинциях Ирана. Штаб Центральной дивизии находился в Тегеране, штаб Северо-Западной — в Тавризе, Западной дивизии — в Хамадане, Южной — в Исфагане, Восточной — в Меш-

⁴⁷ См.: Chaqueri Cosroe. *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: birth of trauma*, с. 262–263.

⁴⁸ Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического положения к 1 июля 1923 года*, с. 4–7. Согласно же данным советской стратегической разведки, к 1 ноября 1921 г. Персидская казачья дивизия состояла из 10 326 штыков, 2575 сабель. На вооружении дивизии находились 102 пулемета и 88 орудий. См.: Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил*, с. 4.

хеде. В целом в национальной армии Ирана числилось 30 тыс. солдат⁴⁹.

Таким образом, в начале 1922 г. созданием национальной регулярной армии Ирана был положен конец 40-летней истории существования Персидской казачьей дивизии — форпоста царской России в этой стране.

---

⁴⁹ Львов Ф. *Персия. Обзор вооруженных сил с приложением очерка экономического положения к 1 июля 1923 года*, с. 4–5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организованная в 1879 г. русскими офицерами-инструкторами так называемая Персидская казачья бригада стала одной из самых неординарных концессий, полученных когда-либо иностранной державой в Иране. Номинально подчиняясь сначала военному министру, затем премьер-министру Ирана, со временем Персидская казачья бригада фактически превратилась в личную бригаду шаха. Тем не менее, командир бригады, скромно именуемый «Заведующий обучением персидской кавалерии», постоянно находился под опекой русской дипломатической миссии и на практике способствовал усилению влияния царской России в Иране.

Будучи орудием русской политики, Персидская казачья бригада на всех этапах развития страны, с 1896 г. по 21 февраля 1921 г., играла ведущую (а с точки зрения иранцев, одиозную) роль в военно-политической истории Ирана.

Со дня своего основания Персидская казачья бригада на деле никогда не находилась в подчинении военного министерства Ирана. Являясь совершенно самостоятельной воинской частью, она и в хозяйственном отношении не зависела от иранских властей. Командир бригады по своему усмотрению распоряжался ее бюджетом и не был подотчетен иранским военно-финансовым органам. Только в 1910 г., после установления конституционного режима в стране, из офицеров бригады была создана комиссия, в задачу которой входила проверка расходования командиром бюджетных средств. Тем не менее, за всю историю своего существования отсутствие финансовой отчетности командиров

бригады не раз становилось объектом критики со стороны пробудившегося от вековой летаргии иранского общества.

Желая расширить свое присутствие в северном Иране — зоне русского влияния, несмотря на сопротивление со стороны иранского меджлиса, в течение нескольких лет перед Первой мировой войной (1914–1918), по указанию царских властей, во всех крупных административных центрах страны были сформированы отдельные казачьи отряды. Также без разрешения иранского правительства, а по прямому указанию русских военных властей Персидская казачья бригада была переформирована в дивизию.

В результате Октябрьского переворота 1917 г. Советская Россия отказалась от всех концессий в Иране, в том числе и от прав на Персидскую казачью дивизию, потребовав ее расформировать. Несмотря на это, русские офицеры продолжали служить в дивизии с эфемерной надеждой на реставрацию позиций России в Иране. Военно-политическая ситуация на севере Ирана в конце 1917-го — начале 1918 г., когда русские войска покидали или собирались покинуть территорию страны, вынудила англичан изменить свое отношение к Персидской казачьей дивизии. Отныне она могла стать надежной вооруженной силой в борьбе с национально-освободительным движением и большевиками в этой части Ирана. Внутривизионный переворот 2 февраля 1918 г., организованный англичанами при непосредственном участии командира Хамаданского отряда казачьей дивизии полковника Реза-хана, стал первым шагом в этом направлении. Поставленный во главе дивизии полковник Старосельский оказался ярким сторонником реставрации русского влияния в Иране, однако из-за отсутствия средств бригада попала в финансовую зависимость от англичан. Субсидируя казачью бригаду, англичане использовали ее в своих военно-политических целях.

Победа в Первой мировой войне и заключение англо-иранского соглашения 1919 г. дали Великобритании возможность подчинить своему полному контролю Иран. Открывшаяся перспектива кардинально скорректировала позицию англичан в отношении Персидской казачьей дивизии. Теперь, когда в Великобритании стали думать о необходимости слияния всех военных

формирований для организации однотипной регулярной армии Ирана во главе с английскими офицерами с целью противодействия возможной большевистской агрессии, казачья дивизия становилась препятствием на их пути, поскольку командир дивизии полковник Старосельский был категорически против подобного плана. Английская дипломатическая миссия стала настаивать на удалении из дивизии русского офицерского состава во главе с русским полковником, но Ахмад-шах, опасаясь за свою личную безопасность, не давал своего согласия на отставку командира. Однако постоянно надавливая на Ахмад-шаха, в конце октября 1920 г., под предлогом неоправданного отступления казачьей дивизии из Решта, английский посланник Г. Норман смог получить согласие Ахмад-шаха. Все русские офицеры из состава дивизии были удалены.

Поняв, что за короткий срок, остававшийся до вывода британских войск из Ирана, практически невозможно было реформировать иранские вооруженные силы для противостояния большевистской угрозе, военно-политические круги в Великобритании решили привести к власти пробритански настроенного военного диктатора. И 21 февраля 1921 г. части казачьей дивизии под руководством Реза-хана осуществили государственный переворот. Став сначала командиром Персидской казачьей дивизии, а затем и военным министром, Реза-хан фактически провел в жизнь английский план реформирования вооруженных сил Ирана. К концу 1921 г. на базе Персидской казачьей дивизии им была создана общегосударственная регулярная армия.

Вся история Персидской казачьей бригады может служить наглядным примером того, как с помощью института иностранных военных инструкторов проводилась политика колониализма в странах Востока.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941. М., 1971.
- Агаев С. Л. К вопросу о характере «переворота 3 хута». — Народы Азии и Африки (История, экономика, культура). 1966. № 5.
- Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. М., 1970.
- Агаев С. Л., Пластун В. Н. Спорные вопросы социал-демократического движения в Иране в 1905–1911 гг. — Иран. История и современность. М., 1983.
- Агахи А. М. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране. Баку, 1961.
- Абдуллаев З. З. Новые материалы о деятельности Ф. Панова. — Иран. История и современность. М., 1983.
- Алиев С. М. История Ирана. XX век. М., 2004.
- Англо-русское соперничество в Персии в 1890–1906 гг. — Красный архив, т. 1. М., 1933.
- Анаркулова Д. М. Реформы мирзы Таги-хана (1848–1851): их социальное и политическое значение. Кандидатская диссертация. М., 1977.
- Арутюнян Г. С. Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. Ереван, 1956.

- Архив внешней политики России. Фонд «Персидский стол». Год 1897, ед. хр. 877, ч. I (АВПР).
- Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе АН Грузии. Фонд 39, дело 27.
- Ахали Схиви (Новый луч). Тбилиси, № 3, 6, 8, 9, 11, 14, 17, 24, 28 и 35, февраль 1910 (на груз. яз.).
- Бобынин Н.Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. 1901–1923. Тифлис, 1923.
- Бушев П.П. Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М., 1959.
- Венюков М.И. Россия и Англия в Персии. — Русский вестник, 131, октябрь 1877.
- Висковатов А. Рецензия на книгу: Бругш Г. «Путешествие королевского прусского посольства в Персию в 1860–1861 гг.», т. I, Лейпциг, 1862. — Записки Кавказского отдела Русского географического общества (критика и библиография), кн. VI. Тифлис, 1864.
- Документы внешней политики СССР, т. 1–2. М., 1957–1958.
- Домантович А.И. Воспоминание о пребывании первой русской военной миссии в Персии. — Русская старина, 1908, № 2, 3, 4.
- Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. СПб., 1912.
- Зиновьев И.А. К истории англо-русского соглашения 1907 г. — Красный архив, т. 2–3 (69–70). М., 1935.
- Зонненштраль-Пискорский А.А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931.
- Иванов М.С. Иранская революция 1905–1911 годов. М., 1957.
- Иванов М.С. Новые материалы о социал-демократической группе в Тавризе 1908 г. (Из архива Г.В. Плеханова). — Проблемы востоковедения, 1959, № 5.
- Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952.
- Иванова М.Н. Иран во время Первой мировой войны. — Иран. История и культура в средние века и в новое время. М., 1980.
- Иранский С. Пути национально-освободительного движения в Персии (1917–1925 гг.). — Персия в борьбе за независимость. М., Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР, 1925.

- Иранский С. Роль Советской России в борьбе Персии за национальное освобождение (1917–1921 гг.). — Персия в борьбе за независимость, 1925.
- Истягин Л. Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979.
- Кавказ, 1859, № 4, 19, 63, Тифлис.
- Кавказ, 1861, № 30, 36, Тифлис.
- Келенджеридзе А. Серго Орджоникидзе — журналист. Тбилиси, 1969.
- К истории англо-русского соглашения 1907 г. — Красный архив, т. 2–3 (69–70). М., 1935.
- Коростовец И. Я. Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам. — Красный архив, т. 4–5 (65–66). М., 1934.
- Корсун Н. Г. Персия. М., Высший военный редакционный совет, 1923.
- Косооговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады. — Новый Восток, 1923, № 4.
- Косооговский В. А. Персия в конце XIX века. — Новый Восток, 1923, № 3.
- Косооговский В. А. Из тегеранского дневника полковника В. А. Косооговского. Под редакцией Г. М. Петрова. М., 1960.
- Красный архив, т. 4 (53). М., 1932.
- Кублицкий. Современная персидская артиллерия (1883 года). — Сборник материалов по Азии (СМА). Выпуск XI. СПб., 1884.
- [Куропаткин, генерал-лейтенант]. Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения Высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения. — Добавление к Сборнику материалов по Азии. СПб., 1902, № 6.
- Ломницкий Л. (Рэджеп). Персия и персы. Эскизы и очерки. 1898–1899–1900 гг. СПб., 1902.
- Львов Ф. Персия. Обзор вооруженных сил. С приложением очерка экономического и политического положения по данным к 1 июля 1923 года. Материалы стратегической разведки (Разведотдел штаба Р. К. К. А.). VIII. М., 1923.

- Мамонтов Н. П. Очерки современной Персии. СПб., 1909.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, серия III, т. 1. Москва — Ленинград, 1931.
- Международные отношения, серия III, т. 2, Москва — Ленинград, 1933; т. 4, 1931; т. 5, 1934; т. 6, ч. I, 1935; т. 6, ч. 2, 1935; т. 7, ч. 2, 1935; т. 8, ч. 1, 1935; т. 9, 1937; т. 10, 1938.
- Мисль-Рустем. Персия при Наср-эдин-шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах. СПб., 1897.
- Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор. Баку, третье издание, 1920.
- Павлович М. П. Очерки политической борьбы в Персии. М., 1925.
- Павлович М. П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции). — Новый Восток, кн. 8–9. Москва, 1925.
- Персия в конце XIX века (Дневник генерала Косоговского). — Новый Восток, 1923, № 3.
- Персия (Обзор вооруженных сил, международного и внутреннего политического положения и военно-географическое описание к 1-му ноября 1921 года), б. м., 1921.
- Подольский А. Г. Реформы Амир-Низама (1848–1851 гг.). Кандидатская диссертация. М., 1949.
- Попов А. [Л.]. Англо-русское соперничество на путях Ирана. — Новый Восток, 1926.
- Попов А. Л. Страница из истории русской политики в Персии. — Международная жизнь, 1924, № 4–5.
- Попов А. Л. Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Красный архив, т. 5 (18), 1926.
- Попов А. Л. Царская Россия и Персия в эпоху Русско-японской войны. — Красный архив, т. 4, 1932.
- Ржевусский А. В. Тегеран. Дорожные заметки. Пятигорск, 1911.
- Розенблюм И. Персидская армия с кратким историческим очерком развития вооруженных сил Персии с XIX века. Тегеран, 1922.

- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):
Фонд 76, оп. 1, дела: 188, 192, 202, 267, 374; Фонд 400, оп. 4, д. 279;
Фонд 401, оп. 4/928, д. 57; Фонд 446, дела: 39, 41, 42, 43, 44, 48;
Фонд 2000, оп. I, дела: 6949, 7700, 7707, 7752; Фонд 13185, дела:
33, 48; оп. III, д. 54.
- Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии
(с конца 1906 г. по июль 1909 г.), выпуск I (по ноябрь 1908 г.).
СПб., 1911 (далее: Сборник дипломатических документов).
- Сборник дипломатических документов. Вып. III (с 12 июля по 31 дека-
бря 1909 г.), 1912.
- Сборник дипломатических документов. Вып. IV, 1912.
- Сборник дипломатических документов. Вып. V (с 1 июля по 31 декабря
1910 г.). СПб., 1912.
- Сборник дипломатических документов. Вып. VII (с 1 июля по 31 дека-
бря 1911 г.). СПб., 1913.
- Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой за время
с 15-го мая по 1-е июня 1913 г. (Штаб Кавказского военного
округа) — № 47, Тифлис, 1913.
- Сергеев Е. Ю. «Дипломатическая революция» 1907 г. в отношениях
России и Великобритании. — Восток (ORIENTS), 2008, № 2.
- Смирнов К. Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы
(с приложениями). (Под научной редакцией Н. К. Тер-Оганова).
Тель-Авив, 2002.
- Тер-Оганов Н. К. К значению персидского военного термина «*قزاقخانه*». —
Моамбе (Сообщения АН Груз. ССР), 1981, № 3.
- Тер-Оганов Н. К. Иранская регулярная армия и деятельность ино-
странных военных миссий в Иране в XIX в. Тбилиси, 1984 (на груз.
яз.).
- Тер-Оганов Н. К. Письмо Н. Г. Гартвига К. Н. Смирнову как цен-
ный источник для характеристики англо-русских отношений
в Иране в начале XX века. — Иран. История, экономика, культура
(Памяти С. М. Алиева). М., 2009.
- Ф. Н. Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны. —
Красный архив, т. 4–5 (65–66). М., 1934.

- Франкини. Записка о персидской армии... от 20 сентября 1877 г. — Сборник материалов по Азии, вып. IV. СПб., 1883.
- Херншоу, Фоссей Джон Кобб. Европейские коалиции, союзы и соглашения, начиная с 1792 года. Перевод с английского М. З. Зелинского. Под редакцией Ф. Ротштейна. М., 1924.
- Центральный государственный исторический архив Грузии: Фонд 12, опись 2, дело 635. Фонд 15, опись 1, дела: 47, 170, 370, 372. Фонд 521, опись 2, дела: 304, 316, 337.
- Чипашвили Г.С. Серго Гамдлишвили («Серго Гурджи») да миси иранули дгиуреби [Серго Гамдлишвили (Серго Гурджи) и его иранские дневники]. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Шумяцкий Б.З. На посту советской дипломатии. Издание второе. М., 1960.

НА ЗАПАДНЫХ ЯЗЫКАХ

- Abrahamian E. The Causes of the Constitutional Revolution in Iran. — *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 10, 1979.
- Ansari Ali M. *Modern Iran Since 1921: the Pahlavis and After*. L., 2003.
- Avery P. *Modern Iran*. L., 1965.
- Balfour J.M. *Recent Happenings in Persia*. Edinburgh — London, 1922.
- Bayat M. *Iran's First Revolution. Shiism and the Constitutional Revolution 1905–1909*. New York — Oxford, 1991.
- Bezobrazov V.M. *Diary of the Commander of the Russian Imperial Guard, 1914–1917*, Boynton Beach: Dramco, 1994.
- British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ed-s Kenneth Bourne and D. Cameron Watt. Part I, vol. 13. Part II, volumes 1, 16, 17.
- Browne Ed.G. *The Persian Revolution of 1905–1909*. L., 1966.
- Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919. Edited by Sir A.W. Ward, Litt. D., F.B. A. and G.P. Gooch, M. A., Litt.D. Vol. III, 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971.

- Cambridge History of Iran. Volume 7. From Nadir Shah to the Islamic Republic. Ed-s P. Avery, G. Hambly and Ch. Melville. Cambridge, 1991.
- Chaqueri, Cosroe. *Origins of Social Democracy in Modern Iran*. Seattle, 2001.
- Chaqueri, Cosroe. *The Soviet Socialist Republic of Iran, 1920–1921: birth of trauma*. Pittsburgh, 1995.
- Cottam R. W. *Nationalism in Iran*. Pittsburgh, 1964.
- Cronin S. *Building a new army. Military reform in Qajar Iran*. — in: *War & Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London — New York, 2008.
- Cronin S. *The Army and the Creation of the Pahlavi State in Iran, 1910–1926*. London — New York, 1997.
- Curzon G. N. *Persia and the Persian Question*, v. 1. L., 1892.
- Dunsterville L. G. *The Adventures of Dunsterforce*. L., 1920.
- Eskandari-Qajar, Manoutchehr M. *Between Scylla and Charybdis. Policy-making under conditions of constraint in early Qajar Persia*. — in: *War & Peace in Qajar Persia. Implications past and present*. London — New York.
- Essad-Bey, Mohammad. *Reza Shah*. L., 1938.
- Hafez Farmayan. *Portrait of a Nineteenth Century Iranian Statesman*. — *International Journal of Middle East Studies*, vol. 15, № 3, August 1983.
- Fatemi Nasrollah S. *Diplomatic History of Persia, 1917–1923: Anglo-Russian power politics in Iran*. New York, 1952.
- Frazer D. *Persia and Turkey in Revolt*. Edinburgh, 1910.
- Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia*. Ed-s J. G. Lorimer. 1, vol. 1 (Historical), part chapter I. Buckinghamshire: Archive Editions, England, 1986. 7, vol. 2 (Geographical & Statistical), 1986. 4, vol. 1 (Historical), part II, Chapters X–XII, 1986.
- Ghani S. *Iran and the Rise of Reza Shah. From Qajar Collapse to Pahlavi Rule*. London — New York, 1998.

- Gordon, Thomas Edward, Sir. *Persia revisited (1895): with remarks on H. I. M. Mozuffer-ed-Din Shah and the present situation in Persia (1896)*. L., 1896.
- Greaves, Rose Louise. *Persia and the Defence of India, 1884–1892: a study in the Foreign Policy of the Third Marquis of Salisbury*. L., 1959.
- Great Britain. *Foreign Policy and the Span of Empire. 1689–1971. A Documentary History*. Ed. Joel H. Wiener. New York, 1972.
- Hale F. *From Persian Uplands*. L., 1920.
- Iran. *Political Diaries. 1881–1965, vol-s 1–6*. General Ed. Dr. Rm. Barrell. Oxford, 1997.
- Ironside, Edmund (Major General). *High Road to Command, the Diaries of Major General E. Ironside: 1920–1922*. Ed. By Lord Ironside. L., 1972.
- Ishtiaq Ahmad. *Anglo-Iranian Relations, 1905–1919*. Aligarh, 1974.
- Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia. A Study of Imperialism, 1864–1914*. New Haven, 1968.
- Kazemzadeh F. *The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade*. — *The American Slavic and East European Review*. Vol. 15, 1956.
- Keddie, Nikkie R. *Iranian Politics 1900–1905: Background to Revolution*. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 5, January 1969.
- Keddie, Nikkie R. *Iranian Politics 1900–1905: Background to Revolution — III*. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 5, October 1969.
- Keddie, Nikkie R. *Qajar Iran and the Rise of Reza Khan. 1796–1925*. Costa Mesa, 1999.
- Joukoff Eudin Xenya and North, Robert C. *Soviet Russia and the East. 1920–1927. A Commentary Survey*. Stanford, 1957.
- Lenczowski G. *Russia and the West in Iran. 1918–1948. A Study in Big-Power Rivalry*. Ithaca, 1949.
- Lobanov-Rostovsky A. *Russia and Asia*. Ann Arbor, Mich: G. Wahr Pub. Co., 1951.
- Lowe C. J. *The Mirage of Power*. L., 1972.

- Majd, Mohammad Gholi. *Great Britain & Reza Shah. The Plunder of Iran, 1921–1941*. Gainsville, 2001.
- Majd, Mohammad Gholi. *Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain*. Lanham, 2003.
- Marashi, Afshin. *Nationalizing Iran: Culture, Power and the State, 1870–1940*. Seattle, 2008.
- Martin, Vanessa. *Hartwig and Russian Policy in Iran, 1906–8*. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 29. Number 1, January 1993.
- Martin, Vanessa. *The Qajar Pact. Bargaining, Protest and the State in Nineteenth*. — *Century Persia*. London — New York, 2005.
- Mazour, Anatole G. *Russia: Tsarist and Communist*. Princeton, 1962.
- McDaniel, Robert. *The Shuster Mission and the Persian Constitutional Revolution*. Minneapolis, 1974.
- Mohammad, Fard Saidi. *The Early Phases of Political Modernization in Iran: 1870–1925*. University of Pennsylvania, 1974.
- Mounsey A. *A Journey through the Caucasus and the Interior of Persia*. L., 1872.
- Nashat G. *The Origins of Modern Reform in Iran. 1870–80*. Urbana, 1982.
- Fatemi, Nasrollah. *Diplomatic History of Persia. 1917–1923. Anglo-Russian Power Politics in Iran*. New York, 1952.
- Pearce B. *The Staroselsky Problem 1918–20: An Episode in British-Russian Relations in Persia*. L., Centre of Near and Middle Eastern Studies, 1994.
- [Henry Picot's report on]. *Military Organization of the Persian Army in 1899*. — *British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I, Series B, The Near and Middle East, 1856–1914*. Editor Gillard. Vol. 13 (Persia, Britain and Russia, 1886–1907). University Publications of America, 1984–1985.
- Polak J. *Persien. Das Land und seine Bewohner. Ethnographische Schilderungen*, V.I. Lpzg., 1865.

- Rabi Uzi and Ter-Oganov Nugzar. The First Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894. — *Iranian Studies*. Vol. 42, № 3, June 2009.
- Sabahi, Houshang. *British Policy in Persia. 1918–1925*. L., 1990.
- Sykes, Percy. Brigadier-General. *A History of Persia*. L., 1930.
- Tadhkirat al-Muluk. *A Manual of Safavid Administration*. Translated and explained by Minorsky V. Cambridge, 1943.
- Ter-Oganov, Nugzar. *Rapport du Capitaine en Second Constantin Smirnov sur son Voyage en Turquie en 1904*. — *Iran and the Caucasus*. Leiden, 2006.
- Ter-Oganov N.K. *The Persian Cossack Brigade: An Outpost of Russian Tsarism in Iran (1879–1921)*. — *Iran. Questions et Connaissances*. Vol. III. *Cultures et Sociétés Contemporaines*. Peeters. Association pour L'Avancement des Études Iraniennes. Paris, 2003.
- Tousi, Reza Ra'iss. *The Persian Army, 1880–1907*. — *Middle Eastern Studies*. Vol. 24, № 2, April 1988.
- Ullman, Richard H. *The Anglo-Soviet Accord. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. Princeton University Press, 1973.
- Wilber, Donald N. *Iran. Past and Present. From Monarchy to Islamic Republic*. Ninth edition. Princeton University Press, 1981.
- Wilber, Donald N. *Riza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran*. New York, 1975.
- Wright, Denis. *The English Amongst the Persians. Imperial Lives in Nineteenth-Century Iran*. London — New York, 2001.
- Zirinsky, Michael P. *Imperial Power and Dictatorship: Britain and the Rise of Reza Shah, 1921–1926*. — *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 24, № 4. November 1992.

НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

- Адамийат, Фаридун. *Андише-йе тарраки ва хокумат-е канун-е аср-е сепасалар*. Тегран: Шеркат-е сахами-йе энтешарат-е хваразми, 1351.
- Алави, Нуrolлах Данешвар (Моджахед ос-Солтан). *Тарихе-машруте-йе Иран*. Тегран, 1330.

- Амин од-Доуле, Мирза Али-хан. Хатерат-е сияси-йе Мирза Али-хан Амин од-Доуле. Ред. Хафез Фармаян. Техран: Першан бук компани. Техран, 1330.
- Аснад-е кабине-йе кудета-йе севвом-е эсфанд 1299. Техран: Чапхане-йе Саи-йе, 1374.
- Бахар, Малек ош-Шоара. Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сиаси-йе Иран. Джелд-е аввал. Энкераз-е каджари-йе. Техран, 1357.
- Бозорг Омид, Абулхасан. Аз маст ке бар маст. Мохтави-йе хатерат ва мошахедат (без места и даты).
- Вали-заде, Исмаил. Хатереха. Техран, 2530.
- Домболи, Абдоррезак-бек. Маасер-е солтание. Табриз, 1242.
- Джостархаи аз тарих-е моасер-е Иран — в книге: Зохур ва сокут-е салтанта-е пахлави. Джелд-е доввом. Техран: Энтешарат-е Этте-лаат, 1370.
- Заранг, Мохаммад. Тахаввол-е незам-е казаи-йе Иран. Аз маршруте та сокут-е Реза-шах (1285–1320 с. х.). Джелд-е аввал. Техран: Чапхане-йе маркяз-е аснад-е энкелаб-е эслами, 1381.
- Иран, газета. 06.07.2008, № 3970.
- Каем Маками, Джахангир. Тарих-е тахавволат-е сиаси-йе незам-е Иран. Аз агаз-е карн-е яздохом-е хеджри та сал-е 1301 хеджри-йе шамси. Техран: Чапхане-йе шеркат-е матбуат, 1326.
- Камбахш А. Назар бе джобеш-е каргари ва комунисти дар Иран. Маджмуэи-йе макалат. Аз энтешарат-е хезб-е тудеи-йе Иран (без места), 1972.
- Касеми, Абулфазл. Олигарши йа ханеданха-йе хокуматгар-е Иран. Аль-джоз 1. Ханедан-е Фируз Фарманфармаян. Техран: Раз, 1354.
- Касрави, Ахмад. Тарих-е маршруте-йе Иран. Техран: Моасессе-йе энтешарат-е Амир-е Кабир, 1376.
- Касрави, Ахмад. Тарих-е хидждах сале-йе Азарбайджан. Техран: Моасессе-йе энтешарат-е Ами Кабир, 1376.
- Кермани, Назем оль-Эслам. Тарих-е бидари-ие ираниан. Под редакцией Али Акбара Саиди Сирджани. Бахш-е аввал. Чап-е панджом. Техран: Нашр-е Пейкан, 1376.

- Кузанлу, Джамил. Тарих-е незами-йе Иран. Джелд-е доввом. Техран: Чапхане-йе маркази, 1315.
- Макки Хосейн. Мохтасари аз зедегани-йе сияси-йе Солтан Ахмад-шах-е Каджар. Техран: Кетабфоруши-йе Мохаммад Али Эльми, 1323.
- Макки, Хосейн. Тарих-е бистсале-йе Иран. Джелд-е панджом. Техран: Нашр-е Нашер, 1374.
- Марих, Техран, 21 мохаррам оль-харам 1296 г. л. х. (15 января 1879 г.), № 2.
- Марих, Техран, 10 зикадда оль-харам 1296 г. (27 октября 1879 г.), № 13.
- Махдави, Абдорреза Хушанг. Сахнехаи аз тарих-е моасер-е Иран. Маджмуэ-йе макалат. Техран: Элми Энтешарат, 1377.
- Махмуд, Махмуд. Тарих-е равабет-е сияси-йе Ирана ва Энглестан дар карн-е нуздахом-е милади. Моджалед 4 (Техран): Чап-е ходкар, 1328–1333.
- Моатамед, Фархад. Тарих-е сияси-йе доуре-йе садарат-е мирза Хосейн-хан Мошир од-Доуле Сепасалар-е Азам. Техран: Кетабхане-йе Ибн Сина, 1335.
- Мостуофи, Абдалла. Шарх-е зедегани-йе ман йа тарих-е эджтемай ва эдари-йе доуре-йе каджар. Чап-е чахаром. Техран, Энтешарат-е Зоввар, 1371.
- Мохбер ос-Салтане, Мехдикולי Хедаят. Хатерат ва хатарат. Техран: Шеркат-е чап-е рангин, 1329.
- Наджми, Насер. Базигран-е сияси-йе аср-е Резашахи ва Мохаммад Резашахи. Техран: Энтешарат-е Эйнстеин, 1374.
- Расул-заде, Мохаммад Амин. Гозарешаи аз энкелаб-е машрутиат-е Иран. Перевод с азербайджанского Рахима Раис Ниа. Техран: Сепасар-е Накш, 1377.
- Сани од-Доуле, Мохаммад Хасан-хан. Мират ал-Булдан-е Насери. Джелд-е доввом. Техран, 1294 г.
- Сани од-Доуле, Мохаммад Хасан-хан. Мират ал-Булдан-е Насери. Джелд-е севвом. Техран, 1295.
- Сафаи, Ибрахим. Аснад-е ноуяфге. Техран: Банк, 1349.

- Сафаи, Ибрахим. Реза-шах-е кабир дар аинеи-йе хатерат. Беэнземам-е зердегинаме. Лос-Анджелес, 1365.
- Тамаддон, газета. 12 раби ос-сани 1325 г. с. х. (25 мая 1907 г.), № 18.
- Теймури, Ибрахим. Аср-е бихабари иа тарих-е эмтиазат дар Иран. Техран.
- Фардуст, Хосейн. Хатерат-е артешбод-е сабек Хосейн Фардуст. — Зохур ва сокут-е салтанат-е Пахлави. Джелд-е аввал. Техран: Энтешарат-е Эттелаат, 1370.
- Шеркат-е несби-йе Хадж Мохаммад Хосейн Эқбал ва шорака, 1332.
- Хабл оль-матин, газета. Техран, 25 шавалья 1325 г. лунной хиджры (2 декабря 1907 г.), № 2.
- Хабл оль-матин. Техран, 29 джомади оль-аввал 1326 г. л. х. (30 июня 1908 г.), № 47.
- Хатерат-е Солейман Бехбуди, Шамс-е Пахлави, Али Изади. Под редакцией Хосейна Мирзы Салеха. Техран: Сахба, 1372.
- Чарковский. Колонел атамажор. Кетаб-е машк-е тупсаваре-йе мосаллах бе тарх-е джадид-е казаки-йе. Тарджоме-йе Хасан-хан Наиб-Сарханг. Техран, 1302.
- Яддаштха-йе Реза-шах. Составитель Али Басри. Перевод Мохаммада Хосейна Эстахра. Багдад, 1950.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас-ага 145
- Абдол Хосейн, персидский казак 253
- Абрахамян Э. 116
- Авери П. 42, 148
- Аверьянов, полковник 89, 150, 151
- Агаджан-хан, персидский казак 253
- Агаев С. Л. 29, 30, 126, 156, 309
- Ага-хан Нури 37
- Айн од-Доуле, принц 103, 109, 119, 121, 124, 126, 129, 261, 303
- Айронсайд Э., генерал 5, 24, 27, 293–295, 298, 303, 309–313
- Акбар-мирза, губернатор Исфaghана 249
- Алави Н. Д. (Солтан Моджахед) 185, 189
- Ала од-Доуле 56, 127
- Александр III, русский император 63–65
- Алексеев М. В., генерал, начальник штаба Верховного главного командующего 227
- Али-ага, мирпяндж 107, 176
- Али-хан, мирпяндж 82, 90
- Амин од-Доуле, Мирза Али-хан 90, 92, 93, 128
- Амин ос-Солтан Атабек, Али Асгар-хан 83–87, 90, 92, 93, 95, 96, 100, 104, 109, 114, 115, 145, 146
- Аргиропуло К. М., коллежский советник 63, 96, 97, 103, 109, 181
- Ардаширджи-Рипортер, Фарзане 18, 312
- Армитадж-Смит С. 277, 283, 306, 307
- Асадолла-хан, сартип 131
- Асадолла-хан, явер 107
- Асад-хан 254
- Афгани, Джемал эд-Дин 110
- Ахмад-шах Каджар (Ахмад-мирза, солтан; Солтан Ахмад-шах) 9, 93, 137, 167, 188, 192, 221, 225, 259, 269, 270, 276, 281–283, 290, 304, 312–314, 316, 322.
- Багир-хан 176, 199

- Балакин, поручик 246
- Барановский, надворный советник 189
- Баратов Н. Н., генерал 12, 223, 226, 229, 236, 240, 247, 248, 252, 255, 256, 263
- Барклай, английский посланник 149, 178, 186
- Бартоломеи, русский дипломат 44
- Бахадор-Джанг, Хосейн-паша 135
- Баят М. 117
- Бельгард, ротмистр 72
- Бенезек, французский офицер 38
- Бенкендорф, российский посол 209–211
- Бетман-Чемпейн Х. Б., генерал 258, 278, 293
- Бехбуди С. 183
- Биковски В., старший лейтенант инфантерии 47
- Бисмарк О. 78
- Бичерахов, полковник 256, 258
- Блазнов А. Г., есаул 134, 137, 190, 194, 195, 201, 202
- Блюмер, поручик 68
- Бобков, поручик 246
- Бобынин Н. Н. 151
- Бондаренко, урядник 135, 137
- Бравин К. 263, 264
- Братков, есаул 55
- Броньяр, майор 38, 40
- Броун Эдуард 21, 22, 124, 129, 166, 168–174
- Бругш Г. 41
- Брю, французский офицер 39, 40
- Буске, французский капельмейстер 38
- Буюзов Е. К. 85, 86, 89, 91, 93
- Вагнер де Ветерсдохт Э., капитан артиллерии 47, 48
- Вадбольский, князь 192–197, 199, 201, 205, 212, 228
- Ванновский П. С. 62, 68, 109
- Ваха А., военный техник 47
- Венюков М. И. 73, 74
- Верба, ротмистр 246
- Вестдхал, генерал 308
- Виларсо, граф, французский офицер 39, 40
- Вирубов, сотник 55
- Висоцкий, штаб-ротмистр 247
- Витте С. Ю. 74
- Власов П. М. 114, 118
- Водобшин, урядник 55
- Войнов, подполковник 245, 247
- Воронин, генерал-майор 114, 115
- Воронцов-Дашков И. И. 178
- Восук од-Доуле, Мирза Хасан-хан 31, 32, 205, 209, 211, 261, 265, 266, 268–270, 276–278, 281, 283, 286–290
- Гамдлишвили С. 168, 169, 184
- Гани, Сайрус 30, 55, 254, 261, 268

- Гартвиг Н. Г. 57, 135, 138, 142, 149, 152, 154, 157–164, 167, 178, 181, 188
- Глиирап, полковник 308
- Гобарт-паша, адмирал 162
- Голицын Г. С., князь 101, 111
- Головачевский, штаб-ротмистр 246
- Гольц, фон дер, генерал 188
- Грант-Дафф 129
- Грей Эдуард 28, 147, 148, 166, 210
- Деникин, генерал 272, 273, 275
- Денстервиль Л. Д., генерал 257, 258
- Дерби, лорд, английский посланник в Париже 282, 283
- Джавид С. 168
- Джаханбани А. 308, 315
- Дигмелов, штабс-капитан 246
- Диксон У., бригадный генерал 277, 278, 294, 300, 311
- Добромыслов, капитан 263, 296
- Домантович А. И., подполковник 3, 11, 14, 25, 49, 52–63, 66, 67, 76, 77, 109, 116, 181
- Дондуков-Корсаков, генерал-адъютант 62, 68
- Дюгуссе, французский офицер 38, 40
- Дюранд, английский посланник 90, 93
- Евсеев, урядник 55
- Жебуа, руководитель музыкальной команды 47
- Зеленый, генерал-лейтенант 94
- Зилли-Султан, принц 159, 162
- Зильдербрандт, советник русской миссии 267
- Зиновьев И. А. 53, 61–63, 109, 130, 137, 147, 178, 181
- Иванов М. С. 28, 52, 61, 126, 167, 224, 229, 248
- Извольский А. П. 128, 146, 149, 152, 154, 166–168, 177, 178, 181, 184, 187
- Иранский С. 52, 105, 266
- Исаак-хан 209
- Кавам ос-Салтане 209
- Каем Маками, Джахангир 23, 24, 37, 38, 46, 48, 64, 105, 233, 239, 249, 255, 259, 264, 294
- Каземзаде Фируз 22, 23, 25, 56, 117
- Казем-хан, майор 307
- Кайзер, ротмистр 245
- Калугин, капитан 245, 248
- Камран-мирза, Наиб ос-Салтане 42, 69, 77, 144
- Караханян Л. М. 265–267
- Касеми Абульфазл 270
- Касимбеков М. 154
- Кауниц, граф 222
- Кедди Ники 30, 122

- Керенский 252
- Керзон Дж., лорд 38, 47, 48, 70, 265, 266, 270, 271, 273–276, 280–284, 286, 288, 289, 291, 292, 294, 296–300, 304, 306, 316
- Кермани Реза 87, 110
- Кесрави А. 130, 168
- Кзак В., старший лейтенант связи 47
- Кириллов, урядник 55
- Клемм В. 208, 209, 212
- Клерже Г.И. 255–259, 310
- Кокс, Перси 31, 265, 269, 270–275, 278, 280–284, 313
- Колдуэл, американский посланник 314
- Колесников, урядник 135
- Коломийцев И. 265–267
- Кондратьев, штабс-капитан 246
- Коростовец И. Я. 150, 174, 183, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 215–217, 239
- Косоговский В. А., полковник 15, 53, 56, 57, 59, 62, 70, 72, 77–85, 87–97, 99–103, 106, 107, 109, 112, 113, 139, 158, 181, 198
- Котам Р. 182
- Кравцов, урядник 135, 137
- Красин Л. Б. 285, 312
- Краус И., капитан инфантерии 47
- Кронин С. 25–27, 29, 307, 310
- Кублицкий, капитан 64, 73
- Кузанлу Джамиль 38
- Кузнецов, есаул 246
- Кузьмин-Караваев А. Н., полковник 67–71
- Куропаткин А. Н. 77, 86, 93, 96, 104, 145
- Кухаренко, хорунжий 55
- Кучек-хан 247, 258, 262, 285
- Латкин, урядник 55
- Лейтнер Б., старший лейтенант инженерных войск 47
- Ленин В. И. 21, 254, 274
- Ленчовски Дж. 148, 213, 216
- Ллойд Джордж 312
- Лобанов-Ростовский А. 74
- Лобье, французский офицер 39
- Ломницкий С. 82, 92, 96, 97
- Лоу Дж. 147
- Львов Ф. 19, 137, 301, 315, 316, 318, 319
- Лэнсдоун, лорд 120
- Ляхов В. П., полковник 4, 19, 22, 25, 84, 97, 133–138, 142–144, 155–160, 162–167, 169–177, 179, 181, 182, 184–186, 189, 190
- Маджд Мохаммад Голи 32, 33, 307
- Маджд од-Доуле 82
- Майдель, барон, генерал-майор 242, 245, 247–250, 252, 253, 255
- Мак Даниэль Р. 22, 76

- Маковкин, есаул 69
- Малек ош-Шоара Бахар 18, 129, 146, 257, 259, 273, 281, 290, 313
- Малком-хан 110
- Мамонов, войсковой старшина 245, 247
- Мамонтов Н. П. 18, 19, 57, 80, 140, 157, 158
- Марлинг Ч. М. 178, 219, 231, 260, 265
- Масуд-хан, капитан 307
- Махмуд Махмуд 12, 46
- Мельников, тайный советник 67, 109
- Милютин Д. А. 51
- Минорский В. Ф. 252
- Мирза Саид-хан, министр иностранных дел 63
- Мирза Таги-хан 8, 36, 37, 42, 46
- Мирза Хосейн-хан, сепахсалар 49, 53
- Мисль-Рустем 19, 52, 59, 65, 66, 70
- Михаил Николаевич, великий князь, наместник на Кавказе 50, 51
- Мозаффар эд-Дин-шах 9, 84, 87–93, 95, 100, 102–104, 109, 124, 127, 128, 136
- Монси А. 40, 41
- Моранд 201.
- Мостоуфи Абдалла 259, 299,
- Мостоуфи оль-Мамалек 221, 222, 225, 229, 305
- Мотамед Ф. 43
- Мохаммад Али-шах Каджар 22, 130, 134, 136, 144, 146, 147, 149, 150, 154–158, 162, 167, 177, 178, 182–185, 188, 189, 197
- Мохаммад Реза-шах Пехлеви 17, 311
- Мохаммад Хасан-мирза Каджар 316
- Мохбер од-Доуле 90
- Мошир од-Доуле, Мирза Хосейн-хан 42, 43, 46, 49, 53, 63, 290, 294–299
- Мошир од-Доуле, Хасан Пирния 42, 43, 53, 63, 290, 294–299
- Муса-хан, сартип 3-го ранга 107
- Нарбут, генерал 248
- Нариманов Н. К. 274
- Насер эд-Дин-шах Каджар 9, 38–40, 42–45, 49–51, 53, 56, 59, 60, 71, 77, 78, 87–89, 98, 110, 311
- Наус, начальник иранских таможен 129
- Нератов А. 197, 198
- Нерубайский, урядник 135, 137
- Низам ос-Салтане 229
- Никола, французский офицер 38–40
- Николай Николаевич, великий князь 223, 225
- Николай II 76, 134, 145, 186, 190
- Никольсон А. 148, 166, 178

- Норман Г. 125, 270, 283, 285–292, 294–299, 301, 303, 304, 306, 308, 313, 316, 317, 322
- Носрат од-Доуле, Фируз-мирза 259, 269, 270, 276, 297, 305
- Нурали-ага 107
- Нюстрем, майор 229
- Обри, французский офицер 39
- Павлов П. П. 52, 63
- Павлович (Вельтман) Михаил 18, 50, 52, 63, 99, 105, 124, 125, 135, 157, 166, 170, 171
- Панов Ф. 52, 63, 156, 165–171, 173, 174, 312
- Перебиносов, капитан 134, 137
- Пико Г., английский агент 81, 82, 87, 98, 100, 101, 103, 106
- Пирс Брайан 29
- Пишон, барон 38
- Поклевский-Козелл С. А. 149, 193
- Поливанов А., военный министр 199, 234–236
- Попов А. Л. 75, 105, 147, 148
- Прозоркевич, подполковник 223, 228, 229, 239, 240, 245, 250
- Расул-заде М. А. 145, 169, 184, 189
- Рахим-заде 169
- Рахим-хан 107, 172
- Реза-хан (шах) Пехлеви, полковник 9, 10, 13, 17, 19, 24, 26, 27, 30, 32, 33, 87, 207, 259, 260, 307–312, 314–318, 321, 322
- Рихсиева Н. Р. 21
- Розенблюм И. 19, 249, 260, 285, 315
- Романовский Ю. 203
- Рудый, урядник 55
- Руссо, французский офицер артиллерии 35, 38, 39
- Саблин Е. В. 149, 178, 185, 186, 202, 231
- Сазонов С. Д. 28, 199, 204, 206, 207, 210, 211, 219, 221, 226, 227, 236, 237, 273, 278–280
- Саиди Фард Мохаммад 117
- Сайкс Перси, генерал 232
- Салар Лашкяр, Аббас-мирза 277
- Салсбери, министр иностранных дел 96, 108
- Самойлов, поручик 246
- Самсам ос-Салтане 183
- Сани од-Доуле (Эттемад ос-Салтане), Мохаммад Хасан-хан 39, 42–45
- Сардар Асад, Хадж Али Кули-хан 183
- Сардар Хомаюн, Касем-хан Вали 299
- Сарем од-Доуле, Акбар-мирза 269, 278
- Саттар-хан 176, 177, 199
- Сафронов, урядник 135, 137
- Сахаров В. В. 100

- Световидов, поручик 246
Сеид Муса Садр, мулла 253
Сеифолла-хан (мохаджер), явер 131
Сепакдар, Фатхолла Акбар 182, 185, 186, 189, 192–194, 202, 236, 238, 297, 298, 301, 304, 305, 309
Сергеев, капитан 146, 246
Сиилинг К., старший лейтенант инфантерии 47
Сливицкий, ротмистр 246
Смарт У. 310
Смирнов К. Н., штабс-капитан 93, 120, 135, 137, 149, 159, 167, 168, 178, 181, 185, 188, 216, 312
Смит Г., полковник 27, 29, 299, 300, 304, 309–312
Спринг Раис Сесиль, английский посланник 96, 103, 108
Сталин И. В. 254
Стандейски А., капитан инфантерии 47
Старосельский, полковник 5, 13, 29, 253, 259–263, 267, 269, 271–282, 284–300, 321, 322
Стодак Ф., майор 47, 48
Сулин, подьесаул 246
Сухомлинов В. А., генерал кавалерии 179, 206
Табатабаи, моджтахед Ага Сеид Мохаммад 116, 127
Табатабаи, Сеид Зия эд-Дин 13, 26, 30–32, 307, 308, 310, 311, 313, 314, 316
Таги-заде Хасан 218
Таунли У. 215
Теймури Ибрахим 12, 97, 138, 199, 239, 317
Термен, вице-консул 129
Томилов, генерал 250
Томсон Рональд 56
Троцкий Л. 255, 263
Туси Реза Раис 34, 84
Уильбер Д. 26, 118, 277, 308
Усов, подполковник 94
Ушаков В. И., капитан 134, 137, 176
Фардуст Хосейн, генерал 17, 117, 311, 312, 317
Фарман Фарма, Абдалхосейн-мирза 90–92, 103, 229, 230
Филаретов, полковник 248, 259
Филлипов, полковник 267
Фируз-мирза 44, 269, 270, 276, 297, 305
Фон Эттер Н. С. 217, 219, 220, 224, 226–231, 233, 234, 237, 248
Франкини В. А., генерал 40, 41, 44–46, 51, 57
Фрезе А. А., генерал-лейтенант 111
Фрезер Д. 111, 125, 129

- Хабаев, ротмистр 143
Хабаров, старший офицер 248
Хаджи Сейф од-Доуле, принц 108
Хаким оль-Мольк, лейб-медик 115
Хейг Т., подполковник 310
Ходалицкий, подьесаул 246, 253, 261, 262
Ходжар-хан, явер 107
Холл Ж., капитан артиллерии 47
Хоскин Дж., подполковник 275

Чарковский, полковник 3, 61–67, 69, 109
Чернозубов, полковник 109–114, 119, 121, 122, 126, 128–133, 135
Черчилль Дж. 301–303, 306
Черчилль У. 28, 311, 313
Чичерин Г. В. 266, 274

Шапшал С. М. 159
Шаумян С. 264
Шема Б., старший лейтенант инфантерии и адъютант 47
Шнеур Н. Я., полковник 71, 72
Шуа ос-Салтане 128
Шоновски-Дешонваис А., полковник 47
Шпейер А. Н. 122
Штольдер, есаул 245, 253
Шумяцкий Б. З. 265, 267
Шустер М. 22, 200, 214
Шюнеман 221

Эдваль, майор 220, 224, 226
Эдуард VII, король 190
Эсад-бей Мохаммад 32
Эскандари-Каджар Манучехр 14

Ялмарсен, начальник шведской жандармерии 209.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Первая и последняя страницы контракта
о найме русских военных инструкторов

Copie

ad N° 15

Le Gouvernement de S. M. le Schah ayant formé le projet de confier l'instruction d'une partie de sa cavalerie à des officiers cosaques russes, les deux partis ont eu de voir conclure un arrangement à cet effet et sont convenus des articles qui suivent.

Article I.

Le Lieutenant Colonel Alexis Pomantsevitch, désigné par les autorités militaires du Caucase, restera pendant trois ans à la disposition du Gouverneur Persan. Il aura à instruire et à exercer les troupes qui lui seront confiées à cet effet par le Ministre Persan de la guerre et il sera tenu au conformer pour ce qui regarde l'instruction, aux règles, règlements et aux statuts actuellement en vigueur pour l'armée Impériale russe.

Article II.

Le Lieutenant Colonel Pomantsevitch sera tenu de faire assister dans l'instruction des susdites troupes par trois officiers cosaques et par cinq sous-officiers au plus, qui seront désignés à cet effet par l'Administration militaire du Caucase. Il assistera ces officiers et sous-officiers désignés, le Lieutenant Colonel

rapport

Article II

Le Lieutenant Colonel Damentov ainsi que les officiers et les sous-officiers dont il fait mention dans le présent arrangement ont tenu représentés à Téhéran dans un délai de deux mois et demie à partir du jour où les frais de voyage stipulés à l'art. IV leur seront payés.

Fait à Téhéran le 4/9 février 1879.

J. Miquel Roussier, chargé de l'Affaire, envoyé

Extraordinaire et ministre Plénipotentiaire de Russ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

БЮДЖЕТ БРИГАДЫ ЗА 1324 Г. (ФЕВРАЛЬ 1906 — ФЕВРАЛЬ 1907 Г.)

- Жалованье полковника — 5520 туманов
старшего есаула (майора) — 2760
младшего есаула (капитана) — 2 человека — 4600
старшины (сержанта) и ветеринара — 6 человек — 3312
Общая сумма жалованья русских офицеров — 16 192
Жалованье иранских офицеров — 36 549
Пенсионеры — 12 276
Жалованье лиц, поступивших в бригаду — 28 489
Жалованье интендантов (2 человека) — 360
Жалованье портного, шорника и сараидара и др., всего 6 человек —
560
Жалованье рядовых — 1500 человек (на человека 22 тумана) — 33 000
Столовые расходы офицеров — 5412
Паск для 1500 рядовых (на одного рядового — 10 шаи) — 27 375
На фураж лошадей русских офицеров (для 21 лошади) — 756
На фураж артиллерийских лошадей (для одной лошади — 50 (?)) —
1800
На фураж лошадей рядовых — 1200 голов — 36 000
На униформу и т. п. на 1500 рядовых (на одного рядового 11 туманов) —
17 475
На топливо и освещение — 1950
Расходы на содержание русской ковальни — 350
Расходы на содержание госпиталя — 800

-
- Расходы ремонтных мастерских для починки ружей и т. п. — 130
Необходимые части, запчасти и т. п. — 860
Расходы на ремонт казачьих казарм — 2000
Экстраординарные расходы — 1120
Расходы на содержание канцелярии бригады — 540
Ковка 1200 лошадей (ковка одной лошади — 12 кран) — 1440
На содержание бракованных лошадей и т. п. — всего 24 головы — 240
Расходы на лечение лошадей — 120
На вышедших из строя лошадей (из расчета 5% — на 1200 голов) —
300
На содержание бракованных и списанных артиллерийских лошадей —
750
Расходы во время прохождения лагерной службы
Расходы на питание офицеров, находящихся в лагере — 600 туманов
Вознаграждение одного старшего офицера — начальника лагеря — 100
Дополнительные расходы состава бригады — 1058
Вознаграждение для рядового состава во время парадного смотра, саляма
и т. п. (на 1500 рядовых — из расчета 1 рядовой — 1 туман) —
1500
Общая сумма расходов бригады — 230 104 тумана¹.

---

¹ Тамаддон, 2 раби ос-сани 1325 г. (15 мая 1907 г.), № 16, с. 1–3.

SUMMARY

The presented research “The Persian Cossack Brigade: 1879–1921” deals with the political-military aspects of creation and development of the regular force organized by the Russian military officers in Iran in 1879. Throughout the nineteenth century, the Qajar dynasty (1797–1925) of Iran undertook several unsuccessful attempts to build a regular army under the guidance and tutelage of professional European military missions. These continuous attempts of military reform reached its peak with the foundation of the Persian Cossack Brigade.

The senior officer from the Russian General Headquarters commanding the Brigade, formally declared “in charge of the training of the Persian cavalry”, was actually given great authority. He was accountable only to Iranian War Minister. But in the middle of 90’s, since the Persian Cossack Brigade turned into the best trained and drilled military detachment in the Iranian army, its status rapidly advanced — the Brigade reported to the Prime Minister and then ultimately to the Shah. Formally, the Brigade was guided by political instructions deriving from the Russian envoy to Tehran, as well as from the command of the Caucasian military district.

Due to the renewal of the Anglo-Russian historical rivalry, which re-emerged in Iran at the very end of the nineteenth century, the Russian leadership took steps for strengthening the Persian Cossack Brigade as a potential lever for political influence and control. So, the Persian Cossack Brigade served Tsarist Russia and the Qajar dynasty dutifully — particularly in maintaining Russian hegemony vis-à-vis the British in the northern part of Iran.

During the Constitutional movement in Iran the Persian Cossack Brigade showed itself as a personal bodyguard of Mohammad Ali Shah (1907–1909) defending him in his struggle against the Constitutionalists. The participation of the Persian Cossack Brigade in the coup d'état of 1908 sharply altered the Iranians' attitude towards the Brigade, transforming its image from a respected military institution into a discredited unit feared and resented by many Iranians.

Since the victory over the absolutist regime in July 1909 the Constitutional government failed in its attempt to dissolve the Persian Cossack Brigade or at least, eliminate the Russian officers from the Brigade. The only change which was "achieved" by the Constitutional government regarding the status of the Brigade was that henceforth the Brigade was directly subordinated to the War Minister. But, in fact, the Brigade remained under full Russian control. Moreover, the Russians succeeded in foundation of new Cossack detachments (*otryads*) besides Tehran, in the principal administrative centers of Northern Iran, carrying out the Russian political agenda in that part of the country.

Having violated Iran's declared neutrality in the World War I (1914–1918) Russia and Britain used its soil to fight against the Central Powers in Iran. As far as the Brigade wasn't able to carry out independent military operations against them, it served as an auxiliary force to the Russian army. Any way, at the end of 1916, without approval from the Iranian authorities, the Russians transformed the Brigade into the Cossack Division.

Following the downfall of Tsarist regime in Russia in February 1917, the Russian Provisional Government that came to the power continued the Tsarist policy along the same lines regarding the Persian Cossack Division. Although Russia was Britain's ally in the war, the re-invigoration of the Cossack Division's role in Iran during the war was regarded as a real threat to British interests in Iran. But the situation changed dramatically in the result of the October coup d'état of 1917 in Russia, when the Bolsheviks relinquished the rights over the Persian Cossack Division and demanded its disbandment.

The new military and political situation in Iran, emerged in the country at the end of 1917 and the beginning of 1918, when the Russian forces were leaving Iran for Russia: gave to Britain a strong incentive to seize the Division. The seizure of the Division was carried out in two stages — respectively in 1918 and 1920 when the Iranian Colonel of the Division Reza Khan (the founder of Pahlavi dynasty) took the leading part in it. Thanks to him the British managed to dismiss the Russian officers from the Cossack Division and take a full control over it.

Under the threat, imposed by the Bolsheviks to the territorial integrity of Iran, and immense impact of their anti-British propaganda, that expected to be intensified after the signing of the Soviet-Iranian agreement, the British planned to counter it by the building of anti-Bolshevik belt along the Soviet-Iranian border. According to the British calculations, the emerged Iranian nationalism in the form of dictatorship could be an effective barrier against the Bolshevik ideology. In February 21, 1921 that is five days before the signing of the abovementioned agreement, by the assistance of detachment of the Persian Cossack Division under the command of Reza Khan the British organized and guided the political coup d'état.

Since Reza Khan became initially a commander of the Persian Cossack Division and a War Minister, he actually carried out the British plan related to the reorganization of the armed forces of Qajar Iran.

Научное издание

Нугзар Константинович Тер-Оганов
Персидская казачья бригада 1879–1921 гг.

Утверждено к печати Институтом востоковедения
Российской академии наук

Редактор *М. С. Баландина*

Корректор *Л. В. Хохлова*

Верстка и внешнее оформление *А. В. Ельцевой*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Подписано в печать 20.03.2012

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 13,75

Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП,
ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361, Озерная, д. 46
(495) 781-86-28, (495) 625-38-13